Var. 693 v / Z,2

12

Библіотека Тюменевыхъ
№ 259 в.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. *П. Г. Виноградова,* проф. *Н. Я. Грота, М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.*

Var. 693 V (2,2

II

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ

СО ВРЕМЕНИ

ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. *П. Г. Виноградова*, проф. *Н. Я. Грота*, *М. И. Коновалова*, *П. Н. Милюкова*, *В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова*.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКИ:

I. **В. Минто.** Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. *С. А. Котляревскаго*, подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго*. XXIV+539. Ц. 2 р.

II. Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Сборникъ статей, перев. подъ редакціей *П. Н. Шамонина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. I. XXVII+451+IV. Ц. 1 р. 75 к.

Тоже. Выпускъ 2-й. XX+502+VI. Ц. 1 р. 75 к.

IV. **И. Ремсенъ.** Введеніе къ изученію органической химіи. Переводъ *Н. С. Дрентельна*, подъ ред. *М. И. Коновалова*. XXIV+479. Ц. 1 р. 75 к.

V. **Шёнбергъ.** Положеніе труда въ промышленности. Перев. *Михаила Соболева*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*. XII+391+VI. Ц. 1 р. 60 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

I. **В. Минто.** Дедуктивная и индуктивная логика. 2-е изд.

III. Римская исторія. 2 выпуска.

VI. **Кукъ.** Новая химія. Переводъ *А. В. Алехина*, подъ редакціей *М. И. Коновалова*.

VII. **Б. Н. Чичеринъ.** Политическіе мыслители древняго и новаго міра. 2 выпуска.

VIII. **А. Бэнъ.** Психологія. 2 выпуска. Переводъ *В. Н. Ивановскаго*.

IX. **М. Ферворнъ.** Общая физіологія. 2 выпуска. Переводъ *Н. А. Иванцова* и проф. *М. А. Мензбира*.

X. **Регельсбергеръ.** Очерки по общему ученію о правѣ. Переводъ *И. А. Базанова*, подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова*.

XI. **Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ.** Физіологія органовъ чувствъ.

XII. **Лексисъ.** Экономія торговли. Переводъ *Е. Е. Богданова*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*.

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожева*. 2 выпуска.

XIV. **Лоренцъ.** Элементы высшей математики. Основы аналитической геометріи дифференціальнаго и интегральнаго счисленія и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ голландскаго съ дополненіями и измѣненіями *В. П. Шереметевскаго*.

797/78/6115

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ

СО ВРЕМЕНИ

ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. Н. ШАМОНИНА и Д. М. ПЕТРУШЕВСКАГО

ГПНТБ СО АН СССР
Библиотека
А. И. Тюмене
1967
№ 259 в
9(38)/51.

ВЫПУСКЪ 2-й

МОСКВА
Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина
1896

12
в. о.

Var. 693 V (2,2

ГПИ Б СО АН СССР
Институт истории
АН СССР
НАУЧНЫЙ КАБИНЕТ

13487
63

2,2.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

138 G

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отдѣлъ греческой исторіи, которому посвященъ настоящій выпускъ, такъ называемая *эпоха эллинизма*, обыкновенно излагается въ учебникахъ очень кратко подъ именемъ эпохи упадка. И дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ здѣсь многихъ блестящихъ явленій, прославившихъ предыдущій періодъ процвѣтанія городскихъ республикъ. Но взамѣнъ того мы находимъ тутъ въ сферѣ матеріальной и духовной культуры много такихъ явленій, которыя, сравнительно съ V или IV вѣками, представляются несомнѣннымъ шагомъ впередъ. Извѣстный успѣхъ замѣтенъ здѣсь даже въ сферѣ политической: это — преобразованіе и усиленіе союзовъ ахейскаго и этолійскаго. Далѣе, въ это же время вырабатываются многія изъ тѣхъ образовательныхъ началъ, которыя впослѣдствіи оказали вліяніе на Римъ, а затѣмъ, при посредствѣ его, были положены въ основу культуры новыхъ народовъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть, что многими своими сторонами разсматриваемая эпоха представляетъ поразительныя аналогіи съ современною жизнью, такъ что внимательное изученіе ихъ можетъ способствовать болѣе осмысленному отношенію къ явленіямъ современности. По этимъ причинамъ составители настоящаго сборника и считали себя въ правѣ отвести столько

мѣста внутренней исторіи эпохи эллинизма, постоянно указывая тѣ черты ея, какими она отличалась отъ предшествующаго періода или повліяла на послѣдующее время.

Двѣ трети статей предлагаемаго выпуска представляютъ собою переводъ или близкій къ нему пересказъ соотвѣтствующихъ главъ книги *Магаффи*: «Греческая жизнь и мысль съ эпохи Александра до римскаго завоеванія». Выборъ сочиненія Магаффи обусловливался тѣмъ, что на ряду съ научностью содержанія книга эта отличается общедоступнымъ и живымъ изложеніемъ, что̀ дѣлаетъ ее особенно пригодною для цѣлей «Библіотеки для самообразованія». Наиболѣе интересными представляются въ книгѣ Магаффи отдѣлы, посвященные культурной исторіи, гдѣ авторъ постоянно останавливается на отличіяхъ данной эпохи отъ предшествующей. Главы собственно о литературѣ изложены слишкомъ подробно, чтобы ими можно было прямо воспользоваться. Поэтому онѣ замѣнены общей характеристикой литературы періода, взятой изъ I тома сочиненія *Суземиля:* «Исторія греческой литературы въ александрійскую эпоху». Статья о «новой комедіи» взята изъ IV тома «Греческой исторіи» *Гольма,* гдѣ рѣзче, чѣмъ у Магаффи, сказывается отрицательное отношеніе къ пренебрежительному взгляду Дройзена на аѳинянъ IV—III вв. Наконецъ, что̀ касается политической исторіи Эллады во вторую половину III вѣка, гдѣ особенный интересъ представляютъ вопросы объ усиленіи и устройствѣ ахейскаго союза, съ одной стороны, объ упадкѣ Спарты и реформахъ Агиса и Клеомена—съ другой, то у Магаффи исторія эта изложена слишкомъ кратко.

Поэтому составители прибѣгли тутъ къ извлеченіямъ изъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги *В. Г. Васильевскаго*: «Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи».

Двѣ первыя статьи новаго выпуска, составляющія непосредственное продолженіе предыдущаго и взятыя изъ «Исторіи эллинизма» *Дройзена*, посвящены общему обзору результатовъ македонскаго завоеванія. Въ статьѣ о новыхъ городахъ разсматриваются тѣ пути, какими западное вліяніе проникало на Востокъ; во второй статьѣ указаны перемѣны, происшедшія въ сферѣ матеріальной и духовной культуры подъ вліяніемъ сближенія Запада и Востока.

Во введеніи къ IV отдѣлу, посвященному эпохѣ діадоховъ, читатель найдетъ общую характеристику этого бурнаго періода и его главныхъ дѣятелей. Въ виду той важной роли, какую въ это время играли отдѣльныя личности, характеристикѣ ихъ посвящены двѣ слѣдующія статьи (I и II); изложенныя въ нихъ данныя помогутъ читателю составить себѣ понятіе о нѣкоторыхъ общихъ явленіяхъ эпохи,—напримѣръ, о вліяніи греческой культуры на македонянъ, объ отличіи старшаго поколѣнія діадоховъ отъ младшаго. Въ статьѣ III изображаются политическія отношенія внутри городскихъ общинъ: сначала идетъ рѣчь объ упадкѣ Аѳинъ, затѣмъ о расцвѣтѣ Родоса. Въ обоихъ случаяхъ сужденія автора страдаютъ нѣкоторыми преувеличеніями, что̀ объясняется какъ излишнимъ довѣріемъ къ одностороннимъ показаніямъ источниковъ, такъ и политическими симпатіями Магаффи: аѳинскую демократію онъ слишкомъ унижаетъ, торговую аристократію Родоса—превозноситъ. То же слѣдуетъ замѣ-

тить и о концѣ статьи IV, гдѣ рѣчь идетъ о тогдашней демократіи вообще; самъ же авторъ указываетъ тутъ важную причину политическаго упадка городовъ, именно—безучастіе къ общественнымъ дѣламъ высшихъ классовъ. Въ началѣ указанной статьи заслуживаютъ особаго вниманія замѣчанія объ успѣхахъ эпохи въ области матеріальной и духовной культуры вообще.

Двумъ интереснѣйшимъ продуктамъ тогдашней духовной культуры — новой комедіи и системамъ Зенона и Эпикура—посвящены двѣ послѣднія (V и VI) статьи отдѣла. Въ первой особенно важны указанія на роль Аѳинъ въ духовной жизни эпохи, обсужденіе вопроса о нравственномъ уровнѣ тогдашнихъ аѳинянъ (ср. указанныя выше замѣчанія Магаффи) и характеристика особенностей и значенія новой комедіи. Въ статьѣ о философскихъ школахъ интересны указанія на связь ихъ съ условіями современности и замѣчаніе, что вѣкъ діадоховъ былъ временемъ не упадка, а расцвѣта въ исторіи практической философіи у грековъ.

V отдѣлъ посвященъ описанію подготовленнаго эпохою діадоховъ расцвѣта эллинизма при эпигонахъ. Въ статьѣ I эллинистическій міръ охарактеризованъ какъ единое цѣлое, указано на сходство его съ современною Европою и на противоположность дикимъ галатамъ. Слѣдующія двѣ статьи (II и III) посвящены главному культурному и политическому центру эпохи—Александріи. Кромѣ описанія собственно столицы и ея населенія (о немъ см. еще начало ст. IV), читатель найдетъ здѣсь еще характеристику политики двухъ первыхъ Птоломеевъ и созданныхъ ими научныхъ учрежденій. Общая ха-

рактеристика такъ называемой александрійской поэзіи дана въ ст. V, гдѣ указаны и тѣ стороны ея, которыя оказали вліяніе на позднѣйшую литературу. Въ концѣ статьи III охарактеризована вкратцѣ, въ виду скудости источниковъ, политика селевкидовъ и антигонидовъ. Статьи VI и VII отведены прочимъ крупнымъ центрамъ эллинистической культуры на Востокѣ. Въ первой изъ нихъ идетъ рѣчь о Пергамѣ съ его скульптурой и краснорѣчіемъ, столь важными для пониманія общаго характера эпохи; во второй сообщаются не менѣе характерныя данныя касательно торговли, искусства и международнаго положенія Родоса; въ послѣднемъ отношеніи особенно интересны замѣчанія о посредничествѣ Родоса въ распряхъ эпохи и о вліяніи коммерческихъ интересовъ на войну за свободу проливовъ. Далѣе статья IV покажетъ читателю, что обращеніе особеннаго вниманія на восточные центры культуры объясняется упадкомъ большинства прежнихъ средоточій ея въ Элладѣ и на Западѣ и перемѣщеніемъ центра тяжести греческой жизни снова на Востокъ. Въ концѣ статей IV и VI особенно интересны замѣчанія автора о распространеніи и значеніи городской жизни въ III в. Далѣе идетъ рядъ статей, посвященныхъ быту и исторіи старой Эллады. Ихъ изученіе всего удобнѣе начинать со ст. XI, гдѣ авторъ даетъ общую характеристику политическаго положенія Эллады въ III в., ея «благомыслящихъ» тиранновъ (о нихъ см. еще конецъ ст. III) и союзовъ. Драматическую исторію усиленія ахейскаго союза подъ руководствомъ Арата и столкновенія его съ преобразованной усиліями Агиса и Клеомена Спартою читатель найдетъ въ обширной ст. IX. Особен-

наго вниманія здѣсь заслуживаютъ: вопросъ о вліяніи философскихъ теорій на современную политику; судьбы Сикіона, Мантинеи и Мегалополя, какъ образцы переворотовъ, постигавшихъ тогда города Эллады; типичные отказы отъ тираннін; сравненіе политики и пріемовъ Арата, Агиса и Клеомена; отношеніе массы населенія къ реформамъ въ Спартѣ; особенности международныхъ отношеній эпохи. Въ ст. VIII представлено объясненіе причинъ соціальнаго упадка Спарты съ точки зрѣнія древняго моралиста и новаго изслѣдователя; интересно тутъ и то, что при ближайшемъ разсмотрѣніи указываемыя Плутархомъ причины переворота оказываются простыми симптомами болѣзни, результатами дѣйствія глубокихъ и постоянныхъ силъ. Ст. XI излагаетъ устройство ахейскаго союза—-отношеніе частей къ цѣлому, организацію сейма и союзныхъ должностей; по важному вопросу о подачѣ голосовъ на сеймѣ (ср. стр. 401 и *Пельмана* «Кр. оч. греч. ист.». стр. 104). Какъ на Спартѣ всего рѣзче сказываются особенности соціальнаго строя Эллады въ III в., какъ устройство ахейскаго союза характерно для ея политическаго быта, такъ для изученія культурныхъ отношеній необходимо обращаться опять-таки къ Аѳинамъ. Имъ и посвящена главнымъ образомъ статья XII, трактующая о тѣхъ перемѣнахъ, какія обнаруживаются во второй половинѣ III вѣка въ области философской теоріи, воспитанія юношества и искусства.

Двѣ статьи VI отдѣла описываютъ упадокъ великихъ державъ и Эллады передъ подчиненіемъ ихъ Риму. Какъ характерныя черты положенія первыхъ здѣсь (ст. I) указаны дворцовые перевороты, упа-

докъ патріотизма и гуманности, коварство дипломатіи, ухудшеніе военныхъ обычаевъ. Въ послѣдней статьѣ выпуска приведенъ изъ Полибія рядъ фактовъ, характеризующихъ общественныя и международныя отношенія Эллады къ половинѣ II вѣка. (См. особенно общіе выводы на стр. 497—501).

Въ виду того, что, какъ было уже сказано, въ учебникахъ на исторію эллинизма обыкновенно мало обращаютъ вниманія, читатель хорошо сдѣлаетъ, если для ознакомленія съ внѣшнимъ ходомъ ея обратится къ указанной книжкѣ Пельмана. Изъ источниковъ особенно доступными и интересными представляются нерѣдко упоминаемыя въ текстѣ книги біографіи Плутарха, переведенныя и на русскій языкъ. Чтеніе ихъ параллельно съ соотвѣтствующими отдѣлами книги можетъ быть очень интересно по сообщаемымъ ими живописнымъ подробностямъ. Не слѣдуетъ только при этомъ упускать изъ виду, что Плутархъ больше біографъ, чѣмъ историкъ; что его интересуютъ больше частности, чѣмъ общія явленія, больше личности, чѣмъ событія; что главная цѣль его не столько объясненіе явленій, сколько оцѣнка личностей съ точки зрѣнія моралиста; къ тому же онъ довольно неразборчиво пользуется своими разнохарактерными источниками. Поэтому его общія сужденія часто оказываются ошибочными, частные приговоры—пристрастными, а сообщенія—недостовѣрными. Изъ біографій его только отчасти относятся къ эпохѣ эллинизма жизнеописанія Александра, Демосѳена и Фокіона; для времени діадоховъ важны Эвменъ, Димитрій и Пирръ, для второй половины III вѣка — Аратъ, Агисъ и Клеоменъ, для римскаго періода—Филопе-

менъ и Фламининъ. Менѣе доступнымъ, по дороговизнѣ, объему и сухости изложенія, но зато и болѣе серьезнымъ источникомъ служитъ для времени эпигоновъ и упадка эллинизма исторія Полибія (русскій переводъ г. Мищенко); отдѣльные отрывки ея въ значительномъ числѣ приведены въ текстѣ книги. Какъ и въ первомъ выпускѣ, въ концѣ настоящаго помѣщенъ указатель важнѣйшихъ терминовъ съ краткими при нихъ поясненіями.

Помимо своего ближайшаго назначенія—содѣйствовать усвоенію выработанной «Комиссіею по организаціи домашняго чтенія» программы по греческой исторіи, настоящій выпускъ, можно надѣяться, окажется не безполезнымъ и для цѣлей историческаго преподаванія вообще, содѣйствуя, хотя бы въ нѣкоторой степени, пробужденію интереса къ знаменательной эпохѣ исторіи, называемой обыкновенно періодомъ упадка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Цифры обозначаютъ страницы.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

(Продолженіе).

Результаты македонскаго завоеванія.

I. **Характеръ и значеніе новыхъ городовъ** (*Дройзенъ*. Исторія эллинизма, т. III). Греческія колоніи на Востокѣ—1. Поселенія варваровъ и грековъ—2. Мотивы основанія колоній—2, ихъ населеніе и устройство—3—4, вліяніе—5, значеніе мѣстныхъ отличій—6.

II. **Востокъ и Западъ послѣ Александра Вел.** (*Дройзенъ*, Ист. эллин., т. I). Умноженіе драгоцѣнныхъ металловъ и его слѣдствія—7, повинности и расходы казны—8, усиленіе сношеній и пути сообщенія—10; *сліяніе національностей*—12, его отраженіе въ искусствѣ—12, поэзіи—13, наукѣ—14, общемъ образованіи—16; его вліяніе на народы Азіи—17, на македонянъ и грековъ—18, на религію—19—21.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Эпоха діадоховъ.

Введеніе (*Holm*, Griechische Geschichte, IV Bd.). Общій характеръ эпохи—22—и главныхъ ея дѣятелей—23—25.

I. **Главные дѣятели времени діадоховъ** (*Mahaffy*, Greek life

and thought): Эвменъ — 26 — 28; Антипатръ македонскій—28—30; Антигонъ фригійскій—30—32; Птоломей египетскій—32; Лизимахъ фракійскій—33; Селевкъ вавилонскій—34—39.

II. **Младшее поколѣніе діадоховъ и современныя имъ царицы** (*Mahaffy*, Greek life and thought): общая характеристика—40; Пирръ, царь эпирскій—41—46; Димитрій Поліоркетъ—46—51; Касандръ македонскій—51—57; принятіе діадохами царскаго титула—57; царица Олимпіада—58 – 60; Клеопатра, дочь Филиппа—61—63; Кинана и Эвридика — 64 — 65; взглядъ на бракъ—66; Фила, жена Димитрія—66—67.

III. **Внутренняя политика времени войнъ между діадохами** (*Mahaffy*, Greek life and thought): скудость источниковъ — 68—70; Аѳины, борьба между богатыми и бѣдными, партія мира и партія войны—71—72; свидѣтельство Діодора—72—74; македонскій гарнизонъ въ Аѳинахъ—74—75; рескриптъ Александра греческимъ изгнанникамъ — 75—76; реформа Антипатра—77; Касандръ—78; прокламація Полисперхона, возвращеніе грекамъ свободы и независимости—78—80; обращеніе аѳинянъ къ Касандру — 80; разсказъ Плутарха объ освобожденіи Аѳинъ Полисперхономъ — 81 — 85; вторичное освобожденіе Аѳинъ Димитріемъ и разсказъ объ этомъ Плутарха—86—90; судьба другихъ городовъ Греціи—91; азіатскіе города—92; островные города, политика нейтралитета—92—93; возвышеніе Родоса—93—96; осада Родоса—96—100.

IV. **Отношеніе искусства и литературы къ соціальной жизни этого времени** (*Mahaffy*, Greek life and thought): уничтоженіе обособленности греческихъ городовъ, единство эллинистическаго міра—103 – 105; вліяніе восточной роскоши— 105 -106; развитіе скульптуры - 107—108; распространенность художественныхъ произведеній—108; развитіе живописи—109; широкій выборъ сюжетовъ, портреты и статуи замѣчательныхъ людей, аллегоріи—110—112; особенности искусства того времени, увѣренность художниковъ въ безупречности своей техники и стремленіе къ эффекту – 113—114. Низшіе классы, автономія, какъ средство къ обогащенію бѣдныхъ гра-

жданъ, эксплуатація иностранныхъ государей—115—116; роковая многорѣчивость—117; апатія лучшихъ классовъ, эмиграція, отсутствіе духа общественности, пониженіе умственнаго уровня—118; греческіе города, составляющіе исключеніе (Мегалополь, Сикіонъ)—119; удаленіе серьезныхъ людей въ школы въ Аѳинахъ—120.

V. **Новая комедія и современныя Аѳины** (*Holm*, Griech. Gesch. IV Bd.). Новая комедія—122; нравы эпохи—123; сравненіе новой комедіи съ древнею—125; ея особенности и родоначальники—127; роль Аѳинъ—128.

VI. **Серьезная сторона греческой общественной жизни.—Религія того времени.** (*Mahaffy*, Greek life and thought): высокое общественное положеніе греческаго философа—130—131; попытки преслѣдованія философовъ—132—133; полная свобода мнѣній въ Аѳинахъ въ эпоху Зенона и Эпикура—134; измѣненіе состава слушателей, школы какъ убѣжище отъ окружающихъ золъ—135—136; Зенонъ и Эпикуръ, сходство ихъ нравственныхъ системъ, отношеніе къ предшественникамъ—136—139; философская система Зенона—139—141; тираны-стоики—141; притягательная сила стоической системы для современниковъ—142; теорія Эпикура—143; популярность этихъ ученій во всѣхъ городахъ Греціи—145; исторія основанія философскихъ школъ—146—151.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Расцвѣтъ эллинизма въ эпоху эпигоновъ.

I. **Золотой вѣкъ эллинизма** (*Mahaffy*, Greek life and thought): отношенія государствъ эллинистическаго міра—152—153; государства, входившія въ составъ эллинистическаго міра, и роль каждаго изъ нихъ—153—155; нашествіе кельтовъ (галатовъ), подъемъ духа, расцвѣтъ въ искусствѣ—157—159; отсутствіе слѣдовъ этого подъема въ литературѣ—160—161.

II. **Александрія и ея соперники** (*Mahaffy*, Greek life and thought): роль Александра—162—163; политика Птоломея Со

тера—163—165; географическое положеніе Александріи—166—167; торговые инстинкты греческихъ и еврейскихъ поселенцевъ—167; некрасивое мѣстоположеніе—168—169; слабость египетскаго элемента—170—172; государственный строй—173; населеніе 174—175; языкъ александрійцевъ—176—177; эллинизирующее вліяніе войска, исчезновеніе древней касты воиновъ—177; каста жрецовъ, политика лагидовъ въ отношеніи къ ней. Религія—178—181; финансы Египта—181—182; первенствующее положеніе Египта въ восточномъ мірѣ—182; личность перваго Птоломея—183—184; александрійскій музей—185—188; библіотека—188—189; великолѣпіе города—190.

III. **Александрія при Филадельфѣ, Антіохія и т. д.** (*Mahaffy*, Greek life and thought): Филадельфъ, александрійскій періодъ греческой литературы—192—193; праздникъ по случаю вступленія на престолъ Филадельфа—194—197; разводъ и вторая женитьба Филадельфа—197; внѣшняя политика—198—200; личность Филадельфа—200—201; царство Сирійское—202—206; Македонія и Греція—206—211.

IV. **Городская жизнь въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. и ея вліяніе на современную ей цивилизацію** (*Mahaffy*, Greek life and thought): Александрія—212—213; упадокъ древнихъ городовъ—214; исключенія: Аѳины—215, Спарта—216—220, Тарентъ и Сиракузы—220—222; азіатскіе города—222; вновь отстроенные древніе города (Новый Сикіонъ и др.)—223—227; вновь основанные города, развитіе городской жизни—227—231.

V. **Александрійская поэзія** (*Susemihl*, Geschichte d. griechischen Litteratur in d. Alexandrinerzeit, I. Bd.): ея характеръ—232; формы—233; въ частности элегія, ея матеріалы, мотивы, ихъ обработка—234—235; вліяніе—235—236.

VI. **Пергамъ и его положеніе въ эллинистическомъ мірѣ** (*Mahaffy*, Greek life and thought): Филетеръ, преемникъ Лизимаха—238; Эвменъ I—239—241; Атталъ I—241—243; пергамская скульптура—243—244; типъ галла—244—245; краснорѣчіе, школа Гегезія—246—249; опредѣленіе эллинизма, превращеніе сельскихъ жителей въ горо-

жанъ — 249 — 250; Өеокритъ — 250 — 251; Діонъ Хрисостомъ—251—252; итоги—253.

VII. **Торговыя отношенія эллинистическаго міра.—Союзы и федераціи.—Международный третейскій судъ.—Общественный кредитъ** (*Mahaffy*, Greek life and thought): Родосъ, внѣшняя политика, родосскій союзъ, торговля—255—258; искусство, скульптура (колоссъ и др.)—258—263; живопись—263—265; ораторское искусство — 265; международный третейскій судъ—266; землетрясеніе, пожертвованія со всѣхъ концовъ эллинистическаго міра—267—270; цѣли пожертвованій, значеніе родосскаго флота, Родосъ какъ центральный банкъ, посредническая роль Родоса — 270 — 272; международныя отношенія эллинистическаго міра, война за виөинское наслѣдство—273—274; Византія, общее состояніе—275—280; воззваніе къ грекамъ, неудача — 280; пошлины на товары, вывозимые изъ Чернаго моря, вмѣшательство родосцевъ — 281; война, характерный для вѣка ходъ войны—281—283; условія мира—284.

VIII. **Упадокъ Спарты къ половинѣ III вѣка** (*Васильевскій*, Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи). Неподвижность спартанскаго строя—285; какъ объясняли древніе его разложеніе?—186; недѣлимость земельныхъ участковъ—288; вымираніе спартіатовъ—290, пролетаріатъ и олигархія — 294; положеніе женщинъ—298; періэки—300; господство олигархіи—303; царская власть—305.

IX. **Спарта и ахейскій союзъ во времена Арата и Клеомена** (*Васильевскій*, назв. соч.). Освобожденіе Мегалополя — 307; положеніе Сикіона — 308; молодость Арата — 309; освобожденіе Сикіона—311; затрудненія внѣшнія и внутреннія—315; ихъ устраненіе—317; освобожденіе Коринөа—319; положеніе союза—323. Воспитаніе и планы Агиса—325; его сторонники и противники—326; проведеніе реформы—328, Агисъ и Аратъ—332; реакція въ Спартѣ — 333; гибель Агиса — 335; причины неудачи — 337. Покушенія Арата на Аөины и Аргосъ—339; присоединеніе Мегалополя и Лидіадъ—344; освобожденіе Аөинъ — 346; присоединеніе Аргоса и т. д. — 347; положеніе союза—348. Воспитаніе и планы Клеомена—349; война

съ ахейцами—351; смерть Архидама—353; пораженіе ахейцевъ—355; планъ Клеомена—356; переворотъ въ Спартѣ — 358; обращеніе Арата къ Македоніи — 361; переговоры съ Клеоменомъ—364; возобновленіе войны—367; походъ Антигона — 369; отпаденіе Аргоса — 370; отношенія къ Египту—372; Антигонъ и ахейцы—373; судьба Мантинеи и Мегалополя—374; пораженіе и удаленіе Клеомена—377—379.

X. **Политическія понятія эпохи** (*Mahaffy*, назв. соч.). Положеніе Греціи—380; политическіе рессурсы—381; тираннія—382, союзы—384; союзъ этолійскій—385 и ахейскій—387; Аратъ и Клеоменъ—388.

XI. **Устройство ахейскаго союза** (*Васильевскій*, назв. соч.). Самостоятельность частей —390; единство цѣлаго — 392; союзныя учрежденія: сеймъ—его составъ—395 и характеръ—398; подача голосовъ—399; созваніе сейма—401; коллегія деміурговъ—403; стратегъ и деміурги—405—407.

XII. **Внутренняя жизнь эпохи** (*Mahaffy*, назв, соч.). Философія—основы—408; темы—409; отношенія разныхъ школъ—410. Воспитаніе—413; старая эфебія—414; ея измѣненіе—416; распространеніе —418; организація —419; характеръ воспитанія—421. Искусство—театры—422; корпораціи артистовъ — 423; живопись—427; взглядъ на музыку - 429—433.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Упадокъ эллинизма.

I. **Великія державы въ концѣ III вѣка.** (*Mahaffy*. назв. соч.). Дворы великихъ державъ—439: египетскій—485, сирійскій—437; упадокъ гуманности—434; воспитаніе Филиппа V—441; характеръ дипломатіи—442; упадокъ патріотизма —443; переговоры и приготовленія къ войнѣ —445; вѣроломство критянъ—448; отзывъ Полибія—455; ухудшеніе обычаевъ войны — 456; дворъ Филиппа—458; Филиппъ и Римъ—460; александрійскій дворъ и чернь—461—472.

II. Грецiя эпохи Полибiя (*Mahaffy*, назв. соч.). Опустѣнiе Грецiи и его причины — 473 — 475; характеристика нравовъ: пытка—476; самоубiйство—477; понятiя о трусости и героизмѣ—479—84; вандализмъ —485; утонченность нравовъ подъ влiянiемъ: философскихъ ученiй, придворнаго этикета —486; дипломатiи - 487 - 497. Общiе выводы. Утонченность частной жизни и нравовъ - 498; упадокъ литературнаго вкуса и литературы 499; образовательное значенiе путешествiй—501.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

(продолженіе).

РЕЗУЛЬТАТЫ МАКЕДОНСКАГО ЗАВОЕВАНІЯ.

I. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ НОВЫХЪ ГОРОДОВЪ *).

(*Дройзенъ,* Исторія эллинизма, т. III).

Какими путями эллинское и македонское вліяніе успѣло проникнуть на Востокъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что самымъ важнымъ проводникомъ этого вліянія слѣдуетъ признать города, основанные Александромъ и его преемниками. Эти колоніи возникаютъ въ изумительномъ количествѣ и доходятъ до самаго отдаленнаго востока. Одинъ Александръ по достовѣрнымъ, непреувеличеннымъ показаніямъ основалъ болѣе семидесяти городовъ. Только относительно немногихъ изъ нихъ упоминается, какимъ образомъ Александръ населялъ ихъ. О городахъ, основанныхъ его преемниками, извѣстія еще скуднѣе. Въ общемъ наши свѣдѣнія объ этихъ колоніяхъ сводятся къ слѣдующему.

*) Эта статья и слѣдующая составляютъ непосредственное продолженіе послѣднихъ статей перваго выпуска «Исторіи Греціи».

Особенность варварскаго быта состояла въ отсутствіи городскихъ общинъ; у варваровъ нѣтъ городовъ, а только селенія. Какъ бы обширны ни были эти селенія, какими бы крѣпкими стѣнами они ни обводились, какъ бы ни процвѣтали въ нихъ промышленность и торговля, но они лишены политической организаціи; всѣ эти селенія представляли собою либо скучившіяся вокругъ храмовъ поселенія, либо обширные рынки,—вообще все, что угодно, но только не города въ томъ смыслѣ, какъ понимали ихъ греки. Отличительною чертою греческаго быта, напротивъ того, служитъ городъ, *политія.* Въ этой формѣ въ теченіе четырехъ и болѣе вѣковъ совершалось чрезвычайно богатое развитіе греческой жизни: каждая изъ колоній была новымъ городскимъ организмомъ, исходною точкою новыхъ общинъ, столь же способныхъ къ дальнѣйшему размноженію. Этою же формою и Александръ воспользовался для осуществленія своихъ плановъ. Любопытно, что Аристотель озаглавилъ одинъ изъ своихъ трактатовъ прямо такъ: «Александръ или о колоніяхъ».

Основывая города, Александръ не руководился ни исключительно, ни даже преимущественно военными цѣлями; напротивъ, онъ, какъ оказывается, постоянно имѣлъ въ виду новыми рынками указать на новые пути для торговыхъ сношеній, создать среди политически неразвитыхъ племенъ средоточія твердой осѣдлости. Діадохи и эпигоны продолжали это дѣло болѣе или менѣе въ его духѣ. Основаніемъ городовъ и положена была прочная основа для эллинизаціи Востока.

Новые города примыкали обыкновенно къ существовавшимъ уже поселеніямъ; зачастую сосѣднія

селенія присоединялись къ новому городу. О характерѣ городского землевладѣнія не имѣется точныхъ свѣдѣній; судя по Магнесіи, можно предполагать, что новымъ гражданамъ отводились земельные участки, избавленные отъ десятины. Александръ преимущественно разселялъ ветерановъ,—какъ македонянъ, такъ и грековъ. Ими, однако, отнюдь не ограничивался составъ новыхъ жителей; помимо нихъ привлекались въ особенности мѣстные уроженцы края. И чужеземцамъ—не эллинамъ—навѣрное также открытъ былъ доступъ; такъ, между прочимъ, и при Александрѣ, и послѣ него вездѣ принимались евреи. Нѣкоторыя поселенія отмѣчались, правда, названіемъ македонскихъ, ахейскихъ и пр.; но вообще преобладало пестрое смѣшеніе эллино-македонской народности съ туземною.

Судя по многимъ примѣрамъ, въ такихъ городахъ вводится затѣмъ политія по эллинскому образцу. При этомъ упоминается «совѣтъ и народъ»; они разбираютъ и рѣшаютъ дѣла въ такомъ же порядкѣ, какой заведенъ былъ въ демократическихъ греческихъ городахъ. Впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ, часто упоминается совѣтъ двухсотъ.

Трудно рѣшить, въ какомъ отношеніи стояли туземцы къ городскимъ общинамъ. Были ли они равноправными гражданами? или метеками? или составляли въ качествѣ обывателей особый классъ населенія, отдѣльно отъ гражданъ? Эти отношенія, какъ кажется, не вездѣ были одинаковы. Судя по замысламъ Александра, можно, пожалуй, предположить, что онъ имѣлъ въ виду принимать туземцевъ на равныхъ правахъ, съ условіемъ, конечно, чтобы они усвоили себѣ языкъ и обычаи гражданъ; такимъ лишь пу-

темъ сліяніе могло совершиться вполнѣ. Для колоній селевкидовъ типичнымъ примѣромъ служитъ Селевкія на Тигрѣ: тамъ жило много македонянъ, очень много грековъ, но въ число гражданъ было принято также немало сирійцевъ; во главѣ города стояли триста дигановъ: это названіе не сирійскаго, а персидскаго происхожденія. Въ египетской Александріи сложились совсѣмъ иныя условія; тамъ, за исключеніемъ расположенныхъ по казармамъ войскъ, населеніе состояло изъ александрійцевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. изъ смѣси самыхъ разнородныхъ эллинскихъ переселенцевъ, раздѣленныхъ на филы и демы, и изъ туземнаго египетскаго племени. Такъ какъ кастовая система въ качествѣ гражданскаго учрежденія все еще признавалась, то египтянамъ нельзя было давать правъ эллинскаго гражданства. Въ Египтѣ, впрочемъ, съ самаго начала разобщеніе грековъ съ не греками вовсе не было сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ краѣ; доказательствомъ этого служитъ принятіе евреевъ въ число эллинскихъ гражданъ. Александрія представляетъ зато иныя поучительныя особенности: тамъ при демѣ не было никакого совѣта; не демъ совѣщался о нуждахъ города, а во главѣ его находился эксегетъ, который, такъ же какъ верховный судья, былъ царскимъ сановникомъ. Весьма, однако, сомнительно, чтобы такое учрежденіе существовало въ городѣ съ самаго начала.

Понятно, что въ новыхъ городахъ офиціальнымъ и дѣловымъ языкомъ былъ греческій; если притомъ принимались спеціальныя административныя мѣры, какъ это было въ Египтѣ, то туземное нарѣчіе обыкновенно понемногу вымирало въ городахъ, и—по

крайней мѣрѣ въ сильно колонизованныхъ областяхъ—сохранялось только среди сельскаго населенія. Такъ было въ странахъ до Тигра; далѣе же къ востоку колоніи вообще скучивались только въ немногихъ мѣстностяхъ.

Хотя во всѣхъ новыхъ городахъ, особенно въ царствѣ селевкидовъ, важную роль играло гражданское ополченіе, однако въ греческомъ населеніи все-таки преобладалъ промышленный и торговый характеръ. Въ странахъ въ родѣ Месопотаміи или Сиріи вмѣсто прежняго скитальческаго, отчасти кочевого быта возникла богатая городская жизнь; вслѣдствіе густого скопленія жителей въ равной мѣрѣ усилились какъ разнообразіе потребностей, такъ и средства удовлетворить имъ. Благодаря ускоренію торговаго обмѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайному увеличенію со временъ Александра количества звонкой монеты одного чекана, во всемъ неизмѣримомъ его царствѣ благосостояніе вообще возросло, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и интересъ къ новому складу жизни.

По всему этому можно уже судить о томъ, какой крутой переворотъ произведенъ былъ вновь основанными эллинистическими городами и какъ рѣзко преобразовалась вслѣдствіе этого вся атмосфера восточной жизни. Въ городахъ сами собою слились эллинскія и туземныя божества, празднества, церемоніи; отличительныя свойства тѣхъ и другихъ постепенно исчезли. Повсюду возникли особаго рода миѳы, привязывавшіе новую эпоху къ древнему строю эллинскихъ сказаній. Вездѣ дѣлались попытки изъ извѣстныхъ историческихъ намековъ вывесть стародавнія взаимныя связи. Самъ эллинизмъ въ свою очередь приспособлялся къ разнымъ мѣстностямъ;

смотря по составнымъ частямъ смѣшаннаго населенія, онъ принималъ различные оттѣнки и въ языкѣ, и въ религіи, и въ нравахъ. Государство также не въ силахъ уже было уклониться отъ этихъ вліяній; чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе обнаруживались туземныя вліянія въ области эллинизма. Самая способность отрѣшаться отъ мѣстныхъ и національныхъ вліяній, эта духовная свобода и всесторонность, составлявшая нѣкогда высшее достояніе грековъ, какъ бы исчезла, и исконныя національныя языческія свойства сказались вновь, но только въ еще высшей степени. Мы увидимъ, что эта замѣчательная реакція, проявляясь въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, опредѣлила все развитіе наступившей эпохи, составляла даже самую суть исторіи эллинизма.

Нельзя не признать, что такой результатъ былъ неминуемымъ слѣдствіемъ тѣхъ пріемовъ, какими Александръ пытался утвердить свои завоеванія, единство своей державы. Начавшееся по его смерти распаденіе государства въ сущности было обусловлено именно невозможностью при такихъ разнородныхъ составныхъ элементахъ добиться однообразнаго новаго строя; распри полководцевъ и ихъ борьба изъ-за обладанія цѣлымъ царствомъ послужили только внѣшнимъ поводомъ къ обнаруженію тѣхъ различій, какія и проявились прежде всего въ противоположности царствъ селевкидовъ и лагидовъ.

II. ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ ПОСЛѢ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

(*Дройзенъ*, Исторія эллинизма, т. I.)

Однимъ изъ сильнѣйшихъ ферментовъ слагавшейся заново жизни должно было быть громадное количество благороднаго металла, попавшее въ руки Александра вслѣдствіе завоеванія Азіи. Передъ пелопоннесскою войной Аѳины, имѣвшія въ Акрополѣ кромѣ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ 4000 талантовъ серебряной монеты, были первой капиталистической державой греческаго міра и въ этомъ видѣли главную гарантію своего политическаго превосходства надъ государствами пелопоннесскаго союза, жившими еще вполнѣ натуральнымъ хозяйствомъ. Теперь эта сумма показалась бы очень скромной сравнительно съ капиталами, которые прошли черезъ руки Александра. Кромѣ той добычи, которая досталась Александру въ персидскомъ лагерѣ при Иссѣ, въ Дамаскѣ, въ Арбелахъ и т. д., онъ, какъ говорятъ, нашелъ въ Сузахъ 50000 талантовъ, въ Персеполѣ столько же, въ Пасаргадахъ 6000, значительныя суммы въ Экбатанѣ; тамъ, какъ говорятъ, онъ сложилъ 180,000 талантовъ. Мы вовсе не думаемъ, основываясь на этихъ цифрахъ, опредѣлить то количество золота и серебра, которое вернулось въ обращеніе,

благодаря завоеваніямъ Александра, въ теченіе этихъ десяти лѣтъ. Но когда новая монархія, господствовавшая теперь надъ Азіей, сняла оковы съ этихъ лежавшихъ прежде мертвыми богатствъ, когда они полились изъ нея какъ кровь изъ сердца, то можно себѣ представить, какъ должна была оживиться и усилиться вся экономическая жизнь народовъ, силы которыхъ, подобно вампиру, высосало персидское владычество. Конечно, это умноженіе драгоцѣннаго металла непосредственно повело за собой соотвѣтственное повышеніе цѣнъ, перемѣщеніе прежнихъ центровъ тяжести международной торговли, паденіе торговаго баланса въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта торговля упала. Послѣднимъ обстоятельствомъ, можетъ-быть, можно объяснить многія явленія ближайшаго послѣдующаго времени въ коренныхъ греческихъ земляхъ.

Во времена персидскаго владычества всего тягостнѣе было безконечное множество натуральныхъ повинностей, каковыхъ для одного только царскаго двора насчитывалось до 13000 талантовъ ежегодно. Примѣру персидскаго царя слѣдовалъ въ своихъ владѣніяхъ каждый сатрапъ и династъ. Изъ нѣкоторыхъ намековъ мы можемъ заключить, что Александръ уничтожилъ систему натуральныхъ повинностей. Если прежде содержаніе персидскаго царя истощало тотъ городъ или провинцію, гдѣ онъ находился, то теперь каждая область должна была только выигрывать отъ пребыванія въ нихъ царскаго двора. Роскошь, какою, особенно въ послѣднее время, окружилъ себя царь, не подавляла уже болѣе торговли и благосостоянія, но, напротивъ, вызывала ихъ развитіе; и когда намъ разсказываютъ, что царь, чтобы одѣть весь свой придворный штатъ въ

пурпуръ, послалъ въ Іонію приказъ скупить всѣ находившіеся тамъ запасы пурпурныхъ тканей, то по одному этому факту мы можемъ заключить и о другихъ подобныхъ случаяхъ. Само собою разумѣется, что сатрапы, стратеги и другія должностныя лица провинцій тоже получали свое содержаніе уже не путемъ натуральныхъ повинностей; точно такъ же ясно само собою, что опредѣленные для нихъ размѣры доходовъ были достаточно велики для того, чтобы дать имъ возможность жить съ подобающимъ блескомъ; что бы ни говорили объ ихъ зачастую безумной расточительности, она все-таки давала заработокъ населенію. Посредствомъ щедрыхъ даровъ,—какъ, напримѣръ, подарокъ по таланту на человѣка, сдѣланный ветеранамъ, возвращавшимся на родину изъ Описа,—царь достигалъ того, что воины, а особенно заслуженные, могли жить съ достаткомъ. Если же его солдаты нерѣдко тратили болѣе, чѣмъ имѣли, то царь съ неизсякающею щедростью уплачивалъ ихъ долги. Извѣстно, что его казна была всегда открыта для поэтовъ, художниковъ, виртуозовъ, философовъ и дѣятелей на всѣхъ поприщахъ науки; такъ намъ разсказываютъ, что Аристотель для производства своихъ естественно-историческихъ изслѣдованій получилъ въ свое распоряженіе 800 талантовъ,—сумма, которая показалась бы неимовѣрной, если бы ей не соотвѣтствовалъ широкій размѣръ его трудовъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь также и о крупныхъ строительныхъ работахъ, о которыхъ говорятъ иные источники: о возстановленіи системы каналовъ въ Вавилоніи, объ очищеніи каналовъ, отводившихъ воды Копаидскаго озера, о реставраціи пришед-

шихъ въ разрушеніе храмовъ Эллады, на расходы по которой Александръ назначилъ 10000 талантовъ, и о многихъ другихъ сооруженіяхъ.

Этого достаточно, чтобы показать, какое значеніе для экономической жизни имѣли побѣды Александра. Народы Азіи пробудились отъ своей спячки, западъ познalъ наслажденія востока, а востокъ искусства запада, и они стали для нихъ потребностью. Въ жителяхъ запада, оставшихся въ Индіи или Бактріи, и въ азіатахъ, собравшихся при дворѣ изо всѣхъ сатрапій, пребываніе на чужбинѣ только усиливало стремленіе къ своему родному, и смѣсь самыхъ противоположныхъ обычаевъ и потребностей, доведенная до высшей роскоши при дворѣ царя, должна была сдѣлаться болѣе или менѣе господствующей модой въ сатрапіяхъ, въ домахъ вельможъ, а затѣмъ и въ остальныхъ классахъ общества. Отсюда непосредственно вытекала необходимость обширныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній; главная задача заключалась въ томъ, чтобы открыть для этихъ сношеній самые безопасные и удобные пути и въ цѣломъ рядѣ значительныхъ центральныхъ пунктовъ создать для нихъ точки опоры. Съ самаго начала, при основаніи городовъ и въ своей колонизаторской дѣятельности, Александръ на ряду съ военными цѣлями имѣлъ въ виду это соображеніе, и большинство основанныхъ имъ городовъ до нынѣшняго дня представляютъ собою самые значительные торговые центры Азіи. Только теперь караваны рискуютъ подвергнуться нападеніямъ разбойниковъ и притѣсненіямъ чиновниковъ, не признающихъ надъ собой никакой власти; тогда какъ въ государствѣ Александра дороги были безопасны,

разбойничьи племена горъ и пустынь сдерживались страхомъ или были принуждены перейти къ осѣдлому образу жизни, а царскіе чиновники были обязаны и изъявляли полную готовность содѣйствовать развитію торговли и ея безопасности. Торговля Средиземнаго моря тоже необыкновенно разрослась, и уже теперь египетская Александрія начала становиться центромъ торговли этого моря. Но особенно важна была та неутомимая заботливость, съ какою Александръ старался открыть новые морскіе пути сообщенія. Ему удалось открыть путь моремъ отъ Инда къ Евфрату и Тигру; основаніе эллинистическихъ гаваней въ устьяхъ этихъ рѣкъ создало здѣсь необходимыя для торговли точки опоры. Мы уже не будемъ перечислять здѣсь всего, что сдѣлалъ Александръ для созданія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между внутренностью сирійской низменности и устьями ея рѣкъ, между устьями Инда и верхнимъ бассейномъ этой рѣки, какъ онъ предполагалъ открыть дальнѣйшій путь моремъ изъ Персидскаго залива кругомъ полуострова Аравіи въ Чермное море къ окрестностямъ Александріи, какъ онъ намѣревался проложить вдоль южнаго берега Средиземнаго моря военныя и торговыя дороги изъ египетской Александріи на западъ, какъ, наконецъ, надѣясь найти сообщеніе между Каспійскимъ и сѣвернымъ морями и отдаленными частями Индійскаго океана, онъ приказалъ строить корабли въ лѣсахъ Гирканіи.

Здѣсь слѣдуетъ указать еще и на другую сторону дѣла: на начавшееся сліяніе національностей, въ которомъ Александръ видѣлъ заразъ и цѣль и средство своей колонизаторской дѣятельности. Въ те-

ченіе десяти лѣтъ былъ открытъ и завоеванъ міръ, пали отдѣлявшія западъ отъ востока преграды и были отысканы пути, которые отнынѣ должны были соединять страны восхода и заката солнца. «Точно въ кубкѣ любви, — говоритъ одинъ древній писатель, — всѣ элементы народной жизни перемѣшались между собою, и народы пили вмѣстѣ изъ этого кубка и забывали о старой враждѣ и о собственномъ безсиліи».

Здѣсь не мѣсто разсматривать результаты, къ которымъ привело это сліяніе національностей; они составляютъ предметъ исторіи слѣдующихъ вѣковъ. Но уже по этому первому началу процесса можно опредѣлить то направленіе, въ какомъ впослѣдствіи продолжали развиваться далѣе искусство, наука, религія и всѣ отрасли человѣческаго знанія и дѣятельности,—принимая подчасъ такія уродливыя и безобразныя формы, въ которыхъ только взоръ историка, приводящаго въ связь между собою событія многихъ вѣковъ, можетъ найти скрытое и могучее теченіе прогресса. Греческое искусство ничего не выиграло отъ того, что научилось усиливать спокойное величіе своихъ гармоническихъ пропорцій азіатскою пышностью колоссальныхъ массъ и соединять идеализмъ своихъ созданій съ роскошью дорогихъ матеріаловъ и реалистическимъ наслажденіемъ для глазъ. Мрачное великолѣпіе египетскихъ храмовъ, фантастическая архитектура дворцовъ и залъ Персеполя, исполинскія развалины Вавилона, памятники индійской архитектуры съ ихъ идолами въ видѣ змѣй и лежащими подъ колоннами слонами,—все это, смѣшавшись съ традиціями отечественнаго искусства, становилось для греческаго художника бога-

той сокровищницей новыхъ мыслей и плановъ. Замыслы ихъ доходили теперь до исполинскихъ размѣровъ; стоитъ только припомнить грандіозный планъ Динократа изваять изъ горы Аѳона статую Александра, одна рука которой должна была нести на себѣ городъ съ десятью тысячами жителей, а другая изливать могучими каскадами въ море цѣлый горный потокъ. Скоро это новое направленіе искусства достигло на монетныхъ портретахъ и въ статуяхъ мыслителей и поэтовъ высшей индивидуальной правды и жизненности, а въ грандіозныхъ созданіяхъ пластики,—какъ это было въ Пергамѣ,—самаго смѣлаго выраженія страсти и широкаго полета мысли. Но затѣмъ послѣдовалъ быстрый упадокъ, по мѣрѣ того какъ роскошь становилась все безсодержательнѣе, а искусство вырождалось въ промышленность, въ усовершенствованное ремесло.

Поэзія тоже сдѣлала попытку принять участіе въ этой новой жизни. Въ такъ называемой новой комедіи и въ элегіи она достигла такой тонкости психологическаго наблюденія и такого искусства въ изображеніи характеровъ и положеній обыденной жизни,—какъ дѣйствительной, такъ и относящейся къ области идиллическаго вымысла,—которыя яснѣе всего другого показываютъ намъ, что ужъ далеко остался позади великій потокъ серьезныхъ общественныхъ интересовъ и возвышенныхъ мыслей и страстей, придававшихъ цѣну жизни и занимавшихъ искусство въ эпоху расцвѣта греческой гражданственности. Отдавшись такимъ образомъ индивидуализму и реализму, греческая поэзія не сумѣла найти себѣ новыхъ мотивовъ ни въ со-

вершавшейся въ то время героической борьбѣ, ни въ созданныхъ ею изумительныхъ организаціяхъ; она уже не могла воспринять блещущихъ роскошными красками персидскихъ сказокъ или дышащихъ неземною торжественностью псалмовъ и пророчествъ монотеизма; когда она хотѣла подняться надъ излюбленной ею будничной жизнью, она возвращалась къ подражанію своей классической порѣ и предоставила Востоку завѣщать изъ поколѣнія въ поколѣніе въ тысячахъ сказаній и пѣсенъ воспоминаніе объ ихъ общемъ героѣ Искандерѣ. Среди словесныхъ искусствъ эллиновъ только самое юное, цвѣтущее, полное еще въ томъ поколѣніи свѣжести и жизни, могло сдѣлать попытку вылиться въ новыя формы: и такъ называемое «азіатское» краснорѣчіе, цвѣтистое и вычурное, является характеристическимъ продуктомъ эпохи.

Тѣмъ плодотворнѣе была перемѣна, начавшая совершаться въ наукѣ. Аристотелемъ былъ вызванъ къ жизни мощный эмпиризмъ, въ которомъ нуждалась наука, чтобы овладѣть громаднымъ запасомъ новаго матеріала, завоеваннаго для всѣхъ отраслей человѣческаго познанія походами Александра. Царь, бывшій самъ ученикомъ Аристотеля и знакомый со всѣмъ, что создали до тѣхъ поръ труды греческихъ врачей, философовъ и риторовъ, всегда сохранялъ къ нимъ самый живой интересъ; въ походахъ его сопровождали дѣятели всѣхъ отраслей науки; они наблюдали, изслѣдовали, собирали, они измѣряли новыя земли и пересѣкавшія ихъ большія дороги. Для исторической науки тоже началась новая эпоха: теперь можно было производить изслѣдованія на мѣстѣ, можно было сравнивать сказанія разныхъ

народовъ съ ихъ памятниками, ихъ судьбы съ ихъ нравами, и, несмотря на безчисленное множество ошибокъ и сказокъ, распространенныхъ такъ называемыми историками Александра, только въ это время былъ пріобрѣтенъ матеріалъ, а затѣмъ и методъ для великихъ историческихъ и географическихъ изысканій. Во многихъ отношеніяхъ греческая наука могла прямо учиться у Востока: великая традиція астрономическихъ наблюденій въ Вавилонѣ, медицина, достигшая высокой степени развитія въ Индіи, обширныя свѣдѣнія жрецовъ Египта по анатоміи и механикѣ въ рукахъ греческихъ изслѣдователей и мыслителей пріобрѣли новое значеніе. Своеобразное развитіе греческаго ума считало философію совокупностью всѣхъ знаній вмѣстѣ; теперь отдѣльныя отрасли знанія эманципировались; опираясь на самостоятельный опытъ, начали развиваться точныя науки, между тѣмъ какъ философія, не придя къ твердому согласію насчетъ отношеній мышленія къ дѣйствительности, то ошибочно называла явленія мыслями, то познаніе — явленіями.

По самой природѣ вещей, перемѣны въ народной жизни въ нравственномъ, соціальномъ и религіозномъ отношеніяхъ должны совершаться медленно и, за исключеніемъ отдѣльныхъ взрывовъ, незамѣтно. И противъ началъ, вызванныхъ къ жизни въ царствованіе Александра слишкомъ внезапно, слишкомъ неподготовленно и нерѣдко насильственно, обнаружилась послѣ его смерти реакція, примыкавшая въ тридцатилѣтній періодъ борьбы между діадохами то къ той, то къ другой партіи. Но въ окончательномъ итогѣ все же оказалось, что новыя начала

вошли, наконецъ, въ привычку и, приспособившись къ особенностямъ народнаго характера, получили, въ свою очередь, возможность постепенно сглаживать національныя различія во имя общихъ космополитическихъ идей. На постепенномъ исчезновеніи національныхъ предразсудковъ, на обоюдномъ сближеніи потребностей, нравовъ и воззрѣній, на мирныхъ и прямыхъ сношеніяхъ враждовавшихъ прежде между собою національностей создались основы совершенно новой соціальной жизни. Какъ въ настоящее время извѣстныя воззрѣнія, предразсудки, условныя формы свидѣтельствуютъ объ единствѣ цивилизованнаго міра, такъ въ эту эллинистическую эпоху (вѣроятно даже въ подобныхъ же формахъ) выработалась космополитическая цивилизація, которая на Нилѣ и Яксартѣ признавала однѣ и тѣ же условныя формы формами хорошаго общества и образованнаго міра. Аттическій языкъ и обычай сдѣлались обязательными при дворѣ Александріи и Вавилона, Бактры и Пергама; а когда эллинизмъ былъ лишенъ римскимъ государствомъ своей политической самостоятельности, онъ началъ и въ самомъ Римѣ пріобрѣтать господство надъ модой и образованностью. Такимъ образомъ мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать эллинизмъ первымъ объединителемъ міра. Между тѣмъ какъ царство ахеменидовъ было только внѣшнимъ аггрегатомъ земель, народонаселеніе которыхъ имѣло между собою общаго лишь одинаковое для всѣхъ рабство,— въ земляхъ эллинизма, даже когда онѣ распались на различныя царства, сохранилось высшее единство образованности, вкуса, моды.

На нравственную жизнь народа политическія пе-

ремѣны всегда будутъ дѣйствовать соотвѣтственно тому, участвуютъ ли непосредственно въ функціяхъ государства немногіе, многіе или всѣ. Та же историческая косность, которая до сихъ поръ позволяла народамъ выносить самую отупляющую изъ всѣхъ политическихъ формъ—деспотизмъ и іерархію, въ первое время оставила ихъ по большей части безмолвными и равнодушнымм къ совершившейся съ ними громадной перемѣнѣ. Если Александръ не разъ подчинялся ихъ обычаямъ и предразсудкамъ, то это показываетъ, какимъ путемъ только и возможно было поднять ихъ постепенно выше самихъ себя. Конечно, успѣхъ этихъ стараній былъ весьма различенъ, сообразно съ различнымъ характеромъ различныхъ народовъ. Но только съ теченіемъ времени могъ постепенно установиться новый и одинаковый образъ жизни, мысли и дѣйствій, тѣмъ болѣе, что у большинства старыхъ азіатскихъ народовъ основы ихъ морали, ихъ личныхъ и правовыхъ отношеній,—основы, которыя греки того времени находили только въ положительномъ законѣ и въ развитомъ сознаніи нравственныхъ принциповъ,—еще заключались въ религіи и въ ней одной почерпали свою непреложность и силу. Просвѣтить народы Азіи, снять съ нихъ оковы суевѣрія и рабскаго благочестія, пробудить въ нихъ стремленія и силу независимой мысли и заставить ихъ принять всѣ ея послѣдствія, благія и опасныя,—словомъ, эманципировать ихъ для исторической жизни—такова была работа, исполнить которую попытался въ Азіи эллинизмъ и которую онъ отчасти и исполнилъ, хотя нѣсколько позднѣе.

Быстрѣе и рѣшительнѣе проявилась перемѣна въ нравственной физіономіи македонскаго и греческаго

Институт истории
АН СССР
НАУЧНЫЙ КАБИНЕТ

народа. Оба одинаково испытали во время Александра подъемъ энергіи и силы воли во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, крайній ростъ требованій отъ жизни и отъ страстей, жизнь настоящимъ и, во имя этого настоящаго, — безграничный реализмъ; и однако между ними обнаружилась во всѣхъ отношеніяхъ громадная разница. Македонянинъ, тридцать лѣтъ тому назадъ еще пребывавшій въ мужицкой простотѣ, прикованный къ своему клочку земли и съ равнодушнымъ безразличіемъ довольствовавшійся своей бѣдной родиной, теперь думаетъ только о славѣ, могуществѣ и борьбѣ; онъ чувствуетъ себя властелиномъ новаго міра, презрѣніемъ къ которому онъ гордится больше, чѣмъ его завоеваніемъ. Изъ постоянныхъ походовъ онъ принесъ на родину то гордое чувство собственнаго достоинства, ту холодную суровость солдата, то презрѣніе къ опасности и къ собственной жизни, которое намъ очень часто показываютъ въ карикатурѣ времена діадоховъ. На своемъ лицѣ онъ какъ бы носилъ еще шрамы десятилѣтней восточной войны и глубокія морщины, проведенныя безконечнымъ трудомъ и всевозможными лишеніями и излишествами. Не таковъ былъ характеръ грека у себя на родинѣ. Его время прошло; не увлекаемые ни стремленіями къ новымъ подвигамъ, ни сознаніемъ политическаго могущества, эти нѣкогда столь дѣятельные эллины довольствуются блескомъ своихъ воспоминаній; хвастовство замѣняетъ имъ славу; пресыщенные наслажденіемъ, они усердно ищутъ самой поверхностной его формы, перемѣны. Легкомысленная и дерзкая, тщательно избѣгающая отвѣтственности и подчиненія авторитету отдѣльныхъ лицъ, распущенная и

разнузданная Греція проникается той остроумной, поверхностной и нервной суетливостью, той книжной образованностью, которая всегда составляетъ послѣднюю стадію въ жизни народовъ. Все положительное, все поддерживающее и связывающее, даже сознаніе своего вырожденія, — исчезаетъ; дѣло раціонализма свершилось.

Надо, впрочемъ, прибавить, что этотъ раціонализмъ, являющійся столь нивеллирующимъ и отталкивающимъ въ отдѣльныхъ своихъ чертахъ, сломилъ силу язычества и сдѣлалъ возможнымъ болѣе спиритуалистическое развитіе религіи. Ничто не было дѣйствительнѣе въ этомъ отношеніи, какъ то странное явленіе —смѣшеніе боговъ, *θеокрасія,* въ которомъ въ слѣдующіе вѣка принимали участіе всѣ народы эллинизма.

Если можно видѣть въ богахъ, культѣ и миѳахъ язычества наиболѣе оригинальное и живое выраженіе этнографическихъ и историческихъ различій между народами, то можно и понять, почему въ этомъ яркомъ выраженіи народности заключалась величайшая трудность для дѣла, которое хотѣлъ совершить Александръ. Его политика попала въ самое больное мѣсто, когда онъ,—долженствовавшій своей личностью и управленіемъ прежде всего выразить то единство къ которому стремился, — окружилъ себя людьми, въ составѣ которыхъ одинаково находились индійскій аскетъ, персидскій магъ и ликійскій гадатель,—когда онъ обращался къ богамъ египтянъ, персовъ, вавилонянъ, къ Ваалу Тарса и Іеговѣ іудеевъ наравнѣ съ вѣрующими всѣхъ этихъ религій и исполнялъ всѣ церемоніи и требованія ихъ культа, оставляя открытымъ вопросъ объ его значеніи и смыслѣ, хотя между этими вѣрованіями и встрѣ-

чались, быть-можетъ, по временамъ воззрѣнія и тайныя ученія жреческой мудрости, сближавшія своимъ пантеистическимъ, деистическимъ и нигилистическимъ толкованіемъ народныя вѣрованія съ тѣмъ, что давала образованнымъ грекамъ ихъ философія. Примѣръ царя скоро долженъ былъ повліять на все болѣе и болѣе обширный кругъ лицъ; греки съ большею смѣлостью, чѣмъ это было прежде въ ихъ характерѣ, начали дѣлать своими родными богами боговъ чужбины и узнавать въ богахъ чужбины отечественныхъ боговъ,—начали сравнивать и приводить въ согласіе между собою циклы сказаній и ѳеогоніи различныхъ народовъ. Они начали убѣждаться, что всѣ народы, въ болѣе или менѣе удачномъ образѣ, чтили въ своихъ богахъ то же самое божество и старались выразить одно и то же болѣе или менѣе глубоко понятое чувство сверхъестественнаго, абсолютнаго, послѣдней цѣли или причины,—что внѣшнія и случайныя различія въ именахъ, аттрибутахъ и областяхъ вѣдѣнія боговъ должны быть исправлены и доведены до глубины заключавшейся въ нихъ мысли.

Такимъ образомъ обнаружилось, что пора мѣстныхъ и національныхъ, то-есть языческихъ, религій миновала; что объединенное, наконецъ, человѣчество нуждается въ единой и общей религіи, воспринять которую оно способно; сама ѳеокрасія была только попыткой создать единство путемъ сліянія всѣхъ этихъ различныхъ религіозныхъ системъ; но этимъ путемъ, въ дѣйствительности, оно никогда не могло быть достигнуто. Созданіе элементовъ болѣе высокаго и полнаго единства, развитіе чувства своей бренности и безсилія, вмѣстѣ съ потребностью въ покаяніи и

въ утѣшеніи, были продуктами эллинистической эпохи; эти вѣка безбожія въ мысли и чувствѣ, вѣка глубочайшей нравственной потерянности и безнадежности были вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ постоянно усиливавшагося призыва Искупителя.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЭПОХА ДІАДОХОВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

(*Holm*, Griechische Geschichte, IV Band)

Эпоха 323 — 280 гг. представляетъ собою время великихъ смутъ, среди которыхъ изъ оказавшейся неспособною къ жизни единой монархіи образуются отдѣльныя государства; самыя значительныя изъ нихъ носятъ греческій характеръ. Греческое образованіе овладѣваетъ теперь многими изъ завоеванныхъ Александромъ странъ. Но наиболѣе характернымъ признакомъ для этихъ сорока лѣтъ служитъ не распространеніе греческой культуры, а скорѣе преобладаніе личности, въ рѣдкія эпохи древней исторіи пользовавшейся такимъ огромнымъ значеніемъ. Въ данный періодъ рѣчь идетъ только о желаніяхъ, волѣ, выгодѣ индивидовъ; желанія и польза народовъ иногда принимаются отчасти въ соображеніе, но большею частью на нихъ совсѣмъ не обращаютъ вниманія. Героями эпохи являются государи, народъ играетъ роль очень незначительную; только въ собственной Греціи и въ Малой

Азіи онъ пытается иногда проявить свое вліяніе, но рѣдко попытки эти приводятъ къ успѣху, и только однажды успѣхъ оказывается прямо блестящимъ (Родосъ).

Въ извѣстномъ смыслѣ вліятельныхъ дѣятелей эпохи можно, конечно, называть «выскочками»: своимъ положеніемъ они обязаны не происхожденію, а талантамъ. Но не слѣдуетъ ложно понимать ихъ неожиданное возвышеніе. Діадоховъ сравнивали съ маршалами Наполеона I. Тутъ есть доля правды, но не нужно упускать изъ виду и существенныхъ различій. Наполеонъ самъ былъ выскочкой; въ числѣ лучшихъ его маршаловъ были сыновья трактирщика, слуги, конюха. Александръ былъ законнымъ царемъ, и большая часть его полководцевъ принадлежала къ аристократіи страны. Но тѣмъ, чѣмъ они стали послѣ смерти своего вождя, они обязаны были самимъ себѣ, а удержаться на достигнутой высотѣ имъ было тѣмъ труднѣе, что между ними никогда не было согласія. Это была настоящая борьба за существованіе, въ которой могли уцѣлѣть только устойчивые характеры. Всѣ они, естественно, проявляли одно выдающееся качество— личное мужество. Два знаменитыхъ царя, Антигонъ и Лисимахъ, пали въ сраженіи, и притомъ оба въ глубокой старости,—доказательство силы этого поколѣнія. Но особенно характерно то, что религія не оказывала вліянія на ихъ нравы. Объясняется это характеромъ греческой религіи, которая, съ одной стороны, въ сущности основывалась на обрядахъ, а съ другой — была установленіемъ государства. Такъ какъ она состояла изъ внѣшнихъ обрядовъ, то и не дѣйствовала прямо на нравственность

людей; а такъ какъ она была государственнымъ установленіемъ, то монархи могли пользоваться ею въ своихъ видахъ, не измѣняя въ сущности ея характера. Такъ, религія только усиливала эгоизмъ властителей, которые, съ цѣлью приписать себѣ божественное происхожденіе или легче осуществить другіе свои планы, ссылались на сны и знаменія. Такія уловки помогали потому, что въ народѣ жила еще вѣра. Если полководцы и цари, наслѣдовавшіе Александру, и поступали честно и человѣчно, то дѣлали они это изъ личныхъ мотивовъ или философскаго убѣжденія; и за это, тѣмъ не менѣе, приходится быть имъ благодарными. Обстоятельства такъ благопріятствовали успѣху смѣлыхъ предпріятій, что нужна была большая сила характера даже для того, чтобы не ставить единственнымъ мѣриломъ дѣятельности мимолетную выгоду.

По происхожденію своему почти всѣ вліятельные дѣятели эпохи принадлежатъ къ македонянамъ,—отсюда насильственный характеръ ихъ дѣятельности. Но они усвоили себѣ греческое образованіе, которое было не чуждо уже соратникамъ Филиппа. Этимъ объясняется постоянное соблюденіе ими извѣстныхъ внѣшнихъ формъ. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ являются именно въ то время, какъ результатъ греческаго воспитанія. Сюда относится бо́льшая вѣжливость въ отношеніяхъ между государями, съ чѣмъ, впрочемъ, отлично уживается внутренняя грубость. Этою стороною діадохи очень напоминаютъ дѣятелей итальянскаго возрожденія; въ обоихъ случаяхъ подъ тонкимъ слоемъ образованія мы находимъ ядро грубѣйшаго эгоизма. На ростъ значенія личности указываетъ также выдающееся положеніе жен-

щинъ, играющихъ значительную роль именно въ описываемую эпоху. Эта черта тоже напоминаетъ возрожденіе.

Въ послѣдующемъ мы характеризуемъ наиболѣе замѣчательныхъ діадоховъ, т. е. непосредственныхъ преемниковъ Александра; къ нимъ мы присоединяемъ нѣкоторыхъ эпигоновъ, т. е. потомковъ діадоховъ, а также нѣкоторыхъ замѣчательныхъ женщинъ.

I. ГЛАВНЫЕ ДѢЯТЕЛИ ВРЕМЕНИ ДІАДОХОВЪ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Послѣ смерти Александра пять человѣкъ располагали судьбами его имперіи. По порядку старшинства это были: Антипатръ македонскій, Антигонъ фригійскій, или, вѣрнѣе, западно-азіатскій, Лизимахъ ѳракійскій, Птоломей египетскій и Селевкъ вавилонскій, или восточно-азіатскій.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ необходимо еще упомянуть объ Эвменѣ: на его судьбѣ мы можемъ видѣть, какъ глубока была пропасть, раздѣлявшая грековъ и македонянъ въ арміи Александра. Уроженецъ Кардіи, человѣкъ, должно-быть, невысокаго происхожденія, Эвменъ сумѣлъ пробить себѣ дорогу даже при Филиппѣ, а при Александрѣ достигъ одной изъ важнѣйшихъ должностей въ имперіи. Онъ былъ хранителемъ дворцоваго архива и главою учрежденія, завѣдовавшаго иностранными сношеніями. Впослѣдствіи онъ занялъ высокое положеніе въ военномъ мірѣ, смѣнивъ Пердикку, который въ свою очередь занялъ мѣсто Гефестіона. Способности Эвмена не подлежатъ никакому сомнѣнію, и если бы по рожденію онъ принадлежалъ къ македонской знати, то возможно, что ему удалось бы сохранить имперію въ цѣлости для сына Александра. Но его происхожденіе изъ греческой колоніи (македонскій народъ

прозвалъ его проклятымъ херсонесцемъ) и свойства, связанныя съ этимъ происхожденіемъ, оказались для него роковыми. Эвменъ былъ бережливъ и, очевидно, желалъ составить себѣ состояніе про черный день: онъ зналъ, что его благополучіе зависѣло исключительно отъ Александра. Послѣ смерти Александра онъ удалился съ политической арены, говоря, что «иностранцу нечего вмѣшиваться въ раздоры македонянъ». Во время послѣдующихъ смутъ Эвменъ выказывалъ въ высшей степени вѣрноподданническія чувства къ царской семьѣ и былъ главной опорой ея интересовъ. Но при этомъ онъ руководился личнымъ расчетомъ, понимая, очевидно, что только въ качествѣ представителя царской семьи онъ и могъ выдвинуться, и что роль независимаго государя ему не по силамъ. Въ войнѣ восточныхъ сатраповъ противъ Антигона македоняне,—какъ простые воины, такъ и вожди,—не могли обойтись безъ содѣйствія Эвмена: изъ нихъ онъ одинъ былъ достойнымъ противникомъ Антигона и могъ побѣдить его если не силой, то хитростью. Но это нисколько не упрочивало положенія Эвмена: среди этихъ изнѣженныхъ и властныхъ сатраповъ, испорченныхъ продолжительнымъ деспотизмомъ и необузданной расточительностью времени Александра, угождавшихъ и льстившихъ солдатамъ, «какъ въ демократіи», готовыхъ на другой же день послѣ побѣды умертвить греческаго авантюриста, какимъ былъ Эвменъ, — среди этихъ сатраповъ, съ одной стороны, и жестокихъ, въ конецъ развращенныхъ ветерановъ, съ другой—для Эвмена и побѣда и пораженіе могли оказаться одинаково гибельными. По его мысли вожди должны были собираться на совѣтъ въ цар-

ской палаткѣ, какъ намѣстники Александра, и покойный царь предполагался присутствующимъ въ этихъ собраніяхъ. Но это жалкое средство удержать за собой шаткое положеніе можетъ только служить любопытнымъ свидѣтельствомъ, какъ велико было суевѣрное почтеніе къ памяти царя.

Во всей своей дѣятельности Эвменъ обнаруживаетъ скорѣе изворотливость и утонченность ума, чѣмъ способность къ широкому полету мысли, и вообще черты, свойственныя скорѣе умному министру, чѣмъ великому правителю. «Ораторъ не великій», говоритъ о немъ Плутархъ, «но хитрый и убѣдительный, какъ можно видѣть по его донесеніямъ». Таковъ былъ типъ грека, связавшаго свою судьбу съ македонской имперіей. Пока весь міръ находился на военномъ положеніи и господство принадлежало дружинѣ всадниковъ и фалангѣ, Эвменъ не могъ разсчитывать ни на что, кромѣ дерзкаго и презрительнаго обращенія съ собой. Подобное отношеніе къ нему мѣнялось только въ критическіе моменты войны. Но ни одна утвердившаяся династія не могла отказать ему въ уваженіи, и, навѣрное, немало подобныхъ ему личностей добились положенія великихъ визирей въ дворцахъ дальняго Востока; а при дворахъ царей слѣдующаго поколѣнія такими людьми заняты были уже всѣ значительныя мѣста. Эвменъ умеръ всего сорока-пяти лѣтъ; онъ принадлежалъ къ болѣе юнымъ товарищамъ Александра и былъ немногими годами старше самого царя. Теперь обратимся къ ветеранамъ, которые считали Эвмена выскочкой и молокососомъ.

Антипатръ, выдвинувшійся благодаря многолѣтней дѣятельности въ качествѣ правителя европей-

скихъ владѣній Александра, былъ, кажется, лучшимъ изъ слугъ царя. Онъ посѣдѣлъ на службѣ у Филиппа и пользовался его довѣріемъ наравнѣ съ Парменіономъ. Но, какъ видно, онъ былъ гораздо способнѣе, Парменіона, заслужилъ громкую славу какъ полководецъ и былъ въ то же время смѣлымъ и хорошимъ правителемъ, тщательно охранявшимъ интересы царя. Лишенный внѣшней привлекательности (онъ былъ малъ ростомъ и некрасивъ лицомъ), не особенно популярный среди солдатъ избалованныхъ восточной щедростью, Антипатръ не могъ простирать свои виды дальше вѣрнаго служенія дому Филиппа. У него не было ни интереса къ греческой культурѣ, ни симпатіи къ греческой націи; онъ такъ ненавидѣлъ выскочку Эвмена, что тотъ не рѣшился явиться въ Македонію послѣ смерти Александра. Образъ дѣйствій Антипатра по поводу греческихъ революцій, его холодное, настоятельное требованіе выдачи и смерти аѳинскихъ патріотовъ—Демосѳена, Гиперида и другихъ, показываютъ, что онъ не терпѣлъ чувствительности въ политикѣ. Передовыми идеями онъ не былъ проникнутъ и не оказалъ никакого вліянія на развитіе эллинизма. Несмотря на все это, въ этомъ ветеранѣ нельзя было не уважать рѣдкой преданности дому господина,—преданности, побудившей его, такъ сказать, лишить наслѣдства своего сына Касандра, чувства котораго были ему хорошо извѣстны, и завѣщать главную роль въ охраненіи царскихъ интересовъ своему старому товарищу по оружію Полисперхону.

Эта преданность дому не помѣшала, однако, Антипатру все время, пока онъ управлялъ Македоніей,

непрерывно осаждать царя жалобами на поведеніе и насилія Олимпіады, царицы-матери. Олимпіада съ своей стороны тоже не пропускала случая писать царю, и такимъ образомъ Александру приходилось выбирать между заботливой и честной преданностью Антипатра, которому онъ не могъ отказать въ уваженіи, и сыновнимъ долгомъ по отношенію къ надменной матери, которую онъ не переставалъ любить. Смерть Антипатра, — повидимому, отъ старости, — случилась такъ скоро послѣ раздѣла при Трипарадизѣ, гдѣ онъ былъ провозглашенъ регентомъ, что въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ великихъ войнъ представителемъ доставшейся ему части имперіи былъ уже Касандръ, личность гораздо болѣе интересная; къ нему мы вернемся, покончивъ съ старшимъ поколѣніемъ.

Антигонъ былъ убитъ въ великой битвѣ при Ипсѣ (301 до Р. Х.), когда ему было восемьдесять-четыре года; слѣдовательно, онъ былъ приблизительно тридцатью годами старше Александра и только семнадцатью или восемнадцатью годами моложе Антипатра; тѣмъ не менѣе онъ уже обнаруживаетъ нѣкоторую склонность къ новымъ идеямъ. Онъ былъ высокаго роста; остроуміе его не отличалось большою тонкостью; онъ усвоилъ себѣ, повидимому, преднамѣренно грубыя лагерныя манеры, популярныя среди солдатъ. Но между тѣмъ въ своихъ замыслахъ онъ не ограничивался ролью вѣрнаго слуги дома Филиппа и по своему образованію стоялъ выше македонскихъ жонглеровъ. Ко времени нашествія Александра онъ былъ уже искушенный опытомъ человѣкъ, старше 50-ти лѣтъ. Въ 333 г. до Р. Х. онъ былъ назначенъ сатрапомъ Фригіи и вмѣсто

того, чтобы участвовать въ царскомъ походѣ, оставался на мѣстѣ службы. Это обстоятельство лишило его возможности ближе освоиться съ идеями Александра, но зато оно же доставило ему ко времени паденія имперіи совершенно прочное положеніе правителя. Въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ Антигонъ былъ владыкой Фригіи, а на дѣлѣ и всей центральной Малой Азіи. Онъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы основать большое царство, по возможности равное имперіи Александра или, по крайней мѣрѣ, такое, которое могло бы сохранить его славу въ потомствѣ. И это почти удалось ему; если бы не такія препятствія, какъ недоступность Египта и осторожная оборонительная политика фараона да большой военный талантъ Лизимаха, то въ исходѣ ипсскаго похода сынъ его Димитрій оказался бы владыкой міра. Грубость и шутливость Антигона, которыя подали поводъ къ разсказамъ о его невысокомъ происхожденіи, были увѣковѣчены въ цѣломъ рядѣ анекдотовъ. Не столь достовѣрной представляется его любовь къ литературѣ и покровительство, которое онъ будто бы ей оказывалъ. Мы знаемъ, что послѣ смерти Эвмена онъ приблизилъ къ себѣ историка Гіеронима изъ Кардіи, который изложилъ его исторію съ безпристрастіемъ разумнаго человѣка, хотя и не со строгостью неподкупнаго судьи. Но когда мы слышимъ, что всевозможные греческіе художники собирались въ новой столицѣ Антигона,—Антигоніи на Оронтѣ,—то здѣсь уже мы начинаемъ подозрѣвать вліяніе его сына Димитрія.

Въ противоположность всѣмъ первымъ діадохамъ, Антигонъ находился съ своимъ сыномъ въ самыхъ

тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Антипатръ, какъ мы видѣли, предпочелъ сыну посторонняго человѣка и предоставилъ ему только второе мѣсто въ управленіи имперіей; старшій сынъ Птоломея былъ лишенъ наслѣдства и, отпущенный на всѣ четыре стороны, совершилъ ужасныя злодѣянія; старшій сынъ Лизимаха, Агаѳоклъ, достойный и способный наслѣдникъ, былъ даже убитъ по приказанію отца. Неудивительно поэтому, что историки сочли нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что однажды Димитрій, вернувшись съ охоты въ вооруженіи, явился прямо къ царю и ни въ комъ не вызвалъ ни страха, ни подозрѣнія. Рѣдкость такого рода отношеній между отцомъ и сыномъ есть характерная черта времени. Но Антигонъ все-таки принадлежитъ къ старшему поколѣнію. Подражателемъ Александра онъ является только въ такихъ мелочахъ, какъ заботливое веденіе дневника своихъ текущихъ дѣлъ и вѣра въ знаменія передъ битвой. Знаменитая устроенная имъ церемонія принятія царскаго титула обнаруживаетъ въ немъ честолюбіе. Онъ былъ настолько проницателенъ, что сознавалъ невозможность возстановленія старой династіи и видѣлъ, что время для монархической формы правленія еще не наступило; но у него не было свѣжихъ идей, не было плодотворной политики, которая могла бы скрѣпить завоеванное имъ обширное царство; и поэтому въ результатѣ его великихъ трудовъ получилась одна неурядица.

Слѣдующимъ по возрасту является Птоломей; онъ былъ годами двѣнадцатью старше Александра Македонскаго и принадлежалъ къ числу его раннихъ друзей. Птоломей вступилъ въ великій періодъ за-

воеванiй въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ еще не утрачиваетъ способности воспринимать новыя идеи. Онъ пошелъ совершенно новымъ путемъ, и поэтому его жизнь и дѣятельность стоятъ особнякомъ, такъ что рѣчь о нихъ будетъ въ особомъ отдѣлѣ.

Лизимахъ былъ, повидимому, нѣсколько моложе годами, но все-таки по характеру онъ всецѣло принадлежитъ къ старшимъ д̇адохамъ. Это былъ блестящiй воинъ, полный энергiи и изобрѣтательности, не унывавшiй послѣ пораженiя; съ другой стороны, это былъ человѣкъ, жаждавшiй власти и мечтавшiй о царскомъ достоинствѣ. Одно время ему удалось осуществить свою мечту. Послѣ долгой и чрезвычайно разнообразной борьбы, онъ завладѣлъ обширнымъ царствомъ и сдѣлался главою всей западной имперiи; но тѣмъ не менѣе онъ не оказалъ никакого влiянiя на свой вѣкъ. Онъ былъ великiй полководецъ: въ теченiе цѣлаго года онъ побивалъ превосходившаго его силой Антигона, занимая укрѣпленныя линiи и покидая ихъ передъ самымъ нападенiемъ врага. Даже Пирръ, лучшiй тактикъ младшаго поколѣнiя, не могъ равняться съ Лизимахомъ и въ одномъ походѣ не сумѣлъ отстоять противъ него Македонiю. Такимъ образомъ Лизимахъ держалъ въ своихъ рукахъ Македонiю, Ѳракiю съ ея важными прибрежными городами и значительную часть Малой Азiи, — царство, занимавшее первое мѣсто по торговому оживленiю и по культурности. Но для болѣе прочнаго объединенiя этого царства онъ не сумѣлъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ умертвить нѣсколькихъ мѣстныхъ правителей и, — подобно всѣмъ дiадохамъ и по примѣру Александра, — основать городъ, который назвалъ въ честь своего

имени. Младшее поколѣніе, въ особенности Димитрій, ненавидѣли его и считали человѣкомъ вульгарнымъ, скупымъ и ничтожнымъ. Его семейные раздоры, причину которыхъ нужно искать въ многократныхъ бракахъ съ властолюбивыми царицами, повлекли за собой, во-первыхъ, преступное убійство самаго способнаго сына, а затѣмъ—и потерю царства. Царствованіе Лизимаха было до того непопулярно, что когда Селевкъ явился мстителемъ за дѣтей и подданныхъ этого старика, то царство ускользнуло изъ его рукъ, и онъ, подобно Антигону, палъ на полѣ битвы.

Это были дни непрерывной войны и смятенія, когда военные таланты не оставались безъ вознагражденія и въ одинъ прекрасный день выдвигали человѣка на первое мѣсто; но это были также дни броженія и переустройства общества, когда побѣда на полѣ битвы была только первымъ шагомъ, и воинъ, который не совмѣщалъ въ себѣ способнаго и передового политика, быстро терялъ то, что пріобрѣлъ оружіемъ.

Соединеніе тѣхъ и другихъ качествъ можно было найти только въ людяхъ молодыхъ какъ по годамъ, такъ и по идеямъ. Таковъ былъ Птоломей; таковъ былъ и Селевкъ, жизнеописанію котораго, какъ и жизни Птоломея, стоило бы посвятить особый отдѣлъ, если бы мы обладали для этого необходимыми свѣдѣніями. Но намъ извѣстны только великіе результаты дѣятельности Селевка: мы знаемъ о томъ, что онъ внушилъ подданнымъ сильную къ себѣ любовь и среди огромныхъ трудностей основалъ прочную династію. Судя по этимъ краснорѣчивымъ даннымъ, онъ либо былъ самымъ способнымъ изъ

діадоховъ, либо глубже другихъ воспринялъ идеи Александра, своего товарища по дѣтскимъ играмъ и по оружію. Онъ былъ моложе всѣхъ первыхъ діадоховъ и, повидимому, лишь весьма немногими годами старше царя. Впервые Селевкъ отличился въ великой битвѣ на Гидаспѣ, а къ тому времени, когда мѣсто дѣйствія было перенесено въ Вавилонъ, онъ поднялся уже такъ высоко, что за него была выдана замужъ дочь Спинтаменеса Согдіанскаго, который занималъ видное положеніе въ восточныхъ провинціяхъ. При первомъ раздѣлѣ имперіи, произведенномъ Пердиккой, онъ былъ назначенъ на второстепенную должность хиліарха, а послѣ второго раздѣла при Трипарадизѣ (321 до Р. X.) онъ уже оказался сатрапомъ въ Вавилонѣ. Здѣсь онъ поселился и былъ такъ занятъ упроченіемъ своей власти, что мы почти не слышимъ о немъ вплоть до возвращенія Антигона изъ юго-восточныхъ провинцій. Антигонъ явился, послѣ побѣды надъ Эвменомъ, съ такимъ могуществомъ и такими притязаніями, что Селевкъ бѣжалъ, спасая свою жизнь, и поселился изгнанникомъ въ Египтѣ у Птоломея (316 до Р. X.). Но лишь только успѣхи египтянъ въ Финикіи развязали Птоломею руки, онъ тотчасъ отослалъ обратно своего гостя, который сильно помогъ ему въ его морскихъ кампаніяхъ: Птоломей поручилъ Селевку поднять Востокъ противъ возрастающаго могущества своего грознаго сосѣда Антигона. Популярность Селевка была такъ велика въ его сатрапіи, что, явившись туда безъ войска, онъ сразу вернулъ себѣ свою прежнюю власть и съ тѣхъ поръ вплоть до своей смерти оставался по существу властелиномъ Востока.

Несомнѣнно, всѣ главные интересы Селевка направлены были въ эту сторону. Восточныя провинціи имперіи на дѣлѣ никогда не были покорены. Даже Александръ только измѣнилъ ихъ ленную зависимость. Власть мѣстныхъ правителей и сатраповъ осталась неприкосновенной. Такіе преемники, какъ Пердикка и Антигонъ, которые пользовались властью лишь самое короткое время, разумѣется, не могли пойти дальше Александра. Распространить македонское или греческое вліяніе на эти отдаленныя провинціи было задачей скорѣе внутренней политики, чѣмъ внѣшняго принужденія. И для этого нуженъ былъ, конечно, талантъ Селевка. Что касается его семейныхъ дѣлъ, то онъ, подобно Антигону, находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ своимъ сыномъ, какъ это видно изъ того любопытнаго факта, что онъ уступилъ сыну свою молодую жену Стратонику, сестру Димитрія, въ которую этотъ юноша безумно влюбился, хотя та была его мачехой. Въ отношеніи къ Димитрію онъ выказалъ также большую деликатность, когда тотъ очутился въ его рукахъ. У Селевка было много столкновеній съ Димитріемъ и съ его отцомъ. Во время одного набѣга (312 до Р. X.), когда царь былъ отвлеченъ на дальній Востокъ, Димитрій даже захватилъ и ограбилъ его столицу Вавилонъ, совершивъ при этомъ всякаго рода возмутительныя насилія. Съ индійскимъ царемъ Чандрагуптой, который старался урѣзать македонскую имперію на востокѣ, Селевкъ заключилъ миръ и союзъ на такихъ условіяхъ, что если и терялъ при этомъ нѣсколько провинцій, то, во всякомъ случаѣ, дружба и несмѣтные дары Индіи вознаграждали его съ лихвою за эту потерю.

Съ 480 слонами Чандрагупты онъ сокрушилъ могущество Антигона при Ипсѣ. Огромный подкупъ (въ размѣрѣ 2000 талантовъ), предложенный ему Лизимахомъ съ тѣмъ, чтобы онъ «устранилъ» Димитрія, вызвалъ въ немъ только отвращеніе и ужасъ. Онъ считалъ это предложеніе «поступкомъ нечестивца и варвара». Повторяемъ, Селевкъ и Птоломей были не только людьми совершенно непохожими на старыхъ полководцевъ, описанныхъ раньше, но даже кажутся намъ болѣе современными, чѣмъ странствующіе рыцари младшаго поколѣнія, Димитрій и Пирръ, которые не оставляли мечты о соперничествѣ съ Александромъ.

Селевкъ—чистѣйшій эпигонъ*) по характеру. Мы знаемъ, что на Востокѣ его любили и цѣнили въ такой же или даже въ большей степени, чѣмъ Певкесту, который усвоилъ одежду и языкъ восточныхъ народовъ. Кромѣ женъ изъ Македоніи и Греціи, у него были также жены изъ Согдіаны и Индіи. И все-таки во всѣхъ его поступкахъ видна греческая культура и утонченность. Онъ вѣрно понималъ, съ помощью какихъ средствъ могло осуществиться объединеніе Европы и Азіи, и немало успѣлъ въ этомъ дѣлѣ. Но естественныя препятствія, которыя стояли на его пути, были громадны. Мало того, что подвластныя ему племена рѣзко отличались между собою по языку, нравамъ и религіи: географическое расположеніе его провинцій не давало возможности одному человѣку защищать границы государства отъ упорныхъ нападеній сосѣдей. И это происхо-

*) Второе поколѣніе преемниковъ Александра обыкновенно обозначается этимъ именемъ.

дило не отъ размѣровъ имперіи, а благодаря тому, что въ двухъ мѣстахъ она дѣлилась на части линіями, которыя сама природа провела на азіатскомъ материкѣ. Сначала тянется пустыня Тапса, преграждающая путь къ переправѣ черезъ Эвфратъ (впослѣдствіи римляне никогда не могли преодолѣть этого препятствія). Затѣмъ идетъ обширная пустыня Персіи, благодаря которой большая дорога дѣлаетъ сильный поворотъ на Парѳянскія ворота или, того хуже, вдоль раскаленныхъ песковъ Гедрозіи и по берегу моря. Извѣстно, какъ даже Александръ страдалъ въ снѣгахъ индійскаго Кавказа (Гиндукушъ) и въ тропическихъ пескахъ Гедрозіи. Эти естественныя условія страны побудили Селевка, передавъ свою новую жену сыну, отослать юную чету въ «верхнія» провинціи и назначить сына ихъ правителемъ. Такимъ образомъ Антіохъ I получилъ свое политическое воспитаніе въ этой должности, и хотя онъ командовалъ конницей Селевка при Ипсѣ и потерпѣлъ пораженіе отъ брата своей будущей жены, но болѣе зрѣлые годы, до самой смерти отца, онъ провелъ на дальнемъ Востокѣ. Однако никакія усилія не могли слить воедино земли по сю сторону Евфрата съ дикими горами Мидіи и Парѳіи. Земли по эту сторону Евфрата были населены покорными племенами по большей части семитической расы, привыкшими къ неограниченной монархіи и равнодушными къ смѣнамъ государей и даже формъ правленія,—лишь бы только ихъ матеріальные интересы оставались неприкосновенны. Между тѣмъ въ Мидіи и Парѳіи жили свободныя пастушескія горныя племена, хотя и привыкшія подчиняться своимъ воинственнымъ вождямъ, но

принадлежавшія къ тому арійскому типу, который ожилъ впослѣдствіи въ средневѣковыхъ рыцаряхъ-баронахъ.

Ни одна изъ внѣ-европейскихъ странъ, не исключая даже Египта съ его заботливымъ правителемъ, не усвоила эллинистической культуры въ такой полнотѣ или, по крайней мѣрѣ, съ такою легкостью, какъ Сирія. Ни у одной изъ національностей этой страны, повидимому, не было такихъ чертъ, которыя бы оказались несовмѣстимыми съ эллинистической культурой; исключеніе представляли одни евреи; но до какой степени даже и этотъ народъ подпалъ эллинистическому вліянію, показываетъ намъ переводъ семидесяти толковниковъ и, еще болѣе, греческій подлинникъ новаго завѣта. Впрочемъ къ этому мы вернемся впослѣдствіи. Теперь насъ занимаютъ Селевкъ, по счастью младшій изъ діадоховъ, и Птоломей, которые оба выдѣлялись изъ всѣхъ преемниковъ Александра своимъ исключительнымъ умомъ, политической мудростью и своими воззрѣніями на войну какъ на зло и на военную славу только какъ на средство къ безопасному и честному миру. Во время своего ранняго общенія съ великимъ завоевателемъ и въ тѣ драгоцѣнные четыре года, которые онъ провелъ въ изгнаніи у своего мудраго и счастливаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ родственника— египетскаго царя, Селевкъ прошелъ школу новыхъ идей и впослѣдствіи оказалъ немаловажную услугу великому вѣку космополитической культуры, подготовившему человѣчество къ единству и миру римской имперіи.

II. МЛАДШЕЕ ПОКОЛѢНІЕ ДІАДОХОВЪ И СОВРЕМЕННЫЯ ИМЪ ЦАРИЦЫ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Мы должны остановиться теперь на нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностяхъ смутнаго времени, которыя хотя и принадлежатъ къ младшему поколѣнію, но еще не отрѣшились отъ несбыточнаго идеала, поставленнаго Александромъ. Это были люди, воспитанные не въ бояхъ и походахъ, а въ болѣе или менѣе великолѣпной домашней обстановкѣ, привыкшіе къ роскоши двора и культурной жизни. Въ нихъ мы видимъ ближайшихъ предшественниковъ новаго космополитическаго направленія. Мы выбираемъ троихъ самыхъ крупныхъ дѣятелей, внесшихъ немало движенія въ этотъ бурный вѣкъ,—Димитрія, Пирра и Касандра. Хотя Касандръ гораздо старше первыхъ двухъ, но мы помѣщаемъ его подъ конецъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онъ разгадалъ грядущій порядокъ вещей лучше, чѣмъ его болѣе блестящіе соперники. Эти эпигоны по характеру и по своимъ цѣлямъ стояли къ Александру ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ другихъ старшихъ его преемниковъ. Въ нихъ жилъ тотъ же духъ странствующихъ рыцарей, которымъ отличался Александръ и который сдѣлалъ его любимцемъ вѣковъ и народовъ. Трусость есть до такой степени распространенный

порокъ, и страхъ занимаетъ такое большое мѣсто въ ряду причинъ людскихъ несчастій, что человѣкъ, обнаруживающій своими поступками полнѣйшее отсутствіе этого недостатка, всегда пріобрѣтаетъ славу героя, даже въ томъ случаѣ, если онъ проявляетъ это рѣдкое качество въ истребленіи себѣ подобныхъ. У Александра была прямо страсть подвергаться опасностямъ: когда онъ не могъ сражаться съ врагами во главѣ своей конницы, то готовъ былъ биться хоть одинъ на одинъ съ дикими звѣрями; для этихъ наслажденій онъ не прочь былъ выносить какой угодно умственный и физическій трудъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Пирръ, царь эпирскій (собственно, вѣрнѣе, молосскій), обладалъ такимъ же темпераментомъ, и большинство ветерановъ Александра, встрѣчаясь съ Пирромъ, поражались его сходствомъ съ великимъ завоевателемъ. Пирръ занимался войной и теоретически. Его единственное сочиненіе трактуетъ о тактикѣ. Но,—какъ говорилъ младшій Антигонъ (Гонатъ),—это былъ счастливый игрокъ, не умѣвшій пользоваться своими хорошими ходами. Онъ выигрывалъ сраженія и проигрывалъ кампаніи; завоевывалъ провинціи и терялъ царства; своей славой онъ затмилъ всѣхъ своихъ современниковъ и не оставилъ послѣ себя ничего. Это былъ блестящій метеоръ, который сверкнулъ на грозномъ небосклонѣ и оставилъ отъ своего блестящаго пути только мгновенный слѣдъ. Современному изслѣдователю Пирръ извѣстенъ лучше всѣхъ діадоховъ, такъ какъ онъ появляется въ римской исторіи, и его походы и договоры съ великой республикой послужили поводомъ къ прославленію чистоты и строгости римскихъ нравовъ. Войны Пирра, поскольку

онѣ относятся къ римской исторіи, разсказываются во всѣхъ школьныхъ учебникахъ. Описаніе жизни Пирра у Плутарха отличается необычною для этого писателя художественностью. Разсказъ о томъ, какъ Пирръ спасался ребенкомъ отъ преслѣдованія убійцъ, какъ его задержала разлившаяся рѣка, съ какимъ трудомъ онъ дозвался перевозчиковъ, съ какой опасностью переѣзжалъ рѣку, какъ затѣмъ молилъ о пощадѣ несговорчиваго хозяина дома, гдѣ онъ искалъ пріюта, — разсказъ этотъ такъ трогателенъ, что во всей греческой исторіи съ нимъ можетъ сравниться только разсказъ Геродота о бѣгствѣ другого ребенка, Кипсела. По отношенію къ Пирру молосцы проявили то же непостоянство характера, которое даетъ себя знать во всей исторіи Эпира. Хотя они и привыкли находиться подъ управленіемъ царей, но, повидимому, во всякое время были готовы принять новаго правителя. Такъ, временная отлучка Пирра, когда ему было 16 лѣтъ отроду, вторично лишила его царскаго достоинства. Но это время онъ провелъ въ великихъ войнахъ и при блестящихъ дворахъ, и этому обстоятельству, а вовсе не своему прославленному происхожденію отъ греческихъ героевъ, онъ обязанъ тѣми царственными манерами и тѣмъ лоскомъ, которые такъ дѣйствовали на римлянъ.

Пирръ родился послѣ смерти Александра (въ 318 г. до Р. Х.) и потому ознакомился съ этимъ идеаломъ своего вѣка уже изъ вторыхъ рукъ. Но онъ былъ близокъ съ Димитріемъ, самымъ выдающимся человѣкомъ того времени; онъ участвовалъ въ битвѣ царей (при Ипсѣ) и затѣмъ отправился въ качествѣ добровольнаго заложника отъ Димитрія въ Египетъ, гдѣ въ то время престарѣлый Птоломей писалъ свои

мемуары объ Александрѣ. Здѣсь Пирръ познакомился съ біографіей завоевателя и съ тѣхъ поръ сталъ подражать ему до мельчайшихъ подробностей; передъ сраженіями ему непремѣнно являлись пророческіе сны; онъ сражался въ рядахъ конницы и въ то же время стоялъ во главѣ всего войска и управлялъ всѣми его движеніями. Водворившись снова въ своемъ царствѣ, онъ, подобно Александру, сталъ вести дневникъ; у него было много женъ и всѣ царской крови; между прочимъ въ Александріи, въ годы своей юности, онъ пріобрѣлъ расположеніе царицы, которая выдала за него свою дочь Антигону, хотя онъ былъ тогда царемъ безъ царства. Въ противоположность Димитрію, онъ не годился для женскаго общества: онъ имѣлъ слишкомъ свирѣпый видъ, чтобы его можно было назвать красивымъ, и о его тѣсно сидящихъ зубахъ сложился разсказъ, будто вмѣсто каждаго ряда зубовъ у него была сплошная кость. Говорили еще, будто онъ излѣчивалъ болѣзни печени, принося въ жертву пѣтуха и растирая печень больного правой ногой. Наконецъ въ большомъ пальцѣ ноги заключалась у него будто бы такая божественная сила, что, подобно сердцу Шелли, этотъ палецъ остался невредимъ на погребальномъ кострѣ.

Для насъ интересъ къ его личности главнымъ образомъ сосредоточивается на томъ, въ какой полнотѣ этотъ молосецъ воспринялъ эллинскую или, вѣрнѣе, эллинистическую культуру и какъ онъ сумѣлъ занять свое мѣсто въ этомъ многочисленномъ обществѣ царей, которые жили другъ съ другомъ во враждебномъ мирѣ или въ дружественной враждѣ, всегда были врагами, но никогда не вступали въ

открытую борьбу, которыхъ соединяли узы брака и разъединяли непримиримые интересы, и которые изъ всего видѣннаго міромъ до и послѣ нихъ болѣе всего напоминаютъ норманскихъ бароновъ южной Европы. Первый министръ Пирра, ѳессаліецъ Кинеасъ, прославился своей дипломатической дѣятельностью въ Римѣ. Ораторъ, грекъ, человѣкъ, «который слышалъ Демосѳена», онъ, подобно грекамъ, слѣдовавшимъ за Александромъ, былъ гораздо выше своихъ соперниковъ. Эта склонность подражать великимъ образцамъ прошедшаго есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого вѣка, рѣшительно порвавшаго съ прошлымъ въ политикѣ и морали. Едва ли можно вѣрить разсказу о тѣхъ взаимныхъ любезностяхъ между Кинеасомъ и сенатомъ, которыя представлялись Плутарху и міру такимъ апогеемъ дипломатической тонкости. Какъ могли римляне того времени понимать греческій языкъ? А Кинеасъ, разумѣется, не зналъ латинскаго. О существованіи переводчика не сказано ни слова, а между тѣмъ всѣ подобныя сношенія должны были происходить при посредствѣ кого-нибудь въ этомъ родѣ, какого-нибудь самнитянина или апулійца, происходившаго отъ матери-гречанки.

Тѣмъ не менѣе общій характеръ войны переданъ, повидимому, вѣрно. Римляне признавали въ Пиррѣ человѣка, стоявшаго выше уровня цивилизаціи Италіи, смѣлаго полководца и достойнаго противника. И дѣйствительно, хотя это былъ, собственно, простой воинъ и искатель счастья, который жаждалъ побѣды, какъ средства къ новымъ завоеваніямъ, и думалъ только о своей славѣ, но культура коренилась въ немъ уже такъ глубоко, что и на войнѣ онъ являлся

истиннымъ джентльменомъ и даже постигъ нравственную глубину и силу римскаго характера. Здѣсь онъ нашелъ, дѣйствительно, философію лучше стоической, потому что это была философія цѣлаго народа, проявляемая въ дѣйствительной жизни; и Пирръ, послѣ своихъ неудачъ въ обѣихъ Сициліяхъ, ясно понялъ, что тутъ крылась причина того могущества, которое угрожало дѣйствительной опасностью восточному эллинизму. Онъ сталъ звать на помощь своихъ союзниковъ и соперниковъ, но напрасно. Когда его походъ въ Италію былъ впервые задуманъ, то общимъ желаніемъ всѣхъ ихъ было отдѣлаться отъ этого странствующаго рыцаря, стоявшаго имъ на дорогѣ. Такимъ образомъ передъ нашими глазами открывается зрѣлище, невозможное ни въ какой другой вѣкъ. Три царя—Птоломей Керавнъ, завладѣвшій Македоніей, его братъ Филадельфъ египетскій и Антіохъ азіатскій, которые въ это время воевали другъ съ другомъ, всѣ спѣшатъ доставить Пирру людей, лошадей, слоновъ и денежныя средства, лишь бы только избавиться отъ этого пришлеца, на котораго никто изъ нихъ не могъ положиться. Теперь же, когда Пирръ понялъ и довелъ до ихъ свѣдѣнія дѣйствительную опасность, они оказались слишкомъ эгоистичны и слишкомъ заняты, чтобы помочь ему. Правда, Птоломея Керавна уже не было въ живыхъ (онъ былъ убитъ галатами), и македонское царство досталось снова Антигону Гонату, человѣку новаго времени и новыхъ идей.

Не получивъ помощи, Пирръ, раздраженный, вернулся домой, напалъ на Антигона и въ свою очередь завоевалъ Македонію. Затѣмъ, послѣ еще одного неудачнаго посягательства на Спарту, онъ умеръ отъ

руки старой женщины на улицахъ Аргоса (272 до Р. Х.). Но хотя его дѣятельность прошла безслѣдно для эллинистическихъ государствъ, самъ онъ, его личность, представляетъ собой еще одинъ образецъ лжеалександровскаго типа. Для Пирра война была жизнью и опасность — наслажденіемъ; дворъ его являлся разсадникомъ роскоши и утонченности; его обращеніе даже съ врагами дѣйствовало смягчающимъ образомъ на нравы вѣка, а его дворецъ въ Амвракіи доказывалъ грубымъ жителямъ Эпира, что храбрость и смѣлость горца отлично могутъ соединяться съ роскошью шелковыхъ занавѣсей и пурпурныхъ ковровъ восточныхъ монарховъ.

Въ Димитріи Поліоркетѣ (осаждателѣ) мы находимъ характеръ вообще весьма родственный съ Пирромъ, но во многихъ отношеніяхъ разнородный. Димитрій родился въ 337 г. и былъ приблизительно двадцатью годами старше Пирра; но хотя онъ умеръ только девятью годами раньше послѣдняго, мы не можемъ замѣтить въ немъ ни малѣйшаго слѣда той трезвости и того спокойствія, которыя подобали его возрасту. Его жизнь есть совершенный водоворотъ юношескаго веселья и приключеній. Всю юность онъ провелъ во Фригіи при дворѣ царя Антигона, не лишенномъ блеска, несмотря на грубость нравовъ, свойственную этому старику. Подобно Александру, Димитрій прошелъ высшую школу эллинизма; внѣшность его отличалась такой красотой, что ни скульпторы, ни художники не могли достойнымъ образомъ ее воспроизвести. Подобно всѣмъ своимъ соперникамъ, онъ выросъ и воспитался на военномъ искусствѣ. Онъ былъ превосходный полководецъ на сушѣ и на морѣ, особенно же прославился при осадѣ

городовъ, отъ чего и получилъ свое прозвище. «Благодаря своему росту и красотѣ», говоритъ Діодоръ, «онъ имѣлъ до такой степени героическій и благородный видъ, что жители тѣхъ странъ, гдѣ ему приходилось бывать, при видѣ этой красоты, соединенной съ царскимъ величіемъ, дивились и слѣдовали за нимъ, увлеченные уже одной его наружностью. Онъ обладалъ также блестящимъ и возвышеннымъ умомъ, такъ что могъ первенствовать не только надъ обыкновенными людьми, но и надъ авторитетами. И что всего замѣчательнѣе: въ мирное время онъ предавался попойкамъ и пирамъ съ пляской и буйствомъ, стараясь воспроизвести царство Діониса, которое, по преданію, когда-то было на землѣ; а въ военное время былъ дѣятеленъ и воздерженъ, превосходя своихъ товарищей и въ умственномъ и въ физическомъ трудѣ. Въ его время были введены въ употребленіе могучія стѣнобитныя орудія, и были изобрѣтены всевозможныя машины, далеко превосходившія все, что было извѣстно другимъ народамъ». Въ противоположность Пирру, Димитрій не ставилъ себѣ, однако, идеаломъ военную дѣятельность Александра. Для него сраженія были не цѣлью, а только путемъ къ той славѣ, которая должна была доставить ему всемірное господство надъ умами мужчинъ и надъ сердцами женщинъ. Эта послѣдняя страсть, однако, постоянно шла въ разрѣзъ съ высшими интересами Димитрія, и разнообразіе его сердечныхъ связей сдѣлалось предметомъ не столько порицанія, сколько удивленія современниковъ.

Въ этомъ отношеніи онъ оказывается гораздо ниже своего образца, потому что умъ Александра былъ постоянно занятъ болѣе важными предметами, а съ

другой стороны, Александръ несъ такую тяжелую физическую работу, что подобныя развлеченія не имѣли для него никакой притягательной силы. Но если Пирръ желалъ слѣдовать по стезямъ Александра на почвѣ одного военнаго искусства и достигъ такого совершенства, что, по мнѣнію теоретиковъ, превзошелъ въ этомъ отношеніи своего учителя, то Димитрій избралъ болѣе фантастическій путь, вообразивъ, что Александръ достигъ своихъ величайшихъ успѣховъ не оружіемъ, а одними своими личными качествами. Силой и красотой онъ не уступалъ Александру; онъ старался не отстать отъ него и въ образованіи; таланты его были несомнѣнны; ему недоставало только творческаго генія.

Греческій языкъ нелегко давался македонянамъ. Александръ, ученикъ такого знатока реторики, какъ Аристотель, не могъ овладѣть греческимъ стилемъ даже того времени, какъ можно судить по его манифесту, который онъ послалъ Дарію послѣ битвы при Иссѣ (Арріанъ II, 14). Этотъ документъ составленъ удивительно тяжелымъ и плохимъ языкомъ. О Димитріи же мы не можемъ даже сказать, чтобы онъ хоть въ зрѣломъ возрастѣ научился говорить по-гречески какъ слѣдуетъ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей къ аѳинянамъ (около 295 г. до Р. Х.) онъ говорилъ по-гречески «варварскимъ языкомъ» (ἐβαρβάρισε), и одинъ стоящій вблизи аѳинянинъ поправлялъ его. Плутархъ, конечно на основаніи источниковъ, постоянно говоритъ о театральности внѣшняго вида и пріемовъ Димитрія. Онъ всегда игралъ великаго человѣка, и если онъ не проводилъ вечеровъ въ похвальбѣ своими подвигами, какъ, говорятъ, дѣлалъ Александръ, то и безъ того всякій невольно

чувствовалъ, какъ высоко онъ себя ставилъ надъ другими.

Однако и у Димитрія было немало блестящихъ побѣдъ, которыми онъ могъ гордиться. Онъ разбилъ на морѣ и на сушѣ Птоломея, больше всѣхъ діадоховъ избалованнаго успѣхами. Царицы спорили изъ-за его руки и даже довольствовались его временной благосклонностью. Художники и философы открывали передъ нимъ свои духовныя сокровища. Когда хитрый старикъ-отецъ послалъ этого юношу въ «свободныя Аѳины», мы можемъ себѣ представить, съ какими блестящими надеждами онъ поселился тамъ въ Пиреѣ, какъ онъ воображалъ себя будущимъ правителемъ настоящей эллинской имперіи, въ столицѣ которой будутъ процвѣтать истинная культура и утонченность. Мы не имѣемъ извѣстій о томъ, какъ именно эти иллюзіи были разсѣяны; но, вѣроятно, тутъ сыграла роль и непозволительная лесть возстановленной Димитріемъ демократіи. Формальныя постановленія Стратокла, провозглашающія его и его отца царями, затѣмъ богами и попирающія въ прахъ передъ нимъ новую аѳинскую свободу, должны были дѣйствительно показать ему, что прошли дни этой формы правленія, и что эллинизму не суждено было возродиться въ Аѳинахъ. Мы ничего не знаемъ о посѣщеніи имъ философскихъ школъ въ Аѳинахъ; не знаемъ также, насколько ему удалось побороть негодованіе Зенона, Эпикура и Ксенократа, нравственное чувство которыхъ, вѣроятно, было оскорблено его поведеніемъ. Замѣтимъ, что эти люди тогда еще были вождями лучшихъ классовъ аѳинскаго общества. Но къ этому любопытному періоду аѳинской исторіи мы еще вер-

немся, когда будетъ закончена наша портретная галлерея царей.

Когда всѣ мечты Димитрія были опрокинуты, проникнутый чувствомъ отвращенія и презрѣнія къ аѳинянамъ, онъ обратился къ грубымъ удовольствіямъ и устроилъ страшный кутежъ, во время котораго оскорблялъ всѣ святыни Акрополя, привелъ между прочимъ нечестивую Ламію ужинать съ Аѳиной въ Парѳенонѣ, и велъ жизнь самаго распущеннаго восточнаго деспота въ томъ городѣ, которому самъ вернулъ свободу. Съ этого времени мы замѣчаемъ въ Димитріи перемѣну въ обращеніи съ подвластными ему людьми: онъ становится грубъ до цинизма и эгоистиченъ. Сдѣлавшись царемъ Македоніи, онъ поразилъ всѣхъ своей надменностью и въ высшей степени неделикатной манерой обращаться съ подданными. Онъ научился относиться презрительно къ обыкновеннымъ смертнымъ. Аѳиняне, которые когда-то оказывали ему божескія почести, теперь не потерпѣли бы его и на положеніи изгнанника. Мало-по-малу онъ сталъ смотрѣть на массы людей только какъ на орудіе для дальнѣйшихъ завоеваній, а не какъ на разумныя нравственныя существа, которыми надо править силою внушаемой имъ любви. Онъ сдѣлался не меньше Пирра бичомъ своего времени.

И все-таки у него была свѣтлая сторона, которую ничто не могло омрачить; подъ слоемъ низшихъ примѣсей въ его душѣ скрывалось настоящее золото. Его сильная и нѣжная любовь къ отцу служила предметомъ удивленія для современниковъ и предметомъ постоянной гордости для старика-отца; не менѣе замѣчательна преданность Димитрію его благородной жены Филы, дочери стараго Антипатра: она

никогда не покидала мужа, не взирая ни на какія его дикія причуды, ни на какія превратности его судьбы, и покончила съ собою, когда убѣдилась въ неизбѣжности его погибели. Такую же постоянную любовь проявилъ и ея сынъ Антигонъ, впослѣдствіи мудрый и просвѣщенный правитель Македоніи и Греціи, который готовъ былъ пожертвовать своей свободой и даже жизнью, чтобы спасти своего разореннаго и безпріютнаго отца. И эти чувства питала къ Димитрію не только одна его семья. Когда онъ попалъ въ плѣнъ, многіе города и цари обращались къ Селевку съ просьбой возвратить ему свободу, а противъ нихъ дѣйствовалъ одинъ Лизимахъ, который настоятельными просьбами и предательскими предложеніями старался предохранить міръ отъ новаго безпокойства и безпорядка, въ случаѣ если этотъ зажигатель снова очутится на свободѣ. Эти факты показываютъ, какія сильныя чары заключались въ этомъ человѣкѣ; и источника этихъ чаръ надо искать въ чемъ-то болѣе высокомъ, чѣмъ его рыцарское великодушіе на войнѣ, или даже то нѣсколько аффектированное уваженіе къ искусству, которое онъ проявилъ при заключеніи договора съ родосцами, во время великой осады города, по поводу картины Протогена (послѣ семилѣтнихъ трудовъ художника картина оставалась въ неоконченномъ видѣ въ городскомъ предмѣстьи). Димитрій увѣрялъ ихъ, что скорѣе сожжетъ статуи своего отца, чѣмъ погубитъ такое произведеніе искусства.

Для завершенія характеристики выдающихся людей этого вѣка намъ остается еще познакомиться съ личностью Касандра македонскаго, сына Антипатра, всю жизнь проведшаго въ борьбѣ сперва съ царской

фамиліей, потомъ съ Димитріемъ, съ Пирромъ, съ Птоломеемъ, — когда тотъ попытался напасть на него, — наконецъ, и ожесточеннѣе всего, съ греческой демократіей. Касандръ былъ приблизительно одного возраста съ Александромъ, но презиралъ ли его царь или просто не чувствовалъ къ нему расположенія,—только Касандръ не былъ взятъ въ Азію. Можетъ-быть, впрочемъ, это было послѣдствіемъ его слабаго здоровья: извѣстно, что онъ не имѣлъ никакой склонности къ физическимъ упражненіямъ и до зрѣлаго возраста,—говорятъ, до 35 лѣтъ,—былъ принужденъ сидѣть во время обѣда за дѣтскимъ столомъ, такъ какъ не убилъ еще ни одного дикаго кабана (это былъ обычай македонской провинціальной аристократіи). Этимъ недостаткомъ, навѣрное, онъ и заслужилъ презрѣніе Александра; но какова бы ни была причина, Касандръ всю жизнь впослѣдствіи выказывалъ самую рѣшительную враждебность къ великому царю. По разсказамъ, Касандръ отличался пылкимъ темпераментомъ и рѣдкимъ упорствомъ. Онъ не былъ только воиномъ, какимъ представляется намъ его отецъ, а прошелъ всю школу греческой мудрости. Гомеръ былъ его любимымъ поэтомъ, и онъ, подобно Александру, постоянно имѣлъ при себѣ особый экземпляръ его поэмъ и большую часть ихъ зналъ наизусть: это единственный пунктъ, въ которомъ его можно назвать подражателемъ Александра. О педагогическихъ способностяхъ его учителей можно, пожалуй, судить по любопытнымъ проявленіямъ педантизма у его брата Алексарха. Онъ построилъ на свои средства городъ Уранополь на вершинѣ горы Аѳона и ввелъ тамъ странное нарѣчіе, сочиненное по какимъ-то особымъ законамъ сло-

воображованія. Атеней цитируетъ написанное имъ письмо и прибавляетъ, что оно поставило бы втупикъ самого θиванскаго сфинкса.

Отношеніе Касандра къ Александру, вѣроятно, объясняется звѣрскимъ поступкомъ царя: пріѣхавъ въ первый разъ въ Вавилонъ по порученію своего отца Антипатра, регента Македоніи, Касандръ увидѣлъ, съ какими земными поклонами восточные люди приближались къ Александру, и разразился смѣхомъ. Александръ былъ такъ взбѣшенъ, что схватилъ его за волосы и сталъ бить головой объ стѣну. Можно сказать съ увѣренностью, что этотъ надменный человѣкъ рѣшилъ смыть это оскорбленіе кровью. Судьба представила ему немало случаевъ осуществить это намѣреніе.

Онъ, очевидно, не былъ хорошъ съ отцомъ, судя по тому, что отецъ, умирая, назначилъ его на второстепенную должность хиліарха, а регентство передалъ не ему, а Полисперхону, предостерегая обоихъ на смертномъ одрѣ, чтобы они отнюдь не допускали къ браздамъ правленія женщинъ, особенно же одержимую бѣшеными страстями царицу-мать. Касандръ, конечно, отъ души обѣщалъ хранить эти завѣты, но мысленно, вѣроятно, поклялся примѣнить ихъ и къ мужской половинѣ царскаго дома.

Не оставляя своего второстепеннаго поста, онъ удалился, подъ предлогомъ охоты, во Θракію и Азію; вмѣсто охоты онъ соединился здѣсь съ Антигономъ и рѣшилъ отнять у новаго регента и царской семьи Грецію и Македонію, гдѣ у него было много сторонниковъ среди мѣстныхъ правителей. Съ тѣхъ поръ Касандръ открыто усвоилъ себѣ политику независимаго государя и неуклонно шелъ наперекоръ ин-

тересамъ царскаго дома Александра. Разнообразныя приключенія его послѣдующей жизни, его постоянныя войны въ Греціи, Македоніи и Эпирѣ принадлежатъ къ самымъ запутаннымъ частямъ и безъ того сложной исторіи этого періода. Въ противоположность всѣмъ прочимъ діадохамъ, Антигону, Димитрію, Птоломею и прежде всего Полисперхону, которые неизмѣнно провозглашали свободу грековъ, Касандръ рѣшился управлять ими при помощи олигарховъ и поставить вездѣ гарнизоны; и эта политика, унаслѣдованная имъ отъ отца, въ общемъ совершенно ему удалась.

Раздоры царскаго семейства представили Касандру удобный случай привести въ исполненіе давно задуманный планъ истребленія царскаго дома. Смѣлая и предпріимчивая царица Эвридика, жена глупаго Филиппа Арридея, явилась къ нему съ предложеніемъ вернуться вмѣстѣ съ нею изъ Азіи въ Македонію, гдѣ она хотѣла возстановить права своего мужа. Противъ нея, конечно, выступила Олимпіада, которая взяла подъ свое покровительство Роксану съ маленькимъ Александромъ и защищала ихъ съ ревнивой страстностью. Въ послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ за престолъ одержала верхъ Олимпіада, послѣ чего она предала казни сразу всѣхъ соперниковъ. Но этого было мало: наказывая приверженцевъ своихъ враговъ, она дошла до такихъ возмутительныхъ неистовствъ, что македоняне прониклись къ ней отвращеніемъ и перешли на сторону Касандра. Не спасла Олимпіады и помощь ея регента Полисперхона; македоняне, при нѣкоторомъ давленіи со стороны Касандра, приговорили ее къ смерти.

Съ этого времени царемъ македонскимъ былъ на

дѣлѣ Касандръ, на попеченіи котораго находились Роксана и ея сынъ. Сперва онъ удалилъ мальчика съ глазъ народа, потомъ заключилъ въ темницу и наконецъ лишилъ жизни. Это было жестокое и холодное убійство, тщательно обдуманное и приведенное въ исполненіе съ такимъ благоразуміемъ, что народъ былъ лишенъ всякой возможности выразить свои симпатіи къ несчастному молодому государю. Судьба дѣтей, погибшихъ въ Тауерѣ, не была печальнѣе участи этого мальчика, который родился, чтобъ унаслѣдовать власть надъ всѣмъ міромъ, росъ сначала въ чужеземной роскоши, потомъ вдали отъ свѣта, затѣмъ въ заключеніи, пока ядъ не положилъ конца его жизни. Не сохранилось никакого извѣстія, ни одного разсказа, по которому можно бы составить хоть какое-нибудь представленіе о личности и характерѣ мальчика. Но уже одна его судьба дѣлаетъ изъ него удивительно трагическую фигуру.

Оставался еще только одинъ побочный сынъ Александра, Гераклъ, котораго Полисперхонъ объявилъ законнымъ наслѣдникомъ престола, чтобы удержать за собою ускользавшее изъ его рукъ положеніе регента. Но своей безпощадной логикой Касандръ убѣдилъ своего соперника погубить его. Войны и открытыя враждебныя дѣйствія играли далеко не первую роль въ политикѣ этихъ сатраповъ. Они всѣ хорошо понимали другъ друга и вели борьбу съ видомъ самаго циничнаго благодушія и дружелюбія. Такимъ образомъ весь домъ Александра былъ стертъ съ лица земли человѣкомъ, котораго тотъ считалъ за болѣзненнаго нѣженку и не считалъ достойнымъ участвовать въ его походахъ.

Эта личная вражда къ царскому дому видна и въ

политикѣ Касандра не меньше, чѣмъ въ его мщеніи. Въ его правленіи нельзя усмотрѣть ни слѣда заимствованія у азіатскихъ народовъ; онъ, повидимому, даже избѣгаетъ всякихъ притязаній на власть въ предѣлахъ Азіи. Правда, ему принадлежали греческіе города въ Каріи, но и они были нужны ему только для противодѣйствія Птоломею. Очевидно, онъ мечталъ создать европейскую монархію, которая бы основывалась на верховенствѣ Македоніи и на вынужденной поддержкѣ со стороны Греціи.

Касандръ не былъ великимъ полководцемъ, но благодаря своей замѣчательной твердости ни разу не уступилъ даже Димитрію, который, несмотря на весь свой блескъ, несмотря на освобожденіе грековъ, не смогъ вытѣснить его изъ его царства. Касандру угрожала нешуточная опасность передъ самой битвой при Ипсѣ, но великія событія въ Азіи, требовавшія немедленнаго разрѣшенія, заставили обоихъ противниковъ согласиться прекратить на время войну въ Европѣ и отослать свои силы въ Азію.

При всей своей разнообразной дѣятельности, Касандръ не принадлежалъ къ типу неутомимаго стараго поколѣнія; онъ умеръ отъ затяжной болѣзни, пятидесяти-семи лѣтъ отроду, и его дѣти, повидимому, унаслѣдовали его физическую слабость вмѣстѣ съ худшей стороной его характера. Одни изъ нихъ убили другъ друга, другія были убиты Димитріемъ, и такимъ образомъ монархія Касандра перестала существовать; прошло много лѣтъ очень серьезной борьбы, прежде чѣмъ она была вновь возстановлена сыномъ его сестры и Димитрія, Антигономъ.

Касандръ принадлежитъ, несомнѣнно, къ самымъ опредѣленнымъ, твердымъ и послѣдовательнымъ ха-

рактерамъ между діадохами. Отсутствіе геніальности возмѣщалось въ немъ избыткомъ рѣшительности. Репутація убійцы семейства Александра налагаетъ темное пятно на его память; но не желая обѣлять его, мы можемъ замѣтить, что среди его соперниковъ не было человѣка, который поступилъ бы иначе, — кромѣ Эвмена, по вышеприведеннымъ причинамъ. Сынъ Александра вскорѣ отнялъ бы всѣ полномочія у своихъ регентовъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ сатраповъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія отказываться отъ верховной власти.

Теперь мы закончили характеристику разныхъ государей, которые правили восточнымъ міромъ во время страшныхъ бурь, предшествовавшихъ распространенію эллинизма. Въ этотъ періодъ войнъ и военныхъ приготовленій полководецъ и армія сосредоточиваютъ на себѣ общественное вниманіе, какъ будто бы не существовало гражданской жизни и внутреннихъ событій. Но эти полководцы, подобно средневѣковымъ баронамъ, содержали пышный дворъ и строго соблюдали церемоніалъ. При ихъ дворахъ, какъ при дворахъ бароновъ, составлялось особаго рода общество, гдѣ соблюдался этикетъ и гдѣ другимъ государямъ, хотя бы они были даже соперники и враги, оказывалось гораздо больше уваженія, чѣмъ подданнымъ.

Самымъ яркимъ признакомъ перемѣны въ общественномъ настроеніи служитъ принятіе титула царя (βασιλεύς), —титула, который когда-то былъ чуждъ и ненавистенъ эллинскому міру и считался исключительной принадлежностью великаго наслѣдственнаго правителя восточныхъ варваровъ. Аѳиняне только предупредили поворотъ общественнаго мнѣнія,

когда, перейдя всѣ границы лести, привѣтствовали своихъ освободителей, Антигона и Димитрія, титуломъ царей. Едва ли они дѣлали это съ искреннимъ чувствомъ, и такое безсознательное выраженіе потребностей вѣка, вѣроятно, было встрѣчено неодобреніемъ со стороны самыхъ уважаемыхъ ихъ согражданъ. Годъ спустя (306 до Р. Х.), всѣ главные сатрапы—Антигонъ, Птоломей, Селевкъ—формально приняли это наименованіе; послѣднимъ принялъ его Касандръ, какъ будто колеблясь присвоить себѣ титулъ, который принадлежалъ его жертвамъ. Когда погибъ послѣдній членъ фамиліи Александра, Гераклъ (309 до Р. Х.), ничто болѣе не могло удерживать и Касандра отъ этого шага. Съ тѣхъ поръ каждый изъ діадоховъ владѣлъ своимъ царствомъ по праву завоеванія (δορίκτητον): никакихъ ссылокъ на болѣе древнія права не требовалось. Раздѣлъ имперіи при Трипарадизѣ былъ принятъ за отправную точку политической исторіи каждаго изъ этихъ государствъ.

Сдѣланная характеристика государей и дворовъ времени діадоховъ была бы, однако, неполна, если бы мы ничего не прибавили о царицахъ, которыя играютъ такую выдающуюся роль въ великой борьбѣ. Это уже не тѣ женщины, которыя считаютъ особой заслугой ни разу не быть упомянутыми среди мужчинъ ни съ хорошей, ни съ дурной стороны; это надменныя государыни съ царскими правами и своей личной собственностью, которыя могли произносить рѣчи, скакать во главѣ своихъ войскъ и предлагать свою руку мужчинамъ.

Филиппъ ввелъ обычай многоженства; мы знаемъ о семи болѣе или менѣе законныхъ его бракахъ.

Среди его женъ первое мѣсто занимала мрачная и жестокая Олимпіада, игравшая видную роль въ исторіи. Она не терпѣла соперницъ и послѣ смерти Филиппа, которой она будто бы способствовала, запытала до смерти послѣднюю его жену, Клеопатру, и ея маленькаго сына. Послѣ этого она жила до самой смерти своего сына и пережила его нѣсколькими годами, въ теченіе которыхъ заявляла притязанія на македонскій престолъ, жестоко ссорилась съ Антипатромъ и при всякомъ удобномъ случаѣ требовала смерти своихъ соперниковъ. Роксану съ ея маленькимъ сыномъ она, повидимому, приняла съ тѣми почтительными чувствами, какія подобали по отношенію къ законной женѣ Александра и его наслѣднику; есть что-то трагическое въ ея усиліяхъ удержать за ними власть и защитить ихъ отъ холоднаго и жестокаго Касандра. До самаго послѣдняго времени она сохранила, въ качествѣ матери Александра, такое вліяніе на македонскихъ солдатъ, что тѣ согласились умертвить ее только послѣ предварительнаго слѣдствія, которое, впрочемъ, было произведено только для вида. Виновная во многихъ смертяхъ и пыткахъ, Олимпіада все-таки обладала добродѣтелью дикаря и умерла безъ страха и съ достоинствомъ. Судя по сообщеніямъ Діодора, слѣдствіе производилось въ ея отсутствіе, и приговоръ былъ произнесенъ родственниками людей, убитыхъ ею въ то время, какъ она была правительницей Македоніи и вела войну съ Касандромъ. Тутъ Касандръ далъ ей тайный совѣтъ бѣжать и приготовилъ для нея корабль, съ тайной цѣлью умертвить ее въ дорогѣ. Но она отвѣчала, что не желаетъ бѣжать и намѣрена явиться на судъ передъ всѣми македонянами.

Этого Касандръ не рѣшился допустить въ виду того высокаго положенія, которое она занимала въ глазахъ народа, и подослалъ къ ней 200 человѣкъ убійцъ. Она вышла къ нимъ навстрѣчу въ царскомъ облаченіи, опираясь на двухъ своихъ придворныхъ дамъ. Увидѣвъ это зрѣлище, убійцы удалились со стыдомъ. Тогда Касандръ снова обратился къ родственникамъ ея жертвъ, и тѣ убили ее камнями. Умирая, она приглаживала свои сѣдые волосы и поправляла платье во время паденія.

Итакъ, несмотря на свой бѣшеный темпераментъ и на множество кровожадныхъ поступковъ, эта женщина была не только настоящей царицей, но достигла того «божественнаго ореола, который окружаетъ царей». Объ ея образованіи намъ извѣстно только то, что она принадлежала къ двумъ мистическимъ сектамъ орфиковъ и вакхиковъ и что она осаждала Александра письмами. Эти письма считались писанными ея рукой, какъ можно судить по приведенному у Плутарха разсказу о томъ, какъ аѳиняне во время войны съ ея мужемъ Филиппомъ захватили его посланныхъ и прочли всѣ бумаги, но не захотѣли раскрывать письма Олимпіады, которое и отослали по назначенію, не снявъ печатей. Эта вѣжливость указываетъ на то, что они считали письмо написаннымъ ею самою. Трудно рѣшить, писала ли она по-гречески или по-македонски. Но будучи уроженкой Иллиріи и потому не вполнѣ владѣя македонскимъ языкомъ, она, вѣроятно, употребляла греческій,—подобно тому, какъ всѣ мелкіе нѣмецкіе государи употребляли французскій,—и имѣла своего довѣреннаго секретаря, завѣдывавшаго всей той многочисленной тайной и открытой корреспон-

денціей, которую она поддерживала съ сыномъ, а потомъ съ Пердиккой, Эвменомъ, Полисперхономъ и съ городами,—напримѣръ, съ Аѳинами.

У Филиппа было три дочери: Клеопатра, отъ Олимпіады и, слѣдовательно, родная сестра Александра Великаго; Кинана, отъ иллирійской царицы, и Ѳессалоника, впослѣдствіи жена Касандра, который въ честь ея назвалъ новый городъ, прославившійся въ исторіи и существующій и въ наши дни. Она была убита однимъ изъ своихъ сыновей. Но хотя имя ея и не погибло, однако мы не знаемъ ничего объ ея характерѣ, да она и не играла такой выдающейся роли, какая выпала на долю ея сводныхъ сестеръ. Первая изъ нихъ, Клеопатра, была женой своего дяди по матери, эпирца (молосца) Александра, который сдѣлалъ попытку подчинить себѣ Западъ въ то самое время, когда его великій тезка завоевывалъ Востокъ. Затѣмъ, по приглашенію городовъ великой Греціи, онъ отправился защищать ихъ противъ абруцскихъ горцевъ, которые постепенно подрывали греческое могущество въ Италіи. Но онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и былъ убитъ италійскими греками, а армія его была разсѣяна (около 331 до Р. Х.).

Такимъ образомъ молодая вдова оказалась вмѣстѣ съ своей теткой Олимпіадой въ числѣ претендентовъ на престолъ Эпира и Македоніи. Между ними происходили столкновенія, но въ общемъ ихъ интересы сходились, и молодая царица послѣ смерти своего брата Александра хотѣла осуществить свои притязанія на престолъ. Она была самымъ законнымъ претендентомъ, пока сынъ царицы Роксаны не достигъ совершеннолѣтія; и законность ея притязаній

была настолько общепризнанной, что она могла выбирать мужей во всемъ мірѣ. Она втайнѣ выбрала изящнаго Леонната, —вѣроятно по личной склонности, — и онъ немедленно явился по ея приглашенію, но былъ убитъ, сражаясь вмѣстѣ съ Антипатромъ при Ламіи. Затѣмъ ея тетка сдѣлала за нее предложеніе Пердиккѣ, когда тотъ сталъ регентомъ. Онъ принялъ предложеніе, обѣщая отказать дочери Антипатра, которая была прислана къ нему. Но и онъ былъ убитъ при нападеніи на Египетъ. Если бы Эвменъ остался побѣдителемъ, онъ несомнѣнно женился бы на Клеопатрѣ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ она пребывала въ Сардахъ, окруженная царской пышностью. Когда старый Антипатръ, вернувшись изъ Трипарадиза въ санѣ регента, обвинилъ ее въ измѣнѣ и козняхъ, она съ такимъ умомъ защищалась публично передъ македонянами, что этотъ полководецъ предпочелъ оставить ее въ покоѣ. Наконецъ она очутилась во власти Антигона въ Сардахъ и, будучи пятидесяти лѣтъ отроду, получила предложеніе бѣжать въ Египетъ и сдѣлаться женой Птоломея, который былъ уже женатъ и имѣлъ взрослыхъ дѣтей. Она была убита по приказу Антигона: находясь въ это время на вершинѣ власти (308 до Р. Х.), онъ все еще опасался того значенія, которое его соперникъ могъ пріобрѣсти женитьбой на царицѣ-изгнанницѣ.

У Клеопатры былъ такой же смѣлый, независимый характеръ, какъ у Олимпіады, и она, сестра Александра, навѣрно не была воспитана взаперти, какъ воспитывались греческія дѣвушки. Она знала греческій языкъ въ совершенствѣ, но все-таки, надо думать, свою защитительную рѣчь передъ войскомъ

въ Сардахъ она произносила по-македонски. Этимъ, можетъ-быть, и объясняется то огромное вліяніе, которымъ пользовались въ свое время эти царицы. Въ то время какъ при дворахъ сатраповъ нельзя было услышать ничего, кромѣ греческаго языка, родная рѣчь въ устахъ царицы должна была казаться имъ чѣмъ-то въ родѣ дуновенія вѣтра съ родныхъ горъ; даже Александръ въ свои интимныя минуты обращался къ нимъ μακεδονιστί (на македонскомъ языкѣ); и, конечно, это было особенно кстати передъ народнымъ судомъ свободныхъ воиновъ, изъ которыхъ иные могли прямо не понять защитительной рѣчи, произнесенной по-гречески. Жизнь Клеопатры обнаруживаетъ у нея весьма распространенный въ то время взглядъ на бракъ: въ бракѣ она видѣла чисто-политическую сдѣлку, совершаемую ради власти и связей. Она отдавала свое царское имя и, можетъ-быть, также обширныя владѣнія, взамѣнъ войскъ и честолюбивыхъ замысловъ македонскаго полководца-сатрапа. Большая часть штата, состоявшаго при Александрѣ, были люди, происходившіе изъ благородныхъ семействъ; прежде они всѣ были самостоятельными государями и только при немъ превратились въ подданныхъ. Конечно, бракъ съ Эвменомъ Клеопатра сочла бы большой mésalliance, которую можно извинить только очень важными политическими соображеніями; но сдѣлать предложеніе Леоннату или Птоломею было для нея такъ же естественно, какъ для тѣхъ было естественно вступить въ бракъ для расширенія своего могущества.

Насколько Олимпіада и Клеопатра могли бы съ успѣхомъ быть восточными царицами, настолько Ро-

ксана способна была убивать своихъ соперниковъ и ихъ дѣтей—совершенно такъ же, какъ македонянка Олимпіада. Кинана, дочь Филиппа отъ матери иллирійки и ея дочь Эвридика, по желанію македонянъ вышедшая замужъ за Филиппа Арридея, представляютъ собою совершенно иной типъ. Кинана отправлялась на войну верхомъ на лошади и дѣлала нападенія на враговъ такъ же, какъ ея сводный братъ, царь македонскій. Онъ предалъ смерти ея мужа Аминту, и она осталась вдовой; но войну она предпочитала семейной жизни и, говорятъ, даже убила въ боевой стычкѣ другую иллирійскую царевну или царицу. Можно удивляться, зачѣмъ историки Александра для прославленія завоевателя искали своихъ «амазонокъ» въ такой дали,—въ дикихъ областяхъ возлѣ Каспійскаго моря. Послѣ смерти Александра Кинана рѣшила принять участіе въ раздѣлѣ міра и выступила съ вооруженнымъ отрядомъ вмѣстѣ съ дочерью Эвридикой, которую желала выдать за Филиппа Арридея. Она прорвалась во главѣ отряда, съ копьемъ въ рукѣ, сквозь полки, посланные Антипатромъ, чтобы преградить ей путь; она пробила себѣ дорогу въ Азію; здѣсь ожидалъ ее Алкетъ, братъ регента Пердикки, который выступилъ съ намѣреніемъ ее убить. Но тутъ дѣло приняло неожиданный оборотъ: смѣлость и краснорѣчіе Кинаны такъ подѣйствовали на его македонянъ, что ее пришлось убить тайнымъ образомъ, и даже послѣ ея убіенія предложенный ею бракъ состоялся по требованію раздраженныхъ солдатъ. Съ этого времени новая царица Эвридика играетъ выдающуюся роль въ кровавой политикѣ дома Александра. Она завладѣла бы македонскимъ престоломъ, если бы не Олим-

піада, притязанія которой могли имѣть большее значеніе въ глазахъ македонянъ. Подобно тому какъ войска Алкета не хотѣли сражаться противъ Эвридики и Кинаны, такъ Эвридика была покинута своими войсками, когда повела ихъ противъ царицы-матери. Въ этотъ моментъ разразилась затаенная много лѣтъ ярость Олимпіады.

Нельзя было ожидать, чтобы среди оргій убійствъ и поруганій вражескихъ могилъ она пощадила плодъ невѣрности Филиппа, такъ какъ Филиппъ Арридей былъ сынъ ѳессалійской танцовщицы, а Эвридика происходила отъ иллирійской дикарки. Она посадила ихъ въ заключеніе и рѣшила уморить голодомъ. Но народъ сталъ выражать неудовольствіе. Тогда Олимпіада убила Филиппа съ помощью ѳракійцевъ, а Эвридикѣ послала на выборъ мечъ, веревку и ядъ. «Но она, прося Олимпіаду принять тѣ же самые дары, собрала и сложила останки своего мужа, обмыла его раны, какъ могла лучше, и, не произнеся ни единаго слова жалобы на свою судьбу или на тяжесть своего несчастья, повѣсилась на своемъ поясѣ» *).

Если эти женщины не умѣли жить, то онѣ умѣли умирать.

Мы видѣли, какъ діадохи искали союза другъ съ другомъ и нерѣдко мѣняли одинъ союзъ на другой. Въ то же время существовало цѣлое общество государынь, которыя были связаны между собой самыми разнообразными отношеніями, всѣ знали и въ большинствѣ случаевъ ненавидѣли другъ друга, и, несмотря на это, составляли блестящее и оживленное

*) Діод. XIX. 11.

вленное общество, котораго обычаи и нравы должны были имѣть огромное вліяніе на жизнь всѣхъ классовъ ихъ подданныхъ.

Какъ мало святости имѣли въ ихъ глазахъ брачныя узы, объ этомъ свидѣтельствуютъ уже приведенные нами факты; но особенно характерны въ этомъ смыслѣ гнѣвъ и изумленіе Селевка по тому поводу, что его сына Антіоха допустили чахнуть отъ любви къ замужней женщинѣ. Призванный по этому случаю врачъ сталъ было увѣрять царя, что это была его (врача) собственная жена, но, удостовѣрившись въ образѣ мыслей Селевка, сказалъ ему, что Антіохъ умиралъ отъ любви къ своей мачехѣ, новой царицѣ, сестрѣ царя Димитрія. Тогда царь безъ колебанія отдалъ ее своему сыну. Такой же взглядъ обнаружилъ, повидимому, старый регентъ Полисперхонъ, женившись на вдовѣ своего сына Кратесиполіи, которая была превосходной женщиной и особенно была любима за свою доброту къ бѣднымъ. Послѣ смерти ея мужа, который былъ въ то время правителемъ Сикіона, граждане взбунтовались противъ нея, не желая подчиняться женщинѣ, но она выступила противъ нихъ во главѣ своего войска, одержала побѣду и 30 человѣкъ предала распятію. Сдѣлавшись такимъ образомъ тираномъ въ Сикіонѣ, эта благородная и превосходная личность дала знать прекрасному Димитрію, что она принимаетъ его предложеніе; но свиданіе ихъ было грубо прервано, и Димитрій былъ принужденъ спасаться бѣгствомъ.

Изъ всѣхъ царицъ этого времени самымъ возвышеннымъ характеромъ обладала, надо думать, дочь Антипатра, Фила, которая вышла замужъ за Кра-

тера, а послѣ его смерти за Димитрія. Къ этому красивому и своенравному человѣку она была такъ привязана, что оставалась вѣрна своему чувству, несмотря на то, что онъ неоднократно измѣнялъ ей, вступалъ въ новыя супружества и лишалъ ее своего расположенія. Она родила ему благороднаго и преданнаго сына Антигона и такимъ образомъ стала родоначальницей знаменитой династіи македонскихъ царей. Постоянно, даже во время его продолжительныхъ отлучекъ, она помогала ему своимъ вліяніемъ. Желанія ея были вполнѣ исполнены, когда Димитрій, послѣ многихъ превратностей судьбы, сдѣлался царемъ Македоніи. Въ теченіе семи лѣтъ она жила царицей въ своемъ отечествѣ и, конечно, всѣми силами старалась обуздать дикое честолюбіе этого новаго Алкивіада. Но когда онъ принялся за обширныя приготовленія къ тому, чтобы снова завоевать міръ, когда народъ возсталъ, и Пирръ, Лизимахъ и Птоломей соединенными силами выгнали его и заставили еще разъ удалиться въ изгнаніе, благородная Фила не могла дольше выносить ударовъ судьбы и приняла ядъ, чтобы избавиться отъ жизненныхъ бѣдъ.

До насъ не дошло описанія ея характера, но достаточно знать ея поступки и воспитаннаго ею сына, чтобы видѣть въ ней благородное исключеніе изъ ея класса. Тѣмъ не менѣе даже она отдала свое сердце человѣку, который всѣхъ превзошелъ своими безсовѣстными измѣнами. Египетскія царицы явятся предъ нами, когда будетъ рѣчь объ ихъ царствѣ; одна изъ нихъ, египтянка Арсиноя, вышла замужъ за Керавна, убійцу Агаѳокла, Селевка и ея собственныхъ дѣтей. Эта царица можетъ дѣйствительно

служить представительницей вѣка. Но довольно, даже болѣе чѣмъ довольно сказано объ этой дикой и мрачной сторонѣ эпохи. Теперь обратимся къ болѣе простымъ людямъ и къ болѣе безыскусственной жизни и посмотримъ, въ какой мѣрѣ эти люди подверглись вліянію блестящихъ дворовъ, въ которыхъ утонченность культуры мирилась съ безнравственностью и дикими страстями.

III. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕНИ ВОЙНЪ МЕЖДУ ДІАДОХАМИ.

(*Mahaffy,* Greek life and thought).

Война влечетъ за собой много дурныхъ послѣдствій: она оказываетъ разрушительное дѣйствіе на всѣ виды культуры — на домашнюю жизнь, на семейныя добродѣтели, на общественныя дѣла. Но этого мало: она до такой степени поглощаетъ интересъ зрителей и историковъ, что и та соціальная жизнь, которая уцѣлѣетъ отъ ея разрушительнаго вліянія, остается во мракѣ и забвеніи. Такъ Ѳукидидъ наполняетъ свое великое произведеніе подроб ностями незначительныхъ походовъ и не говоритъ ни слова о жизни людей, о безподобномъ искусствѣ своего времени, даже о политической жизни Греціи въ ту пору. Въ его глазахъ храбрость Бразида имѣетъ гораздо больше права на вниманіе, чѣмъ искусство Фидія; морскія битвы при Форміи для него важнѣе, чѣмъ полная приключеній торговля галльскихъ или крымскихъ племенъ; и къ сожалѣнію, примѣру Ѳукидида слѣдовало большинство его собратій-историковъ. Исторія Діодора, единственный уцѣлѣвшій послѣдовательный разсказъ объ этомъ періодѣ, всецѣло посвященъ походамъ и сраженіямъ, такъ что Плутархъ, принимаясь за свои неоцѣнен-

ныя *жизнеописанія*, долженъ былъ чувствовать большой недостатокъ въ матеріалѣ.

Правда, въ поколѣніи, непосредственно слѣдовавшемъ за временемъ Александра, были историки, которые чувствовали сухость подобнаго изложенія и старались возмѣстить этотъ пробѣлъ анекдотами. Эти люди—Филархъ, Дурисъ, Проксенъ и другіе—цитируются въ дошедшихъ до насъ источникахъ. У современныхъ историковъ вошло въ обычай не довѣрять этимъ представителямъ позднѣйшей греческой литературы и относить ихъ произведенія къ отдѣлу анекдотовъ въ греческой исторіографіи. Но для нашей цѣли имѣютъ значеніе и такіе источники: если историкъ описываетъ современныя ему событія, то и анекдоты, и даже анекдоты не вполнѣ достовѣрные, будутъ во всякомъ случаѣ отраженіемъ современныхъ взглядовъ и потому могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для выводовъ соціальнаго историка. Такъ, напримѣръ, враждебное отношеніе къ однимъ государямъ и пристрастное къ другимъ можетъ, конечно, исказить историческіе факты и даже дать ложное представленіе объ историческихъ лицахъ, но зато оно даетъ понятіе о томъ, какъ говорили и думали объ этихъ фактахъ и людяхъ въ среднихъ кругахъ общества. Къ несчастью, подобнаго рода сообщенія касаются почти исключительно жизни царей и философовъ. Существовала книга «Мудрыхъ и остроумныхъ изреченій куртизанокъ»; но о тѣхъ, кто были проще и несомнѣнно лучше ихъ, мы не слышимъ почти ничего. Одно только произведеніе даетъ намъ возможность заглянуть въ ихъ жизнь,—именно «Новая комедія», которая сохранилась въ собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ от-

рывкахъ греческаго подлинника или въ вольномъ переводѣ Плавта. Да и этотъ источникъ мы можемъ заподозрѣть въ нѣкоторой условности, и можно подумать, что вся mise en scène служила автору только средствомъ къ тому, чтобы блеснуть стилемъ и легкой общественной философіей. Но къ чему намъ ссориться съ своими матеріалами? Они, правда, очень бѣдны и плохи, но наше дѣло воспользоваться ими какъ можно лучше.

Начнемъ съ Аѳинъ, которыя по обыкновенію играютъ первую роль среди греческихъ государствъ и все еще по общему признанію являются центромъ и окомъ Греціи.

Къ разсматриваемому нами періоду относятся три совершенно различныхъ изображенія аѳинской жизни: одно рисуетъ передъ нами политическія возмущенія и волненія, которыя по временамъ омрачали жизнь въ этомъ городѣ; другое знакомитъ насъ съ философскими школами, существованіе которыхъ скоро становится самой почтенной чертой аттическаго общества; наконецъ, въ-третьихъ, отраженіе современныхъ нравовъ можно найти въ театральныхъ пьесахъ того времени, въ современной высокой комедіи. Эти три общества такъ сильно между собой различаются, что трудно ихъ поставить рядомъ или допустить ихъ совмѣстное существованіе въ такой маленькой столицѣ, какъ Аѳины.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что въ Аѳинахъ, а можетъ-быть и во всей Греціи, борьба между аристократами и демократами уже прекратилась и смѣнилась борьбой между богатыми и бѣдными. Въ Аѳинахъ этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь революціей 411 г. и реставраціей 403 г. до Р. Х.

Если прежде спорили о томъ, должна ли власть оставаться удѣломъ благородныхъ семействъ, то съ этого времени центръ тяжести переносится на другой вопросъ: сколько богатые должны давать на общественныя нужды. Въ наше время аналогичное положеніе дѣлъ можно видѣть въ Женевѣ, гдѣ демократія возлагаетъ всю тяжесть государственныхъ обязанностей на своихъ болѣе богатыхъ членовъ.

Въ Аѳинахъ это въ особенности практиковалось въ военное время, когда народъ вотировалъ издержки, а богатымъ предоставлялось ихъ уплачивать. Единственнымъ способомъ избѣжать разорительныхъ издержекъ—было занимать народъ тѣми развлеченіями, которыхъ онъ лишался во время войны. Вопросъ объ издержкахъ былъ, въ сущности, той преградой, которая мѣшала народу давать ходъ порывамъ своихъ чувствъ. Поэтому, какъ и слѣдовало ожидать, въ теченіе всего этого періода богатые стояли на сторонѣ мира: тѣ, кому было что терять, отстаивали миролюбивую политику; между тѣмъ народъ, который любилъ слушать рѣчи и дѣлать постановленія, легко поддавался всякому возбужденію и всегда готовъ былъ кинуться въ войну, которая не причиняла ему никакого ущерба, а въ случаѣ изгнанія сторонниковъ мира могла принести неожиданныя выгоды.

Такъ Діодоръ говоритъ: «Что касается аѳинскаго народа, то люди состоятельные совѣтовали имъ оставаться въ покоѣ, между тѣмъ какъ демагоги волновали массы и всѣми силами побуждали ихъ немедленно начинать войну. Народъ привыкъ добывать хлѣбъ, служа въ наемникахъ, и партія войны безъ труда одержала верхъ, благодаря своей численности.

Это были тѣ люди, о которыхъ Филиппъ когда-то сказалъ, что для нихъ война была миромъ и миръ войной. Публичные ораторы, бывшіе выразителями стремленій толпы, немедленно составили резолюцію въ томъ смыслѣ, что народъ долженъ подумать о свободѣ всей Греціи, освободить города, которые теперь находятся въ осадѣ, и на случай приготовить сорокъ триремъ и двѣсти квадриремъ. Всѣ аѳиняне не старше сорока лѣтъ отъ роду должны были быть на ногахъ, три филы были наряжены охранять Аттику, а остальныя семь во всеоружіи ожидали призыва на иностранную службу. Затѣмъ было предложено отправить пословъ, которые бы посѣтили города Греціи и объявили, что какъ прежде аѳинскій народъ, считая всю Элладу отечествомъ эллиновъ, отразилъ на морѣ варваровъ, которые явились съ намѣреніемъ наложить на Элладу ярмо рабства,—такъ и теперь они считаютъ себя обязанными рисковать своей жизнью, своими деньгами и своими кораблями ради общей безопасности грековъ. Эта резолюція прошла съ черезчуръ большой легкостью. Болѣе проницательные греки говорили, что совѣты, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуетъ аѳинскій народъ, могутъ считаться хорошими лишь постольку, поскольку дѣло касается славы, но что аѳиняне дѣлаютъ политическую ошибку, поступая слишкомъ опрометчиво, подвергаясь нешуточной опасности и выступая противъ врага могучаго и не испытавшаго неудачъ; несмотря на всю хваленую мудрость аѳинскаго народа, ихъ, очевидно, не предостерегла судьба ѳивянъ. Тѣмъ не менѣе послы обошли города и проповѣдывали войну съ своей обычной ловкостью, такъ что или цѣлыми группами или въ одиночку, но

большинство городовъ вступило въ союзъ съ аѳинянами» *).

Единственное спасеніе для богатыхъ заключалось въ помощи иностранной державы, напримѣръ Македоніи; она и послала въ Аѳины гарнизонъ съ военнымъ губернаторомъ во главѣ, который или силой сдерживалъ народъ или измѣнялъ государственное устройство, вводя имущественный цензъ, такъ что бѣднѣйшій классъ утрачивалъ всякую политическую власть, а революціонный путь былъ для него отрѣзанъ присутствіемъ войскъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ аѳиняне стали въ большомъ количествѣ удаляться въ добровольное изгнаніе; иные были изгнаны насильственно. Направляясь въ Азію и поступая въ качествѣ наемниковъ на службу къ македонскимъ сатрапамъ, они по большей части пріобрѣтали состояніе и жили въ роскоши. Но это не утѣшало аѳинянъ въ ихъ изгнаніи, хотя бы и добровольномъ; подобно благоденствующимъ теперь въ Америкѣ ирландскимъ эмигрантамъ, которые питаютъ чувство горькой ненависти къ англійскому управленію, приписывая ему свою эмиграцію, эти изгнанники всегда ожидали того дня, когда они съ торжествомъ возвратятся въ отечество и провозгласятъ его независимость. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнна одна замѣчательная черта сходства,—именно, что хотя изгнаніе изъ отечества принесло многимъ огромныя выгоды, никакія матеріальныя блага не могли уничтожить въ нихъ горячаго чувства любви къ свободѣ родного города и

*) Діод. Сиц. XVIII, 10.

ненависти къ тѣмъ, которые если даже дѣйствительно были виновниками ихъ изгнанія, то все-таки дали имъ возможность какъ-нибудь устроиться.

Съ другой стороны, хотя внутренній протестъ противъ существованія иностраннаго гарнизона былъ неизбѣженъ и хотя, безъ сомнѣнія, иноземные солдаты и ихъ предводители оказывали самое вредное вліяніе на нравственность и на семейную жизнь остававшихся гражданъ, но мы знаемъ много случаевъ, когда высшіе классы, включая сюда и философовъ, жили въ хорошихъ отношеніяхъ съ умѣренными и человѣчными военными губернаторами, и если и чувствовался недостатокъ въ политическомъ оживленіи, то соціальное и матеріальное благосостояніе города было вполнѣ обезпечено.

Мы могли бы ожидать возвращенія изгнанниковъ и того и другого разряда: богатыхъ или приверженцевъ македонскаго управленія, и бѣдныхъ или автономистовъ. Мы могли бы ожидать сценъ кровопролитія въ родѣ тѣхъ, которыя запятнали исторію Греціи въ дни Ѳукидида, и которыя онъ ошибочно называетъ чѣмъ-то неслыханнымъ дотолѣ и новымъ. Но въ эту эпоху возвратились, повидимому, только изгнанные демократы. Знаменитый и надѣлавшій такъ много шума въ Греціи рескриптъ Александра, посланный изъ Вавилона въ Олимпію, имѣлъ въ виду оказать милость главнымъ образомъ тѣмъ, кто былъ изгнанъ изъ своего города македонской партіей подъ предлогомъ, чтобы водворить въ городахъ спокойствіе и подчинить ихъ регенту Антипатру. Поэтому Александръ былъ не совсѣмъ искрененъ, когда объявлялъ 20000 изгнанникамъ, собравшимся въ Олимпіи: «Царь Александръ изгнанникамъ грече-

скихъ городовъ *). Мы не были причиной вашего изгнанія, но желаемъ быть причиной вашего возвращенія въ ваши уважаемыя отечественныя земли, за исключеніемъ тѣхъ изъ васъ, кто былъ изгнанъ съ проклятіемъ. Мы предписали также Антипатру дѣйствовать принужденіемъ на города, которые воспротивятся вашему возвращенію». Этотъ рескриптъ былъ, правда, прямымъ нарушеніемъ Коринѳскаго договора, по которому города получили полное внутреннее самоуправленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, Александръ хотѣлъ такимъ путемъ купить поддержку демократовъ, что было уже совершенно чуждо всей предшествовавшей македонской политикѣ въ отношеніи къ Греціи. Возможно, что причина такого рода поступка коренилась въ величайшемъ презрѣніи ко всѣмъ партіямъ въ Греціи; къ тому же еще неизвѣстно, какимъ образомъ царь въ будущемъ предполагалъ слѣдовать своей политикѣ,—если только это была политика. Но какъ и большинство поступковъ Александра, это повлекло за собой цѣлый рядъ подражаній со стороны его преемниковъ, равно какъ діаметрально-противоположный образъ дѣйствій со стороны Касандра, который въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, поступалъ обратно тому, что дѣлалъ Александръ.

Не успѣлъ Антипатръ подавить смѣлую попытку соединенныхъ грековъ свергнуть македонское иго,—это стоило ему блокады въ Ламіи, затѣмъ двухъ битвъ и дорого доставшейся ему побѣды,—какъ онъ принялся за другое дѣло: прежде всего онъ сталъ разстроивать греческій союзъ, по обыкновенію и безъ

*) Діод. XVIII, 8. См. выпускъ I, стр. 396—398.

того плохо сплоченный, заводя переговоры съ каждымъ союзникомъ въ отдѣльности. Затѣмъ онъ возстановилъ повсюду свою власть съ помощью средствъ, впервые примѣненныхъ имъ въ Аѳинахъ. Здѣсь онъ потребовалъ выдачи главныхъ защитниковъ свободы, какъ Демосѳенъ и Гиперидъ, уничтожилъ всеобщую подачу голосовъ и ввелъ имущественный цензъ; поставилъ также гарнизонъ въ Мунихіи. Мы не можемъ сказать, насколько ему удалось выселить лишенный политическихъ правъ бѣднѣйшій классъ, но цифры, приведенныя Діодоромъ (XVIII, 18), даютъ понятіе о богатствѣ и количествѣ населенія Аѳинъ того времени. Когда аѳиняне безпрекословно подчинились его требованіямъ, «онъ обошелся съ ними», говоритъ историкъ, «съ уваженіемъ и оставилъ въ ихъ рукахъ управленіе городомъ и собственность; онъ измѣнилъ ихъ демократическую форму правленія, введя имущественный цензъ, и предоставилъ людямъ, обладавшимъ капиталомъ выше 2000 драхмъ (около 750 рублей), контроль надъ государствомъ и надъ подачей голосовъ, людей же, не имѣвшихъ такого ценза, какъ элементъ безпокойный и воинственный, лишилъ политическихъ правъ, а желающихъ переселилъ во Ѳракію. Кто не имѣлъ ценза,—числомъ болѣе 12000 человѣкъ,—всѣ были удалены изъ отечества; остальные же съ цензомъ,—числомъ около 9000,—были объявлены собственниками города и страны и стали жить по законамъ Солона». Для предупрежденія революціи Антипатръ назначилъ Менилла военнымъ губернаторомъ въ крѣпость Мунихію. «Съ аѳинянами поступили неожиданно хорошо: они достигли мира и впослѣдствіи, не вѣдая политическихъ безпорядковъ и безпрепятственно

пользуясь благами своей страны, быстро поднялись на лѣстницѣ богатства».

Такой порядокъ былъ введенъ Антипатромъ по всей Греціи и вездѣ былъ встрѣченъ хвалами и предложеніемъ короны Антипатру. Онъ былъ упроченъ Касандромъ, который въ отвѣтъ на требованіе аѳинянъ удалить гарнизонъ предалъ смерти посланнаго къ нему съ этимъ требованіемъ Демада, справедливо обвинивъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Азіей, и такимъ образомъ фактически окончательно укрѣпилъ новое положеніе. По этому положенію сильно уменьшалась численность гражданъ и возвращались городу богатство и миръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обрекался на вѣчное ничтожество.

Изложимъ вкратцѣ исторію Аѳинъ въ теченіе разсматриваемаго нами періода. Антипатръ произвелъ свою реформу въ 324 г. до Р. Х. Онъ и Касандръ правили Аѳинами съ помощью достойнаго Фокіона и коварнаго Демада. Миръ и благосостояніе были возстановлены и процвѣтали вплоть до 319 г. до Р. Х., когда новый регентъ, Полисперхонъ, желая подорвать вліяніе Касандра, выпустилъ первую изъ смѣшныхъ прокламацій, провозглашавшихъ свободу и независимость всѣхъ грековъ.

Отъ Полисперхона до Фламинина, даже до Нерона, эти прокламаціи повторялись періодически и каждый разъ встрѣчали въ Греціи громкое одобреніе большой публики. Впрочемъ, такой пріемъ они получали не отъ большой публики, а скорѣе отъ толпы, такъ какъ со времени Фокіона до Полибія люди, болѣе понимающіе дѣло и болѣе спокойные, знали, что это была иллюзія, что маленькіе города и небольшія области не могутъ пользоваться верховными

правами на ряду съ обширными имперіями, и что при политическомъ безсиліи политическія права не болѣе какъ фарсъ.

Рескриптъ Полисперхона, составленный отъ имени слабоумнаго царя Филиппа Арридея, опекуномъ котораго онъ состоялъ, представляетъ собой любопытный документъ, но по его размѣрамъ его нельзя привести цѣликомъ *). Этотъ рескриптъ предлагаетъ грекамъ возстановить не абсолютную свободу, а порядки, получившіе санкцію отъ Филиппа II и его сына Александра (краснорѣчивое доказательство того, что зависимость отъ Македоніи признавалась одинаково всѣми сторонами), и уничтожить благоразумныя установленія Антипатра. То была не миролюбивая мѣра, а военное мѣропріятіе, направленное противъ соперника — Касандра. Старый полководецъ даже предложилъ въ Аргосѣ произвести нѣкоторыя казни и изгнанія съ цѣлью усилить свою партію. Тогда повторились прежнія сцены насилія, и миръ, все болѣе и болѣе упрочивавшійся въ Греціи, былъ грубо нарушенъ. Изгнанники, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вернулись полные кровожадной ярости и обрушились съ своей местью на согражданъ, въ рукахъ которыхъ были сосредоточены гражданскія права; они исполняли это съ тѣмъ большей охотой, что эти граждане были всѣ безъ исключенія обладателями собственности. По счастливой случайности въ плутарховскомъ *Жизнеописаніи Фокіона* мы имѣемъ подробный разсказъ объ этихъ событіяхъ. Крѣпость

*) Діод. XVIII, 56.

Мунихіи все еще находилась въ вѣдѣніи Касандрова уполномоченнаго Никанора, котораго тотъ послалъ на мѣсто Менилла въ моментъ кризиса, вызваннаго смертью Антипатра. Подобно Мениллу, этотъ комендантъ крѣпости былъ человѣкъ почтенный и желавшій охранять въ городѣ миръ и порядокъ. Но его присутствіе не только являлось несносной помѣхой для демократовъ, оно досаждало и Полисперхону, для котораго конечной цѣлью «освобожденія Аѳинъ» было только поставить свой собственный гарнизонъ въ этомъ чрезвычайно важномъ военномъ пунктѣ. По истеченіи года аѳиняне прониклись такимъ отвращеніемъ къ своему освободителю и къ толпѣ изгнанниковъ, которыхъ онъ напустилъ на нихъ, что обратились съ предложеніями къ Касандру и вернули ему власть надъ Аѳинами подъ условіемъ, чтобы цензъ Антипатра (2000 драхмъ) былъ пониженъ до 1000, и чтобы аѳиняне получили право сами назначать губернатора, который бы подлежалъ затѣмъ утвержденію Касандра. Такимъ именно способомъ философъ Димитрій фалерскій былъ назначенъ регентомъ въ Аѳинахъ, гдѣ и правилъ въ теченіе десяти лѣтъ среди мира и народнаго благосостоянія.

Комедія «освобожденія грековъ» была снова разыграна Антигономъ (312 до Р. Х.) и затѣмъ Птоломеемъ (311 до Р. Х.), который хотѣлъ явить себя такимъ же добрымъ правителемъ, какъ и его соперникъ, а между тѣмъ на дѣлѣ освобождены были только города Малой Азіи. Наконецъ, въ 308 г. до Р. Х., Димитрій является лично во всемъ своемъ царственномъ великолѣпіи освобождать Аѳины и грековъ и даетъ имъ случай показать свѣту, какое

они могли сдѣлать употребленіе изъ своей свободы.

Выслушаемъ разсказъ Плутарха о ихъ первыхъ шагахъ на поприщѣ новой свободы.

«Между тѣмъ опекунъ царя, Полисперхонъ, желая повредить Касандру, написалъ письмо къ аѳинянамъ, гдѣ объявлялъ, «что царь возвращаетъ имъ ихъ древнее государственное устройство», при которомъ весь народъ имѣлъ доступъ къ государственнымъ должностямъ. Это была ловушка, устроенная для того, чтобы погубить Фокіона. Дѣло въ томъ, что, желая завладѣть Аѳинами (какъ вскорѣ обнаружилось изъ его дѣйствій), Полисперхонъ понималъ, что ничего не могъ добиться, пока на его дорогѣ стоитъ Фокіонъ. Онъ видѣлъ также, что изгнать Фокіона будетъ совсѣмъ нетрудно, когда будутъ возвращены всѣ тѣ, кто былъ лишенъ участія въ управленіи, и когда ораторы и сикофанты вновь займутъ трибуны».

«Это письмо произвело большое возбужденіе въ народѣ»... Комендантъ «Никаноръ привелъ свои войска изъ Мунихіи и обвелъ окопами Пирей. Тогда Фокіонъ хотѣлъ двинуть аѳинянъ противъ него; но въ это время они подняли бунтъ и смотрѣли на своего предводителя съ презрѣніемъ», такъ какъ передъ тѣмъ Никаноръ былъ въ его рукахъ, и онъ изъ довѣрія къ нему не воспользовался случаемъ и не схватилъ его.

«Въ этотъ критическій моментъ явился Александръ, сынъ Полисперхона, съ войскомъ, яко бы для того, чтобы помочь городу противъ Никанора, но на самомъ дѣлѣ,—чтобы воспользоваться его пагубными раздорами и, если возможно, завладѣть имъ самому.

Изгнанники, которые вошли въ городъ вмѣстѣ съ нимъ, иностранцы и граждане, лишенные гражданскихъ правъ за позорные поступки, вмѣстѣ со всякимъ сбродомъ обратились къ Александру за помощью и, собравшись, образовали странную безпорядочную сходку, по опредѣленію которой начальство надъ войскомъ было отнято у Фокіона и предоставлено другимъ полководцамъ. Если бы не было замѣчено, какъ Александръ переговаривался наединѣ съ Никаноромъ возлѣ городской стѣны, и если бы эти повторявшіяся нѣсколько разъ свиданія не внушили аѳинянамъ подозрѣнія, то городъ не могъ бы избѣжать угрожавшей ему опасности. Немедленно ораторъ Агнонидъ выступилъ обвинителемъ Фокіона въ государственной измѣнѣ. Фокіонъ съ тѣми изъ своихъ друзей, которые его не покинули, отправился къ Полисперхону. Тѣмъ временемъ Архестратъ внесъ предложеніе, которое было принято, благодаря содѣйствію Агнонида: рѣшено было отправить депутатовъ къ Полисперхону съ обвиненіемъ противъ Фокіона».

«И тѣ и другіе прибыли къ Полисперхону въ одно время, когда тотъ былъ на пути вмѣстѣ съ царемъ близъ фокидскаго города Фаригъ. Здѣсь Полисперхонъ посадилъ царя подъ золотой балдахинъ и его друзей по обѣ стороны отъ него... Онъ пожелалъ выслушать аѳинянъ. Но когда они подняли крикъ и шумъ, наперерывъ обвиняя другъ друга передъ трибуналомъ, то Агнонидъ выступилъ впередъ и сказалъ: «Посадите насъ всѣхъ въ одну клѣтку и отошлите обратно въ Аѳины, чтобы тамъ мы дали отчетъ въ своемъ поведеніи». Царь засмѣялся надъ этимъ предложеніемъ; но присутствовавшіе при этомъ

македоняне и иностранцы, которые пришли изъ любопытства, хотѣли выслушать дѣло и потому дѣлали депутатамъ знаки, чтобы они изложили свои претензіи на мѣстѣ. Однако пренія велись далеко не безпристрастно. Полисперхонъ часто перебивалъ Фокіона, который, наконецъ, такъ вышелъ изъ себя, что стукнулъ своимъ жезломъ оземь и не захотѣлъ болѣе говорить. Гегемонъ сказалъ, что самъ Полисперхонъ можетъ засвидѣтельствовать его любовь и уваженіе къ народу; тогда этотъ полководецъ отвѣчалъ: «Вы пришли сюда клеветать на меня передъ царемъ?» Тутъ царь поднялся съ мѣста и хотѣлъ пронзить Гегемона своимъ копьемъ; но Полисперхонъ удержалъ его, и немедленно засѣданіе прекратилось».

«Тогда стража окружила Фокіона и его приверженцевъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, которые, пользуясь тѣмъ, что стояли поодаль, закрыли лицо одеждой и бѣжали. Клитъ повезъ узниковъ въ Аѳины, яко бы для суда надъ ними, а на самомъ дѣлѣ только для того, чтобы предать ихъ смерти, какъ людей уже осужденныхъ. Процессія представляла собой очень печальное зрѣлище. Узниковъ везли въ телѣгахъ черезъ Керамикъ въ театръ, гдѣ Клитъ держалъ ихъ взаперти, пока *архонты* не собрали народъ. Изъ этого собранія не были исключены ни рабы, ни иностранцы, ни лица, лишенныя гражданскихъ правъ за позорныя дѣла; судъ и театръ были открыты для всѣхъ. Тогда было прочтено письмо царя, гдѣ онъ говорилъ, «что онъ нашелъ узниковъ виновными въ измѣнѣ, но что онъ предоставляетъ произнести надъ ними приговоръ аѳинянамъ, какъ свободнымъ людямъ, которые будутъ управляться по своимъ собственнымъ законамъ».

«Въ это самое время Клитъ представилъ ихъ народу. Лучшіе изъ гражданъ, увидавъ Фокіона, казались сильно опечаленными и стали проливать слезы, закрывъ лицо одеждой. Однако одинъ рѣшился сказать: «Если ужъ царь предоставляетъ рѣшеніе такого важнаго дѣла народу, то слѣдовало бы приказать рабамъ и иностранцамъ удалиться». Но толпа, вмѣсто того чтобы согласиться съ этимъ предложеніемъ, закричала: «Нужно бы поскорѣе побить камнями всѣхъ приверженцевъ олигархіи, всѣхъ враговъ народа». Послѣ этого никто не пытался дѣлать предложеній въ пользу Фокіона. Съ большимъ трудомъ Фокіонъ добился разрѣшенія говорить. Наконецъ, когда водворилось молчаніе, онъ сказалъ: «Намѣрены вы лишить меня жизни по справедливости или вопреки справедливости?» Когда нѣкоторые отвѣчали «по справедливости», онъ сказалъ: «Какъ же вы можете говорить «по справедливости», если не хотите меня сначала выслушать?» Увидя, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія слушать его, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сказалъ: «Граждане аѳинскіе, я сознаю, что поступилъ съ вами несправедливо, и за мои погрѣшности въ дѣлѣ управленія объявляю себя повиннымъ смерти; но зачѣмъ хотите вы казнить этихъ людей, которые никогда вамъ ничего дурного не дѣлали?» Толпа отвѣчала: «Потому, что они твои друзья». Послѣ этого онъ отступилъ назадъ и спокойно подчинился своей участи».

«Тогда Агнонидъ прочелъ приготовленное имъ постановленіе, по которому народъ долженъ былъ рѣшить голосованіемъ, виновны узники или нѣтъ; причемъ въ случаѣ виновности они подлежали смерт-

ной казни. По прочтеніи декрета нѣкоторые потребовали дополненія къ нему въ томъ смыслѣ, чтобы Фокіона подвергнуть пыткѣ передъ казнью, и настаивали на томъ, чтобы немедленно было послано за орудіями пытки и за ея исполнителями. Но Агнонидъ, замѣтивъ, что Клитъ былъ недоволенъ этимъ предложеніемъ, и самъ считая его дѣломъ варварскимъ и возмутительнымъ, сказалъ: «Когда мы поймаемъ этого негодяя Каллимедона, предадимте его пыткѣ; но, право, сограждане мои, я не могу согласиться, чтобы Фокіонъ долженъ былъ подвергнуться такой суровой мѣрѣ». На это одинъ изъ самыхъ благомыслящихъ аѳинянъ воскликнулъ: «Ты, конечно, правъ; потому что, если мы будемъ пытать Фокіона, то что же должны мы сдѣлать съ тобой?» Тѣмъ не менѣе, когда было предложено произнести надъ Фокіономъ смертный приговоръ, не нашлось, повидимому, ни одного голоса противъ этого предложенія: весь народъ подалъ голосъ, вставъ съ мѣстъ, и нѣкоторые даже украсились цвѣтами, какъ на праздникѣ».

Такъ поступала возстановленная демократія съ своими благороднѣйшими и самыми уважаемыми врагами; посмотримъ теперь, какъ она вела себя по отношенію къ своимъ друзьямъ. Здѣсь опять мы находимъ поразительное описаніе у Плутарха. Въ 308 г. до Р. Х. Антигонъ послалъ своего сына завоевать Аѳины и лично ихъ освободить. Быть-можетъ, онъ надѣялся такимъ образомъ добиться большаго успѣха въ своихъ расчетахъ на поддержку Греціи, а можетъ-быть, уступалъ настояніямъ своего благороднаго и увлекающагося сына, въ юношескомъ воображеніи котораго, вѣроятно, создалась мечта о

конституціонномъ монархическомъ правленіи для культурныхъ и художественно-развитыхъ грековъ. Этотъ блестящій и красивый, но нѣсколько тщеславный и любящій внѣшній блескъ молодой государь съ большимъ искусствомъ исполнилъ свою задачу. Это былъ настоящій государь, привыкшій обращаться съ врагами съ рыцарской обходительностью; онъ не допустилъ бы тѣхъ ужасовъ, которые мы только-что видѣли при освобожденіи Аѳинъ Полисперхономъ. Но онъ въ свою очередь вызвалъ, можетъ-быть, даже еще худшія безобразія.

«Послѣ того, какъ было объявлено, что Димитрій хочетъ возвратить аѳинянамъ свободу, народъ сложилъ оружіе и, встрѣтивъ предложеніе громкимъ одобрительнымъ крикомъ, пожелалъ принять у себя Димитрія и назвалъ его своимъ благодѣтелемъ и освободителемъ. Димитрій фалерскій и его сторонники сочли необходимымъ принять человѣка, который явился съ такими превосходными силами, хотя бы онъ и не исполнилъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, и сообразно съ этимъ отправили депутатовъ съ выраженіемъ покорности. Димитрій принялъ ихъ очень любезно и послалъ съ ними милетца Аристодема, друга своего отца. Въ то же время онъ не забылъ и о Димитріи фалерскомъ, который во время этого переворота боялся гражданъ больше, чѣмъ самого врага; изъ уваженія къ его личности и нравственнымъ качествамъ, Димитрій, по его желанію, отослалъ его подъ охраной сильнаго конвоя въ Ѳивы. Онъ объявилъ также аѳинянамъ, что, несмотря на все свое желаніе увидѣть городъ, онъ откажетъ себѣ въ этомъ удовольствіи до тѣхъ поръ, пока не освободитъ его окончательно, изгнавъ гарнизонъ. Онъ

окружилъ крѣпость Мунихію рвомъ и валомъ, чтобы лишить ее возможности сообщаться съ остальнымъ городомъ, и тогда отплылъ въ Мегару, гдѣ находился другой гарнизонъ Касандра...»

«Послѣ взятія Мегары солдаты готовились начать грабежъ; но аѳиняне вступились за жителей, и ихъ просьба была уважена. Димитрій удовольствовался тѣмъ, что выгналъ гарнизонъ и объявилъ городъ свободнымъ».

«Тогда Димитрій возвратился къ осадѣ Мунихіи, выгналъ гарнизонъ и разрушилъ крѣпость. Послѣ этого аѳиняне стали уговаривать его войти въ городъ, и онъ согласился. Собравъ народъ, онъ возстановилъ республику въ ея древнемъ видѣ и, кромѣ того, обѣщалъ имъ именемъ своего отца сто пятьдесятъ тысячъ мѣръ хлѣба и корабельнаго лѣса для ста триремъ. Такимъ образомъ демократическая форма правленія вернулась къ нимъ черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ ея ниспроверженія. Въ промежуткѣ между Ламійской войной и битвой при Кранонѣ, управленіе называлось олигархіей, а на самомъ дѣлѣ это была монархія, потому что надъ Димитріемъ фалерскимъ не было никакого контроля».

«Ихъ освободитель заявилъ себя съ самой прекрасной стороны, оказывая всѣ эти благодѣянія Аѳинамъ; но аѳиняне сдѣлали его ненавистнымъ тѣми безмѣрными почестями, которыя сами ему оказали. Они первые дали ему и его отцу Антигону титулъ *царей,* котораго тѣ до сихъ поръ избѣгали съ религіознымъ ужасомъ; онъ дѣйствительно составлялъ единственное оставшееся преимущество потомковъ Филиппа и Александра, на которое еще не посягнули ихъ полководцы. Затѣмъ они одни почтили

ихъ наименованіемъ *боговъ-покровителей* и, уничтоживъ старинное званіе архонта-эпонима, стали ежегодно выбирать жреца боговъ-покровителей и ставить его имя въ заголовкѣ всѣхъ офиціальныхъ документовъ. Они постановили еще, чтобы ихъ изображенія вышивались на одеждѣ богини вмѣстѣ съ изображеніями другихъ боговъ. Они посвятили богамъ то мѣсто, гдѣ ихъ покровитель сошелъ въ первый разъ съ колесницы, и воздвигли тамъ алтарь Димитрію Катебату. Къ числу аѳинскихъ филъ они прибавили еще двѣ и назвали ихъ: Димитріевой *(Димитріада)* и Антигоновой *(Антигонида)*; вслѣдствіе этого совѣтъ, состоявшій прежде изъ пятисотъ членовъ, долженъ былъ отнынѣ состоять изъ шестисотъ, такъ какъ отъ каждой филы выбиралось по пятидесяти человѣкъ».

«Стратоклъ, остроумію котораго надо приписать изобрѣтеніе этихъ почестей, пошелъ еще дальше. Ѳнъ провелъ предложеніе, чтобы послы, отправляемые по общественнымъ дѣламъ отъ аѳинской республики къ Антигону и Димитрію, назывались не послами, а *теорами,* какъ назывались тѣ, кто на торжественныхъ празднествахъ приносили обычныя жертвы въ Дельфахъ и Олимпіи отъ имени греческихъ государствъ».

«Но были еще другія выходки, *жарче самого огня,* по выраженію Аристофана. Одинъ льстецъ превзошелъ даже Стратокла раболѣпствомъ, внеся предложеніе, чтобы Димитрія встрѣчали, когда онъ будетъ пріѣзжать въ Аѳины, съ тѣми же почестями, какія оказывались Деметрѣ и Вакху, и чтобы тому, кто превзойдетъ остальныхъ въ великолѣпіи и роскоши пріема царя, выдавались изъ казны деньги для

того, чтобы онъ могъ увѣковѣчить свой успѣхъ какимъ-нибудь памятникомъ. Въ довершеніе всей этой лести они перемѣнили названіе мѣсяца Мунихіона въ Деметріонъ, стали называть послѣдній день каждаго мѣсяца Димитріевымъ, и Діонисіи, или праздникъ Вакха, прозвали Деметріями».

«Но что превзошло всю ту безумную лесть, о которой мы упоминали,—это предложеніе Сфетца Дромоклида; онъ предложилъ спросить у Димитрія оракула относительно посвященія щитовъ въ Дельфахъ. Предложено это было въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ добрый часъ, пусть будетъ постановлено народомъ, чтобы какой-нибудь аѳинскій гражданинъ былъ отправленъ къ богу-покровителю и по принесеніи надлежащихъ жертвъ вопросилъ Димитрія, бога-покровителя, какимъ образомъ посвятить богу назначенныя приношенія, чтобы это вышло по возможности благочестиво, торжественно и быстро. Пусть народъ аѳинскій обязуется слѣдовать предписанію оракула». Такимъ образомъ притворно воскуряя ѳиміамъ его тщеславію, они свели его окончательно съ ума, тогда какъ онъ и прежде не совсѣмъ владѣлъ разсудкомъ» *).

«Аѳиняне, хотя и безъ того осыпали его почестями, забывъ всякую мѣру, постарались, однако, изобрѣсти еще новый видъ лести. Они издали приказъ, чтобы Димитрію было отведено помѣщеніе въ опистодомѣ Парѳенона; онъ помѣстился тамъ, и, какъ говорили, Аѳина приняла его какъ своего гостя, хотя онъ былъ гостемъ не совсѣмъ достойнымъ ея крова и оскорблявшимъ ея дѣвственную чистоту...»

*) Плут. Димитр. IX—XIII.

«Аѳиняне еще издали новое постановленіе, гласящее: «Народъ аѳинскій рѣшилъ, что все, что ни прикажетъ Димитрій, будетъ считаться священнымъ какъ передъ богами, такъ и передъ людьми». Когда какой-то человѣкъ болѣе благородныхъ убѣжденій по этому поводу замѣтилъ, что Стратоклъ обезумѣлъ, если дѣлаетъ подобныя предложенія, то Демохаръ отвѣчалъ: «Онъ былъ бы безуменъ, если бы не былъ безуменъ». Стратоклъ извлекъ выгоду изъ своего раболѣпства, и за эти слова Демохаръ подвергся преслѣдованію и изгнанію изъ города. До такого паденія дошли аѳиняне, когда гарнизонъ былъ удаленъ изъ ихъ города и они называли себя свободнымъ народомъ» *).

Такимъ образомъ въ теченіе болѣе ранняго періода войнъ разсматриваемой нами эпохи (323—278) Аѳины управлялись олигархами и находились въ зависимости отъ Македоніи, а остальное время управлялись демократически и находились подъ верховенствомъ самыхъ храбрыхъ и счастливыхъ противниковъ Македоніи и македонской политики. Наконецъ они номинально получили свободу, но ихъ освобожденіе было такъ мало замѣтно и незначительно, что ни одинъ историкъ, кромѣ Павзанія, не сохранилъ имени ихъ освободителя, и о значеніи главнаго политическаго дѣятеля этого времени намъ остается догадываться по отрывочнымъ надписямъ хвалебнаго свойства.

О другихъ греческихъ городахъ сохранилось очень мало свѣдѣній; мы можемъ сказать одно, что аѳинскія событія повторились здѣсь съ лишь незна-

*) Плут. Димитр. XXIII—XXIV.

чительными измѣненіями. Өивы были вновь отстроены Касандромъ и такимъ образомъ служили ему важной точкой опоры въ Беотіи. Здѣсь, какъ и въ Аөинахъ, произошло столкновеніе между Димитріемъ, который выдавалъ себя за освободителя, и македонской партіей. И здѣсь послѣ перваго взятія Өивъ Димитрію пришлось брать этотъ городъ вторично и на сей разъ поставить гарнизонъ въ Кадмеѣ; такъ же, какъ прежде, желая сохранить за собою Аөины, онъ поставилъ гарнизоны въ Пиреѣ и въ храмѣ Музъ. Подобныя же столкновенія происходили въ Аргосѣ, Сикіонѣ, Коринөѣ; только Мегалополь, въ то время одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Греціи, повидимому твердо держался өиванско-македонской партіи. Въ сущности въ Греціи независимость была возможна тогда только въ горныхъ и недоступныхъ областяхъ, завоеваніе которыхъ было немыслимо благодаря медленности и разорительности военныхъ дѣйствій.

Такъ было со Спартой: въ теченіе этого періода ее осаждали и Димитрій и Пирръ, но оба безуспѣшно; такъ было и съ Этоліей, которая, въ противоположность городамъ низменныхъ областей, быстро достигла политическаго значенія; въ такомъ же положеніи находились и дикіе пастухи Ахеи и сѣверной Аркадіи, которые, впрочемъ, такъ и остались въ прежней безвѣстности. Граждане всѣхъ этихъ государствъ, даже Спарта и ея цари, получали большое жалованье въ качествѣ наемниковъ и такимъ образомъ постепенно измѣнили имущественное и политическое отношеніе греческихъ государствъ между собою.

Нѣсколько различно было политическое положе-

ніе азіатскихъ городовъ и съ другой стороны островов Эгейскаго моря. Азіатскіе города давно уже привыкли жить въ ленной зависимости отъ азіатскихъ царей и сатраповъ и научились мирить нѣкоторую долю мѣстной внутренней независимости съ подчиненіемъ болѣе крупнымъ политическимъ единицамъ. Поэтому среди этихъ обширныхъ и богатыхъ общинъ горячка «освобожденія эллинскихъ городовъ» отнюдь не произвела того дѣйствія, какое она оказала въ болѣе бѣдной, но болѣе свободной Греціи. Въ Малой Азіи преобладали торговые интересы, и если только обрѣтавшійся гдѣ-то далеко царь или его сатрапъ не обременяли жителей слишкомъ тяжелыми поборами — деньгами или натурой, — то они, повидимому, не считали это подданство ни позоромъ ни слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Да никакая другая политика и не была возможна уже задолго передъ описываемымъ нами временемъ.

Но существовало еще извѣстное число островныхъ городовъ, прежде всего Родосъ, затѣмъ Косъ, и городовъ, расположенныхъ на полуостровахъ, но до такой степени огражденныхъ природой и искусствомъ отъ материка, что они превратились на дѣлѣ тоже въ островные города, какъ напр. Книдъ, Галикарнассъ, Византія, Гераклея (на Черномъ морѣ). Въ полный разгаръ побѣдоноснаго нашествія Александра эти города увидали по ужасающей осадѣ Галикарнасса, и потомъ Тира, какова была сила островныхъ городовъ, и убѣдились, что могли слѣдовать совершенно иной политикѣ, чѣмъ ихъ сосѣди на сушѣ. Осада этихъ городовъ была дѣломъ очень труднымъ и не обѣщала успѣха; стѣнобит-

ныя орудія, которыя за послѣднее время были такъ усовершенствованы, что противъ нихъ не могли устоять обыкновенныя укрѣпленія на сушѣ, были однако безсильны противъ укрѣпленныхъ гаваней; къ тому же скалистое мѣстоположеніе этихъ городовъ дѣлало непримѣнимыми подкопы. Осада же изблизи съ суши или съ моря была ужъ совершенно невозможна, и такимъ образомъ политика царей по отношенію къ этимъ городамъ сводилась къ нейтралитету. Для нихъ самихъ, между тѣмъ, нейтралитетъ былъ еще болѣе необходимъ, такъ какъ онъ позволялъ имъ продолжать съ огромной выгодой свои дѣла по части торговли и перевозки товаровъ въ то время, какъ ихъ союзники на материкѣ вели между собой войну. Такимъ образомъ эти города постепенно пріобрѣли значеніе совершенно необычное въ греческомъ мірѣ. Мы еще будемъ говорить впослѣдствіи о ихъ союзѣ и политикѣ, состоявшей въ томъ, чтобы поддерживать непрерывныя торговыя сношенія на моряхъ, а пока мы не можемъ обойти молчаніемъ возвышеніе Родоса, которое было почти столько же внезапно, какъ возвышеніе любого изъ діадоховъ.

Во времена историческія жители Родоса были признаны за дорійцевъ, и мессенскій герой Аристоменъ искалъ у нихъ пріюта; родосскій родъ Діагора, воспѣтый въ одахъ Пиндара, былъ знаменитъ въ Греціи своими побѣдами на великихъ національныхъ состязаніяхъ въ Олимпіи и въ другихъ мѣстахъ. Можно себѣ представить, съ какимъ презрѣніемъ родосцы смотрѣли на какихъ-нибудь пергамцевъ, притязавшихъ на эллинское происхожденіе. Можно даже думать, что чистота и строгость ро-

досскаго вкуса и нравовъ объясняются этимъ сознаніемъ своего аристократическаго эллинскаго происхожденія. Тогда какъ другіе эллинистическіе центры были основаны очень недавно и служили пріютомъ для смѣшаннаго и разноплеменнаго населенія, Родосъ имѣлъ полное право считать себя чисто эллинскимъ городомъ, хотя дни величія его начались только со смерти Александра. Этотъ фактъ даетъ намъ ключъ ко всѣмъ колебаніямъ въ родосскомъ искусствѣ, хотя, между прочимъ, на послѣднее оказали большое вліяніе техническія усовершенствованія, заимствованныя имъ у эллинистическаго искусства.

Въ нашу задачу не входитъ изложеніе болѣе ранней исторіи острова или исторіи дорійской конфедераціи, которую города на островѣ образовали съ Косомъ и Книдомъ для совмѣстнаго богопочитанія на мысѣ Тріопіи. Единственный фактъ, требующій здѣсь объясненія, это сравнительно позднее основаніе главнаго города тремя старшими городами — Линдосомъ, Камиросомъ и Ялисомъ,--которые, продолжая каждый свое самостоятельное политическое существованіе, образовали то, что называлось у грековъ «синойкизмъ», и правительство острова помѣстили въ сѣверномъ углу его, въ новомъ городѣ, названномъ Родосомъ. Это произошло въ 408 г. до Р. Х., т. е. незадолго до окончанія пелопонесской войны. Нашъ историкъ Діодоръ сообщаетъ только голый фактъ, но въ этомъ фактѣ не трудно усмотрѣть широкій замыселъ какого-нибудь способнаго политика, предвидѣвшаго паденіе Аѳинъ и возможность образованія новаго морского могущества въ родѣ того, какое хотѣлъ сдѣлать изъ Аѳинъ Пе-

риклъ, видѣвшій единственный путь къ ихъ спасенію въ томъ, чтобы думать о своихъ внутреннихъ дѣлахъ и заботиться о флотѣ. Для этой цѣли островъ былъ еще болѣе подходящимъ пунктомъ, чѣмъ даже такой городъ, какъ Аѳины, которымъ все-таки часто приходилось отражать нападенія съ суши. Было ясно, что Спарта, несмотря на свои военные успѣхи, не можетъ никогда сдѣлаться такого рода морской державой, и такимъ образомъ въ основателяхъ Родоса мы можемъ допустить даръ предвидѣнія, по внушенію котораго они основали новую столицу морской имперіи. По преданію, когда-то Критъ занималъ это положеніе.

Но политикѣ основателя новаго города не суждено было восторжествовать въ теченіе цѣлаго столѣтія. Родосъ, подобно всѣмъ греческимъ городамъ, долженъ былъ пережить борьбу между аристократіей и демократіей, которая рѣшалась поперемѣнно то въ ту, то въ другую сторону вплоть до дней Александра. Аристократы получали поддержку отъ Спарты, а также отъ Мавзола и Артемизіи, которые завладѣли островомъ; демократамъ по временамъ помогали Аѳины, а большею частью ихъ собственныя превосходныя силы и рѣшимость. Въ разсматриваемое нами время управленіе находилось, повидимому, въ рукахъ многочисленной и осторожной денежной аристократіи, которая до такой степени оберегала интересы низшихъ классовъ, что затихли всякіе внутренніе безпорядки. Оказавъ сначала сопротивленіе Александру и снабдивъ Персію своими способными адмиралами—Мемнономъ и Менторомъ, Родосъ сумѣлъ во-время покориться и послалъ корабли для осады Тира. Мы знаемъ, что у

Александра стоялъ въ Родосѣ гарнизонъ, который родосцы выгнали при первомъ же извѣстіи о его смерти. Діодоръ говоритъ (XX, 81), что Александръ покровительствовалъ Родосу, способствовалъ его возвышенію и, наконецъ, почтилъ его выше всѣхъ городовъ своей имперіи, отдавъ ему на храненіе свое завѣщаніе. Но весь разсказъ о смерти Александра ясно показываетъ, что онъ не оставилъ никакого завѣщанія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что родосцы взяли на себя полицейскій надзоръ надъ Эгейскимъ моремъ, и что ихъ къ тому формально уполномочилъ Александръ. Но можно предполагать, что слова Діодора подверглись искаженію. Дѣло въ томъ, что ко дню смерти Александра Родосъ оказывается въ новомъ положеніи первостепенной морской державы, а также и главнаго складочнаго мѣста для торговли съ Востокомъ. Едва ли это внезапное возвышеніе можно объяснить безъ предположенія какого-нибудь особаго дѣйствія со стороны Александра. Конечно, разсудительные родосцы воспользовались его отношеніями съ Варсиной, прекрасной вдовой Ментора или Мемнона, и оказывали вліяніе на великаго царя черезъ его любовницу. Вотъ тѣ предположенія, которыя можно было бы сдѣлать для разъясненія сообщаемаго намъ факта о завѣщаніи.

Осада Родоса Димитріемъ Поліоркетомъ служитъ хорошимъ доказательствомъ того богатства и могущества, которыхъ уже достигъ тогда этотъ городъ. Онъ не отстаивалъ никакихъ идеаловъ, а спокойно признавалъ существующаго владыку міра Александра; затѣмъ онъ вступалъ въ дружескія отношенія съ Касандромъ, Лизимахомъ, Антигономъ и Птоломеемъ, которые были самыми опасными и, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, самыми выгодными его сосѣдями. Благодаря спору Антигона и Птоломея за владычество надъ Эгейскимъ моремъ, Родосъ подвергся страшной атакѣ, которой онъ напрасно старался избѣжать съ помощью своего нейтралитета и дипломатіи. Родосцы перепробовали всѣ средства, издавали хвалебные декреты, воздвигали статуи для поклоненія. Когда Димитрій показался съ своимъ войскомъ и осадными машинами, они рѣшили покориться и оказать ему поддержку противъ Египта. Но когда онъ потребовалъ сто заложниковъ, какъ гарантію покорности — странная ошибка съ его стороны, — проницательная аристократія заявила, что время уступокъ прошло, и рѣшила показать, какъ опасна была по отношенію къ ней наступательная политика.

Мы должны нѣсколько остановиться на этой осадѣ, хотя бы потому, что интересъ всего восточнаго міра сосредоточивался на ней, и весь міръ или помогалъ воюющимъ или пытался прекратить борьбу мирными средствами. Родосомъ управляла благоразумная аристократія. Мы можемъ себѣ представить его Венеціей того времени. Родосскій флотъ достигъ того значенія, которое когда-то имѣлъ флотъ аѳинянъ. Родосъ предпринялъ очистить море отъ пиратовъ, которые къ тому времени уже представляли собою организованную силу. Въ преслѣдованіи пиратовъ родосскіе корабли пріобрѣли ту быстроту и точность движеній, которыя они обнаружили въ войнѣ противъ Димитрія. Димитрію въ свою очередь удалось привлечь пиратовъ на свою сторону, и они образовали одну изъ дивизій его флота.

Діодоръ оставилъ намъ длинное и блестящее опи-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

саніе этой великой осады. Огромный флотъ приближается въ своемъ страшномъ великолѣпіи; при свѣтѣ дня онъ виденъ съ высотъ города, который построенъ амфитеатромъ вокругъ своей гавани. Родосцы обѣщаютъ щедрыя награды за храбрость: деньги и свободу рабамъ, пенсіи дѣтямъ и родителямъ павшихъ во время защиты города. Тѣмъ временемъ движется и огромное войско Димитрія въ 40000 человѣкъ, съ безчисленными маркитантами, которые шли, «чтобы извлечь личную выгоду изъ несчастій воюющихъ». У родосцевъ было только 6000 гражданъ, носившихъ оружіе, и 1000 чужеземцевъ, постоянно жившихъ въ городѣ; но въ ихъ распоряженіи находилось множество рабовъ, огромные военные запасы; затѣмъ Лизимахъ и Касандръ послали имъ массу провіанта, и, сверхъ всего этого, Птоломей взялъ на себя прислать столько наемныхъ войскъ, сколько городъ могъ вмѣстить.

Первое крупное столкновеніе произошло у входа въ гавань. Если бы Димитрію удалось занять входъ, то борьба была бы кончена. Но родосцы сражались отчаянно и не уступали ему входа; они разрушили его осадныя машины и выслали быстрые крейсера, которые захватили суда съ припасами и вещами *), взяли въ плѣнъ корабли пиратовъ и дѣлали высадки на материкъ. Тогда Димитрій сдѣлалъ нападеніе съ суши съ помощью колоссальной машины, извѣстной подъ названіемъ *Helepolis* (берущая города)

*) Между прочимъ они захватили корабль съ частью Димитріева гардероба, который и отослали Птоломею, такъ какъ это были пурпурныя одѣянія такого великолѣпія, что ихъ подобало носить только царямъ.

и представлявшей собою деревянное сооруженіе въ нѣсколько ярусовъ, защищенное стѣнами и подвижными загородками изъ сыромятной кожи. Передвигалась она на колесахъ усиліемъ 3400 человѣкъ и стрѣляла камнями и стрѣлами со всѣхъ своихъ ярусовъ. Даже эта машина, хотя и пробила большія бреши въ стѣнѣ, но не достигла желаннаго результата. Хотя нѣкоторымъ изъ осаждавшихъ удалось пробраться внутрь города и засѣсть въ верху театра, при чемъ «женщины и дѣти подняли вопль, какъ будто городъ былъ взятъ», но послѣ кровопролитной схватки эти смѣльчаки были всѣ перебиты или взяты въ плѣнъ. Былъ заключенъ договоръ о выдачѣ плѣнныхъ: за выкупъ свободнаго платилось десять минъ, а за раба пять минъ — цѣна очень высокая. Въ то же время, когда кто-то предложилъ разбить недавно поставленныя статуи Антигона и Димитрія, то родосцы съ презрѣніемъ отвергли это предложеніе, тѣмъ самымъ обнаруживъ, насколько выше былъ уровень ихъ политическаго развитія сравнительно съ другими городами Греціи: даже въ Аѳинахъ многочисленныя статуи Димитрія Фалерскаго были разбиты на другой же день послѣ его паденія, а металлъ употребленъ на самыя будничныя надобности. Во время осады являлись посольства отъ нейтральныхъ державъ съ предложеніемъ мирнаго посредничества, потому что всѣ торговые интересы Эгейскаго моря зависѣли отъ Родоса. Первыми явились книдцы; произошло краткое перемиріе, но Димитрій не соглашался ни на какія уступки; затѣмъ явилось болѣе пятидесяти пословъ отъ Аѳинъ и другихъ греческихъ городовъ; послѣдовало новое перемиріе и новые продолжительные переговоры. Послѣ

всѣхъ пріѣхали этолійцы, и ихъ ходатайство имѣло успѣхъ, но не вслѣдствіе особой вѣскости ихъ аргументовъ, а просто потому, что осада двигалась слишкомъ медленно, а по расчету Димитрія въ теченіе одной краткой ночной атаки со стѣнъ города было послано болѣе 2300 выстрѣловъ изъ метательныхъ орудій. Изъ этого было видно, что средства города были неистощимы. Итакъ миръ былъ заключенъ на тѣхъ условіяхъ, чтобы родосцы были союзниками Димитрія, но только не противъ Птоломея, и дали 100 заложниковъ изъ лицъ, не состоящихъ ни въ какой должности. Затѣмъ родосцы выразили благодарность своимъ собственнымъ гражданамъ и дружественнымъ царямъ, но, желая передъ всѣми почтить Птоломея, послали въ святилище Юпитера Аммона спросить, можно ли воздавать ему божескія почести, и, получивъ разрѣшеніе, построили въ честь его храмъ.

Такова была политика, къ которой когда-то стремились Аѳины, но которая была неосуществима въ этомъ городѣ, полномъ полуравнодушныхъ гражданъ и шумныхъ демагоговъ. Но и въ Родосѣ политика эта могла держаться только благодаря большой самоотверженности гражданъ, прочному и спокойному правленію и, наконецъ, благодаря дѣятельной поддержкѣ крупныхъ нейтральныхъ державъ. Итакъ теперь наступила, наконецъ, пора для этой политики, политики нейтралитета островныхъ коммерческихъ государствъ. Политика союзовъ между мелкими государствами еще не получила распространенія и не выходила за предѣлы горныхъ долинъ Коракса и Эриманта. Теперь читатель достаточно знакомъ съ греческой политикой этой эпохи

и можетъ слѣдить за необходимыми политическими намеками, которые будутъ встрѣчаться въ послѣдующихъ очеркахъ соціальной жизни и умственныхъ теченій. Правда, мыслители этого времени держались въ сторонѣ отъ общественной жизни и даже прямо избѣгали политики, но, несмотря на это, они не могли не вліять на международныя отношенія и на борьбу партій внутри государствъ и не подвергаться въ свою очередь ихъ вліянію.

IV. ОТНОШЕНІЕ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ КЪ СОЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЭТОГО ВРЕМЕНИ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Не подлежитъ сомнѣнію, что величайшей преградой для распространенія матеріальныхъ удобствъ въ классической Греціи была постоянная обособленность отдѣльныхъ мелкихъ государствъ. Помимо ихъ непрерывныхъ войнъ, трудности, которыя встрѣчалъ иностранецъ, желая поселиться въ какомъ-нибудь городѣ (а иностранцами оказывались и самые близкіе сосѣди), мѣшали установиться общему шаблону обыденной жизни. Никто не путешествовалъ для удовольствія, за границей жили только изгнанники по приговору закона или люди, увлеченные надеждами на богатые торговые барыши. Такимъ образомъ въ мелочахъ каждодневной жизни греческіе города различались между собою гораздо больше, чѣмъ теперь различаются города какой-нибудь крупной европейской державы.

Эта обособленность греческихъ городовъ была такъ велика, что всякій иностранецъ, появляясь на улицахъ греческаго города, вызывалъ если не отвращеніе, то во всякомъ случаѣ замѣчанія и насмѣшливые эпитеты провинціала и чудака, а его привычки и манеры забраковывались, какъ не *comme il faut*, хотя бы, на самомъ дѣлѣ, онѣ были у него лучше, чѣмъ у его критиковъ. Мы знаемъ изъ ко-

медій, что ѳиванскій обѣдъ былъ совершенно непохожъ на аѳинскій и по способу приготовленія кушаній былъ лучше; однако ни одинъ аѳинянинъ классической эпохи не сталъ бы подражать своимъ беотійскимъ сосѣдямъ. Многочисленный классъ людей, которые будто бы изучаютъ грековъ, а на самомъ дѣлѣ знакомы съ ними только по особенностямъ грамматики ихъ языка, оцѣнятъ мое замѣчаніе, когда я напомню имъ, что нужны были столѣтія для образованія въ Греціи общаго литературнаго языка. Еще очень сомнительно, образовался ли бы онъ когда-нибудь силой умственнаго превосходства Аѳинъ; несомнѣненъ тотъ фактъ, что образованіе такого языка было вызвано политическимъ объединеніемъ Греціи подъ властью Александра и распространеніемъ греческаго языка среди покоренныхъ народовъ, которые уже никакъ не могли цѣнить тонкостей діалекта. «Общее нарѣчіе» эллинизма вовсе не было тожественно съ аттическимъ; это былъ практическій органъ, который не имѣлъ исторіи и принялъ свои окончательныя формы въ ближайшемъ поколѣніи, чтобы служить всему литературному и философскому міру въ теченіе многихъ послѣдующихъ вѣковъ, почти не подвергаясь измѣненіямъ. Это былъ внѣшній и видимый признакъ единства эллинистическаго міра.

Что касается привычекъ обыденной жизни, то можно сказать съ увѣренностью, что завоеванія Александра и войны преемниковъ вызвали небывалый до тѣхъ поръ въ греческихъ государствахъ обмѣнъ идей. Азіатскіе города уже раньше получили свою долю воспитанія въ этомъ смыслѣ. Ихъ общее подчиненіе Персіи освобождало ихъ отъ тѣхъ полити-

ческихъ понятій, которыя еще такъ глубоко коренились въ Греціи, и нѣтъ основаній предполагать, чтобы въ частной жизни граждане Смирны и Эфеса различались когда-нибудь между собою въ такой мѣрѣ, какъ аѳиняне и аргосцы, не говоря уже о спартанцахъ. Дѣло въ томъ, что они долго были только единицами въ массѣ азіатскихъ городовъ, подвластныхъ чужеземному игу. Хотя Александръ и большинство діадоховъ оставляли за каждымъ городомъ въ Греціи, на дѣлѣ или для виду, его самоуправленіе, но это была не та автономія, которую города имѣли въ древности. Иностранецъ, въ особенности македонянинъ, уже не былъ тѣмъ безправнымъ отверженцемъ, котораго всякій имѣлъ право презирать и обирать. Наоборотъ, мы склонны думать, что богатые и вліятельные иностранцы были законодателями модъ даже въ Аѳинахъ. Домашняя жизнь изящныхъ молодыхъ людей того времени должна была находиться подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ матеріальныхъ удобствъ, которыя они видѣли въ домашней обстановкѣ царя Димитрія Поліоркета или Касандра или какого-нибудь коменданта крѣпости въ Мунихіи. Склонностью къ роскоши были заражены даже философы; особенно далеко въ этомъ смыслѣ зашелъ Димитрій Фалерскій, который былъ въ теченіе 10 лѣтъ намѣстникомъ Касандра въ Аѳинахъ. Впрочемъ, о немъ рѣчь впереди. Сношенія между городами должны были сильно увеличиться, и хотя намъ неизвѣстно, чтобы Александръ давалъ какія-нибудь опредѣленныя предписанія эллинской конфедераціи относительно ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, но отсутствіе жалобъ на этотъ счетъ можетъ служить доказательствомъ, что торговыя отношенія

достигли извѣстнаго разумнаго единообразія, и что или иностранцы могли безпрепятственно жить въ любомъ греческомъ городѣ, или, по крайней мѣрѣ, иностранные товары имѣли туда свободный доступъ.

Наплывъ персидскихъ богатствъ въ Грецію, происшедшій благодаря случайностямъ завоеванія, а не въ результатѣ ихъ собственной промышленной дѣятельности, долженъ былъ произвести революцію въ цѣнахъ, съ которой въ позднѣйшей исторіи можно сравнить только то, что произошло вслѣдствіе наплыва золота ацтековъ и инковъ въ Испанію. Этотъ переворотъ легъ тяжелымъ бременемъ на бѣднѣйшее населеніе Греціи, которое не получило доли въ добычѣ. Цѣна необходимыхъ и простыхъ предметовъ должна была подниматься нерѣдко выше его средствъ. Искатели приключеній привозили съ собой богатыя состоянія; купцы и поставщики провіанта въ арміяхъ наживали капиталы; и вмѣстѣ съ этими восточными богатствами долженъ былъ явиться вкусъ ко всѣмъ тѣмъ высшимъ удобствамъ и роскоши, которыя греки встрѣчали у персидскихъ вельможъ. Не только столовая утварь, въ родѣ блюдъ и сосудовъ, но и самыя произведенія греческой кухни должны были усовершенствоваться подъ вліяніемъ Востока. Заимствованія у персовъ были сдѣланы также въ убранствѣ, въ особенности по части ковровъ и занавѣсей; вѣдь и мы до сихъ поръ подражаемъ Востоку въ тканяхъ и узорахъ. Нельзя допустить, чтобы примѣръ стольких царскихъ дворовъ и безконечнаго царскаго церемоніала прошелъ безслѣдно для тѣхъ, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе. Это вліяніе можно было наблюдать

не только на вульгарномъ «хвастливомъ воинѣ», который съ лишеннымъ всякой мѣры безстыдствомъ старался похвастать передъ согражданами своимъ внезапнымъ обогащеніемъ, но и на обыденной жизни богатой молодежи. Одежда Алкивіада, возбуждавшая толки въ Греціи его времени, вѣроятно показалась бы бѣдной и скромной рядомъ съ одѣяніемъ Арата или людей предшествовавшаго ему поколѣнія. Картины и статуи начинаютъ украшать дома частныхъ лицъ, а не одни только храмы и общественныя зданія; это нововведеніе появилось уже во времена Демосѳена; но оно разлилось повсюду неудержимымъ потокомъ, лишь только въ Грецію проникло вліяніе восточнаго міра. Домъ Фокіона въ Аѳинахъ считался скромнымъ по размѣру и убранству, но и онъ не страдалъ особенной простотой, благодаря оригинальнымъ стѣннымъ украшеніямъ, состоявшимъ изъ блестящихъ бронзовыхъ плитъ; этотъ родъ украшеній существовалъ съ доисторическихъ временъ, но продолжалъ нравиться самой своей античностью.

Если, какъ мы увидимъ дальше, всѣ роды искусства—живопись, ваяніе, музыка, архитектура—начали въ это время стремиться къ эффектамъ вмѣсто того, чтобы выражать великія идеи, то мы можемъ сказать съ увѣренностью, что домашняя жизнь была только слабымъ отраженіемъ того же общаго тона и своимъ внѣшнимъ изяществомъ и вычурностью должна была свидѣтельствовать объ утонченности и знаніи свѣта.

Овербекъ *) замѣчаетъ, что въ послѣ-александров-

*) Gesch. der Griech. Plastik. III. 188.

скій періодъ искусство не дало ничего ни новаго, ни самобытнаго, и что ни въ одномъ греческомъ городѣ не возникло самостоятельной школы. Поэтому онъ и великую историческую школу родосской и пергамской скульптуры называетъ «отцвѣтомъ» греческаго искусства. Но, несмотря на всю справедливость этого замѣчанія, мы не должны забывать того, что́ лучше всѣхъ другихъ доказалъ самъ же Овербекъ, именно, что въ этотъ періодъ возникли самыя блестящія произведенія искусства. Скульптура дошла и до насъ, напримѣръ, Ника (въ Самоѳракіи), изображенная въ видѣ прекрасной женской фигуры съ развѣвающейся одеждой; она стоитъ на мраморномъ носу корабля и трубитъ въ трубу *). Эта статуя была посвящена богинѣ царемъ Димитріемъ (въ благодарность за морскую побѣду, одержанную имъ надъ Птоломеемъ), и хотя его біографы о ней не упоминаютъ, однако она была настолько знаменита, что изображеніе ея сохранилось на монетахъ, и она представляетъ собою такое великое произведеніе искусства, что ни одинъ изъ древнихъ мастеровъ, даже самъ Фидій, не постыдился бы признать ее произведеніемъ своего рѣзца. Между тѣмъ имя художника намъ неизвѣстно. Можно сказать съ увѣренностью, что въ періодъ *упадка* искусства подобное упущеніе не было бы возможно. Мы знаемъ также, что первая великая *національная* борьба этого періода — отраженіе галльскаго нашествія на Грецію въ 278 г. до Р. Х. — нашла себѣ благороднѣйшее выраженіе въ искусствѣ, и что побѣдители увѣковѣчили свое торжество въ

*) Въ настоящее время въ Луврѣ.

Ред.

посвященныхъ богамъ статуяхъ, изъ которыхъ двѣ, по крайней мѣрѣ, — Аполлонъ Бельведерскій и Артемида Ватиканская, — по силѣ производимаго на насъ впечатлѣнія могутъ быть поставлены наравнѣ съ самыми высокими изъ дошедшихъ до насъ образцовъ пластическаго искусства.

То же самое національное чувство грековъ, пробужденное борьбой съ варварами, дало жизнь блестящей пергамской школѣ, которая брала свои образцы изъ исторіи этой борьбы въ ея болѣе ранній періодъ. Въ настоящее время изъ твореній этой школы наибольшей извѣстностью пользуется такъ называемый «умирающій гладіаторъ».

Эти великіе памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что не только цари покровительствовали искусству (что уже намъ извѣстно), но также и города, которые часто упоминаются въ связи съ знаменитыми художественными произведеніями. Въ искусствѣ еще не было замѣтно той централизаціи, которая уже существовала въ политикѣ. Патры, Алифера, Θеспіи, Плевронъ, Алирія (въ Акарнаніи), Амвракія и сотня другихъ болѣе или менѣе второстепенныхъ и совершенно новыхъ городовъ были знамениты разными образцовыми произведеніями, которыя привлекали къ себѣ путешественниковъ. Это небывалое распространеніе произведеній искусства по справедливости считается главной причиной упадка его въ смыслѣ идеи и глубины чувства; но благодаря этому же обстоятельству искусство должно было оказать на обыденную жизнь въ Греціи гораздо большее вліяніе, чѣмъ оно оказывало прежде, въ болѣе раннія эпохи, когда художественное творчество сосредоточивалось въ немногихъ центрахъ.

Къ такимъ же послѣдствіямъ должно было привести и развитіе живописи, которая, по всеобщему признанію, достигла своего высшаго расцвѣта именно въ эту эпоху. Слава Апеллеса и Протогена гремѣла по всему эллинистическому міру; о нихъ ходили анекдоты, какъ о великихъ людяхъ эпохи. Извѣстное изреченіе ne sutor supra crepidam принадлежитъ Апеллесу; онъ сдѣлалъ это замѣчаніе сапожнику, который на его картинѣ указалъ недостатки въ изображеніи сапога и, ободренный художникомъ, сталъ критиковать ногу. Протогенъ въ теченіе многихъ лѣтъ уже работалъ надъ своимъ Іалисомъ въ предмѣстьи Родоса, когда Димитрій явился осаждать городъ. Родосцы не хотѣли допустить, чтобы онъ предалъ огню предмѣстье, въ которомъ находилось такое образцовое произведеніе. Димитрій отвѣчалъ, что скорѣе разбилъ бы статуи своего отца, чѣмъ допустилъ такое варварство. На эту картину пришелъ смотрѣть завистливый Апеллесъ и былъ такъ пораженъ, что долгое время не могъ оправиться отъ своего изумленія. Самыя крупныя картины въ это время писались уже не на стѣнахъ въ видѣ фресокъ, а на переносныхъ четвероугольныхъ доскахъ; онѣ выставлялись по одиночкѣ за деньги, какъ дѣлается и теперь, и иногда даже въ болѣе эффектной обстановкѣ, чѣмъ въ настоящее время: знаменитая, написанная Ѳеономъ самосскимъ, одиночная фигура вооруженнаго воина, бросающагося въ бой, оставалась закрытою, пока нанятый на этотъ случай трубачъ не протрубилъ тревогу, такъ что городъ пришелъ въ волненіе, и тогда картина была открыта передъ глазами возбужденныхъ зрителей. Не одни цари и города, но и богатые

частные люди могли покупать и вѣшать у себя эти картины, и можно съ увѣренностью сказать, что болѣе посредственные художники, писавшіе свои картины и копіи для менѣе избраннаго общества, выбирали тѣ же темы, которыя были въ модѣ у великихъ міра. Они были въ сильной степени индивидуалисты—какъ патронъ, который хотѣлъ увѣковѣчить свое лицо, свои битвы или свою охоту, такъ и художникъ, который, хотя изображалъ явленія внѣшняго міра, но только и думалъ о томъ, какой эффектъ онъ произведетъ какъ художникъ, и зналъ, что произведеніе художника съ именемъ возбудитъ большій интересъ, чѣмъ подобное же произведеніе, или даже лучшее, но выставленное безъ имени художника.

Я думаю, что въ томъ же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ болѣе широкаго распространенія,—а, слѣдовательно, и болѣе широкаго вліянія на обыденную жизнь,—должна была дѣйствовать также свобода въ выборѣ сюжетовъ въ живописи и ваяніи. Въ классической Греціи, какъ и въ началѣ среднихъ вѣковъ, эти искусства начали съ служенія религіи или, по крайней мѣрѣ, съ служенія государству, и изображали религіозные или полурелигіозные миѳологическіе сюжеты. Теперь же, какъ въ дни Рафаэля, портреты и статуи замѣчательныхъ людей образовали самостоятельную и блестящую отрасль искусства. Александръ не давалъ съ себя лѣпить никому, кромѣ ваятеля Лизиппа, и не давалъ писать съ себя портреты никому, кромѣ Апеллеса, хотя многіе другіе изображали его и на полотнѣ и изъ мрамора.

У всѣхъ раннихъ діадоховъ—Антигона, Димитрія, Птоломея, Касандра—были свои собственные пор-

треты и статуи, сдѣланные изъ бронзы и красками знаменитыми мастерами. Это свѣтское направленіе въ искусствѣ привело также къ тому, что художники стали импровизировать портреты и статуи замѣчательныхъ людей болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, подлинныя изображенія которыхъ были навсегда утрачены, и художникъ проявлялъ свой талантъ, создавая идеальныя головы Гомера, Гезіода, Солона, Сафо, Эсхила и другихъ знаменитостей въ этомъ родѣ. Замѣчательно, что въ это же время уменьшилось число статуй атлетовъ. Изображенія атлетовъ вышли изъ моды; высшіе классы, которые имѣли средства для покупки статуй, не спрашивали ихъ, и города предпочитали новыя формы отечественнаго искусства, которыя заступили мѣсто этихъ когда-то славныхъ статуй, воздвигаемыхъ въ честь героя на мѣстѣ побѣды. Вслѣдъ за импровизированными портретами вошли въ моду аллегорическія фигуры, въ которыхъ художникъ выказывалъ свой талантъ, облекая въ чувственныя формы даже преходящія духовныя свойства. Распространеніе, котораго достигло это аллегорическое направленіе, составляетъ совершенно поразительную черту духа времени. Дѣйствующими лицами въ большихъ сценическихъ представленіяхъ въ Александріи и Антіохіи, въ родѣ тѣхъ, что давались впослѣдствіи въ средневѣковой Европѣ, являлась цѣлая масса аллегорическихъ фигуръ, изображающихъ четыре времени года, изобиліе, войну, голодъ, всѣ города имперіи и такъ далѣе; мало того—одна знаменитая статуя изображала собою καιρός (удобное время, критическій моментъ) въ видѣ крылатаго юноши, а сюжетомъ не менѣе знаменитой картины была *Кле-*

вета, которую окружали сопровождающія ее обстоятельства, изображенныя также въ лицахъ. Поводомъ къ этой послѣдней картинѣ послужилъ случай изъ жизни художника: онъ подвергся большой опасности, именно гнѣву перваго Птолемея. Еще болѣе характеренъ тотъ фактъ, что фигуры, обыкновенно принимаемыя за олицетворенія городовъ, въ этомъ вѣкѣ олицетворяли собою не самый городъ, а *судьбу города*. На антіохійскихъ монетахъ (чтобы взять дѣйствительно выдающійся примѣръ) мы находимъ женскую фигуру въ коронѣ, украшенной башенками, и съ символами изобилія; она сидитъ на скалѣ или на горѣ надъ Оронтомъ и по обыкновенію имѣетъ видъ дѣвушки, съ наполовину открытой фигурой.

Антіохія была основана недавно; въ ней не было святилища, гдѣ бы находилось ея божество, ея геній-покровитель; быть-можетъ, она даже не искала и не заслуживала такого генія и сознательно замѣнила его чисто свѣтскимъ понятіемъ своей *судьбы*, τύχη, въ человѣческомъ образѣ и съ аттрибутами божества. Впослѣдствіи такія фигуры принимались за олицетворенія самого города и въ качествѣ таковыхъ были унаслѣдованы современнымъ искусствомъ и оказали вліяніе на современный языкъ.

Наши источники умалчиваютъ о прочихъ отрасляхъ искусства, но можно сказать съ увѣренностью, что, напримѣръ, столовая утварь отличалась изяществомъ рисунка и богатствомъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. И если поднялись въ цѣнѣ предметы необходимости, то можно утверждать, что предметы роскоши упали въ цѣнѣ единственно благодаря увеличенію ихъ производства и транспорта.

Стоимость портрета изъ бронзы или мрамора должна была значительно понизиться благодаря изобрѣтенію Лизистрата, который снималъ гипсовую маску съ головы и затѣмъ уже дѣлалъ копію съ гипса. Это изобрѣтеніе повлекло за собою, надо думать, тѣ же самыя послѣдствія, какія въ наше время имѣла фотографія. Оно превращало художника въ ремесленника и понижало самое понятіе о портретѣ, какъ о воспроизведеніи не минутныхъ, а постоянныхъ очертаній и общаго характера лица. Во всякомъ случаѣ, получивъ широкое распространеніе, новый способъ давалъ возможность большему числу народа побаловать свое тщеславіе съ помощью этого подражанія искусству.

Остается разсмотрѣть, не обнаруживаетъ ли искусство изслѣдуемаго нами періода какой-нибудь такой духовной стороны, которую бы мы могли приписать не одной только личности художниковъ, но атмосферѣ, въ которой они жили. Самые компетентные изслѣдователи отмѣтили два основныхъ явленія: во-первыхъ, гордую увѣренность въ полномъ совершенствѣ и законченности своей техники, проглядывающую постоянно у такихъ людей, какъ Лизиппъ и Апеллесъ; во-вторыхъ, желаніе поражать и производить эффекты, примѣромъ чего можетъ служить колоссъ родосскій и еще болѣе проектъ, предложенный Александру Динократомъ: онъ предлагалъ превратить гору Аѳонъ въ сидящую фигуру, которая въ одной рукѣ держала бы городъ съ 10000 жителей, а другой рукой выливала бы въ море изъ урны горный водопадъ. Эти черты уже встрѣчались намъ въ Димитріи Поліоркетѣ, этой самой характерной личности времени, и могутъ свидѣтельство-

вать о великой самоувѣренности и самодовольствѣ людей этого вѣка, убѣжденныхъ въ томъ, что ихъ вѣкъ своимъ величіемъ затмилъ всѣ предшествовавшія поколѣнія, и рѣшившихъ примѣнить къ дѣлу всѣ тѣ новыя усовершенствованія, до которыхъ они дошли. Подобно тому какъ Александръ въ глазахъ современниковъ былъ выше Бразида и Перикла, такъ и эти первые діадохи не могли допустить, чтобы они хоть въ чемъ-нибудь не превзошли своихъ предшественниковъ. Они были полны жизни и энергіи, какъ люди эпохи Возрожденія, и не обладали способностью къ ретроспективному взгляду, которая такъ поразительна въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ и такъ сильно напоминаетъ намъ пре-рафаэлитизмъ нашего вѣка. Они не считали свое искусство «отцвѣтомъ», какъ это дѣлаемъ мы: на своихъ монетахъ съ изображеніями боговъ они воспроизводили не божественные и величавые образы прежнихъ дней, а новыя созданія современнаго искусства, созданія граціозныя и прекрасныя, но скорѣе бьющія на эффектъ, чѣмъ производящія глубокое впечатлѣніе, свидѣтельствующія о томъ, до какой степени свѣтское направленіе проникло въ греческую религію. Въ архитектурѣ также они первые восприняли богатство и изящество коринѳскаго стиля и послужили образцами великимъ римскимъ зодчимъ, которые усвоили эту идею въ совершенствѣ; между тѣмъ, древнѣйшія и болѣе строгія школы всегда оставались имъ чужды. То же самое произошло и въ поэзіи, какъ мы увидимъ болѣе подробно въ главѣ, трактующей объ Александріи—этомъ главномъ представителѣ того вѣка. Болѣе ранніе римскіе поэты подражали почти исключительно эллинистическимъ

поэтамъ, и только въ вѣкъ Августа вмѣстѣ съ греческимъ пре-рафаэлитизмомъ къ нимъ проникло поклоненіе древнѣйшимъ и болѣе строгимъ образцамъ. Тѣ же вліянія обнаруживаетъ и помпейская стѣнная живопись. Такимъ образомъ мы можемъ заключить, что вѣкъ діадоховъ былъ великъ и плодотворенъ, — что онъ породилъ цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей — царей, политиковъ, воиновъ, художниковъ, торговцевъ, которые смѣло ввѣрялись теченію и жили жизнью полною возбужденья и наслажденій.

Теперь обратимся къ низшимъ классамъ, — низшимъ если не по нравственному уровню, то по общественному положенію. Во всѣхъ городахъ Греціи существовала народная масса, которая благодаря своей громадности рѣзче выступаетъ на общемъ фонѣ и легче поддается характеристикѣ. Я говорю не о тѣхъ паразитахъ, которые составляли очень незначительный классъ и извѣстны больше изъ комедій Эпихарма, чѣмъ изъ дѣйствительной жизни; подражатели Эпихарма такъ часто выводили этотъ типъ на сцену, что, наконецъ, сложилось убѣжденіе, будто паразитовъ было такое же множество, какъ въ наше время нищихъ. Настоящими паразитами въ Аѳинахъ была не эта горсть несчастныхъ голодающихъ, а аѳинская чернь, — масса свободныхъ, но бѣдныхъ гражданъ, которыхъ демагоги и мнимые патріоты научили видѣть источникъ средствъ къ существованію не въ трудѣ, а въ участіи въ политической жизни. Они усвоили ученіе, что единственный путь къ благосостоянію, открытый для бѣднаго люда, есть автономія и устраненіе всякихъ иностранныхъ вліяній. Такъ какъ всякій бѣднякъ имѣлъ право голоса, случилось то, чего слѣдовало ожидать и о чемъ

было уже упомянуто: автономіей воспользовались не для расширенія промышленности и торговли, не для вознагражденія труда и бережливости, а для ограбленія богатаго въ пользу празднаго бѣдняка. Уподобляясь древнимъ тираннамъ, которые изгоняли, конфисковали имущество и убивали для пріобрѣтенія богатства, демократы изгоняли, убивали и конфисковали имущество для собственнаго обогащенія. Но вскорѣ они убѣдились, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что богатства, пріобрѣтенныя такимъ путемъ, не остаются на мѣстѣ, а исчезаютъ куда-то изъ рукъ. Они дѣлались паразитами всякаго иноземнаго государя, который желалъ оказать имъ матеріальную поддержку; они постановляли воздавать божескія почести тому, кто посылалъ имъ хлѣбъ. Такимъ образомъ передъ нами открывается любопытное зрѣлище, какъ люди непрестанно борются за автономію и при этомъ ползаютъ во прахѣ передъ иностранными правителями. Фактъ тотъ, что, добившись своей воображаемой панацеи, они всякій разъ убѣждались, что это была иллюзія и ловушка. Они не могли повѣрить, что сами были виноваты въ своей бѣдности и паденіи, и любую постороннюю причину были готовы считать источникомъ своихъ золъ. Такимъ образомъ они пришли къ убѣжденію, что какая-то внѣшняя посторонняя сила должна вернуть имъ благосостояніе. «Это должно принести деньги въ страну», такъ говорили въ то время.

Прибавлю еще, что были двѣ важныя причины, которыя и въ Аѳинахъ и, въ меньшей степени, по всѣмъ греческимъ городамъ способствовали развитію этого общественнаго зла. Во-первыхъ, нація

всегда была и продолжала быть въ то время націей говоруновъ, которые находили наслажденіе въ искусствѣ изображать вещи въ преувеличенномъ и прикрашенномъ видѣ. Совершенно невѣрно, будто эта «роковая многорѣчивость», какъ было сказано гдѣ-то по другому поводу, дѣйствовала только на невѣжественную толпу. Ораторы сами, наконецъ, увлекаются не менѣе слушателей и, играя долгое время патріотовъ, сами начинаютъ вѣровать въ жизненное значеніе и искренность своей политики. Такимъ образомъ негодяй постепенно превращается въ энтузіаста, и едва можно различить, гдѣ кончается сознательное стремленіе извлечь выгоду изъ чужого ослѣпленія, и гдѣ начинается вѣра въ свою миссію. По той же самой привычкѣ —безъ умолку отстаивать излюбленную идею—и ораторы и народъ продолжаютъ держаться этой идеи тогда, когда давно уже доказана ея утопичность, и продолжаютъ выдавать за національный лозунгъ то, что каждый въ отдѣльности считаетъ пустымъ звукомъ.

Такъ играли эти люди со словами *свобода* и *автономія* въ то самое время, когда на мѣсто мелкихъ независимыхъ государствъ прежнихъ дней выдвигались великія эллинистическія имперіи. Но была еще другая причина, способствовавшая увеличенію зла, и я уже намекалъ на нее,—это была апатія и равнодушіе «лучшихъ классовъ». Неудивительно, что невѣжественная и неимущая толпа имѣетъ дурныхъ руководителей,—когда люди, располагающіе досугомъ, нужнымъ для политической дѣятельности, и получившіе воспитаніе, которое научаетъ видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, съ презрѣніемъ отходятъ въ сторону, съ отвращеніемъ покидаютъ

отечество и въ праздности расточаютъ за границей или на родинѣ то время и тѣ средства, которыя имъ даны на благо страны. Образованные классы въ Аѳинахъ давно потеряли всякій интересъ къ политикѣ, а можетъ-быть, какъ и естественно, недавняя утрата верховной власти дала имъ почувствовать, къ какимъ мелочамъ свелись обязанности греческаго гражданина. Однако возстановленіе эллинскаго союза не могло имъ казаться невозможнымъ, какъ оно было невозможно въ дѣйствительности; и это полное отсутствіе духа общественности въ лучшихъ классахъ общества было по всей вѣроятности однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ предзнаменованій печальнаго будущаго. Они даже утратили всякій вкусъ къ серьезной литературѣ и отвлеченному мышленію. Въ такъ называемой средней комедіи предшествующаго поколѣнія замѣтенъ еще нѣкоторый интересъ къ философскимъ системамъ, даже къ литературнымъ школамъ; правда, и тогда этотъ интересъ жилъ только въ высшемъ слоѣ людей, стоящихъ внѣ политики. Но все это исчезло со сцены ко времени появленія Новой Комедіи. Праздность, легкомысліе, роскошь, распущенность, —вотъ принадлежности того общества, которое эта комедія изображала на сценѣ. Этимъ людямъ было мало дѣла до того, Касандръ ли, Полисперхонъ, Димитрій или Демохаръ распоряжаются народнымъ собраніемъ, лишь бы съ Чернаго моря была доставлена соленая рыба, а изъ Египта лучшій сортъ пшеницы; и полусвѣтъ съ одинаковой охотой готовъ былъ развлекать каждаго изъ нихъ своей красотой и своимъ остроуміемъ. Сообразно съ этимъ такъ называемая чернь, т. е. невѣжественные и бѣднѣйшіе классы, были лишены того

неоцѣненнаго благотворнаго вліянія, которое всегда можетъ оказывать на нихъ серьезный и умственно-развитый высшій классъ.

Въ этомъ отношеніи, быть - можетъ, Аѳины не возвышались надъ среднимъ уровнемъ. Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ городахъ высшіе классы были еще хуже, какъ, напр., въ Ѳивахъ, гдѣ не исполнялось никакихъ общественныхъ обязанностей, гдѣ исчезли даже такія проявленія умственной жизни, какъ злая насмѣшка комедія, и гдѣ всѣ деньги тратились на низменное распутство. Аргосъ, повидимому, находился тоже въ очень плохомъ положеніи. Но съ другой стороны были города, гдѣ можно предположить существованіе аристократіи гораздо болѣе высокаго и серьезнаго направленія,—аристократіи, которая, если не играла руководящей роли въ политикѣ, то во всякомъ случаѣ двигала впередъ искусство и культуру. Таковъ былъ, кажется, Мегалополь, какъ можно судить по тому благородству, съ какимъ онъ защищалъ свою независимость противъ полчищъ Полисперхона (318 до Р. Х.), а также по тѣмъ традиціямъ, которыя установились тамъ во дни Ахейскаго союза, и стали обнаруживаться уже въ слѣдующемъ поколѣніи. Таковъ былъ также Сикіонъ может-быть и другіе города въ Ахеѣ; Сикіонъ особенно прославился возникшей въ немъ благородной художественной школой и завязавшимися на этой почвѣ тѣсными связями съ монархами новыхъ великихъ столицъ. Въ этихъ-то городахъ высшіе классы удержали въ своихъ рукахъ власть и образовали новую федеральную форму правленія, въ которой первое мѣсто безспорно принадлежало сословному положенію и богатству.

Во всякомъ случаѣ можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что въ этихъ городахъ не было замѣтно среди благороднаго сословія особеннаго отчужденія отъ политической жизни, что̀ составляло самый выдающійся фактъ въ исторіи Аѳинъ разсматриваемаго нами періода. Безъ сомнѣнія, всѣ греческіе города одинаково страдали отъ эмиграціи молодого и сильнаго элемента, который дома не находилъ примѣненія своей энергіи и покидалъ Грецію, чтобы навсегда водвориться въ Александріи, въ Антіохіи и другихъ главныхъ городахъ Востока, и жить тамъ въ почетѣ и богатствѣ. Но была еще другого рода утрата, отъ которой Аѳины страдали больше всѣхъ другихъ городовъ,—именно удаленіе серьезныхъ людей въ школы—чтобы не сказать въ монастыри, потому что такова была стоическая школа, по крайней мѣрѣ, по формѣ. Фокіонъ былъ совершенно одинокъ въ своей роли общественнаго дѣятеля: онъ былъ убѣжденъ въ безнадежности всякой имперской политики, которая, по его мнѣнію, совершенно шла въ разрѣзъ съ ясно выражавшимся стремленіемъ народа къ автономіи; онъ презиралъ защитниковъ этой политики, какъ негодяевъ и глупцовъ, и шелъ своей дорогой, окруженный завистливой, коварной и неблагодарной толпой; несмотря ни на какія невзгоды, онъ посвящалъ всю свою жизнь служенію этой толпѣ съ спокойствіемъ полнаго отчаянія, внушая къ себѣ уваженіе своей высокой честностью и суровымъ самоотреченіемъ. Другой человѣкъ, можетъ-быть даже самъ Фокіонъ, живи онъ въ позднѣйшемъ поколѣніи, избралъ бы одну изъ двухъ дорогъ: онъ или сдѣлался бы тиранномъ, принявъ на себя эту роль спокойно и сознательно

для блага народа, какъ дѣлали многіе благороднѣйшіе и способные люди въ этомъ вѣкѣ, или же покинулъ бы общественную жизнь совершенно и, удалившись отъ міра, предался бы философскому досугу. Мы выразились: «въ позднѣйшемъ поколѣніи», потому что, пока Фокіонъ былъ молодъ и не пришелъ еще въ тотъ возрастъ, когда человѣкъ дѣлается уже неспособенъ выбирать новый путь, монархія еще не пріобрѣла себѣ такого почетнаго положенія, чтобы освящать своимъ ореоломъ своевольно захватившихъ власть автократовъ; съ другой стороны философія не вышла еще изъ области тѣхъ тонкихъ и сухихъ умозрѣній, которыя должны были отталкивать отъ нея чисто практическихъ людей. Правда, Платонъ по аристократической исключительности своего характера, Аристотель по условіямъ своего рожденія—представляли собой поучительный примѣръ людей, удалившихся отъ политической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ устроившихъ себѣ жизнь достойную и полную серьезныхъ интересовъ. Но ихъ книги были слишкомъ трудны для пониманія; ихъ система жизни была слишкомъ сложна и облечена въ сухія метафизическія формы, такъ что не могла привлекать людей зрѣлаго возраста и нефилософскаго склада ума.

Въ поколѣніи, которое теперь выступаетъ передъ нами, все это измѣнилось. Возникли великія практическія системы жизни, которыя убѣждали если не массы, то по крайней мѣрѣ самые серьезные и достойные умы—оставить общественныя дѣла и предаться заботамъ о личномъ совершенствованіи и о достиженіи личнаго счастья.

V. НОВАЯ КОМЕДІЯ И СОВРЕМЕННЫЯ АѲИНЫ

(*Ad. Holm.* Griech. Gesch. IV Band.)

Въ эпоху діадоховъ Аѳины въ еще большей степени, чѣмъ прежде, были духовнымъ центромъ греческаго міра: въ это время тамъ появились новыя философскія школы, которыя привлекли туда массу иностранцевъ, стремившихся къ уясненію основныхъ вопросовъ жизни. Въ то же время созданіе новой комедіи доказываетъ, что здѣсь же находился и центръ греческой свѣтскости и остроумія.

Новая комедія — одно изъ важнѣйшихъ явленій греческой литературы, такъ какъ она пріобрѣла руководящее значеніе для всего дальнѣйшаго развитія комедіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Она представляетъ рѣшительную противоположность комедіи древней, насколько мы ее знаемъ по Аристофану. Эта послѣдняя отмѣчается фантастичностью содержанія и отсутствіемъ правилъ; новая комедія изображаетъ дѣйствительность и создаетъ правила, ставшія потомъ обязательными для всѣхъ произведеній этого рода. Внѣшнимъ образомъ она развилась изъ средней комедіи, удержавшей фантастичность и шутовство древней, но отличавшейся отъ нея устраненіемъ политическихъ цѣлей. Очень жаль, что отъ столь высоко цѣнившейся въ древности новой атти-

ческой комедіи до насъ дошли только отрывки, притомъ еще мало выясняющіе ходъ пьесъ и обработку характеровъ, т. е. пункты наиболѣе интересные. Съ этими сторонами мы знакомимся главнымъ образомъ изъ римскихъ комедій Плавта и Теренція, представляющихъ переработку пьесъ греческаго репертуара. Но такъ какъ римскіе поэты многое прибавляли отъ себя, то и при ихъ посредствѣ невозможно составить себѣ яснаго представленія о достоинствѣ новой комедіи. Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ сочиненій, затрогивающихъ въ настоящее время этотъ предметъ, мы находимъ рѣшительное осужденіе ея, — тѣсно связанное съ ошибочными взглядами на нравственное состояніе тогдашнихъ Аѳинъ. Любопытно тутъ то, что осужденіе комедіи основано на осужденіи нравовъ эпохи, а съ другой стороны нравы осуждаются потому, что ихъ въ плохомъ свѣтѣ рисуетъ комедія. Именно утверждаютъ, что аѳиняне IV и III вѣка были гораздо развращеннѣе аѳинянъ эпохи Аристофана, и потому ставятъ низко новую комедію, какъ выраженіе этой испорченности. Фактическихъ доказательствъ вырожденія аѳинскаго народа въ IV и III вѣкѣ однако не существуетъ; напротивъ, многое указываетъ на то, что тогдашніе аѳиняне были если не лучше, то во всякомъ случаѣ не хуже своихъ предковъ. Какъ факты выдающіеся и оправдывающіе обвинительный приговоръ, приводятъ, правда, осужденіе Фокіона и раболѣпство аѳинянъ передъ обоими Димитріями; но при этомъ забываютъ, что казнь Фокіона была не хуже, напр., осужденія побѣдителей при Аргинусахъ, что 360 статуй были поставлены Димитрію Фалерскому отборнымъ меньшинствомъ гражданъ,

далеко не представлявшимъ собою всѣхъ Аѳинъ; не принимаютъ наконецъ во вниманіе, что чрезвычайныя почести, оказанныя Антигону и Димитрію Поліоркету, не представляли въ то время ничего необыкновеннаго и очень хорошо уживались съ самымъ горячимъ патріотизмомъ. Какъ разъ въ III вѣкѣ аѳиняне представили блистательныя доказательства военной доблести и любви къ свободѣ. Остается искать доказательствъ нравственнаго упадка Аѳинъ въ содержаніи новой комедіи, но и тутъ ихъ не оказывается. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что выводимые въ ней типы встрѣчаются точно такъ же и во всей развившейся изъ нея комедіи позднѣйшаго времени: легкомысленныя молодыя женщины, сварливыя жены, наглые блюдолизы, хвастливые солдаты и т. д. Отсюда можно было бы заключить, что всѣ послѣдующія эпохи были такимъ же временемъ упадка, какимъ для Аѳинъ была эпоха діадоховъ. Далѣе изъ отрывковъ новой комедіи замѣтно, что въ тогдашнихъ Аѳинахъ люди подобнаго рода вызывали такое же порицаніе, какъ и въ другихъ странахъ и въ другія эпохи; стало-быть, появленіе такихъ типовъ не доказываетъ, чтобы они были идеалами для тогдашнихъ аѳинянъ. Англійскія комедіи конца XVII вѣка, которымъ Маколей посвятилъ свой прекрасный этюдъ, съ нравственной точки зрѣнія куда хуже; по этой теоріи онѣ могли бы служить доказательствомъ глубокой развращенности тогдашнихъ англичанъ, — и однако этотъ самый народъ изгналъ Іакова II, когда онъ сталъ нарушать законы страны. Дошедшіе до насъ отрывки новой комедіи даютъ намъ, напротивъ, право утверждать, во-первыхъ, что она высоко стояла въ художествен-

номъ отношенiи, и во-вторыхъ — что аѳиняне III вѣка были не хуже своихъ предковъ. Особенно можно сказать это о частной жизни эпохи. Въ V вѣкѣ Аристофанъ изображаетъ домашнюю жизнь своихъ согражданъ только съ неопрятной и презрѣнной стороны, тогда какъ новая комедiя рисуетъ ее вообще въ очень приличныхъ формахъ, хотя, конечно, въ виду цѣлей комедiи выдвигаются особенно смѣшныя стороны и недостатки. Видно, что тогда существовали и почтенныя семьи, признававшiяся за образецъ. Не слѣдуетъ также забывать, что серьезность стремленiй тогдашнихъ аѳинянъ и грековъ вообще доказывается расцвѣтомъ философiи около 300 г. до Р. Х.

Если мы хотимъ уяснить себѣ право новой комедiи на существованiе и даже необходимость ея появленiя, то мы должны принять во вниманiе слѣдующее. Древняя комедiя есть блестящiй карнавальный фарсъ, предназначенный для мужского общества, поражающiй какъ остроумiемъ, такъ и страшной непристойностью. Въ V вѣкѣ образованное аѳинское общество ограничивалось еще одними мужчинами. Аспазiя, конечно, не могла измѣнить этого. Комедiя существовала только для мужчинъ, которые интересовались по преимуществу политикой и литературой и на женщину или совсѣмъ не обращали вниманiя, или смотрѣли очень свысока. Порядочная женщина, естественно, не могла смотрѣть комедiй Аристофана: что могло бы ее тутъ интересовать? Не политическая же карикатура, понятная только для человѣка посѣщавшаго площадь, и не осмѣиванiе частной жизни, и безъ того ей хорошо извѣстной! Комедiя, зрѣлище которой могло вызы-

вать въ порядочныхъ женщинахъ только скуку или отвращеніе, можетъ, конечно, быть интереснымъ продуктомъ извѣстной культурной эпохи, но она не можетъ никогда претендовать на одинаковое значеніе для всѣхъ временъ; а вѣдь комедія, такъ же какъ и трагедія, должна возбуждать общечеловѣческій интересъ. Здѣсь-то и былъ пробѣлъ въ греческой литературѣ. Эсхиломъ, Софокломъ, Эврипидомъ могли наслаждаться всѣ женщины наравнѣ съ мужчинами, Аристофаномъ—одни мужчины; и притомъ наслаждаться имъ безъ комментарія могли только аѳиняне V вѣка. Великая заслуга новой аѳинской комедіи и заключается въ томъ, что она придала комедіи характеръ общечеловѣческій, — изъ карнавальнаго фарса для соотечественниковъ и современниковъ Клеона обратила ее въ предметъ общаго развлеченія. Новая комедія служитъ благородной представительницей аѳинскихъ нравовъ, измѣнившихся къ лучшему въ концѣ V вѣка. Въ это время образовалось смѣшанное общество, мужское и женское, въ которомъ, правда, женщины вольнаго поведенія еще преобладали надъ прочими. Для этого общества и была создана новая комедія.

Очень мѣтко охарактеризовалъ содержаніе древней, средней и новой комедіи Гизо: первая изображаетъ общественную жизнь, вторая—жизнь на людяхъ, послѣдняя—жизнь частную. Итакъ содержаніе новой комедіи составляетъ изображеніе частной жизни. Уже первые и величайшіе представители новаго вида комедіи достигли замѣчательнаго мастерства въ выполненіи этой задачи. Главною темою комедіи сдѣлалась съ тѣхъ поръ любовь. Средствами для изображенія жизни служатъ для новой комедіи, съ

одной стороны, удачно разрѣшающаяся интрига, а съ другой—характерные типы. Интрига отличается еще нѣкоторою простотою,—всего чаще встрѣчается пріемъ признанія родственника, считавшагося погибшимъ; напротивъ, обрисовка характеровъ въ новой комедіи стоитъ уже на высотѣ лучшихъ образцовъ позднѣйшаго времени. Эта комедія создала бо̀льшую часть тѣхъ типовъ, которые не устарѣли и до нашего времени именно потому, что соотвѣтствуютъ постояннымъ условіямъ дѣйствительности. Различные характеры отцовъ и матерей, влюбленный сынъ, разнаго рода рабы, молодая дѣвушка, кокотка, хвастливый солдатъ, блюдолизъ, философъ, — всѣ они одинаково встрѣчаются и въ новой комедіи и въ современныхъ намъ пьесахъ. Такое же вліяніе на позднѣйшую комедію имѣло и изображеніе въ новой комедіи общечеловѣческихъ недостатковъ и слабостей, въ родѣ гнѣва, суевѣрія, самоистязанія, скупости. Мѣткость психологическихъ наблюденій тогдашнихъ поэтовъ доказываютъ ихъ сентенціи,—почти единственное, что сохранилось отъ ихъ комедій.

Наконецъ, еще одно важное замѣчаніе. Новая комедія только съ внѣшней стороны представляется продолженіемъ древней и средней, мѣсто которыхъ она заняла на празднествахъ. По существу она скорѣе продолжаетъ трагедію Эврипида;—и такъ какъ это было замѣчено, то на Менандра было перенесено обычное нерасположеніе къ Эврипиду. Уже Эврипидъ приближается къ мѣщанской драмѣ, но его персонажи сохраняютъ еще героическія имена и живутъ во макѣ вѣковъ. Новая комедія обрабатываетъ интригу и завязку одинаково съ Эврипи-

домъ, но не переноситъ своихъ героевъ въ Микены или въ древній Аргосъ, а оставляетъ ихъ въ современныхъ Аѳинахъ или Родосѣ. Въ сущности это было и послѣдовательнѣе и занимательнѣе. Во многихъ отношеніяхъ новая комедія примыкаетъ къ эпикуреизму; по крайней мѣрѣ ея жизненный идеалъ носитъ скорѣе характеръ эпикурейскій, чѣмъ стоическій.

Родоначальникомъ ея былъ повидимому Филемонъ, на состязаніяхъ большею частью бравшій верхъ надъ своимъ младшимъ современникомъ Менандромъ; объясняютъ это тѣмъ, что онъ по старому обычаю больше осмѣивалъ извѣстныя личности. Но постепенно Менандръ, природный аѳинянинъ, —а не переселенецъ только въ Аѳины, какъ Филемонъ, — превзошелъ его въ популярности. Родился онъ въ одинъ годъ съ Эпикуромъ (341 г. до Р. Х.) и съ юныхъ лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ, сохранилъ съ нимъ дружескія отношенія. Менандръ отличался мастерствомъ въ характеристикахъ и тонкостью въ изображеніи нравовъ. Въ зрителяхъ онъ возбуждалъ вниманіе къ важнѣйшимъ вопросамъ жизни, и потому образованные люди всего охотнѣе смотрѣли его пьесы. Даже адвокаты находили, чему у него поучиться.

Философія Зенона и Эпикура показываетъ, какъ свободные греки того времени старались разрѣшать высшіе вопросы жизни; изъ комедіи видно, какъ эти греки, —и среди нихъ особенно аѳиняне, —основываясь на общепризнанныхъ началахъ житейской мудрости, умѣли находить въ повседневной жизни веселыя и въ то же время поучительныя стороны. Философія представляетъ движеніе впередъ, комедія — остановку на существующемъ; та и другая сто-

роны получили свое полное выраженіе въ философіи и комедіи тогдашнихъ Аѳинъ. Этими своими созданіями Аѳины еще болѣе закрѣпили за собою среди современниковъ то мѣсто, которое имъ давно уже принадлежало. Въ сравненіи съ этимъ даже созданіе царскихъ столицъ, — насколько дѣло не идетъ объ учености и чистой наукѣ, — имѣло мало значенія. Александрія превосходила, правда, тогда Аѳины въ дѣлѣ разработки наукъ; но въ литературѣ и искусствѣ она не стояла во главѣ Греціи, уступая въ литературѣ первое мѣсто Аѳинамъ, а въ искусствѣ Родосу. Такимъ образомъ, и въ сферѣ искусства лучшія созданія принадлежатъ опять-таки республикѣ. Что искусство особенно процвѣтало не въ Аѳинахъ, а въ азіатскомъ городѣ, это объясняется тѣмъ, что для него нуженъ не только геній, какъ для философіи или поэзіи, но и крупныя матеріальныя средства, которыми тогдашнія Аѳины были далеко не такъ богаты, какъ Родосъ. Только впослѣдствіи наступила реакція и въ этомъ отношеніи. Искусство Родоса любило грандіозность; когда снова пробудилось стремленіе къ простотѣ, Аѳины снова пріобрѣли значеніе въ сферѣ искусства.

VI. СЕРЬЕЗНАЯ СТОРОНА ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—РЕЛИГІЯ ТОГО ВРЕМЕНИ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Въ концѣ четвертаго столѣтія мы застаемъ совершенно новое положеніе дѣлъ. Съ одной стороны, мыслящіе люди оставляютъ политику и обращаются къ философіи, съ другой стороны, философы начинаютъ заниматься этикой вмѣсто метафизическаго изслѣдованія; въ результатѣ философы занимаютъ такое высокое общественное положеніе, какое рѣдко доставалось имъ въ удѣлъ въ теченіе всей міровой исторіи.

Пожалуй, первымъ по времени фактомъ, свидѣтельствующимъ объ этой перемѣнѣ, является фактъ, приведенный въ разсказѣ Арріана и Плутарха объ убійствѣ Клита Александромъ. Когда царь въ припадкѣ отчаянья заперся въ своей палаткѣ, первыми были впущены къ нему два философа—Анаксархъ и Каллисѳенъ,—какъ въ наше время позвали бы духовныхъ лицъ. Намъ также сообщаютъ, что избранный Анаксархомъ способъ утѣшенія былъ признанъ безнравственнымъ и дурно повліявшимъ на послѣдующую жизнь Александра. Анаксархъ доказывалъ, что существуетъ божественное право царей, на основаніи котораго никакой ихъ поступокъ не можетъ быть дурнымъ. Впрочемъ, это могло быть вы-

мышлено для объясненія того, какъ Александръ постепенно подпадалъ вліянію Востока. Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что философы призывались въ качествѣ профессіональныхъ утѣшителей въ минуты горя.

Въ 322 г., три или четыре года спустя, по случаю угрожавшей великой опасности было отправлено посольство къ Антипатру, который требовалъ выдачи противниковъ македонской партіи въ Аѳинахъ. И прежде подобныя посольства посылались къ Филиппу и къ Александру; но теперь въ составъ посольства входитъ членъ совершенно новаго типа—почтенный Ксенократъ, родомъ изъ Халкедона, даже не аѳинскій гражданинъ, а *метэкъ*, но глава платоновской академіи. Въ Аѳинахъ онъ считался самымъ значительнымъ и уважаемымъ лицомъ послѣ Фокіона, а между тѣмъ онъ показывался въ городѣ, по свидѣтельству Плутарха (de exilio, 10), только разъ въ годъ—на представленіи новыхъ трагедій; все остальное время онъ проводилъ за городомъ, въ академіи. Поэтому его не знали на улицахъ Аѳинъ. Грубый старикъ Антипатръ, который былъ раздраженъ противъ всѣхъ грековъ вообще, но въ особенности противъ греческихъ философовъ, не захотѣлъ его слушать. Посольство Кратеса къ царю Димитрію нѣсколько лѣтъ спустя свидѣтельствуетъ о томъ же отношеніи аѳинскаго общества къ философамъ, и съ тѣхъ поръ этотъ обычай устанавливается навсегда; самый извѣстный въ этомъ смыслѣ примѣръ—посольство трехъ философовъ въ Римъ. Это напоминаетъ обычай средневѣковыхъ городовъ посылать своего епископа для переговоровъ съ грознымъ завоевателемъ.

Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ новой возрастающей силой, которая настолько давала себя чувствовать, что крайняя демократическая партія сдѣлала попытку низложить ее при посредствѣ закона. Ни одинъ философъ и ни одна школа не благоволили къ черни. Всѣ передовые мыслители восприняли и отстаивали монархическую идею, столь ненавистную древнѣйшимъ грекамъ. Это побудило демократію, возстановленную Димитріемъ Поліоркетомъ, принять предложеніе нѣкоего Софокла, чтобы никто подъ страхомъ смерти не могъ имѣть философской школы иначе, какъ съ согласія совѣта и народнаго собранія. Это было понято,—по крайней мѣрѣ школой перипатетиковъ,—какъ декретъ объ изгнаніи. Увѣряютъ, что въ это время преемникъ Аристотеля Теофрастъ имѣлъ 2000 слушателей; а едва ли его защита старыхъ взглядовъ пользовалась такой популярностью, какъ болѣе новыя и болѣе оригинальныя ученія Зенона и Эпикура. Говорятъ, не прошло и года, какъ человѣкъ, предложившій этотъ законъ, подвергся преслѣдованію одного приверженца Теофраста (или Аристотеля) и, несмотря на защиту Демосѳенова племянника Демохара, тогдашняго вождя демократіи, былъ оштрафованъ, а законъ его отвергнутъ.

Почему этотъ законъ былъ такъ внезапно отмѣненъ? Самъ по себѣ онъ былъ, очевидно, однимъ изъ тѣхъ судорожныхъ консервативныхъ усилій, посредствомъ которыхъ аѳинская демократія пыталась отъ времени до времени предохранить себя отъ опасности—свободнаго обсужденія нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Обыкновенно по отношенію къ философамъ демократія придерживалась прин-

ципа невмѣшательства, хотя такіе факты, какъ преслѣдованіе Сократа, Протагора и Діагора, законъ Критія при тридцати тираннахъ и настоящій случай, свидѣтельствуютъ о томъ, что право вмѣшательства она оставляла за собой. Но такъ какъ, очевидно, право это и не оспаривалось, то трудно понять, чѣмъ могъ быть вызванъ тотъ рѣзкій поворотъ въ политикѣ, которымъ можно бы было объяснить отмѣну этого закона. Можно только предположить, что при тогдашнемъ печальномъ состояніи Аѳинъ, отвыкшихъ отъ самостоятельной промышленной дѣятельности и пріучившихся смотрѣть на путешественниковъ и на иностранныхъ государей какъ на источникъ обогащенія, — изгнаніе философовъ равнялось для аѳинянъ потерѣ нѣсколькихъ тысячъ учениковъ и въ ихъ числѣ множества иностранцевъ, проживавшихъ свои деньги въ Аѳинахъ. Этотъ простой денежный расчетъ, а отнюдь не какія-нибудь высшія соображенія, можно считать наиболѣе вѣроятной причиной отмѣны Софоклова декрета.

Но какъ бы то ни было, тотъ фактъ, что ѳракійскій царь Лизимахъ тоже изгналъ всѣхъ философовъ изъ городовъ своего царства, подтверждаетъ наше мнѣніе о крупномъ значеніи этихъ людей, хотя мы и затрудняемся понять политику этого царя. Лизимахъ былъ грубый солдатъ и совершилъ въ старческомъ возрастѣ ужасныя преступленія въ своемъ семейномъ кругу. Быть-можетъ, откровенность философовъ заставила его смотрѣть на нихъ такъ, какъ Иродъ смотрѣлъ на Іоанна Крестителя. Ему хорошо была извѣстна сила слова, судя по тому, что въ Аѳинахъ получалъ отъ него содержаніе одинъ

комическій поэтъ, въ своихъ пьесахъ осмѣивавшій по его заказу его врага царя Димитрія.

Теофрастъ, какъ мы знаемъ, былъ открыто обвиненъ Агнонидомъ въ нечестіи; но это обвиненіе также не имѣло успѣха, и, повидимому, это были уже послѣднія попытки борьбы старыхъ традицій со школами новыхъ мыслителей. Съ этихъ поръ всякое мнѣніе пользуется полной свободой въ Аѳинахъ; даже Эпикуръ съ своимъ плохо скрываемымъ атеизмомъ, Зенонъ съ своимъ монотеизмомъ, скептики со своей смущавшей умы логикой не только не подвергались никакимъ гоненіямъ, но занимали высокое положеніе и пользовались почетомъ въ аѳинскомъ обществѣ. У Діогена находимъ текстъ декрета, которымъ стоикъ Зенонъ, иностранецъ изъ Кипра, удостоивался публичнаго одобренія и похоронъ на общественный счетъ. Права гражданства постоянно даруются этимъ людямъ. Они въ дружбѣ съ царями. Они даютъ совѣты политическимъ дѣятелямъ. И все это происходило въ то самое время, о которомъ историки философіи говорятъ, что самостоятельное творчество находилось тогда въ упадкѣ, что Платонъ и Аристотель не оставили послѣ себя преемниковъ, достойныхъ упоминанія, и что философія изъ предмета серьезныхъ занятій мудреца превратилась въ развлеченіе праздныхъ людей.

По-моему, это ложный взглядъ на вещи. Въ исторіи практической философіи у грековъ вѣкъ діадоховъ былъ вѣкомъ расцвѣта, а не упадка.

Во-первыхъ, составъ слушателей совершенно измѣнился. Прежде философія привлекала только праздныхъ и богатыхъ людей, которые располагали вре-

менемъ для занятій метафизикой и имѣли вкусъ ко всему утонченному, какъ въ области внѣшней культуры, такъ и въ области мысли. Въ новыхъ философскихъ школахъ изысканное когда-то общество платоновскихъ учениковъ смѣнилось людьми низкаго происхожденія, иноземцами безъ состоянія, съ непривлекательною внѣшностью. Изъ ихъ рядовъ выходятъ великіе основатели школъ. Они начинаютъ свою дѣятельность въ другихъ городахъ, въ Элидѣ, въ Эретріи, Мегарѣ, Колофонѣ, и, уже заручившись славой, являются въ Аѳины, подобно нынѣшнимъ нѣмецкимъ профессорамъ, которые, пріобрѣтя репутацію въ Грейфсвальдѣ или Марбургѣ, переходятъ въ Берлинъ.

Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что во внутреннемъ характерѣ слушателей произошла еще болѣе глубокая перемѣна. Я уже сказалъ, что большая часть способной и энергичной молодежи удалилась за границу на военную и гражданскую службу. Но кромѣ нихъ были молодые люди, которые оставались въ своемъ отечествѣ: однихъ удерживала слабость здоровья и недостатокъ физической энергіи, другихъ—семейныя обстоятельства или, наконецъ, презрѣніе къ пріобрѣтательской дѣятельности; но и ихъ отталкивали отъ общественной жизни окружающіе пороки и жалкое положеніе дѣлъ. Утонченная роскошь Димитрія-философа, дикій разгулъ Димитрія-царя, безсмысленный бредъ патріота Демохара и грубое сквернословіе оппортюниста Демада,—все одинаково внушало отвращеніе къ общественной дѣятельности всякому трезвому и мыслящему человѣку. То было господство дикой черни, или раздраженнаго возвратившагося изгнан-

ника, или грубаго македонскаго сатрапа, или древняго тиранна, прикрывавшагося овечьей шкурой освободителя. Кто могъ выносить общественную жизнь при такихъ условіяхъ? Народныя постановленія представляли собою рядъ просительныхъ писемъ, приниженныхъ выраженій благодарности, актовъ кровожадной мести, притворныхъ вспышекъ патріотизма; и, конечно, подобныя постановленія никогда не выражали и не могли выражать воли трезвыхъ и солидныхъ классовъ аѳинскаго общества. Были люди, которые стояли выше всего этого, для которыхъ не было иной цѣли въ жизни, не было другого утѣшенія въ минуты досуга, какъ удалиться отъ этой грубости и этихъ пороковъ въ болѣе чистую, спокойную атмосферу. Для всѣхъ подобныхъ людей школы были тихой пристанью.

Я не собираюсь излагать здѣсь философскія системы этого времени. Всякое сколько-нибудь удовлетворительное изложеніе философіи Зенона или Эпикура заняло бы цѣлый томъ и потребовало бы отъ читателя спеціальной философской подготовки, такъ какъ эти философскія системы не обошли ни одной области вѣдѣнія и обнимали всѣ сферы знанія. И большая ошибка, будто бы эти мыслители, занятые по преимуществу вопросами практической жизни, презирали или избѣгали умозрѣнія. Ихъ философскія теоріи требуютъ внимательнаго чтенія и напряженной мысли, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что для нихъ теорія была только средствомъ къ практической цѣли — къ достиженію счастья, а не цѣлью сама по себѣ, какъ для Платона и Аристотеля.

Благодаря этой-то своеобразной чертѣ, отличающей Зенона и Эпикура отъ ихъ знаменитыхъ пред-

шественниковъ, преимущество оказалось на ихъ сторонѣ. Поэтическія грезы и блестящія обобщенія Платона были опрокинуты точными наблюденіями и колоссальнымъ прилежаніемъ его соперника; но ни синтезъ одного, ни анализъ другого не сдѣлали людей счастливѣе. Ни идеальная республика Платона, ни 158 политій Аристотеля, со всѣми его тонкими размышленіями о причинахъ ихъ развитія и упадка, не оказали никакого вліянія на ходъ эллинской исторіи. Политическій идеалъ Платона никогда не былъ осуществленъ; республики, описанныя Аристотелемъ, были поглощены монархіями, и обязанности свободныхъ гражданъ древнихъ временъ почти совсѣмъ исчезли. Люди жаждали болѣе глубокой вѣры, болѣе надежнаго упознанія и болѣе широкой гуманности: ихъ уже болѣе не удовлетворяло то, что они могли найти среди условій эллинской политической жизни; эллинскія симпатіи казались имъ уже слишкомъ узкими.

Безъ откровенія свыше, безъ внутренняго наитія эта удивительная нація сумѣла однако найти правильное рѣшеніе этихъ новыхъ и жгучихъ задачъ. Нравственныя системы греческихъ философовъ освѣтили яркимъ и непреходящимъ свѣтомъ величіе долга, нравственную красоту преданности, благородство самоотреченія; онѣ объяснили, что въ чувствѣ внутренняго удовлетворенія заключалась истинная свобода, а въ страстяхъ—самое печальное рабство. Кромѣ того, по ихъ ученію, не государство, а индивидуумъ есть то единое и все, съ которымъ приходится считаться каждому человѣку, и никакія общественныя невзгоды, никакія народныя бѣдствія, никакія перемѣны законовъ и формъ правленія не могутъ лишить его

той безусловной духовной свободы, которая доступна каждому просвѣщенному уму. Мало того, что эти школы находились въ безмолвномъ антагонизмѣ съ Платономъ и Аристотелемъ,—онѣ вернулись къ древнѣйшимъ мыслителямъ, воззрѣнія которыхъ онѣ усвоили и развили не безъ помощи тѣхъ самыхъ ближайшихъ предшественниковъ, которыхъ презирали. Что касается физическаго міра, то эти школы возстали противъ спиритуализма Платона и Аристотеля и приняли менѣе зрѣлыя, но болѣе доступныя ученія Гераклита и Демокрита; что касается ученія о нравственности, то истинныхъ преемниковъ великаго учителя Сократа онѣ видѣли не въ ученыхъ и преданныхъ умозрѣнію наставникахъ академіи и лицея, а въ безцеремонномъ и грубомъ цинпкѣ Антисѳенѣ и не менѣе безцеремонномъ, но благовоспитанномъ Аристиппѣ. Эти люди усвоили практическую сторону ученія Сократа: Антисѳенъ— его безусловную свободу духа и свободомысліе, при чемъ онъ дошелъ до полнаго разрыва съ существующимъ обществомъ; Аристиппъ—тотъ принципъ Сократа, что счастіе есть главная цѣль человѣка и что философія, которая не принимаетъ въ расчетъ удовольствія, не можетъ быть удовлетворительнымъ руководствомъ въ жизни.

Но оба эти мыслителя стояли совершенно одиноко. Они явились раньше времени; личность была еще поглощена государствомъ, и ихъ затмили великіе теоретики, которые источникомъ личнаго совершенства считали совершенство государственной формы. Зенонъ усвоилъ философію Антисѳена; онъ расширилъ ея основаніе и сообщилъ ей большій интересъ, присовокупивъ къ ней великія умозрѣнія

о природѣ и мірѣ; онъ свелъ счеты съ оффиціальными ученіями религіи, но не прибѣгая къ грубому скептицизму, какъ сдѣлалъ Антисѳенъ, а предложивъ взамѣнъ этихъ ученій остроумную аллегорію и широкій пантеизмъ, обнимавшій всѣ мѣстныя вѣрованія. Такимъ образомъ Зенонъ сдѣлался общественной силой и основателемъ вѣчной философской школы, вмѣсто того, чтобы провести жизнь въ положеніи докучливаго скитальца или мрачнаго отшельника. Эпикуръ воспринялъ Аристиппово ученіе объ удовольствіи, очистилъ его отъ грубой чувственности, расширилъ теоріями о мірѣ и человѣческомъ знаніи, порвалъ съ народной религіей, не вступая, впрочемъ, съ нею въ открытое столкновеніе, замѣнилъ личной дружбой когда-то связывавшій людей патріотизмъ и такимъ образомъ создалъ теорію жизни, не утратившую своего значенія и до настоящаго времени.

Всѣ компетентные историки философіи замѣтили, какъ сходны были между собой по характеру и цѣлямъ эти рѣзко противоположныя школы. Обѣ стремились достигнуть *summum bonum*, т. е. высшаго счастья. Обѣ считали его осуществимымъ въ этой жизни, но только для истиннаго мудреца. Зенонъ исходилъ изъ широкаго понятія о мірѣ, который управляется по законамъ божественнаго Провидѣнія; онъ убѣждалъ своихъ слушателей изучать эти законы и руководствоваться ими въ жизни,—и обѣщалъ полное счастье тому, кто возродитъ свою душу, слѣдуя великому голосу природы, повинуясь Божіей волѣ, поскольку она проявляется въ міровомъ порядкѣ. Такимъ образомъ стоическій мудрецъ былъ предшественникомъ пуританина; внезапно, иногда даже безсознательно онъ переставалъ

быть человѣкомъ «отъ міра», безумнымъ въ ветхозавѣтномъ смыслѣ. Стоикъ былъ безусловно свободенъ, потому что никакая сила не могла наложить оковъ на его мысль, а свое тѣло онъ оставилъ бы въ рукахъ тиранна какъ одежду, если бы ему угрожало заключеніе или пытка. Мало того, онъ обладалъ неистощимымъ сокровищемъ, хотя бы умиралъ съ голода; онъ былъ царь, хотя бы въ рабскомъ состояніи. Онъ въ высшей степени держался догмата внутренней святости, и насколько онъ самъ былъ неспособенъ къ грѣху, настолько праведность профана была въ его глазахъ не больше, какъ жалкое лохмотье, его добродѣтель ничего не стоила, его знаніе равнялось абсолютному невѣжеству. Такимъ образомъ, стоическое ученіе, съ одной стороны, проповѣдывало полнѣйшее ничтожество отдѣльнаго человѣка въ міровомъ цѣломъ и вмѣняло ему въ обязанность повиноваться волѣ Провидѣнія,—хотя бы послѣднее удѣлило ему жалкую, несчастливую, страдальческую долю,—и видѣть въ этомъ самое лучшее и счастливѣйшее состояніе. Съ другой стороны, высокое положеніе, предоставляемое мудрецу, возстановляло права личности и позволяло философу вмѣшиваться въ политику и даже повелѣвать. *Республика* Платона считается строгой и деспотической въ смыслѣ контроля надъ частною жизнью, но эта строгость и деспотизмъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ *Республикѣ* Зенона. По свидѣтельству Діогена Лаэрція, «въ самомъ началѣ своего трактата онъ объявляетъ, что всѣ принятыя системы воспитанія непригодны, и затѣмъ, что всѣхъ тѣхъ, кого нельзя назвать хорошими людьми, слѣдуетъ считать врагами и непріятелями, рабами, чужезем-

цами, и такого взгляда должны держаться и дѣти по отношенію къ родителямъ, и братья къ братьямъ, и родные къ роднымъ; и опять, что только хорошіе люди могутъ быть гражданами, друзьями, родственниками и свободными, такъ что для стоиковъ родители и дѣти—враги, если они не *мудры*. Еще онъ говоритъ, что жены должны быть общимъ достояніемъ, и въ своей *Республикѣ*, и въ своихъ *200 стихахъ*, и что въ его городѣ не слѣдуетъ строить ни храмовъ, ни судовъ, ни гимназій. Относительно чеканной монеты онъ пишетъ, что ея не слѣдуетъ заводить ни для размѣна, ни для удобства находящихся въ отъѣздѣ гражданъ; а что до одежды, то мужчины и женщины должны носить одинаковое платье, и ни одна часть человѣка не должна быть скрыта».

Только подобнаго рода система и можетъ дать намъ ключъ къ пониманію этихъ *благомыслящихъ* тиранновъ послѣдующаго столѣтія,—людей, убѣжденныхъ въ своемъ безошибочномъ знаніи того, что хорошо для ихъ согражданъ, и въ новомъ смыслѣ исповѣдывавшихъ убѣжденіе, что философъ дѣйствительно единственный достойный царь. Они считали вполнѣ законнымъ захватить верховную власть даже насильственнымъ путемъ, при чемъ тутъ же нерѣдко выказывали свою сердечную искренность и честность своихъ намѣреній, когда, убѣдившись на практикѣ въ непригодности своей теоріи, отказывались отъ власти. Презрѣніе къ пыткѣ и смерти дѣлало стоиковъ очень опасными защитниками свободы: если стоикъ былъ убѣжденъ, что удаленіе тиранна согласно съ Божіей волей, то никакая мысль о личной безопасности его не удерживала.

Такимъ образомъ, часто измѣняя себѣ въ принципѣ и противорѣча себѣ на практикѣ, стоическая теорія съ разныхъ сторонъ возбуждала дѣятельность индивидуальной воли, развивала силу личности, заставляла голосъ совѣсти говорить громче, не взирая на послѣдствія. И если мы по справедливости удивляемся, какъ могла появиться такая система въ чувственной, избалованной, безчестной, разслабленной, эгоистической націи, то отвѣтъ найти не трудно. Во-первыхъ, эта теорія имѣла великую притягательную силу для умовъ того времени. Она оправдывала деспота-философа и давала ему такое право на царство, какого прежде тираннъ никогда не имѣлъ въ Греціи. Она утѣшала безпомощнаго и угнетеннаго, уча его, что случайности и бѣдствія жизни— пустяки, ничто предъ царственной свободой мысли. Она успокоивала политика, который видѣлъ паденіе древней и чтимой свободы, упадокъ эллинскихъ государствъ и водвореніе македонскихъ и восточныхъ нравовъ.

Всѣ эти элементы стоическаго ученія—иноземнаго происхожденія, а въ нихъ-то и заключается самая сильная сторона стоицизма. Основатель стоицизма и большинство его вождей происходили не изъ Греціи и даже не изъ эллинской Азіи, а изъ суровой и горной Киликіи и Кипра, гдѣ къ эллинской крови сильно примѣшивалась кровь восточныхъ племенъ. Мистическая сторона стоицизма, его пантеизмъ и склонность къ аллегоріи, равно какъ проповѣдуемая имъ спокойная покорность судьбѣ— носятъ на себѣ явные слѣды восточной фантазіи и восточнаго терпѣнія. Итакъ, эта философія была однимъ изъ первыхъ и, быть можетъ, самымъ круп-

нымъ результатомъ эллинизма въ собственномъ смыслѣ, въ ней сказалось вліяніе мысли и культуры Востока на эллинскій міръ.

Въ квіетизмѣ Эпикура было гораздо больше греческаго; кромѣ того, это было ученіе болѣе логическое и практическое и, слѣдовательно, болѣе доступное широкому кругу людей средняго уровня, которые не могли возвыситься до идеала Зенона. Но съ другой стороны, этотъ взглядъ легко поддавался ложнымъ толкованіямъ и съ самаго начала былъ осужденъ, какъ система, оправдывающая развратниковъ и паразитовъ. Однакоже, собственная жизнь Эпикура отличалась необыкновенной чистотой и стоицизмомъ. Въ своемъ ученіи онъ исходилъ, правда, не изъ понятія о долгѣ, а изъ удовольствія, которое онъ считалъ закономъ для каждаго существа,—потребностью, вложенною въ насъ самой природой, какъ источникъ всякой дѣятельности. Но онъ старался доказать своей жизнью и ученіемъ, что чувственныя удовольствія скоропреходящи и влекутъ за собой большія страданія, что нашъ же интересъ, если онъ понятъ правильно, заставляетъ предпочитать умственныя удовольствія тѣлеснымъ, и наслажденія, доставляемыя памятью, воображеніемъ, надеждой, ставить выше бурныхъ порывовъ страсти. Такимъ образомъ добродѣтель отождествлялась съ самымъ продолжительнымъ и величайшимъ удовольствіемъ, и долгъ совпадалъ съ интересомъ. Эпикуръ заявлялъ также, что счастье мудреца не зависитъ отъ судьбы и даже совмѣстимо съ бѣдностью и страданіями. Онъ съ радостью удѣлялъ отъ своихъ скудныхъ припасовъ ученикамъ во время затянувшейся осады. Медленно умирая отъ мучительной болѣзни, онъ

объявилъ, что совершенно счастливъ. Онъ считалъ основаніемъ дружбы взаимную пользу, но никто не былъ болѣе сердеченъ въ своихъ привязанностяхъ. Это самая выдающаяся черта въ длинномъ и обстоятельномъ разсказѣ Діогена Лаэрція объ его жизни и произведеніяхъ. Мы можемъ видѣть также въ большой поэмѣ Лукреція, какое величіе заключалось въ этой защитѣ удовольствія. Но въ моментъ появленія этой доктрины вся ея сила была въ томъ, что она удовлетворяла потребности ума другого порядка,—ума, который не мирится съ стоицизмомъ, ищетъ ясной и практической цѣли для каждаго поступка, желаетъ освободиться отъ ложной теоріи и традиціонной мудрости, который усталъ отъ политической дѣятельности и не удовлетворяется традиціонными вѣрованіями,—и все-таки не хочетъ остановиться на одномъ скептицизмѣ. Такимъ-то слабымъ прозаическимъ натурамъ Эпикуръ и предложилъ систему, въ основѣ которой лежало то, что было доступно ихъ мысли и чувству, такое удовлетвореніе, какое всякій могъ понять,—систему, которая устраняла религію, какъ контролирующее начало или источникъ страха, и замѣняла ее положительнымъ вѣрованіемъ, широкой и ясной доктриной.

Слѣдуетъ замѣтить и то, что этотъ вѣкъ не созрѣлъ для скептицизма. Создать такого рода систему пытался Пирронъ изъ Элиды, но онъ не образовалъ школы и не оказалъ прочнаго вліянія на греческую мысль. Еще не настали тѣ дни, когда послѣдователи Платона превратились въ скептиковъ и увлекли за собой весь міръ; это былъ еще вѣкъ положительнаго ученія, твердой вѣры въ достижимость знанія,—время, когда древнія религіи замѣнялись философ-

скими вѣрованіями. Заурядная публика сходилась толпами къ заурядным послѣдователямъ Платона и Аристотеля, школы которыхъ теперь окончательно утвердились въ Аѳинахъ. Ксенократъ и Теофрастъ могли найти себѣ учениковъ только въ такихъ людяхъ, какъ Димитрій фалерскій или Менандръ, да и учили они не жизни, а наукѣ. Отсюда мы можемъ заключить, что если только меньшинство ходило въ Стою или въ Садъ слушать людей, которые были иностранцами по рожденію или воспитанію и пока иностранцами по своему міровоззрѣнію, то во всякомъ случаѣ эти немногіе были дѣйствительно серьезными и мыслящими людьми своего времени.

Не только въ Аѳинахъ, но и во многихъ городахъ Греціи — въ Коринѳѣ, Элидѣ, Колофонѣ, Гераклеѣ на Черномъ морѣ — эти трезвыя и серьезныя ученія давали людямъ возможность отвлечься отъ безумной сумятицы и военныхъ бурь, которыя свирѣпствовали въ греческомъ мірѣ въ теченіе сорока лѣтъ, и получить то истинное и прочное удовлетвореніе, какое только было тогда достижимо. Потерявъ свободу въ политическомъ смыслѣ, грекъ снова пріобрѣлъ ее въ смыслѣ духовномъ, и защищалъ эту новую и болѣе высокую свободу, не думая объ изяществѣ, съ презрѣніемъ къ стилю, но съ искренностью глубокаго убѣжденія. Изысканная проза Платона не могла устоять ни передъ смѣлыми афоризмами Эпикура, ни передъ неуклюжими аргументами кипрійца Зенона. Эти люди открыто презирали всѣ достоинства стиля, кромѣ ясности, и можно сказать съ увѣренностью, что въ этомъ случаѣ они имѣли за себя мнѣніе своей публики, которой надоѣла праздная реторика.

Намъ остается набросать вкратцѣ внѣшнюю исторію основанія этихъ школъ и ихъ отношеній къ государству и правителямъ аѳинскимъ, вплоть до нашествія кельтовъ. Дѣло значительно облегчается тѣмъ, что самостоятельныя школы были основаны только въ Аѳинахъ. Александрія и Пергамъ только развивали дальше ученія, получившія начало въ Аѳинахъ. Многіе великіе мыслители начинали въ другихъ мѣстахъ, но, какъ было сказано выше, они тяготѣли къ Аѳинамъ. На ихъ родинѣ имъ оказывали почести,—какъ, напримѣръ, Менедему въ Эретріи и Пиррону въ Элидѣ. Ихъ удостоивали высокихъ отличій, въ родѣ статуй, и матеріальныхъ льготъ, въ видѣ освобожденія отъ государственныхъ повинностей. Эти почести сдѣлались обычной наградой выдающихся философовъ по всей Греціи. Но нигдѣ, кромѣ Аѳинъ, мы не слышимъ о существованіи философскаго кружка съ имущественнымъ фондомъ, съ правами наслѣдства и прочими правами корпораціи.

Этой идеей, съ тѣхъ поръ никогда не умиравшей, человѣчество обязано Платону, который завѣщалъ своимъ ученикамъ свой садъ со всѣми принадлежностями въ мѣстности, названной въ честь героя Гекадема. Но онъ поневолѣ выполнилъ это въ единственной возможной въ Аѳинахъ формѣ. Онъ основалъ религіозное учрежденіе съ установленнымъ культомъ музъ—Μουσεῖον; культъ состоялъ въ ежемѣсячныхъ жертвоприношеніяхъ, по случаю которыхъ собирались всѣ члены и устроивалось общее пиршество. Какъ доказалъ Виламовицъ въ интересномъ приложеніи къ своему *Антигону каристскому*, это была форма всѣхъ частныхъ клубовъ и

обществъ въ Аѳинахъ, и подъ этой вполнѣ легальной оболочкой нерѣдко скрывались самыя нелегальныя и безнравственныя цѣли. Право частныхъ ассоціацій, члены которыхъ, подобно членамъ нашихъ клубовъ, дѣлали обязательные взносы, повидимому существовало еще со дней Солона. Глава или предсѣдатель платоновскаго «Общества Музъ» былъ казначеемъ и блюстителемъ общаго фонда, приглашалъ гостей на празднества, которыя устраивались въ складчину членами (ἔρανος). Кромѣ того члены имѣли право слушать лекціи и пользоваться библіотекой и учебными пособіями, напр. принадлежавшими школѣ географическими и астрономическими картами. Средства, необходимыя для существованія платоновской школы, и ея положеніе были обезпечены на цѣлые вѣка, благодаря тому, что по своей формѣ школа представляла собой религіозное учрежденіе. Выборъ предсѣдателя Платонъ предоставилъ голосованію членовъ клуба, и, какъ намъ сообщаютъ, Ксенократъ былъ избранъ послѣ смерти Спевсиппа, при чемъ имѣлъ за себя ничтожное большинство голосовъ сравнительно съ Менедемомъ и Гераклидомъ, такъ какъ Аристотель, всегда остававшійся членомъ этого Θίασος, въ то время уѣхалъ въ Македонію.

Итакъ это была первая *академія,* такъ часто вызывавшая впослѣдствіи подражанія въ разныхъ странахъ. Но средневѣковыя учрежденія этого рода имѣютъ только случайное сходство съ религіознымъ элементомъ въ платоновской академіи. Эти общества были основаны отнюдь не съ цѣлью распространенія культа музъ или какого бы то ни было божества. Они приняли традиціонную форму, которая въ Аѳинахъ

оправдывала всякую частную ассоціацію въ глазахъ закона; напротивъ, организованный по всей формѣ политическій кружокъ могъ подвергнуться преслѣдованію со стороны закона. Очевидно, на основаніи этой-то легальности религіозныхъ обществъ было отстранено обвиненіе Софокла и Демохара, и право основывать и содержать философскія школы въ формѣ религіознаго клуба было объявлено согласнымъ съ древнимъ аѳинскимъ законодательствомъ. Школа Платона, въ которой въ то время предсѣдательствовалъ Ксенократъ, была учреждена аѳинскимъ гражданиномъ, который зналъ законы, и, повидимому, она ни разу не подвергалась преслѣдованію. Школы Эпикура и Зенона, быть-можетъ, не были еще извѣстны. Напротивъ, школа Теофраста,—кажется, самая многочисленная, во всякомъ случаѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ фило-македонская, но при этомъ съ самаго начала находившаяся въ рукахъ *метэковъ,*—эта школа подверглась преслѣдованію, и ея члены должны были покинуть Аѳины. Своимъ возстановленіемъ она была обязана не столько рѣшенію судовъ, сколько широкимъ взглядамъ царя Димитрія, который не хотѣлъ допускать преслѣдованій за убѣжденія.

Но больше всего школа обязана другому Димитрію, философу, ученику Аристотеля, другу Теофраста: что до музеевъ и академій, то послѣ Платона міръ обязанъ больше всего этому Димитрію. Этотъ человѣкъ, будучи намѣстникомъ Касандра въ Аѳинахъ, основалъ садъ и *peripatos* для школы перипатетиковъ, гдѣ въ то время предсѣдательствовалъ Теофрастъ. Очевидно, онъ взялъ за образецъ школу Платона и, какъ видно изъ завѣщанія Теофраста,

которое приводится дословно у Діогена, учредилъ культъ музъ и почитаніе основателя школы—Аристотеля, завѣщавъ при этомъ въ пользу школы собственность, храненіе которой было ввѣрено представителямъ доктрины, безъ права присвоенія или отчужденія.

Замѣчательно, что стоическая школа—школа также основанная иностранцами—не имѣла ни своего собственнаго помѣщенія, ни правильно выбираемаго предсѣдателя, и учила въ общественныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Разрисованномъ портикѣ. Въ этомъ сказывается циническій духъ стоической школы. По этой причинѣ вождями школы являлись просто люди наиболѣе способные.

Что касается Эпикура, то, хотя онъ былъ полноправный гражданинъ, но почитаніе традиціонныхъ боговъ противорѣчило его философскимъ убѣжденіямъ; поэтому онъ, какъ кажется, оставилъ свою собственность (домъ и садъ) своимъ законнымъ наслѣдникамъ, чѣмъ и навлекъ на себя порицаніе со стороны своихъ послѣдователей. Собственность этой школы была, поэтому, черезъ весьма немного поколѣній расточена во время наступившей политической неурядицы. Но, какъ справедливо замѣтилъ Виламовицъ, эллинскій обычай освящать всякое сборище какимъ-нибудь формальнымъ культомъ привился и къ эпикурейцамъ: предметомъ почитанія они избрали основателя школы, собираясь на поминальные общіе обѣды двадцатаго числа каждаго мѣсяца и справляя особое ежегодное празднество въ день его рожденія.

Такъ философскія и академическія школы основывались подъ защитой государства и подъ покро-

вительствомъ царей и правителей. Существуетъ много скандальныхъ разсказовъ о распущенности и роскоши регента, философа Димитрія, о его блестящихъ пирахъ, о его русыхъ крашеныхъ волосахъ, о его румянахъ и притираніяхъ, о его любимцахъ и фавориткахъ. Правда, онъ принадлежалъ къ школѣ, которая не отличалась особенной строгостью и на ряду съ благами умственными допускала также плотскія наслажденія и блага, проистекающія изъ удовлетворенія тщеславія. Во всякомъ случаѣ, имѣть такого покровителя и пользоваться милостями такого ученика въ нашихъ глазахъ значитъ сильно унижать достоинство благороднаго нравственнаго ученія. Этотъ замѣчательный союзъ всего яснѣе показываетъ, что философія перестала быть гордостью и привилегіей аскетовъ и профессіональныхъ руководителей человѣческой совѣсти, что она расширила кругъ своихъ послѣдователей и была не прочь принимать помощь и покровительство отъ царей и правительствъ. Никто въ то время не ставилъ въ упрекъ Теофрасту того, что онъ воспользовался условіями времени, и мы должны быть ему благодарны за то, что онъ далъ возможность такому поистинѣ великому организатору, какимъ былъ Димитрій, посодѣйствовать прочному устройству его школы. Когда Касандръ и царь Димитрій удалились съ политической сцены, и власть или, по крайней мѣрѣ, вліяніе на дѣла перешло къ Антигону Гонату, другу стоиковъ, то регентъ Касандра удалился въ Египетъ, гдѣ основалъ подъ покровительствомъ Птоломея второй великій, просуществовавшій многіе годы, всемірный музей. Этотъ новый подвигъ такъ называемаго сибарита вмѣстѣ съ обширнымъ

перечнемъ его произведенiй у Дiогена Лаэрцiя свидѣтельствуетъ объ его необыкновенной умственной дѣятельности и даже заставляетъ насъ подозрѣвать, что нѣкоторыя изъ похожденiй его болѣе блестящаго тезки были отнесены на его счетъ. При появленiи царя Димитрiя низменная и тупая аѳинская чернь перенесла на него свою дикую лесть и заслужила его отвращенiе своими неумѣренными похвалами; она разрушила въ одно мгновенiе всѣ статуи и памятники, воздвигнутые въ честь его тезки и противника. Благодаря этому взрыву низкихъ чувствъ народа, мы лишились многочисленныхъ надписей и, можетъ-быть, статуй этого человѣка. Завистливое время не оставило ничего, кромѣ неприличныхъ анекдотовъ у Атенея и Дiогена и памяти о томъ, что Димитрiй учредилъ и обезпечилъ лицей въ Аѳинахъ и основалъ александрiйскiя школы.

ОТДѢЛЪ V.

РАСЦВѢТЪ ЭЛЛИНИЗМА ВЪ ЭПОХУ ЭПИГОНОВЪ.

I ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ ЭЛЛИНИЗМА.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Эллинистическій міръ дѣлился, какъ современная Европа, на цѣлый рядъ первоклассныхъ и второстепенныхъ державъ; каждая держава преслѣдовала извѣстную политику, опредѣлявшуюся тѣмъ, какіе были ея сосѣди, и каковы были ихъ взаимныя отношенія. Первое мѣсто занимали интересы государственные: каждое царство стремилось пріобрѣсти какъ можно больше податной территоріи и съ помощью крѣпостей и договоровъ обезпечить границы отъ захватовъ. Второе мѣсто занимали торговые интересы, которые пріобрѣли такую важность, что изъ-за нихъ возникали большія войны, и въ этихъ войнахъ принимали участіе націи, не имѣвшія, повидимому, никакого отношенія къ причинѣ раздора. Наконецъ существовали интересы духовные, какъ напримѣръ: интересы эстетическіе и культурные, историческія традиціи, воспоминанія о великомъ прошломъ; и если этотъ родъ интересовъ не слу-

жилъ прямымъ поводомъ къ столкновеніямъ въ эллинистическомъ мірѣ, то по крайней мѣрѣ способствовалъ обостренію уже существовавшей вражды. Государи того времени были связаны столь же многочисленными и запутанными узами родства, какъ и государи современной Европы, такъ какъ бракъ съ подданными былъ, повидимому, настолько же противенъ обычаю, насколько у насъ онъ противенъ закону. Сообразно съ этимъ, если когда-нибудь *политическое равновѣсіе* представляло собой опредѣленную идею, движущую цѣлой группой родственныхъ державъ, то это именно въ то время. И идея политическаго равновѣсія нерѣдко становилась даже причиной войнъ. Всякій захватъ, совершенный одной крупной державой, сопровождался соотвѣтственными захватами или дипломатическимъ протестомъ со стороны остальныхъ державъ. Второстепенныя государства считали такое равновѣсіе вопросомъ жизни для своей собственной свободы и присоединялись къ слабѣйшей сторонѣ, чтобы возстановить прежній порядокъ. Но ни давній союзъ, ни узы брака, ни вѣра въ благотворность мира, ни отвращеніе къ войнѣ — не предотвращали столкновеній. Правда, неоднократно дѣлались попытки устранить эти столкновенія при помощи международнаго третейскаго суда, какъ это дѣлалось и у насъ, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ.

Главными государствами эллинистическаго міра, которыя находились въ описанныхъ отношеніяхъ, были, во-первыхъ, три великія державы — Македонія, Египетъ и Сирія.

Три великія династіи — антигониды, лагиды и селевкиды — были всѣми признанными популярными

правителями этихъ имперій, которыхъ всегда связывали узы брака и постоянно разъединяло столкновеніе интересовъ. Ихъ дипломатическія отношенія осложнялись существованіемъ цѣлой группы второстепенныхъ государствъ, независимыхъ или находящихся въ ленной зависимости отъ нихъ: эти государства всегда представляли собою почву для вмѣшательства ихъ соперниковъ и являлись препятствіемъ для прямого нападенія. Первое мѣсто среди этихъ второстепенныхъ государствъ занимала Греція; македонскіе цари требовали отъ нея покорности, но она постоянно чѣмъ-нибудь да заявляла свою независимость, откликаясь на зовъ Египта или пользуясь прямой поддержкой съ его стороны, такъ какъ Египетъ при помощи своего превосходнаго флота и денежныхъ пособій никогда не упускалъ случая нанести ущербъ македонскому вліянію. Затѣмъ шло новое царство пергамское, возникшее на развалинахъ державы Лизимаха и образовавшее изъ его азіатскихъ провинцій вполнѣ самостоятельное, опредѣленное и могущественное цѣлое. Это царство, которому угрожали съ моря египетскій флотъ и съ суши селевкиды, должно было бдительнѣе всѣхъ другихъ государствъ блюсти равновѣсіе между этими двумя державами. Наконецъ, мы встрѣчаемъ въ этомъ ряду союзъ, въ составъ котораго входили всѣ свободные греческіе города отъ Чернаго моря до Киликіи, съ Родосомъ во главѣ. Этотъ союзъ очень удачно сравнивали съ Ганзейскимъ союзомъ въ средневѣковой Европѣ. Флотъ и коммерческое значеніе этой державы дѣлали ее если не наступательной, то оборонительной силой первостепенной важности. Дѣйствительно, стоило ей

вступить въ союзъ съ какимъ-нибудь государемъ, какъ ея флотъ дѣлался неотразимъ.

Кромѣ того было еще нѣсколько отдаленныхъ провинцій, которыя попеременно служили источникомъ силы или слабости для эллинистическихъ государствъ. У Македоніи были владѣнія въ Каріи, которыя имѣли большую цѣнность какъ наблюдательный пунктъ противъ Египта. Въ самомъ дѣлѣ противъ этой страны можно было дѣйствовать только двумя способами — либо парализовать флотъ, либо захватить недовольную провинцію Кирену, которая была, очевидно, своего рода Ирландіей для Египта и съ радостью готова была принять всякаго иностраннаго государя какъ своего освободителя. Затѣмъ на Сирію можно было напасть въ Палестинѣ; дѣло въ томъ, что Палестина стала сильно льнуть къ Египту съ тѣхъ поръ, какъ Александръ оказалъ покровительство многочисленнымъ еврейскимъ поселеніямъ въ Александріи, которая и сдѣлалась первымъ въ мірѣ еврейскимъ центромъ. У селевкидовъ тянулась съ восточной стороны длинная и притомъ спорная граница; кромѣ того пустыни, лежавшія между восточными и западными провинціями ихъ разбросанной имперіи, образовали собою неизгладимую линію раздѣла, которую начертала сама природа и еще болѣе подчеркивала разница языка и религіи; ее могъ уничтожить на время только геній Александра.

На эту-то почву общихъ и все-таки борющихся интересовъ пало сѣмя эллинистической культуры и дало ту замѣчательную жатву въ искусствѣ, въ литературѣ и въ культурѣ, которая не повторялась до временъ нынѣшней Европы. Какъ всѣ европейцы,

несмотря на различіе въ языкѣ, нравахъ и религіи, представляютъ собою совершенно особенный типъ людей, рѣзко отличающійся отъ типа азіатскаго и африканскаго, такъ человѣкъ эллинистической культуры въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. отличался отъ римлянина или индійца, но за нимъ было то преимущество передъ нами, что мы, съ тѣхъ поръ какъ латинскій языкъ пересталъ быть общимъ органомъ сообщенія, раздѣлены на особыя группы, благодаря различію языковъ, между тѣмъ какъ каждый членъ эллинистическаго міра сохранялъ или усвоивалъ одинъ и тотъ же греческій языкъ. Дѣйствительно, европейская цивилизація не достигнетъ истиннаго единства, пока не будетъ изобрѣтенъ какой-нибудь общій языкъ, какъ необходимое дополненіе къ мѣстнымъ отечественнымъ языкамъ. Среди націй, входившихъ въ составъ эллинистическаго міра, націей самой исключительной и замкнутой были, несомнѣнно, евреи; и все-таки оказывается, что самая обширная и первая по времени изъ дошедшихъ до насъ эллинистическихъ книгъ есть греческій переводъ Ветхаго Завѣта, сдѣланный для александрійскихъ евреевъ и ихъ прозелитовъ, —такъ называемый «переводъ семидесяти толковниковъ». Бактрійскихъ царей можно бы считать за чертой эллинистическаго міра; извѣстно, что націи по Инду большею частью вернулись къ обычаямъ предковъ; но и бактрійскіе цари оставили послѣ себя монеты съ греческими именами и надписями. Изъ этого можно заключить, что подобно тому, какъ многіе иранскіе государи гордились своимъ происхожденіемъ отъ великаго Александра, имя котораго до сихъ поръ еще раздается въ Афганскихъ горахъ, такъ цѣлый рядъ

эллинистическихъ царей распространялъ греческое искусство и нѣкоторыя отрасли греческой культуры до самыхъ предѣловъ Индіи.

Для всякаго обширнаго и неопредѣленнаго соединенія въ родѣ того, какое образовали эллинистическія государства или теперь образуютъ европейскія, еще мало такого связующаго начала, какъ опредѣленно выраженное сходство, напр. сходство языка въ первомъ случаѣ и, можетъ-быть, религіи во второмъ; необходимы для этого и болѣе мелкія и неопредѣленныя черты сходства, которыя должны обрисоваться яснѣе при посредствѣ рѣзкаго контраста съ какой-нибудь совершенно отличной и враждебной породой людей, выросшей въ другомъ климатѣ, среди другихъ отношеній и вѣрованій. Такъ въ древности враждебныя и воюющія между собою эллинскія государства если не на всегда, то по крайней мѣрѣ на время и внѣшнимъ образомъ соединились на почвѣ вражды съ восточной деспотической Персіей. Но этотъ контрастъ былъ уничтоженъ Александромъ, который слилъ въ одно цѣлое македонянъ и грековъ и смѣшалъ и тѣхъ и другихъ съ персами на гражданской и военной службѣ. Такимъ образомъ начинаютъ сглаживаться границы, раздѣлявшія одну національность отъ другой, и исчезаютъ отличительныя особенности эллина, опредѣлявшіяся *по контрасту*.

Трудно оцѣнить ту потерю, которую понесъ бы эллинизмъ и вмѣстѣ съ нимъ послѣдующіе вѣка, если бы этотъ пробѣлъ не былъ восполненъ новой страшной породой человѣческихъ существъ, сообщившей новую энергію проклятіямъ и молитвѣ, новый блескъ—сраженіямъ и побѣдѣ, сдѣлавшейся новымъ источникомъ гордости и благодарности для

бойцовъ цивилизацiи. Кельты (галаты) были для эллинизма тѣмъ, чѣмъ сѣверные язычники были для легендарнаго Круглаго Стола короля Артура. Вторгаясь непобѣдимымъ потокомъ съ сѣвера, чуждые по виду и по языку, нечестивые въ религiи и жестокiе до безчеловѣчности, эти варвары опустошили сѣверную Грецiю гораздо ужаснѣе, чѣмъ это когда-то сдѣлали восточныя орды Ксеркса. Они были отражены только благодаря удивительному патрiотизму благородныхъ людей въ соединенiи съ несомнѣннымъ для грековъ вмѣшательствомъ благословенныхъ боговъ. Тогда потокъ направился къ востоку и, наконецъ, остановился на плодородныхъ возвышенностяхъ сѣверной части Малой Азiи, гдѣ и остался, какъ живое свидѣтельство о великомъ подъемѣ въ искусствѣ, прославившемъ побѣдоносную борьбу представителей цивилизацiи. Впрочемъ эти послѣднiе принуждены были согласиться на компромиссъ и допустить въ свою среду гнѣздо наемниковъ и флибустьеровъ. Греки нанимали ихъ для сраженiй противъ своихъ враговъ, а, въ случаѣ нужды, —и противъ единоплеменныхъ съ ними варваровъ.

Кромѣ египетскаго царя, который отдаленностью своего царства былъ обезпеченъ отъ нападенiй, всякiй значительный государь разсматриваемой нами эпохи дѣлалъ свою карьеру и прiобрѣталъ славу и неоспоримое право на роль вождя цивилизованныхъ людей посредствомъ побѣды надъ галатами. Побѣда эта прославлялась, вѣроятно, и въ поэзiи и, какъ достовѣрно извѣстно, въ искусствѣ. Побѣда Антигона Гоната надъ этими варварами при Халкедонѣ на Босфорѣ, побѣда, которую одержалъ Антiохъ

Сотеръ съ своими слонами, побѣда Аттала пергамскаго—обезпечили каждому изъ этихъ государей видное мѣсто въ умахъ современниковъ; въ честь этихъ побѣдъ побѣдители получили почетныя прозванія (Сотеръ можетъ служить примѣромъ), выбиты были монеты съ изображеніемъ слона, и, наконецъ, подъ впечатлѣніемъ одного изъ событій, появились блестящіе памятники искусства, которые недавно привлекли всеобщее вниманіе къ Пергаму. Мы знаемъ, что такія блестящія произведенія искусства, какъ Аполлонъ Бельведерскій и «Умирающій гладіаторъ», возникли благодаря возбужденію ума, вызванному великой національной борьбой: всякая мелкая зависть и мелкіе раздоры стихли передъ ужасами и бѣдствіями разыгравшейся передъ глазами трагедіи, среди убійствъ, грабежа, неописаннаго поношенія слабаго и беззащитнаго, безумнаго опустошенія земныхъ плодовъ, варварскаго истребленія того, что искусство и культура вѣками создавали для человѣческаго комфорта и наслажденія.

Правда, цѣлое столѣтіе близкаго общенія съ грубыми и безбожными галатскими наемниками должно было оказать свое дѣйствіе, и ему слѣдуетъ приписать нѣкоторыя низменныя и варварскія явленія, отличающія позднѣйшій эллинизмъ,—какъ, напр. разрушеніе священныхъ храмовъ, ограбленіе богатыхъ могилъ, опустошеніе прекрасныхъ садовъ,—но все-таки эти дикари принесли больше пользы, чѣмъ вреда, такъ какъ въ лицѣ ихъ просвѣщенные люди всегда видѣли передъ собой живой примѣръ звѣрства, беззаконія и неисправимой невоспитанности. Со времени турецкаго завоеванія ничего подобнаго не было въ Европѣ, да и турки во многихъ отно-

шеніяхъ стояли несравненно выше галатовъ. Вѣроятно, гунны могутъ служить болѣе подходящею параллелью.

Читатель удивится, что такая замѣчательная черта вѣка не оставила по себѣ болѣе прочныхъ слѣдовъ въ дошедшей до насъ литературѣ. Можно было бы объяснить это тѣмъ, что сохранившаяся литература отрывочна и до такой степени развѣяна бурей времени, какъ этого никогда не могло бы быть въ культурную эпоху, при существованіи книгъ. Съ другой стороны, то, что сохранилось отъ этого поколѣнія, т. е. отъ первой половины третьяго вѣка до Р. Х., почти все происходитъ изъ Александріи, куда кельты явились уже не какъ завоеватели, а какъ наемники, и гдѣ писатель стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ бурь и бѣдствій великаго нашествія. Но, при всемъ томъ, этотъ пробѣлъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, до какой степени литература удалилась отъ всякаго соприкосновенія съ народомъ и событіями дня. Она стала удѣломъ педантовъ и критиковъ и совершенствовалась только въ отношеніи формы и гладкости стиля, подражая старымъ образцамъ вмѣсто того, чтобы воспроизводить полную свѣжести и силы дѣйствительную жизнь. Искусство еще не пало до такой условности, и поэтому національная борьба съ сѣверными язычниками явилась для него источникомъ самыхъ величественныхъ и благородныхъ сюжетовъ. Мы знаемъ это не только изъ Павзаніева описанія дельфійскихъ памятниковъ, но и изъ пергамскихъ раскопокъ. Отсюда мы можемъ заключить, что въ то время искусство стояло выше литературы. Даже тогда, когда александрійскіе поэты снисходили до воспѣванія дѣйствительныхъ со-

бытій, предметомъ, достойнымъ ихъ вдохновенія, являлись скорѣе царское бракосочетаніе, или пиръ, или религіозное торжество. Мы знаемъ, что Ликофронъ, извѣстный энигматистъ, авторъ «Александры», сочинялъ трагедіи на историческія темы и даже приблизился ко времени и мѣсту этихъ необычайно трагическихъ событій въ своихъ «Кассандрійцахъ». Но его занимала тираннія и жестокость Аполлодора, который правилъ ими во время кризиса; такъ что, хотя онъ вывелъ на сценѣ галатовъ въ видѣ отряда тѣлохранителей тирана, негодяевъ, готовыхъ на все для своего господина, но и здѣсь онъ имѣлъ въ виду воспроизвести старое общее мѣсто греческой тиранніи какого-нибудь Фалариса или Діонисія, а вовсе не варварство этихъ вторгшихся иноземцевъ. Замѣчательно также, что благодаря этой теперь забытой, но когда-то очень извѣстной трагедіи, правленіе Аполлодора сдѣлалось типичнымъ и выдающимся образцомъ жестокаго притѣсненія, какъ будто бы этотъ мелкій негодяй въ своемъ скороспѣломъ городѣ былъ достоинъ упоминанія тогда, когда одновременно съ нимъ существовали великіе преступники, оставившіе глубокій и ужасный слѣдъ въ исторіи древнихъ и славныхъ эллинскихъ государствъ.

II. АЛЕКСАНДРІЯ И ЕЯ СОПЕРНИКИ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Передъ тѣмъ, какъ говорить объ Александріи, историкъ обыкновенно воздаетъ хвалу генію ея великаго основателя, который яко бы съ пророческимъ предвѣдѣніемъ выбралъ единственное мѣсто въ свѣтѣ, какъ бы нарочно созданное для великаго города. Нерѣдко предполагаютъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать его своей столицей. Но едва ли Александръ могъ составить себѣ опредѣленный взглядъ о томъ, гдѣ должна была находиться столица имперіи, если эта имперія еще не имѣла установившихся границъ и въ его воображеніи, конечно, простиралась за предѣлы извѣстнаго тогда міра. Можетъ-быть, былъ моментъ, когда онъ хотѣлъ имѣть временную столицу въ Египтѣ; но когда его восточныя завоеванія расширились, то онъ долженъ былъ почувствовать, что Вавилонъ представляетъ собой болѣе удобный центръ; и если бы солдаты не помѣшали ему продолжать путь, то, очень вѣроятно, онъ снова измѣнилъ бы свои планы, увидѣвъ передъ собой сказочное великолѣпіе и миріады народа въ долинахъ Ганга и Брахмапутры. Кромѣ того онъ основалъ еще шестьдесятъ или семьдесятъ другихъ городовъ, и нѣкоторые изъ нихъ существуютъ до сихъ поръ, но ни одинъ не достигъ такого удивительно-блестяща-

го положенія, какъ египетская Александрія, хотя, безъ сомнѣнія, всѣ были основаны съ такою же дальновидностью. Греки нѣсколькими вѣками раньше основали городъ Навкратисъ; онъ былъ расположенъ у Канопскаго устья Нила, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ новаго города, и хотя положеніе Навкратиса въ качествѣ мірового центра въ сущности нисколько не уступало положенію Александріи, однако онъ никогда не достигалъ такого блеска.

Поэтому, если Александрія въ самомъ дѣлѣ обязана своимъ величіемъ генію своего основателя, то никакъ не благодаря счастливому выбору мѣста, а потому, что Александръ дѣйствительно могъ своей властью содѣйствовать ея возвышенію въ Египтѣ, столицей котораго онъ сдѣлалъ этотъ городъ, и потому что его быстрыя завоеванія, распространяя греческое главенство на Востокѣ, открывали новые широкіе горизонты для торговли. Истинной причиной превосходства Александріи надъ ея коммерческими соперниками было не ея мѣстоположеніе, а то, что, по счастью, судьба надѣлила ее съ самаго начала такимъ ловкимъ, энергичнымъ и мудрымъ правителемъ, какимъ былъ Птоломей Сотеръ. Участвуя во всѣхъ обширныхъ замыслахъ и предпріятіяхъ Александра, вращаясь въ обществѣ людей, обезумѣвшихъ отъ честолюбія и мечтавшихъ унаслѣдовать власть надъ міромъ, Птоломей единственный изъ всѣхъ діадоховъ соблюдаетъ умственное равновѣсіе и не теряетъ вѣрнаго представленія о предѣлахъ своей власти. Онъ одинъ съ самаго начала видѣлъ въ Египтѣ легко отдѣлимую и совершенно безопасную провинцію, которая, благодаря своему объему и средствамъ, въ способныхъ

рукахъ могла сдѣлаться крупной политической величиной.

Въ то время, какъ всѣ его соперники—сначала Пердикка, затѣмъ Антигонъ, Димитрій и, наконецъ, Селевкъ—не жалѣли своихъ талантовъ и жертвовали жизнью для пріобрѣтенія владычества надъ міромъ, Птоломей рѣшилъ сперва упрочить свою власть въ Египтѣ и тогда уже распространять свою державу, насколько будутъ позволять обстоятельства, но скорѣе путемъ политики и мирнаго воздѣйствія, чѣмъ посредствомъ правильныхъ походовъ и систематическихъ завоеваній. Такимъ путемъ онъ пріобрѣлъ Кипръ и Кирену, но правилъ ими не какъ частью своей собственной имперіи. Туда онъ назначилъ сатрапами и губернаторами членовъ своего царскаго дома. Палестину и Сирію онъ дѣйствительно очень желалъ завоевать и дѣлалъ многократныя къ тому попытки, дипломатическія и военныя. Но расширить Египетъ было, очевидно, такъ же трудно, какъ легко было его защищать. Два раза въ своей жизни, — въ первый моментъ послѣ своего воцаренія (до Р. Х. 322) и второй разъ въ то время, когда власть Антигона достигла своего зенита (до Р. Х. 306),—Птоломей былъ принужденъ отражать страшныя нашествія. Но неудача и смерть Пердикки который сдѣлалъ первое нападеніе, и полное пораженіе Антигона доказали совершенную неприступность позиціи Птоломея. Мало того, что природа со всѣхъ сторонъ окружила его страну сильнѣйшими укрѣпленіями: при помощи своей политики онъ постоянно поддерживалъ дружественныя отношенія не только съ евреями, которые были его ближайшими сосѣдями на сушѣ, всегда помогали

ему и преграждали путь его врагамъ со стороны Сиріи, но и съ родосцами, которые, благодаря своему значенію на морѣ, могли нейтрализовать всякое нападеніе на него съ моря. Онъ не пытался завоевать этого торговаго государства, что могъ бы легко исполнить, подорвавъ его торговлю. Наоборотъ, слѣдуя указаніямъ своего широкаго ума, онъ всячески поддерживалъ Родосъ и велъ съ нимъ дружбу: этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на греческихъ водахъ, что сталъ почти полнымъ властелиномъ Эгейскаго моря.

Такова была политика этого замѣчательнаго человѣка. Въ то время, какъ его соперники расточали свои средства въ кровопролитной борьбѣ, онъ упрочивалъ свою имперію и способствовалъ развитію счастливыхъ задатковъ этого удивительнаго торговаго пункта. Благодаря выгодамъ, которыхъ Птоломей достигъ своей мирной политикой и покровительствомъ промышленности въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, потраченныхъ эллинистическимъ міромъ въ необузданныхъ и разорительныхъ войнахъ, Александрія такъ опередила другія новыя столицы, что тѣ никогда уже не могли съ ней сравняться. Наиболѣе приближалась къ ней Антіохія, которая въ концѣ концовъ упрочила за собой мѣсто такой же великой столицы на Востокѣ; Лизимахія могла бы также сдѣлаться великимъ торговымъ городомъ, если бы Лизимахъ имѣлъ способности и долговѣчность Птоломея. Но одно время столь могущественная имперія Лизимаха сошла со сцены, и ея мѣсто заступилъ Пергамъ, хотя черезъ его владѣнія не проходило ни одного значительнаго торговаго пути, и хотя онъ не имѣлъ въ своемъ

распоряженіи обширной территоріи. У Македоніи не было ни выгоднаго торговаго положенія, ни настоящаго коммерческаго духа. Такимъ образомъ Александрія, подъ управленіемъ своего сатрапа-царя съ его разумной и послѣдовательной политикой, быстро сдѣлалась первой изъ эллинистическихъ столицъ.

Александрія была, такъ сказать, создана для торговыхъ цѣлей: она сообщалась съ моремъ посредствомъ двухъ гаваней на с.-в. и ю.-з., такъ что парусныя суда могли причаливать при всякомъ вѣтрѣ и находить безопасное пристанище. Съ юга посредствомъ озера Мареотисъ, съ которымъ ее соединялъ каналъ, Александрія имѣла сообщеніе съ устьями Нила и, слѣдовательно, съ верхнимъ Египтомъ. Ея климатъ считался тогда, какъ и теперь, умѣреннымъ, такъ какъ непрекращающійся сѣверный морской вѣтеръ смягчаетъ жестокую жару египетскаго лѣта. Страбонъ замѣчаетъ, что обыкновенно въ южной полосѣ города, построенные на берегахъ озеръ, страдаютъ нездоровымъ климатомъ; дѣло въ томъ, что лѣтомъ уровень воды понижается и оставляетъ открытыми болотистыя пространства, которыя служатъ разсадниками лихорадки. Александрія же была въ этомъ смыслѣ внѣ опасности, потому что лѣтній разливъ Нила не давалъ опуститься водѣ на озерѣ. Это замѣчаніе приложимо ко всему Египту, и, можетъ-быть, въ этомъ заключается главная причина его вѣчнаго значенія и богатства. Даже теперь, при существованіи желѣзныхъ дорогъ для перевозки тяжестей, водяные пути гораздо дешевле и удобнѣе всякаго способа передвиженія по сушѣ. Насколько же выгоднѣе были водяные пути въ то время, когда

съ парусными судами конкурировали одни караваны! Все богатство береговъ Средиземнаго и Чернаго морей доставлялось на судахъ прямо въ Александрію; предметы роскоши изъ Нубіи и Средней Африки привозились внизъ по Нилу; сокровища Аравіи и Индіи направлялись вверхъ по Красному морю, по берегамъ котораго были основаны города для защиты отъ аравійскихъ пиратовъ; между тѣмъ былъ вновь открытъ древній каналъ Фараона Нехо, соединявшій Нилъ съ Краснымъ моремъ, такъ что индійскіе корабли могли безъ перегрузки доставлять въ Александрію свое золото и слоновую кость, своихъ обезьянъ и павлиновъ.

Какъ ни велики были эти естественныя преимущества, но они остались бы безъ особенно широкаго примѣненія въ рукахъ самихъ побѣдителей или побѣжденныхъ, такъ какъ македоняне не обнаруживали никакихъ способностей къ торговлѣ, а египтяне, владѣвшіе до нихъ этимъ самымъ мѣстомъ, не открыли однако, его колоссальныхъ выгодъ. Несмотря на огромную земледѣльческую и промышленную производительность Египта, внѣшняя торговля была всегда чужда его исконнымъ уроженцамъ. Птоломей и самъ Александръ при основаніи города восполнили этотъ недостатокъ, переведя туда поселенцевъ изъ двухъ націй, которыя преимущественно передъ всѣми другими обнаружили торговые инстинкты въ продолженіе всей своей исторіи, —именно изъ грековъ и евреевъ. Былъ ли это ихъ врожденный инстинктъ, или это было привито имъ многовѣковымъ воспитаніемъ, — такъ какъ каждая изъ этихъ народностей помѣщалась на большомъ торговомъ пути, между Малой Азіей и Западомъ и между

Египтомъ и Месопотаміей,—какъ бы то ни было, но въ торговыхъ дѣлахъ эти націи тогда, какъ и теперь, умѣли воспользоваться каждымъ возможнымъ случаемъ для своей собственной выгоды. Какъ извѣстно, онѣ вскорѣ пріобрѣли такое значеніе и такъ размножились, что затмили какъ правящихъ македонянъ, такъ и подчиненныхъ египтянъ и заняли первое мѣсто въ обширномъ конгломератѣ національностей, изъ которыхъ образовался этотъ своеобразный народъ — александрійцы. Мы знаемъ изъ многихъ источниковъ, что эти послѣдніе отличались чертами, выдѣлявшими ихъ изъ остального населенія Египта, въ которомъ греки и исконные уроженцы жили бокъ о бокъ, но различались между собою въ языкѣ и даже до извѣстной степени въ законахъ.

Но если положеніе Александріи было блестяще въ торговомъ отношеніи, то нельзя сказать, чтобы она была построена на красивомъ мѣстѣ. Песчаные холмы и неподвижное море, безъ растительности, безъ скалъ, безъ вида на горы или острова, — вотъ какое печальное зрѣлище представлялось взорамъ людей, привыкшихъ къ очаровательному мѣстоположенію береговыхъ городовъ Греціи и Азіи. Извѣстно, что греки классической эпохи не распространялись о красотахъ природы и рѣдко ихъ описывали. Тѣмъ не менѣе сейчасъ замѣтно то несознаваемое самими греками вліяніе, которое эти красоты оказали на ихъ поэзію и другіе виды искусства. Быть-можетъ, отсутствіе художественности въ александрійской культурѣ въ немалой степени объясняется именно отсутствіемъ этого неопредѣленнаго, но мощнаго фактора. Громада величавыхъ горъ, таинственность дремучихъ лѣсовъ, тихое

журчанье рѣчекъ, благоуханіе луговъ и ароматнаго кустарника,—все это было привычно даже для городского жителя классической Греціи. Ихъ города были невелики и со всѣхъ сторонъ окружены величайшими красотами природы. Но отъ шума и пыли новой столицы, не уступавшей размѣромъ современному Парижу, единственнымъ спасеніемъ внутри города были городскіе сады и гимназіи, а за городомъ предмѣстья съ модными морскими купаньями, гдѣ роскошь городской жизни замѣняла прелести природы. Правда, можно было удалиться отъ свѣта и найти отдыхъ въ университетѣ, но это было по преимуществу удаленіе къ книгамъ, къ этому естественному убѣжищу педантовъ и грамматиковъ. До какой степени городская жизнь тяготѣла надъ умами людей, видно не только изъ сухости и безцвѣтности литературы этой эпохи, но еще больше изъ великой популярности поэта пастушеской жизни; онъ услаждалъ утомленныя чувства своихъ литературныхъ друзей возвращеніемъ къ самой простой, если не самой чистой, деревенской жизни; по мановенію его творческаго жезла педанты оказывались въ пастушеской одеждѣ, пасли стада на высокихъ горахъ, или лежали, отдыхая въ густой травѣ, или сидѣли у источника «и въ тѣни играли съ Амариллисъ». Всѣми признано, что успѣхъ этого поздняго вторичнаго расцвѣта самобытной греческой поэзіи объясняется рѣзкимъ и очевиднымъ для всѣхъ контрастомъ этой поэзіи съ окружающей дѣйствительностью; но, быть-можетъ, до сихъ поръ еще не было въ такой же мѣрѣ оцѣнено впечатлѣніе, которое должны были производить на жителей Александріи ея окрестности.

По геніальному соображенію Александра или по счастливой случайности, новая эллинистическая столица была основана вдали отъ великихъ центровъ жреческой и, слѣдовательно, чисто египетской жизни. Благодаря этому обстоятельству, изъ Мемфиса, Өивъ и другихъ такихъ же древнихъ городовъ стало стекаться въ Александрію иностранное населеніе, къ которому всегда недружелюбно относились туземцы. Въ самой Александріи греки нашли только неизвѣстный и незначительный городъ Ракотисъ, котораго бѣдное и темное населеніе безъ особыхъ затрудненій могло существовать бокъ о бокъ съ новыми поселенцами, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе и при себѣ предоставили имъ отдѣльный кварталъ.

Ничто не можетъ дать такого яснаго представленія о внутреннемъ контрастѣ между греческой и египетской жизнью, какъ гіероглифическій текстъ перваго политическаго манифеста Птоломея Сотера.

Этотъ любопытный документъ, самый ранній изъ дошедшихъ до насъ документовъ изъ эпохи Птоломеевъ, ясно показываетъ намъ характеръ политики Сотера. Онъ еще не усвоилъ себѣ царскаго стиля и называетъ себя регентомъ или сатрапомъ юнаго Александра, но на самомъ дѣлѣ онъ неограниченный правитель. Чтобы снискать расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ, онъ привозитъ изъ Вавилона то, что было награблено Камбизомъ и Охусомъ изъ храмовъ. Онъ ведетъ побѣдоносныя войны въ Сиріи, а также въ направленіи Кирены (Marmarica), и знакомится со всѣми областями своей страны...

Политика всѣхъ, кто возставалъ противъ персидскаго завоеванія на почвѣ національныхъ чувствъ, заключалась въ томъ, чтобы привлечь на свою сто-

рону жрецовъ національной религіи и—обѣщаніемъ широкихъ привилегій — заставить ихъ проповѣдывать крестовый походъ противъ чужеземцевъ. Птоломей Сотеръ, очевидно, пріобрѣлъ популярность тѣмъ же путемъ, хотя, какъ извѣстно, онъ заботливо оберегалъ свои финансы и не могъ допустить, чтобы къ жрецамъ снова вернулось прежде имъ принадлежавшее первенствующее значеніе въ странѣ. Страна еще не была настолько эллинизирована, чтобы явилась надобность приложить греческій переводъ декрета, какъ въ позднѣйшихъ надписяхъ этого рода. Дѣйствительно, вначалѣ грековъ долженъ былъ очень затруднять переводъ съ такого языка, какъ въ вышеупомянутомъ документѣ, въ которомъ мы видимъ древній египетскій формализмъ во всемъ блескѣ, и гдѣ пышные титулы расточаются съ такимъ избыткомъ, какъ развѣ только въ манифестахъ испанскихъ королей. Но, тогда какъ эти послѣдніе присвоивали себѣ въ своихъ титулахъ власть надъ разными странами, которыя имъ подчасъ и не принадлежали, титулы египетскихъ царей имѣли преимущественно религіозное значеніе и отождествляли ихъ съ вѣчносущими богами. Этого не надо забывать, когда видишь, съ какой легкостью египтяне обоготворяли новыя династіи. По небрежности или по нежеланію не принявъ божескаго титула, новые цари быть-можетъ, гораздо болѣе удивили бы народъ, и это показалось бы дѣйствительно грубымъ нововведеніемъ. Самый титулъ царя здѣсь, какъ и на Востокѣ, повидимому заключалъ въ себѣ понятіе о чемъ-то божественномъ.

Но, между тѣмъ какъ египетскій народъ совершенно привыкъ видѣть на своемъ престолѣ иностран-

цевъ и съ помощью всевозможныхъ натяжекъ и ухищреній отождествлять ихъ съ своими древними туземными царями, египетская жизнь и искусство повидимому слишкомъ давно отлились въ опредѣленныя и неизмѣнныя формы, чтобы подчиниться серьезному вліянію со стороны другой и притомъ совершенно чуждой расы. О томъ, какъ стояло дѣло въ Александріи, еще нельзя судить за неимѣніемъ вещественныхъ памятниковъ: древняя Александрія еще скрыта подъ песками и ожидаетъ своего Марріэтта или Шлимана.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ египетскія вліянія были слабы, къ египетскому населенію принадлежалъ только низшій классъ, и поэтому городъ былъ (до седьмого Птоломея) эллинистическимъ городомъ въ томъ же смыслѣ, какъ Антіохія, Апамея и Никея. Есть надежда въ скоромъ времени получить нѣкоторыя свѣдѣнія по этому вопросу относительно Птолемаиды въ Верхнемъ Египтѣ; городъ этотъ былъ основанъ лагидами неподалеку отъ Ѳивъ, и въ немъ иностранный элементъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было египетскомъ городѣ на Нилѣ. Но что касается всѣхъ остальныхъ городовъ, то, какъ видно изъ богатой коллекціи въ Булакскомъ музеѣ, первые Птоломеи не были способны произвести смѣшеніе расъ. Правда, въ музеѣ есть одна статуя дѣйствительно греко-египетская—греческое идеальное лицо при египетской позѣ и одеждѣ. Какъ предположилъ Масперо, статуя эта изображаетъ Александра III, злополучнаго сына великаго Александра, но доказательства этого ученаго кажутся мнѣ недостаточно убѣдительными. Во всякомъ случаѣ статуя относится къ

ранней эпохѣ лагидовъ. Отъ болѣе поздняго времени до насъ дошла цѣлая масса произведенiй, сдѣланныхъ по заказу этихъ царей; до насъ дошли ихъ изображенiя въ видѣ рельефовъ на стѣнахъ храмовъ, воздвигнутыхъ ими въ честь египетскихъ боговъ и для египетскаго богослуженiя; и за исключенiемъ одной или двухъ фигуръ въ такъ называемой греческой одеждѣ, всякая фигура, всякое изваянiе, всякiй храмъ представляетъ собой образецъ чистаго и выдержаннаго египетскаго стиля.

Какiя бы сомнѣнiя ни возникали по поводу разныхъ подробностей, благодаря скудости и отрывочности нашихъ свѣдѣнiй, основныя черты достаточно ясны. Государственный строй, введенный Птолемеями, былъ не что иное, какъ военный деспотизмъ, который въ рукахъ способныхъ и человѣчныхъ государей смягчался хорошей администрацiей и допущенiемъ широкой мѣстной независимости, но въ рукахъ безумцевъ или негодяевъ вырождался внезапно въ самую грубую тираннiю. Старались подѣйствовать на чувствительныя струны различныхъ нацiональностей, привлеченныхъ въ страну ея новыми правителями; каждая изъ этихъ нацiональностей — евреи, египтяне и греки, до извѣстной степени были подвѣдомственны своимъ собственнымъ властямъ и судились по своимъ собственнымъ законамъ. Но всѣ эти второстепенныя власти были по служебной iерархiи подчинены начальникамъ областей, эти въ свою очередь представителямъ центральной администрацiи, и всѣ вмѣстѣ находились въ полномъ подчиненiи у царя. Въ странѣ было нѣсколько городовъ, основанныхъ греками и управлявшихся по греческому праву, но въ этихъ греческихъ городахъ

жили и египтяне, которымъ было разрѣшено сохранять свои древніе обычаи, равно какъ обращаться къ греческимъ чиновникамъ и судиться у нихъ по греческимъ законамъ. Много грековъ, повидимому, поселилось даже прямо среди египтянъ и въ египетскихъ городахъ. Только Птолемаида близъ Ѳивъ и Арсиноя въ Файумѣ извѣстны намъ какъ вполнѣ греческіе города.

Очевидно, цѣль или надежда этой политики заключалась въ томъ, чтобы постепенно эллинизировать упорно-консервативное туземное населеніе Египта. Мы не знаемъ никакихъ македонскихъ поселеній въ Египтѣ, и вообще, повидимому, македоняне являлись туда только въ качествѣ солдатъ; здѣсь они составляли немногочисленную наслѣдственную военную аристократію, выдѣлявшуюся скорѣе высокими военными чинами, чѣмъ чистотой крови, и образовавшую собой дворцовую бригаду и личный штабъ царей. Имъ также было предоставлено ихъ древнее право собираться въ качествѣ корпораціи свободныхъ солдатъ и произносить смертные приговоры; всякій новый царь, вступая на престолъ, долженъ былъ заручиться по крайней мѣрѣ формальнымъ ихъ согласіемъ, но царь не думалъ ограничивать въ ихъ пользу свои полномочія, — другими словами, это была копія съ отношеній, существовавшихъ въ арміи Александра.

Въ самой Александріи различныя расы, по крайней мѣрѣ въ первомъ поколѣніи, держались совсѣмъ отдѣльно: македоняне и всѣ прочіе царскіе чиновники жили въ кварталѣ, носившемъ названіе Брухіумъ, египтяне въ древней части города, въ Ракотисъ, которая была расположена на перешейкѣ того

полуострова, гдѣ построена современная Александрія. Намъ неизвѣстно, были ли евреи и греки положительно исключены изъ этихъ кварталовъ, но во всякомъ случаѣ огромное ихъ большинство занимало остальныя три части города; названія ихъ не дошли до насъ, но лежали онѣ по большимъ улицамъ, пересѣкавшимся подъ прямыми углами, и по южной сторонѣ города, обращенной къ озеру Мареотисъ. Милости, оказанныя евреямъ Александромъ и первымъ Птоломеемъ, привлекли большое число поселенцевъ, такъ что евреи составляли около пятой доли населенія. Съ самаго начала они задались мыслью поселиться тамъ навсегда; они учились греческому языку и старались усвоить эллинистическую культуру. Переводъ ихъ закона, пророковъ и «писаній» *) былъ предпринятъ немедленно послѣ ихъ поселенія въ Александріи или во всякомъ случаѣ не позже времени Ѳеокрита, какъ можно заключить изъ встрѣчающагося у него очень опредѣленнаго намека на пѣснь Соломона. Не довольствуясь безцвѣтнымъ прозаическимъ переводомъ семидесяти толковниковъ, быть-можетъ даже независимо отъ него или въ видѣ опыта, нѣкоторые евреи передавали отрывки изъ своей древнѣйшей исторіи, придерживаясь болѣе классическихъ формъ, выработанныхъ эллинской литературой. Мы узнаемъ изъ Климента александрійскаго и изъ Евсевія, что нѣкій

*) «Hagiographa». Такъ называется третій отдѣлъ еврейскаго канона Ветхаго Завѣта, въ который входятъ: псалмы, притчи Соломона, книга Іова, Пѣснь пѣсней, Руѳь, плачъ Іереміи, Экклезіастъ, книга Эсѳирь, Даніилъ, Ездра, Неемія и 1 и 2 Паралипоменонъ.

Ред.

Іезикіиль переложилъ книгу *Исходъ* для греческой сцены, Филонъ написалъ эпическую поэму объ Іерусалимѣ, Ѳеодотъ тоже эпическую поэму о древней исторіи Сихема (Самаріи). Приведенная у Климента выдержка изъ *Исхода* представляетъ собою прилично написанный ямбическимъ стихомъ отрывокъ, трактующій о ранней жизни Моисея весьма близко къ тексту книги Бытія.

Мы не будемъ касаться преданія, благодаря которому греческій Ветхій Завѣтъ сталъ называться переводомъ семидесяти толковниковъ; нѣмецкіе критики находятъ значительную разницу въ достоинствахъ перевода различныхъ книгъ, но книга сохраняетъ свою цѣнность и помимо этого миѳологическаго интереса: она—не только самый ранній и подчасъ самый авторитетный источникъ для возстановленія подлиннаго текста Ветхаго Завѣта, но также самая длинная изъ дошедшихъ до насъ отъ этого періода книгъ и единственная написанная эллинистической прозой. Изъ Полибія намъ знакомъ діалектъ, на которомъ говорили въ послѣдующемъ вѣкѣ, и скорѣе въ Греціи и Малой Азіи, чѣмъ въ Египтѣ. А изъ семидесяти толковниковъ мы узнаемъ, какой греческій языкъ возникъ въ великомъ новомъ центрѣ эллинизма, въ Александріи, гдѣ раньше всѣхъ другихъ городовъ обнаружились результаты завоеваній Александра и произведеннаго имъ смѣшенія расъ,—въ городѣ, который во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ служить образцомъ для всѣхъ прочихъ городовъ.

Этотъ греческій языкъ перевода семидесяти толковниковъ причинилъ много безпокойства ученымъ, потому что процессъ его возникновенія изъ преж-

нихъ діалектовъ совершенно неясенъ. Это не былъ выродившійся аттическій діалектъ; на немъ незамѣтно ни македонскаго, ни египетскаго вліянія; гебраизмы можно приписать вліянію оригинала, которому рабски слѣдовали почтенные переводчики. Но въ результатѣ получается нѣчто, такъ мало похожее на греческій языкъ Демосѳена или даже его ближайшихъ преемниковъ, напр. Менандра или Новой Комедіи, что намъ остается только удивляться. Языкъ философовъ Аристотеля и еще болѣе Эпикура утратилъ, правда, все аттическое изящество,— и все-таки онъ не имѣетъ никакого сходства съ неуклюжимъ, страннымъ нарѣчіемъ семидесяти толковниковъ. Переводчики жили однако среди ученыхъ, которые писали комментаріи къ произведеніямъ, написаннымъ на аттическомъ нарѣчіи, сочиняли поэмы съ дѣланной изысканностью и воображали себя великими мастерами по части стиля.

Очевидно, что языкъ, «понимаемый народомъ», въ Александріи не вѣдалъ этихъ тонкостей. Это былъ практическій говоръ, возникшій безъ исторіи: въ александрійскомъ діалектѣ, по моему мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго происхожденія.

Значительная часть египтянъ должна была научиться этому діалекту, потому что, если въ политику Лагидовъ вовсе не входило закрывать египтянамъ доступъ къ гражданской и военной службѣ, то съ другой стороны греческій языкъ былъ обязателенъ въ качествѣ языка офиціальнаго (изъ этого правила исключались частные контракты), и ужъ конечно никто не могъ командовать войсками, не говоря по-гречески. Древне-египетская каста воиновъ совершенно исчезла во времена Александра,

о ней не упоминается и при лагидахъ. Но у многихъ ихъ потомковъ должны были сохраниться военныя наклонности, и великія арміи, бывшія въ дѣйствіи въ теченіе всего этого столѣтія, до извѣстной степени эллинизировали туземное населеніе. Такимъ образомъ армія служила тогда великимъ орудіемъ объединенія. На службѣ феллахъ получалъ начальныя понятія о греческомъ языкѣ и культурѣ и проникался извѣстнымъ уваженіемъ къ великимъ новымъ правителямъ, которые такъ обогатили и прославили его отечество.

Но если каста воиновъ болѣе не существовала и не причиняла Птоломею никакого безпокойства, то каста жрецовъ была еще сильна и страшна—и какъ союзникъ, и какъ противникъ. Нигдѣ Птоломей не обнаружилъ до такой степени своего ума, какъ въ своемъ поведеніи въ этомъ случаѣ. Онъ научился у Александра самой широкой религіозной терпимости; дѣйствительно, грекамъ и македонянамъ всегда была чужда сектантская строгость семитическихъ расъ или даже персовъ, которые, быть-можетъ, заразились у семитовъ своей религіозной исключительностью. Персы нашли въ египетской кастѣ жрецовъ мощнаго противника и выступили противъ нихъ съ карательными законами и конфискаціями. Поэтому жрецы привѣтствовали въ Александрѣ освободителя отъ рабства. Правда, лагиды, какъ мы видѣли раньше, не замедлили захватить огромныя имущества египетскихъ жрецовъ; но, обезпечивая имъ опредѣленные доходы, сооружая и реставрируя храмы, принося крупныя пожертвованія къ ихъ алтарямъ, оказывая всякое уваженіе и вниманіе господствующей религіи, они снова вызвали къ жизни союзъ

церкви и государства, который такъ необходимъ для каждой неограниченной монархіи.

Эти монаршія милости не рѣшали, однако, вопроса вполнѣ; если монархія нуждалась въ господствующей религіи, то эту роль не могла играть исключительно египетская религія. Насколько намъ извѣстно, македоняне чтили тѣхъ же боговъ, что и греки, но греки, при всемъ своемъ свободомысліи, требовали уваженія къ своимъ религіознымъ чувствамъ. И это требованіе было удовлетворено. Мало того, что въ разныхъ мѣстахъ были сооружены мѣстныя греческія святилища: изъ Синопа былъ торжественно привезенъ Зевсъ-Гадесъ и формально отожествленъ съ Сераписомъ. Выборъ именно этого бога былъ особенно удаченъ. Дѣло въ томъ, что въ Вавилонѣ былъ храмъ въ честь бога, котораго македоняне называли этимъ именемъ, а кромѣ того, говорятъ, культъ сирійскаго Адониса имѣлъ къ нему какое-то отношеніе. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ всѣ эти національности чтили бога умершихъ, то отожествленіе не представляло никакой трудности. Не надо забывать также сильнаго пантеистическаго теченія, которое охватило всю Грецію и нашло выраженіе въ зарождавшейся тогда стоической философской системѣ. Съ этой пантеистической точки зрѣнія боги всѣхъ національностей и различныя божества каждаго культа оказывались только временными или мѣстными проявленіями одного и того же «единаго» космическаго начала, — міровой сущности и мірового духа. Такіе взгляды обнаруживаются съ самыхъ раннихъ временъ въ египетской литературѣ, какъ видно изъ многихъ дошедшихъ до насъ гимновъ. Позволю себѣ прибавить, что какъ

понятія людей о божественномъ управленіи міромъ всегда отражаютъ опыты, вынесенные изъ дѣйствительной жизни, или современные идеалы человѣческаго управленія, такъ и въ данномъ случаѣ греческій міръ, на глазахъ котораго одинъ человѣкъ оказался властелиномъ міра, пришелъ къ представленію, что мѣстные и національные боги были только намѣстниками или, быть-можетъ, проявленіями единаго великаго Царя. Не подлежитъ сомнѣнію, что Эвмолпидъ Тимоѳей, явившійся распространять элевзинскія таинства въ Александріи, и египетскіе жрецы, въ родѣ Манеѳона, безъ затрудненія отождествляли всякаго греческаго бога, на котораго указывала политическая фантазія Птоломея, съ народнымъ египетскимъ божествомъ.

Все, что говорятъ объ этомъ предметѣ Тацитъ и Плутархъ, указываетъ на то, что жрецы различныхъ культовъ собирались для тайныхъ совѣщаній подъ руководствомъ царя и освящали своимъ авторитетомъ завѣдомо никогда не являвшіяся знаменія и чудеса, которыя могли свидѣтельствовать въ пользу вводимаго вновь смѣшаннаго культа. Вотъ въ какой степени религія стала въ рукахъ лагидовъ политическимъ средствомъ! Жрецы съ готовностью санкціонировали въ прокламаціяхъ божескія почести этимъ выскочкамъ-монархамъ на египетскомъ и на греческомъ языкахъ. При помощи одного изъ такихъ документовъ, именно жреческой грамоты въ честь Птоломея (IV) и нѣкоей Клеопатры, Шамполліону удалось проникнуть въ тайну гіероглифической египетской литературы и сдѣлать ее доступной нашему изслѣдованію, такъ что этой неоцѣненной услугой мы обязаны лагидамъ и ихъ политикѣ.

Примѣромъ того, какъ они пользовались для своихъ цѣлей гіератическимъ искусствомъ своего царства, можетъ служить построенный третьимъ Птоломеемъ, нынѣ разрушенный, храмъ въ Эснехѣ, на стѣнахъ котораго красовалось гіероглифическое изображеніе его чудесныхъ побѣдъ на далекомъ Востокѣ.

По свидѣтельству всѣхъ нашихъ источниковъ, финансы Египта находились при первыхъ трехъ Птоломеяхъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Хотя народонаселеніе Египта едва ли когда-нибудь достигало 8,000,000—по самому щедрому расчету,—извѣстно, что страна была необыкновенно плодородна, и что жители подчинялись безъ открытаго ропота очень высокому обложенію. Но и этихъ государственныхъ доходовъ было недостаточно для наполненія казны, въ которой, говорятъ, были собраны огромныя суммы для содержанія многочисленной арміи и для колоссальныхъ издержекъ по содержанію двора. Одинъ большой праздникъ въ Александріи стоилъ около полумилліона на наши деньги. Словомъ, если правда, что постоянно содержалась армія въ 100,000 человѣкъ (по нашимъ источникамъ больше 200,000), съ широко-поставленной интендантской частью, и многочисленный флотъ, то, очевидно, вмѣстѣ съ издержками на содержаніе очень роскошнаго двора это должно было составить колоссальный годовой бюджетъ. Послѣ разрушенія Тира Александромъ и переселенія такого множества евреевъ въ Египетъ, египетскіе каналы сдѣлались главнымъ путемъ сообщенія для восточной торговли. Всѣ драгоцѣнности Индіи и Персіи шли вверхъ по Красному морю и черезъ Александрію въ Средиземное море. По тому же пути дви-

гались сокровища внутренней Африки — слоновая кость, страусовыя перья, дикіе звѣри, — всѣ рѣдкости, которыя цѣнятся въ вѣкъ роскоши и тщеславія.

По замѣчанію историковъ, финансовая политика лагидовъ ничѣмъ не отличалась отъ обычной политики военнаго деспотизма. Подобно современнымъ нѣмцамъ, они считали обязательнымъ для своей безопасности накоплять массы драгоцѣнныхъ металловъ и беречь ихъ безъ всякаго употребленія и пользы на случай войны. Но, несмотря на этотъ чисто персидскій образъ дѣйствій, Египетъ, очевидно, не только сводилъ концы съ концами, но былъ очень богатъ, покуда находился подъ управленіемъ способныхъ монарховъ. Такимъ образомъ, при своей сравнительно малой территоріи и при невоинственности населенія, Египетъ въ теченіе цѣлаго столѣтія могъ очень и очень равняться съ огромной имперіей селевкидовъ и съ воинственнымъ македонскимъ царствомъ, во главѣ котораго стояли антигониды. Только при малолѣтнихъ и расточительныхъ царяхъ финансовыя и военныя дѣла запутывались.

Преимущество Македоніи передъ всѣми ея соперниками заключалось въ доброкачественности ея солдатъ; но зато границы государства были плохо защищены: съ сѣвера ей постоянно угрожали варварскія нашествія, а на югѣ возстанія грековъ; между тѣмъ очень растянутая береговая линія страны дѣлала ее доступной для нападеній съ моря, въ особенности со стороны египтянъ. Царство селевкидовъ, впослѣдствіи извѣстное подъ именемъ Сиріи, имѣло многочисленное населеніе, въ составъ кото-

раго входилъ цѣлый рядъ народностей: нѣкоторыя изъ нихъ отличались, правда, воинственностью, но большинство представляло собою восточныхъ людей въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, такъ что огромныя арміи селевкидовъ приближались къ состоянію полчищъ послѣдняго Дарія, а среди населенія ихъ царства нерѣдко поднимались возстанія, съ которыми было трудно справляться. Такимъ образомъ первое мѣсто въ восточномъ мірѣ неотъемлемо принадлежало небольшому и сплоченному царству, которое было доступно для нападеній только въ своихъ отдаленныхъ провинціяхъ въ родѣ Кипра и Кирены и состояло изъ однороднаго населенія или изъ смѣшенія разныхъ національностей, настолько хорошо слившихся, что трудно было ожидать возстанія отдѣльныхъ частей или расъ.

Если вообще возможно такіе важные результаты приписывать исключительно генію отдѣльнаго лица, то можно съ увѣренностью утверждать, что безъ проницательности, твердой политики и широкихъ симпатій перваго Птоломея вся исторія Египта и вмѣстѣ съ тѣмъ и эллинизма приняла бы совершенно иной оборотъ. А между тѣмъ то, что извѣстно о Птоломея личности, нисколько не подтверждаетъ этихъ косвенныхъ, но несомнѣнныхъ доказательствъ его необыкновенныхъ дарованій. Правда, при Александрѣ онъ дѣятельно и успѣшно командовалъ войсками, но въ штабѣ великаго царя не занималъ, повидимому, перваго мѣста. Одни пользовались большею популярностью, другіе внушали больше страха. Мало того, если бы Арріанъ не заимствовалъ исторіи его первыхъ походовъ изъ его же собственнаго разсказа, въ которомъ этотъ полководецъ ужъ конечно

представилъ свои подвиги въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и во всей полнотѣ, то, можетъ-быть, онъ казался бы еще менѣе значительною личностью. Я не помню, чтобы хоть въ одномъ изъ анекдотовъ объ Александрѣ онъ игралъ выдающуюся роль; можетъ-быть, причиной этому было то, что Птоломей былъ очень умѣренный человѣкъ и избѣгалъ кутежей, которымъ предавался Александръ и которые сломили не одинъ сильный организмъ, не говоря уже о самомъ царѣ.

Но есть люди, которыхъ величіе проявляется только въ конечномъ результатѣ ихъ жизненной дѣятельности: они не являются героями въ глазахъ своихъ слугъ или лицъ, ихъ окружающихъ, но ихъ образъ увѣковѣчивается въ исторіи. Величіе этихъ людей, состоящее въ томъ, что они въ окружающей ихъ средѣ умѣютъ находить великихъ людей и направлять ихъ, познается нескоро. Въ новѣйшей исторіи примѣромъ можетъ служить Викторъ Эммануилъ, который медленно и постепенно выросъ изъ незначительнаго савойскаго принца въ короля Италіи, пользуясь при этомъ людьми всѣхъ типовъ и положеній, какъ Кавуръ, Мадзини, Наполеонъ, Гарибальди, папы. Его помощники появлялись и исчезали, помогали, умирали, возставали, а политика Виктора Эммануила шла неуклонно своимъ путемъ. Таковъ былъ, вѣроятно, и Птоломей. И такъ же, какъ находятся охотники утверждать, что Кавуръ, умершій въ 1861 г., создалъ Италію или, другими словами, жилъ и давалъ совѣты королю до 1879 года,—такъ до сихъ поръ еще есть историки, которые говорятъ, что Александръ, основывая великій городъ, предвидѣлъ и заранѣе уладилъ ту сложную

борьбу, которую Птоломей выдержалъ и привелъ къ благопріятному исходу силой своей терпѣливой и упорной политики.

Какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, до сихъ поръ нами не было сказано ни слова о томъ, что главнымъ образомъ даетъ право Птоломею и его столицѣ на историческую славу, — я разумѣю основаніе Александрійскаго музея, или университета, съ его роскошной библіотекой и научными приспособленіями. Нужно было покончить съ другими вопросами, прежде чѣмъ приступить къ этому предмету, который естественнымъ образомъ завлекъ бы насъ въ новую область, — именно въ литературу греческаго міра за первую половину третьяго вѣка до Р. X.

Мысль сдѣлать Александрію центромъ не только торговымъ, но и литературнымъ, повидимому, постепенно созрѣвала въ умѣ царя. Дѣйствительно, онъ такъ поздно взялся за это дѣло, что многіе историки приписываютъ эту честь его сыну и называютъ Филадельфа основателемъ музея. Но хотя показанія нашихъ скудныхъ источниковъ въ этомъ случаѣ достаточно ясны, дата основанія музея (нѣсколько лѣтъ до начала царствованія Филадельфа) опредѣляется приблизительно прибытіемъ въ Египетъ философа Димитрія (фалерскаго), который своимъ знаніемъ аѳинскихъ академій содѣйствовалъ осуществленію идеи царя. Самое названіе, данное учрежденію (музей), свидѣтельствуетъ объ его аттическомъ происхожденіи. Мы уже сообщали о томъ (стр. 146), какъ существовавшій только для формы религіозный культъ ограждалъ собственность каждой школы, и какъ всякое подобнаго рода общество въ

Аѳинахъ постепенно превращалось въ независимую корпорацію, матеріально обезпеченную основателемъ и его учениками. Государство держалось въ сторонѣ, за исключеніемъ немногихъ экстраординарныхъ случаевъ, когда оно прибѣгало къ репрессивнымъ мѣрамъ. Разумѣется, въ расчеты египетской военной бюрократіи не входило допускать существованіе такой могущественной умственной силы, которая стояла бы внѣ правительственнаго контроля и покровительства. Поэтому съ самаго начала средства новаго музея состояли въ казенномъ содержаніи, которое выдавалось на руки каждому члену самимъ царемъ. Но за какія же заслуги?

Птоломей нисколько не интересовался распространеніемъ какого-нибудь отдѣльнаго ученія; вѣроятно, онъ мало зналъ и еще менѣе заботился о различіяхъ аѳинскихъ школъ. Ему было нужно, чтобы знаменитые люди думали и писали въ Александріи, а вопросъ о самомъ устройствѣ школы, если мы можемъ примѣнить къ данному случаю это выраженіе, онъ предоставилъ болѣе компетентному въ этомъ дѣлѣ Димитрію, а можетъ-быть своему сыну, наслѣднику престола.

Во главѣ музея стоялъ начальникъ, или директоръ, назначаемый изъ жрецовъ царемъ; его религіозныя обязанности въ академіи, повидимому, ограничивались формальнымъ культомъ музъ (очевидное заимствованіе изъ аѳинской академіи). Но по духу аѳинскія академіи и александрійскій царскій университетъ представляютъ собою полный контрастъ: жрецъ музъ, который исполнялъ религіозныя обязанности въ академіи перипатетиковъ и былъ на это время предсѣдателемъ на общихъ собраніяхъ, изби-

рался членами на тридцать дней, по истеченіи которыхъ устраивалъ пиръ, отчасти по подпискѣ, отчасти на свой счетъ. Духовный глава музея назначался царемъ, повидимому, безъ опредѣленнаго срока, такъ какъ срокъ несомнѣнно всецѣло зависѣлъ отъ царскаго усмотрѣнія. Быть - можетъ, этотъ начальникъ музея былъ также верховнымъ жрецомъ Сераписа... Во всякомъ случаѣ это былъ не египтянинъ. Въ числѣ членовъ музея мы не встрѣчаемъ ни одного египетскаго имени, и постепенно развивавшаяся египетская реакція противъ греческой и еврейской философіи, очевидно, не коснулась музея. Эта школа была скорѣе убѣжищемъ критическаго изслѣдованія и эрудиціи, чѣмъ очагомъ новыхъ идей и научнаго прогресса... Ея состоявшіе на жалованьи члены обладали ученостью и, еще болѣе, критическими пріемами; иногда это были великіе ученые. Но повидимому, они скорѣе изучали до тонкости то, что было уже извѣстно раньше ихъ, и не отваживались открывать новыхъ путей въ философіи и религіи.

Кромѣ того, можно сказать съ извѣстной достовѣрностью, что обученіе и воспитательное дѣло не входили первоначально въ ихъ задачи; но со временемъ александрійскій музей естественно сталъ привлекать къ себѣ молодежь, и члены музея въ концѣ концовъ согласились взяться за учительское и профессорское дѣло. Такимъ образомъ окончательно опредѣлилось ихъ назначеніе — двигать впередъ не науку, а образованіе. Исключеніе можетъ быть сдѣлано въ пользу чистой математики, которой положилъ начало Эвклидъ, въ пользу медицины и родственныхъ ей отраслей изслѣдованія и въ

пользу естественной исторіи, въ виду того, что александрійскій университетъ въ этихъ областяхъ оставилъ самостоятельные труды; но въ общемъ нельзя не согласиться съ мыслителями позднѣйшей классической эпохи, которые говорили, что результаты не оправдали сдѣланныхъ издержекъ.

Но конечно, александрійскій музей можетъ найти для себя оправданіе передъ человѣчествомъ. Не говоря о научной сторонѣ, для оцѣнки которой требуются спеціальныя знанія, члены музея основали общество при содѣйствіи второго Птоломея (которому многіе писатели, слѣдуя александрійской традиціи, даютъ льстивое названіе *основателя*), и обнаружили много критическаго чутья, отдѣливъ въ греческой литературѣ пшеницу отъ плевелъ и сохранивъ для насъ великія образцовыя произведенія въ видѣ тщательно изданныхъ текстовъ.

Такимъ образомъ мы переходимъ къ другому великому учрежденію, основанному Птоломеемъ, именно къ его библіотекѣ. У насъ библіотека считается чѣмъ-то дополнительнымъ по отношенію къ университету, но въ Александріи это учрежденіе было такъ ново и имѣло такое значеніе, что совершенно затмило музей. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, какое духовное лицо стояло во главѣ музея. Между тѣмъ, несмотря на скудость нашихъ источниковъ, намъ съ величайшей точностью извѣстно, кто были главные библіотекари и что они сдѣлали для усовершенствованія своей библіотеки. Мы должны вообразить, что въ Европѣ была бы только одна библіотека, напр. библіотека Британскаго музея, куда со всѣхъ концовъ стекались бы ученые для научныхъ занятій, и тогда мы будемъ въ состояніи оцѣнить

ту огромную услугу, которую Птоломей оказалъ ученому міру. Впослѣдствіи, въ теченіе многихъ вѣковъ, въ Александрію ѣздили съ этой цѣлью, и, несмотря на преслѣдованія тирановъ и на разрушительные пожары, Александрія оставалась міровымъ центромъ эрудиціи, учености и библіографіи. Особенно большое значеніе библіотека имѣла именно для ученыхъ, такъ какъ для философовъ, не принадлежавшихъ къ энциклопедической школѣ, она не имѣла такой важности, и мы видимъ, какъ многіе знаменитые люди не желаютъ признавать за Птоломеемъ даннаго ему эпитета. Зато первымъ оказывалось особое поощреніе: они состояли при музеѣ и получали содержаніе отъ царя. Въ этомъ заключалась какъ слабая, такъ и сильная сторона этого учрежденія: Птоломей не хотѣлъ дѣлать изъ него независимой корпораціи, самостоятельно назначающей своихъ членовъ; музей всегда былъ «царскимъ музеемъ», и мѣста въ немъ раздавала ученымъ сама корона. Для философа въ родѣ Димитрія фалерскаго, — котораго философія напоминала философію царя Соломона и трактовала о всѣхъ родахъ животныхъ и растеній, начиная съ растущаго на стѣнахъ иссопа и кончая ливанскимъ кедромъ, — для такого послѣдователя Аристотелева «партикуляризма» эта коллекція по всѣмъ отраслямъ знанія должна была представляться чѣмъ то въ родѣ «царскаго пути» къ объясненію тайнъ природы и человѣка.

Великій музей послужилъ образцомъ для будущихъ основателей школъ. Въ Александріи было основано еще нѣсколько такихъ учрежденій, между прочимъ одно было основано императоромъ Клавдіемъ, при чемъ онъ поставилъ условіемъ, чтобы еже-

годно всѣ его собственныя историческія произведенія прочитывались публично отъ начала до конца. Тамъ же основали школу евреи и вслѣдъ затѣмъ христіане, — все самостоятельные центры для научныхъ занятій.

Птоломей Сотеръ украсилъ свою столицу всевозможнымъ великолѣпіемъ. Онъ создалъ драгоцѣннѣйшій въ своемъ родѣ памятникъ—гробницу Александра, которая цѣлые вѣка была предметомъ поклоненія, вплоть до Каракаллы, когда заглохли у людей всякіе благородные инстинкты. Птоломей воздвигъ роскошный дворецъ, содержалъ великолѣпный дворъ и давалъ пиры на диво всему міру. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы собрать у себя всѣ ученыя и литературныя знаменитости. Городъ былъ громаденъ, и внѣшній видъ его былъ великолѣпенъ. Судя по позднѣйшимъ описаніямъ, Александрія поражала зрителя не только своей обширностью,—«прогуляться по ея улицамъ», говоритъ Ахиллъ Тацій, «значитъ сдѣлать цѣлое путешествіе, не выѣзжая изъ города»,—но и великолѣпіемъ колоннадъ, которыя окаймляли улицы на протяженіи миль и защищали дорогу отъ солнца, шумомъ и сумятицей улицъ, по которымъ противъ обычая греческихъ городовъ ѣздили верхомъ и въ экипажахъ, количествомъ и богатствомъ общественныхъ зданій и праздничнымъ, довольнымъ видомъ своихъ многочисленныхъ жителей, которые не успокоивались ни днемъ ни ночью, но постоянно оживляли улицы. О прекрасномъ освѣщеніи улицъ вышеупомянутый авторъ говоритъ, что солнце не садилось, а какъ бы раздроблялось на мелкія части, чтобы освѣщать веселую ночь. Дворцы и другія царскія зданія и сады были окружены стѣ-

нами, какъ дворецъ въ Пекинѣ, и при нихъ находился особый портъ и дворцовая набережная; но и въ другихъ частяхъ города вода вездѣ была по близости, и водяныя сообщенія по всѣмъ направленіямъ были къ услугамъ жителей. Всевозможные костюмы и всякіе говоры можно было встрѣтить на улицахъ и набережныхъ города. Вблизи города находились модныя предмѣстья, и къ востоку—морскія купанья: Канопъ, Элевзинъ и Никополь; на западъ отъ Александріи находился свой александрійскій Некрополь. Но никто изъ очевидцевъ не оставилъ намъ подробнаго описанія этого великолѣпія, и мы принуждены судить о немъ по догадкамъ.

III. АЛЕКСАНДРІЯ ПРИ ФИЛАДЕЛЬФѢ, АНТІОХѢ И Т. Д.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Вступленіе Филадельфа на престолъ привѣтствовалъ весь Египетъ,—какъ греки, такъ и македоняне. Они торжествовали воцареніе законнаго преемника, который доведетъ до конца великую политику, предначертанную бойцомъ фортуны. Старшій царскій сынъ Керавнъ былъ лишенъ наслѣдства и отправился на сѣверъ. Совершая тамъ всяческія насилія и убійства, онъ оправдалъ поступокъ стараго царя, лишившаго его престола, и послѣ необъяснимыхъ успѣховъ палъ на полѣ битвы въ санѣ царя македонскаго. Слѣдуя своей обычной, осторожной и проницательной политикѣ, старый царь назначилъ самъ себѣ наслѣдника и еще при жизни передалъ ему бразды правленія, при чемъ отдалъ царство безраздѣльно, а самъ остался при дворѣ юнаго царя на положеніи подданнаго.

Итакъ Филадельфъ наслѣдовалъ престолъ двадцати-четырехъ лѣтъ отроду и въ теченіе приблизительно сорока лѣтъ оставался самымъ блестящимъ монархомъ въ мірѣ. Имѣющіяся у насъ показанія источниковъ говорятъ въ пользу того, что онъ дѣйствительно былъ основателемъ музея, но если мы

отвергнемъ это предположенiе вслѣдствiе его внутренняго неправдоподобiя, то заслуга Филадельфа все-таки же останется громадной. Онъ, очевидно, съ ранней юности былъ такимъ горячимъ покровителемъ музея и принималъ такое живое участiе въ его процвѣтанiи, что всѣ литераторы восхваляли его какъ творца умственнаго величiя Египта. И правда, мы не можемъ назвать ни одного дѣйствительно громкаго имени, связаннаго съ музеемъ времени его отца, кромѣ учителей молодого царевича, въ родѣ Филета, Зенодота и перипатетика Стратона, который вернулся въ Аѳины, нагруженный великолѣпными дарами своего юнаго питомца. Бывали даже, какъ мы замѣтили выше, случаи, что великiе люди отвѣчали отказомъ на его приглашенiе. Во времена же Филадельфа великолѣпiе музея возросло до такой степени, такъ удивительно обогатилась библiотека, и жизнь въ Александрiи стала такъ безопасна и прiятна, что всѣ замѣчательные умы съ охотой собирались къ его двору. Преемники Менандра писали свои комедiи въ Александрiи; намъ извѣстны двое—Махонъ и Аполлодоръ Каристiй, которые были выдающимися писателями; извѣстнѣйшiе ученые стекались туда, чтобы продолжать свои занятiя съ помощью ботаническихъ и зоологическихъ коллекцiй и тѣхъ сокровищъ премудрости, которыя можно было найти въ книгахъ; наконецъ, библiографiя и критика прямо обязаны своимъ возникновенiемъ библiотекѣ. Все это, вмѣстѣ съ новымъ расцвѣтомъ поэзiи, къ которому мы еще вернемся, сообщило этому моменту въ исторiи Александрiи характеръ мiровой эпохи. Съ этого времени греческая литература стала по справедливости называться але-

ксандрійской: съ одной стороны, эта литература вышла изъ-подъ пера грековъ, для которыхъ Александрія стала вторымъ отечествомъ, а съ другой стороны — на ея характерѣ отразились условія жизни этого великаго города и вкусы ея царственнаго покровителя.

Вступленіе Филадельфа на престолъ сопровождалось такимъ праздникомъ, который превзошелъ все, что до тѣхъ поръ приходилось видѣть и о чемъ можно было мечтать. Описаніе этого праздника заимствовано Атенеемъ изъ сочиненія Калликсена объ Александріи и положительно утомляетъ своимъ блескомъ, своимъ длиннымъ перечисленіемъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и парадныхъ колесницъ, изъ которыхъ каждую везло по нѣскольку сотъ человѣкъ. Этотъ любопытный текстъ въ полномъ видѣ утомилъ бы читателя, но въ общихъ чертахъ онъ характеризуетъ вкусъ того времени и можетъ послужить дополненіемъ къ тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя намъ приходится теперь собирать изъ современной литературы.

Прежде всего насъ поражаетъ во всемъ расчетъ на эффектъ и цѣнность предметовъ, которые фигурировали въ процессіи. Большая часть царскихъ сокровищъ при всѣхъ царскихъ дворахъ того времени состояла не изъ денегъ, а изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, и, повидимому, эти сосуды несли въ процессіи цѣлые отряды богато одѣтыхъ людей. И хотя такое количество драгоцѣнныхъ сосудовъ находилось на улицахъ, тѣмъ не менѣе и въ залѣ, гдѣ предполагался пиръ, огромная полка была вся уставлена золотыми сосудами, усыпанными драгоцѣнными камнями. Правда, люди не на-

столько еще утратили художественное чувство, чтобы нести горшки, наполненные золотой и серебряной монетой, какъ было на тріумфѣ Павла Эмилія въ Римѣ, но все-таки вся сущность зрѣлища заключалась въ тщеславной выставкѣ богатства. Какая разница съ Панатенейскимъ праздникомъ эпохи Перикла! Отмѣчу дальше, что скульптура и живопись самаго высокаго качества (описаніе въ особенности указываетъ на картины сикіонскихъ художниковъ) служили лишь для декоративныхъ цѣлей. Такъ, описывая огромную залу, которая была построена нарочно для пиршества, Калликсенъ говоритъ, что на пилястрахъ вокругъ залы красовалось сто мраморныхъ рельефовъ работы первоклассныхъ мастеровъ; въ пространствѣ между ними помѣщались картины, увѣшанныя кругомъ драгоцѣнной драпировкой съ вышитыми на ней сценами изъ миѳологіи или портретами царей. Все было разукрашено пурпуромъ, золотомъ, серебромъ и шкурами разныхъ дикихъ звѣрей, висѣвшими по стѣнамъ. Колонны въ залѣ изображали собой вперемежку пальмовыя деревья и вакхическіе ѳирсы, что указываетъ скорѣе на египетскій, чѣмъ на греческій вкусъ. Весь полъ былъ усыпанъ всевозможными цвѣтами, какъ райскій садъ.

Среди прочихъ чудесъ царскіе зоологическіе сады были, повидимому, привлечены къ участію въ праздникѣ, и Калликсенъ приводитъ цѣлый списокъ различныхъ привозныхъ звѣрей, которые шли въ процессіи. Но эта зоологическая выставка была съ большимъ искусствомъ введена въ ту часть процессіи, которая изображала побѣдоносное возвращеніе бога Діониса съ индійскаго похода. Богъ былъ

представленъ въ видѣ фигуры изъ золота и слоновой кости; его сопровождали толпы силеновъ и сатировъ, нагруженныхъ добычей, состоявшей изъ плюща и сосновыхъ шишекъ, и среди нихъ индіанки и женщины другихъ странъ ѣхали въ колесницахъ подъ балдахинами, въ одеждѣ плѣнницъ. Это напоминаетъ намъ тріумфальное шествіе Александра, когда онъ возвращался изъ пустынь Гедрозіи.

Но это большое вакхическое представленіе совершенно затеривалось среди множества аллегорическихъ сценъ и фигуръ, которыя двигались по улицамъ, — напримѣръ: Александръ въ сопровожденіи Ники и Аѳины; первый Птоломей съ малоазіатскими греческими городами, которые сопровождали его, держа надъ нимъ корону, тогда какъ рядомъ съ нимъ на колесницѣ стоялъ Коринѳъ. Боги и цари изображены были въ видѣ статуй изъ золота и слоновой кости, а роль свиты по большей части исполняли живые люди, и это любопытное смѣшеніе наблюдалось во всей процессіи. Вѣроятно, даже тогда считалось неуважительнымъ, чтобы живой актеръ изображалъ бога или царя. Въ началѣ процессіи двигалось аллегорическое изображеніе *года;* эту роль исполнялъ человѣкъ очень высокаго роста, въ костюмѣ и маскѣ трагическаго актера, съ золотымъ рогомъ Амалѳеи въ рукѣ. За нимъ шла столь же великолѣпная женская фигура, изображавшая Пентетериду (четырехлѣтній праздникъ), въ сопровожденіи четырехъ временъ года, несущихъ свои плоды. Тутъ же находились сатиры, а за ними шелъ жрецъ Діониса Филискъ и вся труппа трагическаго театра.

Я привелъ только немногія выдержки изъ этого

длиннаго и интереснаго текста, чтобы показать, каковы были понятія объ изяществѣ и великолѣпіи въ Александріи временъ Филадельфа. Шествіе длилось въ теченіе цѣлаго дня; оно открывалось фигурой Утренней Звѣзды, а замыкалось Вечеромъ (Весперъ). 80,000 войска, конницы и пѣхоты въ блестящихъ мундирахъ, слѣдовало позади. Вся стоимость праздника превышала полмилліона на наши деньги. Но однѣ золотыя короны, принесенныя въ даръ дружественными городами и народами первому Птоломею и его царицѣ, стоили не меньше этой суммы.

Эта расточительность заставляетъ видѣть въ Филадельфѣ другого Сарданапала. Съ другой стороны мы узнаемъ, также изъ Атенея, о его многочисленныхъ и знаменитыхъ любовницахъ, которыя перечислены въ мемуарахъ одного изъ его преемниковъ (Эвергета II). Эти женщины, изъ которыхъ Атеней называетъ пятерыхъ, были однѣ египтянки, другія гречанки, но, повидимому, всѣ онѣ вышли изъ простого народа, были флейтистками и танцовщицами. Одна изъ нихъ, Клино, которая подавала ему вино, наподобіе олимпійской Гебы, была извѣстна по всей Александріи по статуямъ, изображавшимъ ее въ одной нижней одеждѣ, съ кувшиномъ въ рукѣ...

Существуетъ много несогласій и споровъ между историками о томъ, что̀ заставило этого царя развестись съ своей первой женой (Арсиноей), дочерью Лизимаха, и жениться на ея мачехѣ, которая носила тоже имя Арсинои и приходилась ему родной сестрой; она была вдовой сперва Лизимаха, а потомъ Птоломея Керавна, который убилъ ея дѣтей, убивъ предварительно заодно съ нею ея пасынка

Агаѳокла. Это была женщина лѣтъ сорока, рѣшительная и неразборчивая въ политикѣ; она владѣла, по крайней мѣрѣ номинально, нѣсколькими городами въ Пропонтидѣ и въ Греціи. Дройзенъ высказалъ предположеніе, что Филадельфъ женился на ней изъ-за этого богатаго приданаго. Я же скорѣе думаю, что онъ рѣшился на это нарушеніе всѣхъ, кромѣ египетскихъ, правилъ нравственности по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ надѣялся найти въ ней способнаго помощника въ своихъ сложныхъ и трудныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ государствами въ Пропонтидѣ и на Черномъ морѣ; во-вторыхъ, онъ могъ быть увѣренъ, что она безъ ревности предоставитъ ему полную свободу въ его любовныхъ связяхъ. Весьма вѣроятно, что она въ большой мѣрѣ вмѣшивалась въ общественныя дѣла и что ей въ сильной степени царь обязанъ своей репутаціей хитраго политика.

Во всѣхъ своихъ войнахъ Филадельфъ держался одного образа дѣйствій: или натравливалъ одного врага на другого, или сѣялъ смуту въ войскѣ осаждающаго, или во-время уступалъ пункты, о которыхъ не стоило спорить. Его политическій кругозоръ обнималъ весь міръ. Изъ всѣхъ эллинистическихъ царей того времени онъ одинъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ римлянами и карѳагенянами и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ первой Пунической войны. Правда, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этой войнѣ его личная политика заключалась въ дружественномъ нейтралитетѣ. Восемь или девять лѣтъ передъ тѣмъ, немедленно по возвращеніи Пирра изъ Италіи, Филадельфъ отправилъ посольство въ Римъ съ

предложеніемъ дружбы и союза. Его предложеніе было принято римлянами очень восторженно, и трое изъ благороднѣйшихъ сенаторовъ были посланы въ Александрію для заключенія договора. Имъ былъ сдѣланъ пріемъ, отличавшійся обычнымъ великолѣпіемъ александрійскаго двора, и отправленные съ ними массивные золотые дары навѣрное возбудили въ молодыхъ римлянахъ страстное желаніе потребовать и себѣ долю въ богатствахъ Востока. Но на сей разъ выгоды отъ договора были на сторонѣ Египта. Вѣроятно, въ это самое время гавань Путеолы была предоставлена египтянамъ для свободной или льготной торговли; съ тѣхъ поръ сюда въ теченіе всей римской исторіи постоянно съѣзжались александрійскіе корабли. Можно представить, какія цѣны платили еще неизбалованные римскіе моты за восточныя утонченности, и какія выгоды получала Александрія отъ привоза строительныхъ матеріаловъ и шерсти, которые египтяне доставляли изъ Италіи. Въ то же время египетскій царь старался не порывать и съ карѳагенянами, которые дѣйствительно были для него самыми опасными соперниками какъ въ западной, такъ и въ южной торговлѣ и, что еще важнѣе, имѣли большое вліяніе на берегу Сиріи, а сирійская граница Египта была, какъ извѣстно, обезпечена хуже всѣхъ другихъ. Но когда тѣ попросили у него 2000 талантовъ взаймы во время первой Пунической войны, то онъ вѣжливо уклонился на томъ основаніи, что это значило бы *помогать друзьямъ противъ друзей*.

Если припомнимъ еще предпринимавшіяся въ то время экспедиціи и закладку новыхъ городовъ на югѣ, въ Аравіи, Эѳіопіи и даже въ центральной

Африкѣ, то мы получимъ нѣкоторое понятіе о космополитическомъ характерѣ цивилизаціи того времени. Эллинистическая культура, какъ я повторялъ неоднократно, въ высшей степени напоминаетъ современную европейскую культуру. Усвоивъ ее, всякій получалъ какое-то превосходство надъ остальнымъ человѣчествомъ или заявлялъ право на это превосходство; и даже такія окраины, какъ Мероэ, Бактрія, Херсонесъ Таврическій, постоянно стремились пріобрѣсти это право.

Излагать въ подробностяхъ дипломатическую борьбу Египта съ Македоніей и Сиріей — значило бы писать исторію того времени, что не входитъ въ нашу задачу. Общій характеръ этихъ сношеній былъ уже указанъ раньше. Птоломей старался обезпечить себя отъ нападеній Антигона Гоната, оказывая всяческія услуги грекамъ; съ этой цѣлью онъ помогалъ имъ совѣтомъ и деньгами, а иногда посылалъ свой флотъ въ греческія воды. Такимъ же образомъ онъ сдѣлалъ безопасными для себя Антіоховъ (Сотера и Θеоса), вмѣшавшись въ дѣла побережной Малой Азіи и оказавъ поддержку азіатскимъ греческимъ городамъ. Его враги съ своей стороны употребляли всѣ старанія, чтобы поднять противъ него Кирену, разбить его флотъ или сдѣлать на него нападеніе съ суши въ Сиріи и Палестинѣ.

При этомъ въ Птоломеѣ, какъ приходится заключить изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, былъ извѣстный элементъ слабости, который особенно проявлялся въ военныхъ дѣлахъ. Онъ слишкомъ любилъ удовольствіе и слишкомъ интересовался изысканіями въ разныхъ областяхъ знанія, чтобы быть

великимъ въ дѣлахъ. Помимо своихъ болѣе низменныхъ развлеченій, онъ любилъ спорить съ членами музея, посылать экспедиціи за рѣдкими растеніями и животными въ глубь Африки или въ Аравію, устраивать блестящіе пріемы въ своемъ дворцѣ. Доказательствомъ быстрой смѣны вкусовъ у людей того времени и ихъ любви ко всему новому, вытѣснившей всякое уваженіе къ старинѣ, можетъ служить то, что ни одинъ египетскій царь не хотѣлъ жить во дворцѣ своего предшественника и строилъ себѣ новый рядомъ съ прежнимъ. Страбонъ видѣлъ цѣлый рядъ этихъ дворцовъ въ царскомъ кварталѣ; впрочемъ, и во многихъ современныхъ столицахъ можно найти примѣры такой же безумной расточительности. Неудивительно, что царь страдалъ подагрой, и что, увидѣвъ однажды, какъ феллахи лежали на солнцѣ и спали или, тутъ же лежа, съ аппетитомъ ѣли свою скромную пищу, воскликнулъ съ грустью: «Горе мнѣ! почему я не родился однимъ изъ этихъ людей!» Но если правда, что онъ страстно искалъ жизненнаго эликсира и надѣялся достигнуть безсмертія съ помощью египетской магіи и тайной мудрости жрецовъ, то здѣсь мы имѣемъ новое доказательство слабости этого государя, поставленнаго судьбою въ такое блестящее положеніе и превозносимаго до небесъ цѣлымъ поколѣніемъ литераторовъ. Намъ извѣстна еще другая сторона его личности, напоминающая грубыхъ восточныхъ деспотовъ. Немедленно по вступленіи на престолъ онъ предалъ смерти или удалилъ въ изгнаніе большинство своихъ ближайшихъ родственниковъ. Какая разница съ исторіей его современника Антигона или Атталидовъ, которые такъ

славились своей любовью къ братьямъ! Такимъ образомъ оказывается, что какъ ни была великолѣпна Александрія времени Филадельфа, но въ соціальномъ и нравственномъ отношеніи она съ своимъ дворомъ стояла ниже, чѣмъ города древней Эллады.

Мы посвятимъ отдѣльную главу литераторамъ и ихъ произведеніямъ, но пока замѣтимъ, что они были во всѣхъ отношеніяхъ совершенно далеки отъ народной массы. Народъ былъ отдѣленъ стѣной отъ Царскаго Квартала (Брухіумъ) съ его дворцами и садами, съ его чиновниками и учеными. Народъ осыпали щедротами, развлекали великолѣпными зрѣлищами и подкупали царскими милостями; но въ то же время правительство держало его въ рукахъ съ помощью многочисленной вооруженной силы и въ важныхъ дѣлахъ не давало ему голоса. Такимъ образомъ при болѣе слабыхъ государяхъ онъ превращался въ ту страшную, измѣнчивую, жестокую чернь, которую такъ вѣрно изобразилъ Полибій въ послѣдующемъ вѣкѣ.

Теперь разсмотримъ вкратцѣ, что̀ представляли собою въ то время другія государства эллинистическаго міра — царство Антіоха, царство Антигона и греческія государства и города, которые сохранили свою независимость только по имени, почти совершенно утративъ ее въ дѣйствительности.

Имперія селевкидовъ и характеры ея царей, быть-можетъ, представляютъ большій интересъ и занимаютъ болѣе видное мѣсто во всемірной исторіи, чѣмъ Египетъ съ своими царями, но свѣдѣнія о нихъ гораздо болѣе скудны. Хотя, какъ оказывается, при антіохійскомъ дворѣ были когда-то основаны и музей и библіотека, но мы почти ничего о нихъ не

знаемъ. Изъ литературы эпохи селевкидовъ намъ неизвѣстно ничего, кромѣ весьма замѣчательнаго перевода мѣстныхъ лѣтописей, сдѣланнаго съ клинообразныхъ надписей халдейскимъ верховнымъ жрецомъ Берозомъ и посвященнаго первому Антіоху. Несомнѣнно, этотъ трудъ Бероза можно поставить въ связь съ подобнымъ же переводомъ іероглифическихъ памятниковъ, который былъ сдѣланъ Манеѳономъ для второго Птоломея. Существуютъ указанія на то, что Антіохъ уважалъ и любилъ литературу, и что при его дворѣ жили литераторы. Но что касается его личной жизни, то мы знаемъ только объ его романтическомъ бракѣ, о характерѣ же всѣхъ его преемниковъ вплоть до Антіоха Великаго и Антіоха Эпифана намъ уже рѣшительно ничего неизвѣстно. Внѣшняя же исторія его царствованія довольна полна. Мы слышимъ о его войнахъ и союзахъ съ Птоломеемъ, съ Антигономъ, съ галатскими кельтами и съ нѣсколькими второстепенными державами на сѣверѣ Малой Азіи. Ему досталось слишкомъ хлопотливое наслѣдство, и онъ оказался не въ силахъ сохранить въ цѣлости такое обширное и разноплеменное царство отъ напора ловкихъ и воинственныхъ сосѣдей.

Царство Сирійское, какъ его называютъ, но собственно, вѣрнѣе, царство селевкидовъ, не имѣло ни опредѣленныхъ границъ, ни опредѣленнаго національнаго состава и простиралось, смотря по способностямъ того, кто правилъ имъ въ данное время, или отъ Эгейскаго моря до Инда или отъ Киликійскихъ проходовъ до границъ Месопотаміи.

Въ Сиріи не было такой однородной національности, какую представляли, напр., египтяне въ своемъ

отечествѣ, —однородной массы, которою можно было управлять при помощи греческихъ чиновниковъ и наемныхъ солдатъ. Антіохъ правилъ цѣлымъ рядомъ различныхъ народовъ, находившихся на всѣхъ ступеняхъ политическаго и культурнаго развитія. Поэтому государственная организація его царства связывала подданныхъ весьма слабыми узами, его города пользовались широкими мѣстными привилегіями, его провинціи управлялись полунезависимыми правителями. Города и провинціи издавали свои собственные законы, поставляли отдѣльные отряды въ войско и формой своего подчиненія верховному правительству напоминали скорѣе персидскіе, чѣмъ македонскіе порядки.

Антіохійскій дворъ былъ устроенъ въ точности по образцу двора Александра, и по примѣру Александра Антіохъ для своего новаго царства основалъ новую столицу. Но мало того: есть указанія, что Сирія сдѣлалась убѣжищемъ эллинизма и притомъ въ несравненно большей степени, чѣмъ Египетъ. Въ Египтѣ Александрія стояла особнякомъ, какъ средоточіе эллинистической образованности; прошли годы, египетское вліяніе дало себя почувствовать и тамъ; въ исторіи нельзя найти другого такого устойчиваго и живучаго типа, какъ египетскій. Напротивъ того, въ Сиріи повсюду внутри страны находимъ города, рѣки и горы, переименованные въ память о Македоніи; изъ этого слѣдуетъ заключить, что македоняне въ большомъ количествѣ поселились въ этой странѣ, и что такимъ образомъ вліяніе сирійскаго эллинизма на другіе народы было глубже и продолжительнѣе, чѣмъ вліяніе эллинизма александрійскаго. Ювеналъ гово-

ритъ, что сирійскій Оронтъ впадалъ въ Тибръ. Въ концѣ концовъ Антіохія, дѣйствительно, сдѣлалась болѣе крупнымъ общественнымъ и торговымъ центромъ, чѣмъ Александрія. Эллинистическое направленіе Селевка обнаруживается въ томъ, что онъ основалъ новую столицу здѣсь, вмѣсто того, чтобы выбрать своей резиденціей Вавилонъ или Селевкію на Тигрѣ. Онъ видѣлъ, что на Западѣ были не только опасные его враги, но что тамъ же находился центръ тяжести соціальной жизни, и что для обширной торговли, которая обогащала его казну, необходимъ былъ безопасный доступъ въ Средиземное море.

Итакъ Антіохія была основана для соперничества съ Александріей и соревновала съ ней въ доставкѣ предметовъ восточной караванной торговли въ Средиземное море. Портовый городъ Селевкія (на Оронтѣ) былъ тщательно укрѣпленъ и замѣнилъ на этомъ берегу такіе рынки древности, какъ Тиръ и Сидонъ. Былъ еще другой самостоятельный торговый путь, который селевкиды оживили и совершенно забрали въ свои руки,—именно изъ Китая черезъ Гинду-Кушъ къ Аральскому и Каспійскому морямъ и затѣмъ Чернымъ моремъ въ греческій міръ. Шелкъ изъ Китая долгое время слѣдовалъ этимъ путемъ, равно какъ рѣдкіе мѣха, которые въ то время цѣнились такъ же, какъ теперь. Область Гирканія, на югъ отъ Каспійскаго моря, прославилась своимъ необычайнымъ плодородіемъ, а если вспомнить при этомъ еще возвышеніе царства Понтійскаго въ странѣ теперь темной и забытой и ту роль, которую оно играло, то намъ станетъ ясно, какое богатство развилось тамъ, благодаря торговлѣ эллинистическаго міра.

Но приступая къ изслѣдованію соціальной жизни этихъ отдаленныхъ частей греческаго міра, мы встрѣчаемъ на своемъ пути серьезное препятствіе въ глубокомъ молчаніи всѣхъ источниковъ. Для позднѣйшаго времени въ нашемъ распоряженіи имѣются очерки Полибія, затѣмъ Діона Хрисостома, но за этотъ вѣкъ намъ ничего неизвѣстно ни объ одномъ городѣ за границей собственной Греціи, кромѣ Александріи. Попадаются извѣстія о войнахъ, нѣкоторыя указанія относительно торговли, но о частной жизни ни слова. Изъ надписей мы еще можемъ извлечь кое-какія подробности, но едва ли когда-нибудь намъ удастся найти цѣльное изображеніе жизни того вѣка. А какой глубокій интересъ заключался бы въ такомъ изображеніи! Чего бы не отдали мы за описаніе Антіохіи въ эпоху ея возраставшаго величія, за описаніе Киликіи въ то время, когда она притокомъ своихъ свѣжихъ силъ обновила дряхлѣющее древо греческой науки? Мы можемъ прослѣдить вліяніе семитическихъ вѣрованій на простой народъ, вліяніе семитической строгости на образованные классы западныхъ націй. Почитаніе Астарты и Адониса явилось изъ Сиріи; оттуда же явилась глубокая теологія стоической системы. Но какъ, и черезъ кого, и когда проникли эти вліянія на западъ, — на эти вопросы, повидимому, никогда нельзя будетъ дать отвѣта.

Не такъ скудны наши свѣдѣнія о личности Антигона, о его дворѣ и о томъ, какую жизнь вели люди въ Македоніи и Греціи. Судя по исторіи внѣшнихъ событій, Антигонъ былъ серьезный и преданный своему дѣлу государь, уступавшій, правда, въ военныхъ талантахъ и Пирру и Димитрію, но за-

то по характеру и силѣ воли стоявшій гораздо выше ихъ обоихъ. Послѣ пораженія или нашествія враговъ онъ принимался за возстановленіе своего царства: въ исторіи не много примѣровъ такой настойчивости и рѣшительности. Правда, подъ конецъ Антигонъ былъ вознагражденъ; ему удалось обезпечить македонское царство за собою и за своими наслѣдниками. Но для этого ему пришлось всю жизнь бороться противъ людей болѣе низкаго разбора, отстаивавшихъ менѣе высокіе принципы. У Діогена Лаэрція есть много намековъ, изъ которыхъ видно, что Антигонъ былъ другомъ и ученикомъ аѳинскихъ философовъ, въ особенности стоиковъ, системы которыхъ онъ, повидимому, держался въ жизни. Безъ сомнѣнія, онъ былъ убѣжденъ, что идеальная государственная форма есть разумная монархія, но совпаденіе этого принципа съ его личными интересами мѣшаетъ намъ произнести окончательное сужденіе о немъ. Трудно допустить, чтобы поведеніе всѣхъ тиранновъ, которыхъ онъ поддерживалъ въ греческихъ городахъ, отличалось строгимъ стоицизмомъ. Наконецъ, никакъ нельзя рѣшить, насколько его политическія средства оправдывались конечной цѣлью, и даже какова была эта цѣль въ дѣйствительности.

Если онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ спасти цивилизованный міръ, превративъ Македонію въ оборонительный пунктъ противъ новаго вторженія ненавистныхъ варваровъ, и для этой цѣли нуждался въ единодушной поддержкѣ всей Греціи, то онъ былъ въ правѣ предпочесть одного покорнаго тиранна цѣлой массѣ бунтующихъ нищихъ тиранновъ по всѣмъ греческимъ городамъ. Но во всякомъ случаѣ оправ-

дывать средство цѣлью уже было большимъ отступленіемъ отъ стоицизма. Мы знаемъ, что правители, назначенные Антигономъ въ греческіе города, были люди умѣренные и достойные. Болѣе всѣхъ знаменитъ стоикъ Персей, который правилъ въ Коринѳѣ и кончилъ тамъ жизнь. Мы знаемъ также, что въ этомъ поколѣніи и добродѣтельные люди, одушевленные самыми высокими помыслами, въ родѣ Лидіада мегалопольскаго, дѣлались тираннами въ своихъ родныхъ городахъ, и что, поступая такимъ образомъ, они только слѣдовали теоріи всѣхъ философскихъ школъ: въ миріадѣ трактатовъ «о монархіи» (περὶ βασιλείας) всѣ эти школы приходили къ одному и тому же выводу,—что единовластіе есть лучшая форма правленія. Та же идея руководила спартанскимъ царемъ Агисомъ, и затѣмъ Клеоменомъ; ея слабое отраженіе мы видимъ въ теоріяхъ, лежащихъ въ основѣ политической дѣятельности Гракховъ, которые были учениками греческаго философа.

Но если Антигонъ дѣйствительно былъ стоикомъ, то еще въ большей степени онъ былъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ выступалъ съ холоднымъ политическимъ расчетомъ противъ такихъ рыцарей и искателей приключеній, какъ Пирръ, который называлъ его самозванцемъ, носящимъ пурпуръ вмѣсто плаща философа. При своемъ дворѣ онъ оказывалъ покровительство серьезнымъ поэтамъ въ родѣ Арата (дошедшіе до насъ *Феномены* Арата были написаны въ Македоніи). Антигонъ окружалъ себя не только литераторами и философами, но также иностранными государственными людьми и воинами; и если онъ не отправлялъ экспедицій из-

слѣдовать чудеса тропической природы, какъ дѣлалъ Птоломей, то можно быть увѣреннымъ, что онъ основательно изучилъ нравы и обычаи всѣхъ дворовъ и городовъ въ предѣлахъ цивилизованнаго міра. И это былъ типъ, созданный эллинизмомъ. Мы найдемъ этотъ типъ въ Атталидахъ, найдемъ его въ вождяхъ Ахейскаго союза; онъ даетъ себя знать въ томъ космополитическомъ направленіи, которымъ рисовались прозаики этого вѣка.

Но народъ, съ которымъ Антигону приходилось главнымъ образомъ имѣть дѣло, представлялъ собою почву не особенно благопріятную для развитія этихъ плановъ. Македоняне были весьма мало похожи на подданныхъ египетскаго царя и на тѣхъ, которые были настоящими подданными антіохійскаго двора. Вмѣсто песчаныхъ холмовъ или пустыни, или рѣки, по которой въ тропическую жару тихо плыли ея богатства среди полей золотой пшеницы, въ Македоніи мы находимъ возвышенности, пѣнящіеся водопады, дѣвственные лѣса, горныя пастбища съ нетающими снѣгами. Это—ландшафтъ, характеризующій обыкновенно родину свободныхъ и смѣлыхъ горцевъ, преданныхъ войнѣ и охотѣ, пастуховъ, презирающихъ трудолюбиваго землепашца. Никакое великолѣпіе македонскаго двора не могло побѣдить нѣкоторой грубости въ этихъ македонянахъ; насколько помнится, изъ ихъ среды не вышло ни одного великаго писателя. Повидимому, они примирились съ утратой нѣкоторыхъ прежнихъ вольностей и подчинились смягченному абсолютизму своего царя-философа. Но въ то же время Македонія была военнымъ аванпостомъ противъ варваровъ; а въ военномъ государствѣ повиновеніе легко перено-

сится изъ стана, гдѣ оно необходимо, къ домашнему очагу. Появляясь въ Греціи и Сиріи, македоняне выдѣлялись своимъ общепризнаннымъ физическимъ превосходствомъ и въ глазахъ всѣхъ являлись гражданами націи, когда-то господствовавшей надъ міромъ.

Въ Македоніи никогда не было того, что, повидимому, составляло существенную черту другихъ эллинистическихъ государствъ: въ ней не было обширной и многолюдной столицы. Первое условіе существованія такого многолюднаго города есть обширная торговля, а Македонія не могла удовлетворить этому условію, такъ какъ ни одинъ торговый путь древняго міра не проходилъ чрезъ ея предѣлы. Византія и Коринѳъ несомнѣнно сдѣлались бы городами первой величины, если бы македонскіе цари держали тамъ постоянный дворъ. Но Коринѳъ, какъ литературный и художественный центръ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ постоянно страдать отъ близости Аѳинъ, которымъ неотъемлемо принадлежала роль главнаго средоточія просвѣщенія, Византіи же—помѣшало бы достигнуть величія возвышеніе Пергама. Такимъ образомъ древнее македонское царство осталось собственно безъ столицы: Эги, гдѣ находились гробницы царей, имѣли только религіозное значеніе; Пеллу Филиппъ II сдѣлалъ своей резиденціей; но горцы слишкомъ дорожили сельской жизнью для того, чтобы переселяться въ городъ, а купцовъ было не много, и ихъ презиралъ народъ.

Если македоняне были терпѣливыми и сильными, хотя и не особенно преуспѣвавшими въ цивилизаціи подданными, то города и племена Греціи, ко-

торые Антигонъ всю свою жизнь стремился ввести въ составъ своего царства, представляли собой совершенно иной типъ. Греки были слишкомъ умны, чтобы подчиняться теоріямъ Антигона. Мало того: они сами примѣняли эти теоріи къ самимъ себѣ и дѣлали выводы, шедшіе въ разрѣзъ съ его интересами. Такъ, стоическая философія, одушевлявшая царя, повидимому, одушевляла и аѳинскихъ патріотовъ, когда они возстали подъ предводительствомъ Хремонида (около 265 г. до Р. Х.) и въ послѣдній разъ повели борьбу за свои древнія вольности. Всѣ, кто упоминаетъ объ этой войнѣ, говорятъ о ней какъ о благородной и патріотической попыткѣ, но въ основѣ всѣхъ этихъ сужденій лежитъ мнѣніе Нибура, который былъ слишкомъ заинтересованъ лично въ этомъ великомъ политическомъ вопросѣ, чтобы говорить безпристрастно.

IV. ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ВѢКѢ ДО Р. Х. И ЕЯ ВЛІЯНІЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ЕЙ ЦИВИЛИЗАЦІЮ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought.)

Что касается Александріи, то изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ книгъ мы узнаемъ только, что ея многочисленное населеніе дѣлилось на очень замкнутыя группы. Во главѣ всего стоялъ роскошный и распущенный дворъ, обоготворенный глава котораго позволялъ себѣ любовныя связи съ куртизанками; о связяхъ этихъ знали всѣ, и никто ихъ не осуждалъ. Царственныя особы женскаго пола имѣли громадную власть и окружали себя большой пышностью. Какъ видно изъ Каллимахова описанія обязанностей Ирисъ *), при нихъ день и ночь находились фрейлины, готовыя немедленно исполнять ихъ приказанія. Эти принцессы нерѣдко выходили изъ дома съ своимъ штатомъ, и тогда, конечно, народъ долженъ былъ почтительно очищать передъ ними дорогу и хранить глубокое молчаніе. Съ другой стороны, царскимъ поэтамъ, въ родѣ Каллимаха, позволялось говорить съ непонятной свободой о самыхъ интимныхъ отношеніяхъ царскаго дворца; и дѣйствительно, во всемъ александрійскомъ обществѣ царила

*) Такъ онъ называетъ одну изъ фрейлинъ египетской царицы, надо думать, Арсинои.

большая свобода нравовъ. Женщины низшихъ классовъ обыкновенно посѣщали зрѣлища и празднества и въ толпѣ говорили свободно съ мужчинами. Такъ какъ въ разныхъ кварталахъ города селились пріѣзжіе со всего греческаго міра, то всѣ онѣ научились говорить по-гречески, хотя и на разныхъ нарѣчіяхъ. Вторая идиллія Ѳеокрита изображаетъ намъ молодую незамужнюю женщину, которая живетъ одна съ служанкой въ собственномъ домѣ, ходитъ смотрѣть процессіи и тамъ влюбляется въ прекраснаго иностранца. Дѣйствительно, улицы были полны женщинъ и дѣтей, что представляло полный контрастъ съ обычаями эллинскихъ городовъ. Затѣмъ въ Александріи было многочисленное и богатое купеческое общество съ цѣлой цѣпью торговыхъ отношеній, простиравшихся отъ Италіи до Индіи; подробности этихъ торговыхъ отношеній намъ неизвѣстны. Далѣе мы встрѣчаемся здѣсь съ «македонянами», или съ военнымъ классомъ. Теперь нельзя рѣшить, въ какой мѣрѣ евреи принадлежали къ обществу купцовъ и насколько они составляли особый классъ. Остается еще назвать высшій классъ интеллигенціи, обитателей музея, который считался въ нѣкоторомъ родѣ принадлежностью двора, и массу рабочихъ и поденщиковъ, состоявшую, вѣроятно, изъ египтянъ. Этотъ рабочій классъ, для котораго былъ закрытъ доступъ къ обогащенію и къ возвышенію, былъ, несмотря на то, силенъ своей численностью; рабочіе и евреи составляли александрійскую чернь, и мы знаемъ, что у этой черни бывали мрачныя и жестокія вспышки, которыя заставляли болѣе цивилизованные города міра смотрѣть на нее съ отвращеніемъ и ненавистью.

Теперь попытаемся собрать нѣкоторыя данныя о другихъ городахъ за этотъ же періодъ. Мы можемъ раздѣлить огромное число европейскихъ и азіатскихъ городовъ, гдѣ говорили на греческомъ языкѣ, на отдѣльныя рѣзко различающіяся между собой группы. Въ Великой Греціи, Сициліи, Греціи и Малой Азіи были города древне-эллинскаго происхожденія, въ которыхъ кромѣ этой старой общепризнанной черты сходства наблюдался еще новый общій имъ всѣмъ фактъ,—именно, что всѣ они безъ исключенія быстро клонились къ упадку. Въ особенности это можно сказать о второстепенныхъ городахъ, которые не сдѣлались ни художественными, ни политическими центрами, какъ, напр.: Аргосъ, возстановленныя Ѳивы, всѣ города Италіи и Сициліи, кромѣ Сиракузъ, и многіе славные города Малой Азіи. Начинавшееся тогда быстрое опустѣніе этихъ областей прежде всего отражалось на положеніи старыхъ городовъ, такъ что города Беотіи, города Элиды и другія хорошо извѣстныя историческія средоточія населенія и культуры превратились во многихъ случаяхъ въ простыя деревни. Не хватало солдатъ, чтобы уставить часовыми всю окружность городскихъ стѣнъ, и трава начинала расти по широкимъ улицамъ. Такой участи подверглись преимущественно города, основанные Эпаминондомъ, какъ Мессена и даже Мегалополь, несмотря на ихъ значеніе и блестящую роль въ недавнемъ прошломъ.

При всемъ этомъ было бы большой ошибкой сказать, что городская жизнь вообще клонилась къ упадку въ золотой вѣкъ эллинизма. Въ дѣйствительности было совершенно наоборотъ. Но, за не-

многими исключеніями, во всѣхъ областяхъ центръ тяжести былъ перенесенъ изъ древнихъ городовъ въ новые; жителямъ было болѣе лестно и болѣе выгодно быть гражданами Арсинои, или Лизимахіи, или Касандріи, или Береники, чѣмъ гражданами Өеспій, или Пагасъ, или Эфеса, или Галикарнасса.

Но обратимся пока къ исключеніямъ—къ тѣмъ древнимъ городамъ, которые еще не утратили своего значенія и не лишились своихъ обитателей. Первое мѣсто занимаютъ, конечно, Аѳины. Своей исторической славѣ этотъ городъ былъ обязанъ не только матеріальной поддержкой разныхъ царей, но и еще гораздо болѣе важнымъ преимуществомъ: Аѳины были общепризнаннымъ міровымъ центромъ философіи, и къ нимъ тяготѣли всѣ философы всѣхъ другихъ странъ и городовъ. Новая Комедія съ ея поверхностнымъ направленіемъ начинала выходить изъ моды, и серьезная жизнь философскихъ школъ заступала ея мѣсто. Изъ аѳинской школы выходили политическіе теоретики, которые низвергали или возстановляли государственныя формы въ своихъ отечественныхъ городахъ, становились тираннами или низвергали тиранновъ, уничтожали или составляли своды законовъ на основаніи новыхъ принциповъ. По какому-то молчаливому соглашенію между всѣми правителями міра этому городу было позволено провозгласить свою независимость нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Хремонидовой войны (около 250 г. до Р. Х.), и чувства эллинистическаго міра по отношенію къ Аѳинамъ были настолько сильны, что независимость этого города была совершенно ограждена отъ жадности и честолюбія могущественныхъ сосѣдей. Нарушить неприкосно-

венность территоріи Аѳинъ считалось чѣмъ-то въ родѣ святотатства, которое возбуждало противъ посягавшаго на эту неприкосновенность мнѣніе всѣхъ наиболѣе уважаемыхъ людей эллинистическаго міра. Въ утонченный культурный вѣкъ, когда чувства играли большую роль, это была гарантія болѣе прочная, чѣмъ корабли и укрѣпленія.

Въ это-то время развилась здѣсь та просвѣщенная праздность, тотъ глубокомысленный интересъ къ пустякамъ, та серьезная игра съ великими идеями, всѣ тѣ явленія, которыя во всякомъ крупномъ умственномъ центрѣ обыкновенно нарождаются вокругъ настоящей серьезной мысли. Аѳины времени св. Павла и даже Либанія были въ сущности городомъ совершенно измѣнившимся подъ вліяніемъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ описываемую нами эпоху.

Если мы обратимся къ другому фокусу древнѣйшей Греціи, къ Спартѣ, то увидимъ совершенно иную и очень любопытную картину. Аѳины спасли себя и продлили свое вліяніе, смѣло преобразовавъ свою умственную жизнь, приноровившись къ литературнымъ вкусамъ новаго вѣка и удержавъ за собою въ духовной сферѣ то могущество, которое было утрачено ими въ сферѣ матеріальной. Спарта же, къ которой Греція продолжала питать глубокое уваженіе, подъ личиной строгаго консерватизма допустила проникнуть къ себѣ всю новѣйшую испорченность и упадокъ. Формы Ликургова государственнаго устройства — два царя, ежегодно избираемые эфоры, совѣтъ старѣйшинъ — продолжали существовать, но древняя умѣренность и скромность уступили мѣсто безмѣрной роскоши

и соціальной неправдѣ. Со времени закона эфора Эпитадея была введена полная свобода распоряжаться собственностью посредствомъ завѣщаній; и любопытнѣе всего то, что въ результатѣ вошелъ въ обычай майоратъ. Во многихъ случаяхъ наслѣдницами оказывались женщины, и такъ какъ законы Ликурга на нихъ никогда не распространялись, то онѣ сдѣлались вліятельными лицами въ обществѣ и въ политикѣ. Слѣдствіемъ было то, что младшіе сыновья или уѣзжали за границу въ наемныя войска и тамъ проводили жизнь въ бездѣятельности при дворахъ сатраповъ и увивались вокругъ иностранныхъ государей,—или же сидѣли дома въ бѣдности и праздности. Трудно сказать, который исходъ былъ болѣе пагубенъ для существующаго порядка. Возвращаясь домой, наемникъ приносилъ съ собой нравы и привычки современнаго эллинизма и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на все спартанское, кромѣ роскоши богатой знати, съ которой спѣшилъ подѣлиться новыми идеями расточительности. Съ другой стороны недовольному, остававшемуся дома, міръ казался сбившимся съ правильнаго пути, и блага міра—неправильно распредѣленными; онъ былъ готовъ на всякую революцію, которая бы ниспровергла малочисленную олигархію собственниковъ.

Итакъ между тѣми, кто боялся всякой реформы, и тѣми, кто жаждалъ революціи, лежала цѣлая пропасть. Даже внѣшній видъ Спарты былъ уже не тотъ, что во дни расцвѣта. Вмѣсто ряда открытыхъ селеній теперь она превратилась въ окруженный стѣной городъ съ прекрасными храмами и театромъ; въ ней постоянно жило много иностранцевъ, въ особенности наемныхъ солдатъ, а граждане

высшаго класса безпрерывно возвращались съ иноземной службы съ азіатскимъ золотомъ и азіатскими нравами. Сами цари снисходили до этой службы, и одинъ изъ нихъ, по ироніи судьбы носившій имя Леонида, не побоялся осквернить священную кровь Геракла, женившись на азіаткѣ, отъ которой имѣлъ дѣтей, —что по древнимъ законамъ считалось уголовнымъ преступленіемъ.

Въ Плутарховомъ *Жизнеописаніи Агиса,* откуда мы заимствуемъ эти подробности, находимъ любопытный разсказъ о попыткѣ юнаго царя произвести мирную революцію: онъ думалъ уничтожить долги и произвести новый раздѣлъ земель путемъ легализованнаго насилія. Онъ пожертвовалъ государству свое состояніе, до 600 талантовъ чистыми деньгами (около 1.500,000 рублей), не считая земель и пастбищъ (говорятъ, самые бѣдные сатрапы на Востокѣ были гораздо богаче). Планъ Агиса былъ разстроенъ собственниками, которые, разумѣется, нашли поддержку въ старѣйшинахъ и эфорахъ. Дѣйствительно, это было столкновеніе старыхъ и богатыхъ, въ рукахъ которыхъ находились всѣ должности и привилегіи, съ молодыми и бѣдными, которые, несмотря на свое численное превосходство, были безсильны, имѣя въ качествѣ руководителей не людей дѣла, а энтузіастовъ или негодяевъ. Агисъ потерпѣлъ неудачу; онъ не могъ «обратить сердца отцовъ къ сыновьямъ, ослушниковъ къ мудрости справедливыхъ», и былъ преданъ смерти вмѣстѣ съ своей благородной матерью и ея друзьями, которые усвоили его теоріи и теперь раздѣлили его судьбу. Современные историки приводятъ много разсказовъ о замѣчательномъ самоотверженіи жен-

щинъ, и какъ бы ни были украшены эти разсказы, они, во всякомъ случаѣ, ясно рисуютъ намъ идеалъ вѣка.

Мы слышимъ также, что партія богатыхъ по всему Пелопоннесу, въ особенности въ Ахайѣ и Аркадіи, пришла въ ужасъ отъ революціи, предложенной Агисомъ, — какъ будто бы эта революція должна была тотчасъ же отозваться во всѣхъ этихъ городахъ. Изъ этого можно заключить, что имущественное неравенство и связанное съ нимъ существованіе многочисленнаго недовольнаго пролетаріата можно было найти не въ одной Спартѣ. Однакоже, несмотря на всѣ эти отрицательныя стороны, Спарта не только рождала благородныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, но въ соціальномъ отношеніи стояла выше всего эллинистическаго міра. Спартанскихъ царей дѣйствительно почитали, тогда какъ египетскіе и македонскіе цари были окружены низкой лестью, и весьма вѣроятно, что даже въ то время быть спартанскимъ аристократомъ было больше чести, чѣмъ принадлежать къ македонской знати.

Плутархъ говоритъ о богатствѣ и роскоши благородныхъ спартанокъ, но, къ сожалѣнію, умалчиваетъ, въ чемъ именно заключалась эта роскошь. Спарта не была тогда художественнымъ центромъ, и, судя по послѣднимъ раскопкамъ, ее украшали произведенія архаическаго искусства несравненно болѣе ранняго періода. Но тѣ же раскопки заставляютъ заключить, что, несмотря на безграмотность этой аристократіи, ея вкусъ не могъ быть вульгаренъ или напыщенъ. Спартанскія традиціи были слишкомъ блестящи, и античная простота нравовъ,

введенныхъ Ликургомъ, должна была наложить печать благородства на ихъ жизнь. Уѣзжая за границу, они нерѣдко превращались въ грубыхъ, чувственныхъ и безпринципныхъ людей, но, насколько извѣстно, никто не обвинялъ ихъ въ порокахъ, свойственныхъ выскочкамъ. Надо думать, что этотъ въ высшей степени консервативный типъ долженъ былъ своимъ вліяніемъ немало сдерживать современныя пошлыя тенденціи въ области вкуса. Такъ, англійскіе аристократы, несмотря на невѣжество многихъ изъ нихъ, придерживаются извѣстнаго хорошаго стиля, который служитъ образцомъ изящества для всего міра; точно такъ же, я думаю, спартанцы, при всей своей тупости, невѣжествѣ и отсталости, играли ту же роль въ этотъ вѣкъ, полный вульгарнаго тщеславія, внезапныхъ обогащеній и наружной утонченности. Житель Азіи или македонянинъ, стремившійся во что бы то ни стало усвоить себѣ эллинистическую культуру, могъ, вѣроятно, достигнуть учености музея, могъ усвоить положенія портика и школы перипатетиковъ, пріобрѣсти аттическое остроуміе; онъ могъ даже перенять спартанскіе обычаи, но стиль спартанскаго аристократа былъ для него недосягаемъ. Это былъ уже не новый эллинизмъ, а сама древняя классическая Эллада.

Теперь обратимся къ западнымъ столицамъ эллинскаго міра, къ Таренту и Сиракузамъ. И Тарентъ и Сиракузы сохранили за собой положеніе главныхъ городовъ,—первый въ Сициліи, вторыя въ Великой Греціи, — и ни одна италійская колонія не могла съ ними спорить. Когда-то соперничавшіе съ ними Сибарисъ, Кротона, Агригентъ или были разрушены или утратили всякое значеніе. Тарентъ

былъ вовлеченъ въ войну Рима съ Пирромъ и въ исходѣ войны потерялъ свое политическое могущество, но онъ продолжалъ быть многолюднымъ и богатымъ городомъ и продолжалъ находиться подъ управленіемъ самой распущенной изъ демократій, демократіи дорической. Произведенія тарентской промышленности и тарентская кухня все еще были извѣстны всему міру, но все-таки это была разлагающаяся эллинская, а не эллинистическая столица.

Почти то же можно сказать о Сиракузахъ, которыя хотя и не имѣли демократическаго строя и подчинялись ловкой и неразборчивой на средства тиранніи Агаѳокла, а потомъ благоразумному отеческому деспотизму Гіерона, но все-таки сумѣли удержать за собой высокое положеніе даже въ области культуры. Агаѳоклъ имѣлъ самыя разнообразныя связи съ эллинистическими государями и занималъ среди нихъ то же положеніе, какое Наполеонъ III занималъ среди европейскихъ государей. Такимъ образомъ Сиракузы играли извѣстную роль какъ между новыми столицами, такъ и между древними. Туда съѣзжались литераторы: они посѣщали дворъ Гіерона и воспѣвали его; они изучали тамъ литературу и науку, и, быть можетъ, ни одинъ эллинскій городъ въ такой степени не удержалъ за собой своего прежняго положенія при новомъ порядкѣ вещей. Кромѣ того сиракузяне были аристократы въ истинномъ эллинскомъ смыслѣ: по происхожденію они были дорійцы, переселившіеся въ далекія, почти миѳическія времена изъ Коринѳа; и они оставались дорійцами по діалекту, который былъ предметомъ ихъ гордости.

Сиракузы немало повліяли на направленіе элли-

нистической литературы, и александрійская поэзія была обязана имъ самыми свѣжими и самобытными своими элементами. Пастухи, влюбленные, горожане Θеокрита — были только гостями въ Александріи; ихъ настоящая родина была въ Сиракузахъ и на окрестныхъ пастбищахъ или развѣ еще въ фарсахъ сиракузца Софрона. Но, я думаю, типъ сиракузянина былъ по преимуществу типъ богатаго горожанина или весьма развязнаго гражданина. Дѣло въ томъ, что со времени старшаго Діонисія тѣ многіе тиранны, которые правили въ Сиракузахъ, вѣроятно, въ сильной степени уравняли своихъ подданныхъ, убивая и изгоняя людей благородныхъ и выдающихся и покровительствуя рабочимъ классамъ. Такова была тенденція греческой тиранніи повсемѣстно. Итакъ сиракузянинъ былъ такой же эллинскій аристократъ, какъ аѳинянинъ, т. е. онъ былъ гражданиномъ великаго и славнаго города съ великолѣпными памятниками, съ великими поэтами и философами и благородными воспоминаніями, дававшими ему право гордиться своимъ происхожденіемъ.

Едва ли можно назвать какіе-нибудь азіатскіе города, знаменитые въ древности, которые могли бы равняться съ приведенными выше. Смирна, Эфесъ, Колофонъ, Милетъ — всѣ потеряли свое прежнее вліяніе; мы видимъ, какъ они слились съ другими городами и въ такомъ видѣ получили новыя эллинистическія имена и приняли въ свой составъ массу иностранныхъ поселенцевъ, напр. евреевъ, которыхъ Антіохъ Великій поселилъ со всѣми гражданскими правами въ городахъ Малой Азіи. Было ясно, что величіе этихъ городовъ миновало или померкло передъ ихъ новыми соперниками. Быть-

можетъ, самымъ важнымъ городомъ восточнаго эллинскаго міра послѣ Родоса была Византія, которая, несмотря на постоянные набѣги кельтовъ и ѳракійцевъ, все же держала въ своихъ рукахъ ключъ отъ Босфора и, благодаря этому, занимала высокое положеніе. Но даже Византія страдала отъ соперничества новыхъ городовъ, какъ Лизимахія, Александрія, Троада, Пергамъ, Никомидія и новѣйшіе морскіе порты, въ родѣ Гераклеи на Понтѣ Эвксинскомъ. Мы не можемъ привести ни одного достовѣрнаго показанія о внутреннемъ или соціальномъ положеніи Византіи. Ея внѣшней политикой мы займемся въ связи съ Родосомъ.

Отъ этихъ древнихъ и славныхъ городовъ мы переходимъ къ другому разряду городовъ, которые основаны были также въ древности, но подверглись такой перестройкѣ или такимъ измѣненіямъ, что ихъ позднѣйшую исторію приходится начинать какъ разъ съ этой эпохи. Въ то время было обычнымъ явленіемъ собирать народъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ городовъ въ одно поселеніе или даже переносить древній городъ на новое мѣсто для того, чтобы удовлетворить современнымъ требованіямъ и желаніямъ новаго основателя. Въ видѣ примѣра можно указать Новую Смирну, Новый Иліонъ, Новый Сикіонъ, Новыя Ѳивы и многіе другіе города. Основаніе первыхъ двухъ было задумано еще Александромъ, но выполнено Лизимахомъ. Въ результатѣ оба города достигли значительнаго благосостоянія, а Иліонъ даже гегемоніи надъ окрестными городами. Ѳивы были возстановлены Касандромъ съ одобренія и при содѣйствіи всего эллинскаго міра, включая даже Агаѳокла сиракузскаго. Но въ эту

эпоху ѳиванская жизнь не представляетъ никакого интереса; она становится интересна въ гораздо болѣе позднія времена, во дни Плутарха.

Сикіонъ, наоборотъ, принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ изъ этихъ вновь основанныхъ городовъ и представляетъ собою характерный образчикъ этого типа. Онъ былъ прекрасно отстроенъ Димитріемъ Поліоркетомъ на болѣе высокомъ мѣстѣ, чѣмъ прежде, именно на уровнѣ древняго акрополя; его новый основатель хотѣлъ назвать его Димитріадой, что ему, впрочемъ, не удалось. Перемѣна мѣста была возможна потому, что надъ уровнемъ морского берега (гдѣ стоялъ древній городъ) поднимается болѣе высокая и при этомъ изолированная площадка, могущая вмѣстить улицы и стѣны; съ этой площадки открывается прекрасный видъ вверхъ и внизъ на Коринѳскій заливъ и по ту сторону залива на горы Беотіи и Фокиды. Древнѣйшій Сикіонъ былъ знаменитымъ художественнымъ центромъ. Павзаній, въ своемъ описаніи Сикіона, упоминаетъ о древнихъ твореніяхъ Каламиса и Скопаса, а съ другой стороны о произведеніяхъ Лизиппа и новѣйшей школы. Послѣ своей реставраціи Сикіонъ сдѣлался одной изъ первыхъ въ мірѣ школъ ваянія и живописи — своего рода эллинистической Флоренціей. Въ вѣкъ художественныхъ коллекцій, когда богатые цари и сатрапы стремились имѣть шедевры знаменитыхъ художниковъ и платили за нихъ большія деньги, такая слава обезпечивала Сикіону могущество и богатство. И мы знаемъ (главнымъ образомъ изъ Плутархова *Жизнеописанія Арата*), что Аратъ послалъ Филадельфу собраніе художественныхъ произведеній и этимъ надолго вернулъ себѣ располо-

женіе царя. Знать толкъ въ этихъ вещахъ было тогда обязательно для человѣка хорошаго воспитанія. Слѣдующій отрывокъ даетъ объ этомъ ясное понятіе: «Этотъ вкусъ къ живописи уже поставилъ Арата высоко въ глазахъ Птоломея, а его бесѣдой Птоломей былъ плѣненъ до такой степени, что подарилъ ему сто пятьдесятъ талантовъ на нужды города; изъ нихъ сорокъ онъ отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Пелопоннесъ, а остальные посылалъ по частямъ въ назначенные сроки. Славнымъ дѣломъ было употребить столько денегъ на пользу своихъ согражданъ въ то время, когда было обычнымъ явленіемъ, что полководцы и демагоги, получая отъ царей гораздо меньшія суммы, притѣсняли, порабощали и предавали имъ свои родные города».

Однакоже, эта сикіонская культура выросла не на почвѣ свободныхъ учрежденій: она процвѣтала при рядѣ тиранновъ, которые массами изгоняли и убивали богатыхъ гражданъ и очищали себѣ путь къ власти убійствомъ своихъ соперниковъ. При такихъ обстоятельствахъ былъ изгнанъ Аратъ и получилъ пріютъ у друзей въ Аргосѣ. Мы съ удивленіемъ узнаемъ, что вмѣсто притѣсненій, составлявшихъ участь греческаго изгнанника, его ожидали тамъ роскошь и комфортъ: онъ занимался атлетическими упражненіями, бесѣдовалъ съ друзьями и, прикидываясь человѣкомъ, предающимся нѣсколько разсѣянной жизни, на самомъ дѣлѣ обдумывалъ свои замыслы относительно Сикіона. Во всякомъ случаѣ въ Аргосѣ, какъ и въ Сикіонѣ, богатымъ классамъ жить было легко, и мы рѣшительно держимся того мнѣнія, что преступленія тиранновъ обоихъ этихъ городовъ грубо преувели-

чены. Трудно допустить, чтобы бывали случаи крупныхъ конфискацій въ такомъ обществѣ, въ какомъ вращался, напр., Аратъ.

Дѣйствительно, Плутархъ, заклятый врагъ тиранно ъ, дающій такую рѣзкую ихъ характеристику, какую находимъ, напр., въ *Жизнеописаніи Діона*,— принужденъ признать высокую культуру Сикіона, а Страбонъ (VIII, 383) говоритъ, что сикіонскіе тиранны были въ общемъ умѣренные и благомыслящіе люди. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно о настроеніи эпохи, о популярности въ то время монархической идеи и о стремленіи способныхъ людей своимъ личнымъ воздѣйствіемъ оказать возвышающее вліяніе на свой вѣкъ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ, вѣроятно, и сикіонскій тираннъ Абантидъ, который былъ убитъ заговорщиками школы перипатетиковъ, въ то время какъ присутствовалъ по своему обыкновенію при философскихъ преніяхъ на городской площади.

Разумѣется, иногда и одно честолюбіе побуждало людей стремиться къ тиранніи, въ особенности когда они могли разсчитывать на благосклонное отношеніе и поддержку со стороны царей. Мы считаемъ чистѣйшею случайностью, что Аратъ самъ не сдѣлался тиранномъ, вмѣсто того чтобы ниспровергать тиранновъ. Неограниченной власти онъ предпочиталъ простое личное вліяніе на политику, но когда, подъ конецъ жизни, наступилъ для него благопріятный моментъ, то не было правителя болѣе своевластнаго или прямо жестокаго, чѣмъ онъ. Такимъ образомъ, если съ одной стороны мы встрѣчаемъ типъ тиранна-философа, который управлялъ своимъ роднымъ городомъ на началахъ самодержавія, по убѣжденію,

что толпа есть собраніе глупцовъ, — то съ другой стороны мы встрѣчаемъ классъ людей, къ которымъ принадлежалъ Аратъ, именно древнюю дорическую аристократію сѣвернаго Пелопоннеса (Ахайи, Коринѳа и Аргоса). Эти аристократы все еще были богаты и горды своимъ происхожденіемъ, но они не были людьми новой школы, людьми мысли и философіи; это были атлеты, въ родѣ покровителей Пиндара, художественные критики, покровители искусства, воины. Мы постоянно слышимъ отъ Плутарха, что Аратъ по внѣшнему виду и по своей политикѣ представлялъ собой грубый типъ и ничтожный характеръ, который какъ въ политикѣ, такъ и на войнѣ скорѣе постарается застать врасплохъ или обмануть, чѣмъ пойдетъ на открытое и честное столкновеніе. Мы можемъ сказать съ увѣренностью, что такой типъ былъ очень распространенъ среди этихъ аристократовъ. Но что касается ежедневной жизни, матеріальныхъ удобствъ, столовой утвари и картинъ, убранства и статуй, то въ этомъ отношеніи они усвоили духъ вѣка и, быть-можетъ, такъ же презирали матеріальную сторону древней эллинской жизни, какъ и идеи позднѣйшаго эллинизма.

Теперь мы приступаемъ къ самому типичному разряду городовъ, къ тѣмъ многочисленнымъ вновь основаннымъ городамъ, которые были украшеніемъ всего эллинистическаго міра, и изъ числа которыхъ Александрія и Антіохія были самыми крупными и самыми блестящими образцами. Но и среди этихъ городовъ нужно различать нѣсколько категорій. Многіе изъ нихъ, какъ напр. Александрія Дальняя

и Кандагаръ въ Верхней Азіи, были просто военные форпосты, населенные колонистами эллинистическихъ государствъ, отправленными сюда по распоряженію правительства, — въ родѣ форпостовъ по берегамъ Краснаго моря. Судьба этихъ военныхъ поселеній была довольно любопытна. Изъ нихъ выросли, между прочимъ, греческое царство бактрійское и греческая колонія на островѣ Сокоторѣ, но невольно представляешь ихъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ городовъ на далекихъ берегахъ Чернаго моря во времена Діона Хрисостома, гдѣ люди одной рукой держали плугъ, а другой—мечъ, и читали Гомера въ сторожевыхъ башняхъ, наблюдая оттуда за наступленіемъ варваровъ.

Гораздо болѣе интереса представляютъ новые города, основанные въ странахъ древней культуры, въ сосѣдствѣ съ другими болѣе старыми поселеніями, а также города, основанные съ цѣлью соперничества рядомъ съ городами другихъ царей. Въ такихъ странахъ, какъ Сирія, Киликія, Карія, гдѣ лагиды и селевкиды оспаривали другъ у друга первенство, и тѣ и другіе строили города—и притомъ на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Разумѣется, они были увѣрены въ вѣрноподаннических чувствахъ этихъ городовъ по отношенію къ власти, ихъ основавшей, но какими привилегіями могли они заставить людей покинуть свои насиженныя мѣста и собраться въ новомъ городѣ? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы эти новые города, считавшіеся сотнями, были населены странствующими купцами или другими искателями приключеній.

Возьмемъ новыя столицы, какъ примѣры болѣе обширныхъ и болѣе важныхъ поселеній, и зададимъ

тотъ же вопросъ. Селевкъ основалъ Антіохію, Птоломей—Александрію; но замѣчательно то, что Селевкъ, напр., сдѣлалъ это несмотря на сосѣдство блестящей резиденціи Антигоніи, основанной Антигономъ (убитымъ при Ипсѣ) на разстояніи нѣсколькихъ миль внутрь страны. Возможно, что, какъ утверждаетъ Дройзенъ, эта Антигонія пережила основаніе новой столицы, но конечно большая часть ея населенія переселилась въ Антіохію. Въ то время каждый царь или династъ считалъ чуть не священной обязанностью основать свою собственную столицу. Такъ, Пирръ основалъ Амвракію, Прусій—Никомидію, Атталъ—Пергамъ, Лизимахъ—Лизимахію, и точно такъ же поступили многіе другіе. Каждый Птоломей строилъ себѣ новый дворецъ, какъ дѣлали не такъ давно французскіе и англійскіе короли, а эллинистическіе государи, основывая новыя царства, основывали непремѣнно новыя столицы, гдѣ поселялись съ своимъ дворомъ. Конечно, содержаніе царскаго двора, гарнизона, должностныхъ лицъ вызывало немалое торговое и промышленное оживленіе, и многіе охотно селились въ центрѣ этого оживленія съ цѣлью наживы, если даже новымъ горожанамъ и не было обѣщано ни особыхъ привилегій, ни льготъ. Примѣръ Александра, которому съ такимъ успѣхомъ послѣдовали Птоломей и Селевкъ, долженъ былъ вызвать подражанія въ средѣ болѣе мелкихъ династовъ.

Но все это еще не можетъ объяснить внезапнаго развитія городской жизни на всемъ пространствѣ эллинистическаго міра,—такъ же какъ и того факта, что массы населенія мѣняли сельскую жизнь на городскую. Возьмемъ для примѣра Палестину и Си-

рію. Не говоря объ Антіохіи и Апамеѣ, множество городовъ было основано и по берегу моря (Птолемаида, Іоппія, Акко и др.) и по Іордану, гдѣ Виѳсанія была переименована въ Скиѳополь и былъ основанъ Decapolis, т. е. союзъ десяти городовъ, между именами которыхъ встрѣчались и македонскія названія (Діонъ, Пелла), свидѣтельствующія о значительномъ распространеніи македонянъ по всей Келесиріи вплоть до самаго Дамаска. Надо полагать, что въ ту эпоху всемірной исторіи само по себѣ существовало сильное и естественное тяготѣніе къ городской жизни, и что цари только сумѣли воспользоваться этимъ тяготѣніемъ для собственной выгоды.

Новые города были всѣ построены съ удобствами и на широкую ногу: они были хорошо вымощены; въ нихъ было прекрасно устроено освѣщеніе улицъ и водоснабженіе; существовала полиція и организованы были безопасныя и удобныя сообщенія сухимъ путемъ и водою. Уже этихъ преимуществъ было довольно, чтобы заставить всѣхъ окружныхъ крестьянъ и вообще всѣхъ жителей деревень, лишенныхъ удобствъ и новѣйшихъ приспособленій, переселиться на новое мѣстожительство въ городъ. Весьма вѣроятно также, что въ то время торговля перестала удовлетворяться продуктами мелкаго сельскаго хозяйства: если земледѣліе оказывалось теперь прибыльнымъ занятіемъ только при крупномъ хозяйствѣ и капиталѣ, то, конечно, мелкіе землевладѣльцы должны были уйти въ города и превратиться въ лавочниковъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря правильной организаціи путей сообщенія по всему міру, торговля получила такой толчокъ, что дала

занятіе огромному количеству людей. Греческое вліяніе также содѣйствовало развитію городской жизни; изъ всѣхъ греческихъ странъ одна только Элида являлась примѣромъ страны, въ которой богатые собственники до такой степени обжились въ деревнѣ, что едва ли когда-нибудь показывались въ городѣ и предоставляли блюсти свои интересы должностнымъ лицамъ, которыя и населяли города. Возможность сохраненія такой старины обусловливалась въ Элидѣ прежде всего ея религіознымъ характеромъ, который охранялъ ее отъ набѣговъ и непріятельскихъ нашествій. Въ сорокапятилѣтнюю войну обнаружились всѣ неудобства такого положенія. Какъ бы то ни было, это исключеніе, отмѣченное уже Полибіемъ, только подтверждаетъ общее правило.

V. АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ПОЭЗІЯ.

(*Susemihl*, Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit, I Band.)

Поэзія александрійской эпохи, естественно, представляетъ черты, сближающія ее съ тогдашнею философіей, — насколько, конечно, такое сходство возможно при различіи обоихъ видовъ литературы. Поэзія эта носитъ чисто индивидуалистическій характеръ. Даже тотъ единственный видъ ея, который продолжалъ развиваться въ старомъ направленіи, усвоенномъ уже въ аттическій періодъ, —а потому и отличался наиболѣе жизненнымъ характеромъ, — даже новая комедія, по примѣру комедіи средней, замыкается въ тѣсную сферу частныхъ отношеній и утрачиваетъ чисто національную окраску. Національная самобытность, а съ нею вмѣстѣ и настоящая сила поэтическаго творчества были утрачены. Въ III вѣкѣ очень серьезно ставился вопросъ, есть ли у поэзіи вообще будущее. Отыскивая для нея новые пути, сначала нерѣдко впадали въ курьезныя вычурности, въ родѣ стихотвореній, составляющихъ своими строчками форму разныхъ фигуръ. Но потомъ, довольно скоро, найдена была болѣе вѣрная дорога. За исключеніемъ философіи, вся почти духовная жизнь ютилась при дворахъ новыхъ монархій, въ которыхъ традиціи древне-эллинской

вѣры и обычая уступили мѣсто нивеллирующему космополитизму, и гдѣ личность, въ сферѣ своихъ частныхъ интересовъ и образованія, могла дѣйствовать несравненно самостоятельнѣе, чѣмъ въ старыхъ городскихъ республикахъ. Индивидуализму благопріятствовало и то обособленіе интеллигенціи отъ народа, которое съ теченіемъ времени становилось все болѣе рѣзкимъ. Нравственно-религіозное чувство искало себѣ удовлетворенія въ философіи, а старый народный миѳъ потускнѣлъ, точно такъ же, какъ народныя легенды о герояхъ. Какой видъ принимаютъ миѳы въ рамкахъ безжизненной придворной поэзіи, — это показываютъ холодные гимны Каллимаха. Такъ же неудачны были попытки творчества въ области героическаго эпоса. То же можно предполагать и относительно трагедіи. Эпическая обработка племенныхъ сказаній нашла себѣ до нѣкоторой степени выдающагося представителя только въ Ріанѣ. Всего сильнѣе интересовались эти ученые поэты дидактической поэзіей, но и здѣсь сказывался недостатокъ поэтическаго вдохновенія, безъ котораго особенно трудно произвести живое и сильное впечатлѣніе именно въ произведеніяхъ подобнаго рода. Большинство александрійскихъ поэтовъ съ большимъ тактомъ ограничивалось произведеніями небольшого размѣра, и здѣсь имъ дѣйствительно удалось создать кое-что новое и истинно-поэтическое, — особенно въ изображеніи душевной жизни человѣка и въ граціозномъ описаніи нѣжныхъ, сентиментальныхъ и страстныхъ чувствъ.

Кромѣ эпиграммы, нашедшей себѣ, въ своей новой формѣ, широкое распространеніе, кромѣ стихотворныхъ посланій и стихотвореній на всякіе слу-

чаи,—развилась въ это время пастушеская идиллія, плѣнительное созданіе Ѳеокрита, не нашедшаго, впрочемъ, себѣ настоящаго преемника. Эти прелестныя жанровыя картинки оказываются, однако, продуктомъ искусственной сентиментальной поэзіи, которой только несравненное умѣнье Ѳеокрита могло придать видъ естественности. Какъ бы то ни было, самое возникновеніе пастушеской поэзіи характеризуетъ стремленіе вернуться отъ утонченности и учености къ болѣе простымъ формамъ жизни, къ удовольствіямъ на лонѣ сельской природы. Особенно долженъ былъ отвѣчать духу этой эпохи тотъ видъ поэзіи, который и прежде никогда не отличался особенно высокимъ и величавымъ полетомъ мысли, а съ другой стороны давалъ просторъ для описанія чувствъ и размышленій всякаго рода, не исключая притомъ и разсказа,—именно элегія. Элегія получаетъ, благодаря этимъ причинамъ, выдающееся значеніе въ началѣ александрійской эпохи. Затѣмъ, правда, слѣды ея отъ насъ исчезаютъ, и только въ концѣ періода мы снова встрѣчаемъ еще одного плодовитаго элегика, Парѳенія. Чѣмъ менѣе поэты чувствовали въ себѣ силъ для широкихъ задачъ, тѣмъ усерднѣе изображали они въ этой формѣ и въ произведеніяхъ небольшого размѣра тѣ чувства и интересы, которые волновали души и умы людей въ эту эпоху. Элегія отчасти продолжала итти у этихъ ученыхъ поэтовъ по старымъ путямъ, отчасти открывала новые. Главною темою служила для нея любовь, — конечно, не пылкая любовь Алкея и Сафо, а любовь нѣжная и граціозная, какъ показываютъ подражанія римскихъ поэтовъ, — Проперція, Овидія, Тибулла. Много мѣста занимала въ этой

элегіи и поэтическая передача любовныхъ исторій; для такой передачи выработана была особая форма элегіи, въ которой можно видѣть настоящую предшественницу позднѣйшаго любовнаго романа и повѣсти. Былъ еще одинъ родъ — народныхъ сказаній, — представлявшій непочатую почву для повѣствовательной поэзіи. Это были отдѣльныя *мѣстныя* легенды, ничѣмъ несвязанныя съ совокупностью героическаго народнаго эпоса. Главную роль въ нихъ играли любовныя исторіи, — граціозныя, трогательныя и замысловатыя. Для ученыхъ, естественно, представляло интересъ извлеченіе ихъ на свѣтъ Божій изъ безвѣстности; поэты изъ ученой гордости и вѣрнаго пониманія того, что именно соотвѣтствуетъ ихъ времени и талантамъ, охотно покидали заѣзженную дорогу миѳовъ и героическихъ сказаній и чувствовали особенное стремленіе къ поэтической обработкѣ такихъ сюжетовъ. Это былъ единственный чисто народный элементъ, еще остававшійся въ ихъ распоряженіи, и притомъ тутъ они получали такой матеріалъ, для поэтической обработки и оживленія котораго не нужно было никакихъ особенныхъ талантовъ. Такимъ образомъ, стремленіе выказать свою ученость, выдвигая сюжеты наименѣе извѣстные, соединилось здѣсь съ чисто художественнымъ интересомъ и желаніемъ заинтересовать публику прелестью новизны. Среди созданій этой новой элегіи рядомъ съ истинными перлами встрѣчались также нерѣдко сухіе и безвкусные вирши; къ сожалѣнію, намъ рѣдко удается выдѣлить перлы. Еще недостаточнѣе наши свѣдѣнія для того, чтобы точнѣе опредѣлить особенности разсматриваемой элегіи и ея отношеніе къ идилліямъ

Θеокрита. Несомнѣнно одно: мы не имѣемъ права признавать эти идилліи чѣмъ-либо особенно выдающимся надъ произведеніями соперниковъ Θеокрита.

Вплетеніе любовныхъ разсказовъ встрѣчается, правда, въ прозѣ уже у историковъ, — какъ древнѣйшихъ, такъ и принадлежащихъ началу алексанрійскаго періода, — но, несмотря на всѣ эти образцы и сходства, за поэзіей александрійцевъ остается заслуга чрезвычайно сильнаго вліянія въ этомъ отношеніи на всю послѣдующую литературу. Именно здѣсь впервые эротическій элементъ пріобрѣлъ то значеніе, которое онъ сохранилъ для поэтовъ всѣхъ послѣдующихъ временъ, какъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ поэзіи. Любовь къ женщинѣ въ александрійской поэзіи впервые приняла тѣ романтическія формы, которыя унаслѣдовала затѣмъ поэзія новыхъ западныхъ народовъ. Внесеніе въ элегію разсказовъ, — впрочемъ, не эротическаго характера, — встрѣчалось и раньше, но непосредственный толчокъ въ этомъ направленіи дала александрійцамъ длинная элегія Антимаха, въ которой онъ утѣшалъ себя въ смерти возлюбленной при помощи цѣлаго ряда плохо связанныхъ между собою примѣровъ несчастной любви. Такимъ образомъ Антимахъ сталъ родоначальникомъ лирическаго разсказа въ элегической формѣ.

При всемъ болѣе или менѣе свободномъ отношеніи къ старымъ литературнымъ традиціямъ, александрійскіе поэты, однако, оставались вѣрными древне-греческому обычаю, рѣдко допускавшему исключенія, — обычаю не придумывать самимъ сюжетовъ для своихъ повѣстей. Эти сюжеты поэты брали отчасти непосредственно изъ устъ народа,

отчасти изъ позднѣйшей трагедіи и изъ сочиненій историковъ и антикваріевъ. По образцу любовныхъ исторій, взятыхъ изъ мѣстныхъ легендъ, нерѣдко въ этотъ кругъ вовлекались также герои и боги,— особенно тамъ, гдѣ уже въ первоначальномъ сказаніи находился намекъ на какое-нибудь ихъ любовное приключеніе. Во всякомъ случаѣ, съ особеннымъ пристрастіемъ александрійская поэзія останавливалась на изображеніи страсти самой по себѣ, рисуя ее то по образцу позднѣйшей трагедіи съ ея мрачной трагической стороны, то съ точки зрѣнія нѣжной романтики и ид ллической чувствительности. Въ этомъ направленіи и развивалось содержаніе, заключавшееся уже въ сказаніи; къ старымъ приключеніямъ присоединились новыя, и древніе боги или герои, въ родѣ Одиссея и Ахилла, пріобрѣтали въ новомъ пересказѣ совершенно чуждый имъ характеръ «галантныхъ рыцарей», при чемъ, впрочемъ, избѣгалось, повидимому, все непристойное. Очень популярна была также обработка сказаній о нимфахъ, напр., сказанія о Парисѣ и Энонѣ и о Дафнѣ. Выражающіяся какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ сюжетахъ пониманіе природы, живая любовь къ благоуханію цвѣтовъ и лѣсной прохладѣ не ограничивались такимъ образомъ однимъ Ѳеокритомъ.

Народный элементъ въ этой ученой поэзіи и объясняетъ сильное ея вліяніе какъ на живопись современной и послѣдующей эпохи, такъ и на элегію и поэзію «превращеній» у римлянъ, а затѣмъ на послѣдній расцвѣтъ греческаго эпоса, начиная съ Квинта смирнскаго, и, наконецъ, на любовный романъ позднѣйшей греческой литературы.

VI. ПЕРГАМЪ И ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМЪ МІРѢ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought.)

Царь Лизимахъ къ концу жизни передалъ крѣпость Пергамъ вмѣстѣ съ ея казной въ 9000 талантовъ одному изъ своихъ сановниковъ, Филетеру, человѣку невысокаго происхожденія, но замѣчательному своей ловкостью и энергіей. Между тѣмъ убійство Лизимахова сына—кознями Арсинои и Птоломея Керавна—свело Лизимаха съ ума; и весьма вѣроятно, что лишь только Селевкъ выступилъ въ походъ противъ Лизимаха, Филетеръ, оппортюнистъ, прокладывавшій себѣ дорогу посредствомъ льстивыхъ обѣщаній и всяческаго угожденія той власти, съ которой въ данную минуту имѣлъ дѣло,—выказалъ готовность принять сторону Селевка. Послѣдній оставилъ его въ покоѣ. Когда Селевкъ былъ убитъ Керавномъ, то Филетеръ за большія деньги пріобрѣлъ его останки и предалъ ихъ торжественному сожженію, а пепелъ отослалъ новому царю изъ династіи селевкидовъ—Антіоху. Такими средствами онъ закрѣпилъ свои отношенія къ новому правителю Азіи и, повидимому, по этой же причинѣ избѣжалъ, несмотря на свои богатства, нашествія галатовъ: по крайней мѣрѣ, умирая въ 263 г. въ

очень преклонномъ возрастѣ (ему было тогда 80 лѣтъ), онъ завѣщалъ свою власть своему племяннику,—вѣроятно, Эвмену, который былъ правителемъ Амастриды на Черномъ морѣ.

Повидимому, Антіохъ Сотеръ, хотя и связанный благодарностью съ Филетеромъ, нашелъ своевременнымъ вмѣшаться въ дѣла Пергама и сдѣлалъ попытку подчинить новаго пергамскаго властителя оружіемъ. Но онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Эвмена въ битвѣ близъ Сардъ и очень скоро послѣ того палъ въ битвѣ съ галатами, такъ что не успѣлъ возобновить своей попытки противъ Пергама. Такимъ образомъ Эвменъ избѣжалъ опасности и остался хозяиномъ своихъ владѣній, которыя простирались неизвѣстно на какое протяженіе вокругъ Пергама. Здѣсь онъ держался въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ, и въ удивительно сложной и запутанной исторіи этого періода мы не встрѣчаемъ его имени въ связи съ какой бы то ни было крупной войной или договоромъ, пока наконецъ, незадолго до своей смерти, онъ не выступилъ противъ Антіоха Гіеракса, сына Θеоса.

Несомнѣнно, наши свѣдѣнія объ этой эпохѣ очень недостаточны. Мы знаемъ, что Антіохъ II не терялъ времени. Онъ совершилъ походъ черезъ Геллеспонтъ во Θракію, гдѣ привлекъ на свою сторону много городовъ съ цѣлью противодѣйствовать политикѣ Филадельфа, стремившагося при помощи своего флота и войскъ пріобрѣсти полное господство на Востокѣ. Но мы не слышимъ ни слова ни о томъ, чтобы Эвменъ помогалъ ему въ этомъ случаѣ, ни о томъ, чтобы онъ противодѣйствовалъ. Царь получилъ прозваніе Θеосъ—богъ—отъ благодарныхъ

жителей Милета, которыхъ онъ освободилъ отъ тиранна. Затѣмъ, говорятъ, онъ даровалъ свободу, т. е., конечно, мѣстное самоуправленіе, городамъ Іоніи. Но опять ни слова ни о Пергамѣ ни о подвластныхъ ему городахъ. Это молчаніе нашихъ источниковъ очень любопытно. Среди всѣхъ войнъ, смутъ, договоровъ, союзовъ этого безпокойнаго времени, Пергамъ оказывается какимъ-то тихимъ оазисомъ, безопаснымъ пристанищемъ, и объ Эвменѣ можно дѣйствительно сказать: bene vixit, qui bene latuit.

Въ этотъ моментъ каждое изъ большихъ царствъ помимо войнъ, которыя они всѣ вели между собой, находилось подъ страхомъ возстаній и новыхъ политическихъ группировокъ въ предѣлахъ своей собственной территоріи. Птоломею приходилось бороться съ безпорядками, вызванными Димитріемъ Прекраснымъ въ Киренѣ (около 255 г. до Р. Х.). Антіохъ Ѳеосъ старался усмирить крупное возстаніе подъ предводительствомъ Арсака, который основалъ самостоятельное Парѳянское царство въ верхнихъ провинціяхъ имперіи селевкидовъ. Антигонъ Гонатъ, въ то время уже старикъ, стоялъ лицомъ къ лицу съ возраставшимъ могуществомъ Ахейскаго союза (съ Аратомъ во главѣ), который грозилъ подорвать его вліяніе въ Греціи. При этихъ условіяхъ Эвменъ I, подобно своему дядѣ, сумѣлъ успѣшно направить свой курсъ между Сциллой дипломатіи и Харибдой завоеванія. Отсутствіе всякихъ столкновеній съ галатами представляетъ, быть-можетъ, самую любопытную черту его жизни и, вѣроятно, было куплено имъ цѣною тяжелаго выкупа. По крайней мѣрѣ первымъ крупнымъ дѣломъ его блестящаго преемника Аттала I было вы-

звать въ открытый бой этихъ варваровъ и одержать надъ ними славную побѣду.

Изъ *жизнеописанія Аркезилая* у Діогена Лаэрція мы узнаемъ, что Эвменъ питалъ особое уваженіе къ этому философу и полагался на него въ выборѣ должностныхъ лицъ. Отношенія зарождавшейся культуры Пергама къ Аѳинамъ были самыя близкія; между прочимъ мы слышимъ о дружбѣ слѣдующаго атталида съ Лакидомъ, преемникомъ Аркезилая въ академіи, для котораго этотъ атталидъ отдѣлалъ особый садъ (Лакидіонъ) при аѳинской академіи. Но впослѣдствіи оказывается, что въ Пергамѣ преобладаетъ не академія, а стоическая школа. Я приписываю это тому, что стоики, какъ космополиты, обнаружили готовность переселиться туда, между тѣмъ какъ академики были по преимуществу аѳинянами и отклоняли многократныя приглашенія атталидовъ. Отказываясь отъ одного изъ такихъ приглашеній, Лакидъ сказалъ свое знаменитое mot, что портреты лучше всего смотрѣть издали.

Если Эвменъ I ничѣмъ не былъ знаменитъ, то Атталъ I, его старшій двоюродный братъ и сынъ третьяго брата Филетера, пріобрѣлъ великую славу. Онъ царствовалъ отъ 241 до 197 г. до Р. Х. За этотъ промежутокъ времени на всѣхъ престолахъ эллинистическаго міра государи успѣли смѣниться, тогда какъ Атталъ не только удержалъ за собой до самой смерти власть, но и стяжалъ себѣ большое уваженіе современниковъ. Ему обязана была его новая столица большей частью украшавшихъ ее величественныхъ сооруженій; свою первую великую побѣду и усвоеніе титула *царя* онъ ознамено-

валъ богатыми художественными приношеніями не только въ своемъ городѣ, но и въ Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ. Ему досталась азіатская часть обширнаго царства Лизимаха, и послѣ пораженія галатовъ уже не существовало болѣе преградъ, которыя могли бы помѣшать его городу сдѣлаться настоящей столицей западной Малой Азіи.

На престолѣ селевкидовъ сидѣлъ мальчикъ; онъ находился во враждѣ съ братомъ, и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ ему еще предстояла трудная задача усмирить парѳянскій бунтъ. Антигонъ Гонатъ умеръ восьмидесяти лѣтъ, и послѣ его смерти (въ 239 г. до Р. Х.) его преемнику приходилось имѣть дѣло съ Ахейскимъ и Этолійскимъ союзами на югѣ и съ нашествіями страшныхъ иллирійцевъ и дарданцевъ на сѣверо-западѣ. Въ Египтѣ въ это время царствовалъ Эвергетъ. Послѣ своего блестящаго похода въ Азію, бывшаго какъ бы повтореніемъ индійскаго похода Александра и сокрушившаго на время могущество селевкидовъ, Эвергетъ довольствовался тѣмъ, что обезоружилъ Сирію дипломатическимъ путемъ и по необходимости поддерживалъ дружбу съ Атталомъ, пока не замѣчалъ, что Пергамъ можетъ сдѣлаться первостепенной державой. При этомъ положеніи дѣлъ царю пергамскому приходилось только защищаться отъ попытокъ селевкидовъ вернуть себѣ обширную территорію въ Малой Азіи (она простиралась до самаго Тавра), которую Атталъ присоединилъ къ своему царству. Онъ легко покончилъ дѣло съ Антіохомъ Гіераксомъ, братомъ Селевка II, который пытался основать независимое царство въ Малой Азіи. Но положеніе оказалось гораздо затруднительнѣе, когда нѣсколько

лѣтъ спустя (222 г. до Р. X.) противъ Аттала выступилъ самъ царь Селевкъ. Правда, онъ былъ убитъ во время похода, но собственно командованіе войсками лежало на его дядѣ Ахеѣ, даровитѣйшемъ человѣкѣ своего времени. Ахей разбилъ Аттала, отнялъ у него обратно всю Малую Азію и долгое время осаждалъ его, со всѣхъ сторонъ обложивъ его столицу.

Но вѣрноподданническія чувства Ахея, которыя мѣшали ему сначала принять корону, не устояли передъ такимъ искушеніемъ. Онъ принялъ знаки царскаго достоинства и этимъ возбудилъ противъ себя юнаго царя Антіоха III (Великаго). Это и спасло Аттала.

Такимъ образомъ Атталу удалось удержать свою власть. Онъ жилъ честно и въ ладу съ своей семьей, посвятилъ свою долгую жизнь возвышенію своей столицы и сдѣлалъ ее настоящею соперницей Александріи. Онъ началъ составлять библіотеку; собралъ вокругъ себя ученыхъ и критиковъ; стоическая философія нашла въ Пергамѣ особенно радушный пріемъ; и мы не знаемъ ни одного эллинистическаго города, кромѣ развѣ Родоса, гдѣ бы жизнь была болѣе утонченна, гдѣ бы нравственный уровень былъ болѣе высокъ, и гдѣ наука была бы въ большемъ почетѣ. Благой примѣръ царскаго дома, въ которомъ престолъ передавался безъ всякой зависти и преступленій законному наслѣднику, хотя бы не по прямой линіи, долженъ былъ оказывать благотворное дѣйствіе на населеніе.

Изъ замѣчательныхъ изысканій Бруна и другихъ мы знаемъ теперь, что Атталу принадлежитъ высо-

кая заслуга основателя или покровителя новой школы ваянія, такъ называемой пергамской. Судя по дошедшимъ до насъ замѣчательнымъ произведеніямъ этой школы, она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа самымъ оригинальнымъ продуктомъ художественнаго развитія этого вѣка. Атталъ подарилъ Аѳинамъ и поставилъ въ Акрополѣ четыре художественно исполненныхъ группы статуй: одну на миѳологическій сюжетъ (боги и титаны), другую — на героическій (аѳиняне и амазонки), третью—на историческій (аѳиняне и персы) и четвертую также; что было совершенно ново, — это то, что послѣднее произведеніе изображало его собственную побѣду надъ галлами. Такая идеализація современныхъ событій представляла собою шагъ впередъ сравнительно съ воздвигнутыми Александромъ статуями знатныхъ македонянъ, убитыхъ при Граникѣ. Дѣло въ томъ, что, судя по дошедшимъ до насъ и хранящимся въ разныхъ музеяхъ обломкамъ, главными фигурами четвертой группы были потерпѣвшіе пораженіе варвары, которые были изображены съ полнымъ реализмомъ въ предсмертныхъ мукахъ и въ дикомъ отчаяньи. На ряду съ этими группами можно поставить родственную по духу и относящуюся къ тому же времени и къ той же школѣ знаменитую статую умирающаго галла, (когда-то называвшуюся «гладіаторъ») и группу, называемую Петъ и Аррія и изображающую галльскаго воина, который, рѣшившись на самоубійство, только-что пронзилъ мечомъ свою жену и старается поддержать ее, въ то время какъ она ускользаетъ изъ его объятій. Эти два изображенія самоубійства, — такъ какъ умирающій галлъ, очевидно, тоже жертва самоубій-

ства, — кромѣ того, что рисуютъ передъ нами грубый и неуклюжій, хотя и могучій, типъ варварской силы, какъ контрастъ эллинской граціи, передаютъ также ту склонность къ отчаянью и самоуничтоженію, которая была такъ чужда грекамъ.

Великій національный врагъ, конечно, долженъ былъ быть изображенъ въ страшномъ, даже нечеловѣческомъ видѣ, чтобы возвеличить славу атталовой побѣды; но это было бы не искусство, если бы зритель не былъ глубоко потрясенъ силой отчаянія и глубокой правдой въ изображеніи послѣдней предсмертной агоніи. Въ древнѣйшемъ греческомъ искусствѣ «варвары» характеризовались только внѣшними отличительными признаками, — одеждой и ролью побѣжденныхъ. Теперь передъ нами нагой галлъ, и однако мы узнаемъ его по совершенно неэллинскимъ чертамъ; пораженіе его не матеріальное, а духовное; онъ не убитъ, но самъ хочетъ покинуть жизнь и своей рукой исполняетъ дѣло побѣдителя. Мы еще вернемся къ пергамскому искусству въ слѣдующемъ поколѣніи и покажемъ, что оно одинаково процвѣтало при всѣхъ атталидахъ. Одно мы можемъ сказать здѣсь, — что если эллинизмъ проявилъ свои силы въ архитектурѣ (усовершенствовавъ коринѳскій стиль и арку), въ поэзіи, какъ мы видѣли раньше, и въ живописи, то, во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ онъ не былъ такъ великъ и такъ оригиналенъ, какъ въ скульптурѣ.

Зная, что новая столица Аттала дала такой сильный толчокъ искусству, — а въ слѣдующемъ вѣкѣ, изъ соперничества съ Александріей, также и критикѣ, — мы невольно ожидаемъ встрѣтиться въ Пергамѣ и съ новымъ литературнымъ расцвѣтомъ. Къ

удивленію, ничего подобнаго нельзя отнести непосредственно къ Пергаму, кромѣ того несомнѣннаго факта, что тамъ жили и учили стоическіе философы, и что нѣкоторые льстецы Аттала написали мемуары о его юности и дѣяніяхъ. Но, я думаю, имѣющіяся у насъ косвенныя указанія даютъ намъ право считать Малую Азію этой эпохи и, слѣдовательно, времени атталидовъ, родиной новой школы краснорѣчія, которую критики назвали *азіаническою* въ отличіе отъ аттической. Основатель, или глава этой школы, Гегезій, былъ выходцемъ изъ Магнезіи, при горѣ Сипилѣ, и по общепринятому мнѣнію его школа была распространена въ городахъ Малой Азіи, которые, какъ извѣстно, или были номинально свободны или находились подъ властью Аттала. Въ этомъ послѣднемъ положеніи находились преимущественно города внутри страны, которые не могли ни присоединиться къ Родосскому союзу, ни даже заручиться его покровительствомъ. Вообще говоря, мы не имѣемъ основанія думать, что правленіе атталидовъ было настолько сурово, чтобы убить краснорѣчіе политическое или судебное, — по крайней мѣрѣ, въ сферѣ дѣлъ мѣстнаго самоуправленія. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что хотя изъ александрійскаго литературнаго питомника выходили массы поэтическихъ произведеній, но ораторскаго искусства тамъ не существовало, и едва ли существовали занятія исторіей, — несмотря на примѣръ, поданный первымъ царемъ, написавшимъ мемуары объ Александрѣ. Въ то время какъ поэзія и науки процвѣтали въ Александріи, исторія и ораторское искусство нашли себѣ новое убѣжище въ Малой Азіи. Мы не имѣемъ извѣстій о томъ, чтобы Гегезій

училъ или произносилъ рѣчи въ Пергамѣ, но весь его стиль былъ, повидимому, тотъ же, что въ столицѣ, и стиль этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что намъ извѣстно о прочихъ отрасляхъ пергамскаго искусства.

Во всякомъ случаѣ, скульптура стояла безусловно выше краснорѣчія. Произведенія изъ твердаго и неподвижнаго мрамора легче сравнивать между собою, и въ ваяніи всякое уклоненіе отъ великаго образца сейчасъ же замѣтно. Въ гораздо болѣе тонкомъ и измѣнчивомъ искусствѣ литературнаго стиля очень легко отдалиться отъ великихъ образцовъ, не достигнуть успѣха даже въ простомъ подражаніи, увлечься погоней за оригинальностью и, добившись ея, оказаться тѣмъ дальше отъ совершенства. Люди изучаемой эпохи любили поражать чѣмъ-нибудь новымъ и блестящимъ, какимъ-нибудь остроумнымъ оборотомъ рѣчи; любили производить неожиданные эффекты и щеголять дѣланной простотой. По мнѣнію Гегезія и его школы, ничто не давалось съ такимъ трудомъ, какъ стиль Демосѳена, который каждую отдѣльную мысль въ ряду своихъ аргументовъ отливалъ въ изысканные и тщательно построенные періоды и систематически избѣгалъ остроумныхъ выходокъ и риторическихъ отступленій. И нельзя не согласиться, что если не изучить въ подробностяхъ условій, среди которыхъ жилъ Демосѳенъ, и не перенестись въ Аѳины временъ Филиппа, то его рѣчи покажутся скучнымъ и непонятнымъ чтеніемъ. Требуется спеціальное знаніе законовъ греческой риторики, чтобы вскрыть его искусно замаскированные пріемы; нѣкоторые изъ нихъ не извлечены изъ забвенія еще и до настоящаго времени.

Вотъ почему новые азіаническіе риторы, въ противоположность аттической школѣ времени упадка, которая все еще стремилась подражать послѣднему питомцу аттической свободы, — взяли за образецъ Лисія, хотя въ сущности прелесть этой архаической фигуры съ ея стереотипной улыбкой на устахъ была имъ такъ же чужда, какъ и мастерская легкость Гиперида. Это было все равно, что послѣдовать мнѣнію композитора Шпора, который совѣтовалъ вернуться отъ сложной музыки Бетховена къ простотѣ Моцарта, подслащая его красотами гармоніи, доступными новѣйшему времени. Точно такъ же Гегезій, хотя писалъ краткимя и ясными предложеніями, но не могъ обойтись безъ пикантныхъ остротъ и антитезъ, которыя терпимы только подъ контролемъ очень строгаго вкуса; а вкусъ этотъ былъ, повидимому, совершенно утраченъ самими азіаническими риторами и ихъ аудиторіей. Діонисій, очень строгій критикъ вѣка Августа,—вѣка, въ который люди опять начали цѣнить истинное величіе греческой литературы и опять стали поклоняться золотому вѣку краснорѣчія,—не хочетъ признавать за Гегезіемъ никакихъ достоинствъ. Онъ говоритъ, что въ произведеніяхъ Гегезія нельзя найти ни одной страницы, въ которой бы не было самыхъ непростительныхъ стилистическихъ погрѣшностей, и приписываетъ это не невѣжеству, такъ какъ при невѣжествѣ онъ могъ иногда случайно выражаться правильно, а системѣ, сознательно предпочитающей дурное. Можетъ-быть, это своеобразное сужденіе черезчуръ ужъ строго, но во всякомъ случаѣ надо признать справедливымъ замѣчаніе Діонисія относительно сильнаго упадка литературнаго вкуса, яви-

вшагося послѣдствіемъ распространенія греческой образованности среди всякихъ полу-греческихъ и полу-варварскихъ народовъ.

Отрывки изъ Гегезія представляютъ полный контрастъ съ рѣчами Демосѳена. Вмѣсто длинныхъ періодовъ и тщательно закругленныхъ ритмическихъ предложеній, мы находимъ короткія сжатыя фразы, нанизанныя безъ всякой грамматической связи. Кромѣ того Гегезію ставили въ вину «женскія» окончанія (какъ трохеи и трибрахіи) предложеній и другія погрѣшно т.а противъ таинствъ греческой прозы; но что было гораздо хуже, его съ полнымъ правомъ можно было обвинить въ ложномъ паѳосѣ, въ преувеличеніи чувства, въ неумѣстныхъ обращеніяхъ къ симпатіи слушателей.

Все это важно для насъ въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ темную сторону культурной эпохи эллинизма. Въ эту эпоху, какъ это всегда бываетъ, широкое распространеніе образованности влекло за собой, какъ естественное послѣдствіе, поверхностность знанія и вкуса. Не подлежитъ сомнѣнію, что александрійская школа боролась именно противъ этого факта, когда такъ старательно изучала эллинскую науку и такъ добросовѣстно добивалась научныхъ знаній. Надо судить объ этой школѣ не по контрасту съ аттической чистотой и граціей, а по сравненію съ азіаническимъ стилемъ, съ самодовольной рисовкой Гегезія и его послѣдователей.

Я хочу заключить этотъ отдѣлъ тѣми размышленіями, на которыя естественно наводитъ фактъ повсемѣстнаго превращенія сельскихъ жителей въ горожанъ въ предѣлахъ эллинскаго міра. Эти размышленія можно, пожалуй, назвать болѣе громкимъ име-

немъ—опредѣленія эллинизма. Господствующая нація, македоняне не снизошли до того, чтобы подчиниться вліянію эллинизма въ этомъ смыслѣ. Они не основывали большихъ городовъ, ихъ крестьяне не образовывали значительныхъ поселеній, и такимъ образомъ въ этой странѣ, какъ въ Италіи, преобладалъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, изъ среды котораго выходили превосходные солдаты, но отнюдь не литераторы и не художники. Поэтому, лишь только Македонія перестала быть господствующей, а, стало-быть, и военной державой, какъ она перестала существовать во всемірной исторіи. Но не много странъ,—быть-можетъ только Согдіана съ своими баронами арійской расы, да Элида съ своей сельской аристократіей,— находились въ такомъ же положеніи, какъ Македонія. Повсюду въ другихъ мѣстахъ удовольствія и преимущества городской жизни, этой давно-установившейся эллинской формы культуры, были или навязаны народамъ насильно или предложены имъ въ видѣ приманки.

И такимъ образомъ эллинистическій міръ—Сѣверная Греція, Пропонтида, Малая Азія, Сирія, Месопотамія,—всѣ усвоили себѣ добродѣтели и пороки городскихъ жителей и утратили черты, свойственныя сельскому населенію. Ѳеокриту приходилось искать картинъ пастушеской и деревенской жизни на возвышенностяхъ Сициліи и южной Италіи. По всему видно, что люди изнѣжились и пристрастились къ роскоши, разлюбили сраженія и охотнѣе улаживали споры дипломатическимъ путемъ, а въ крайности прибѣгали къ помощи наемныхъ войскъ. Населеніе стало стыдиться деревен-

ской простоты и гордилось городскимъ лоскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ поднялось и значеніе торговли сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ.

Эти факты представляютъ собою неизбѣжный логическій выводъ изъ положенія вещей, хотя, къ сожалѣнію, едва ли уцѣлѣли современные документы, которые бы давали ихъ конкретное изображеніе. Въ Ѳеокритовомъ діалогѣ «Рыбаки» (часто отрицаютъ принадлежность этого діалога Ѳеокриту на томъ основаніи, что онъ сильно отличается отъ другихъ его произведеній, — какъ будто нельзя было ожидать такого разнообразнаго творчества отъ человѣка, искусившагося во всѣхъ родахъ поэзіи) мы можемъ видѣть, какая большая разница была между настоящимъ говоромъ низшихъ классовъ, жившихъ вдали отъ города, и греческимъ языкомъ образованнаго сословія. Въ Экклезіастѣ, который былъ написанъ не безъ косвенныхъ вліяній эллинизма, заявляется, какъ объ общепризнанномъ наблюденіи: «Какая можетъ быть мудрость у человѣка, который говоритъ языкомъ быковъ?»

Но мы должны перенестись въ гораздо болѣе позднюю эпоху, чтобы найти въ литературѣ сознательное противопоставленіе городской и деревенской жизни. Въ замѣчательной, написанной въ прозѣ идилліи Діона Хрисостома, которую только закоснѣлый педантизмъ могъ принять за описаніе дѣйствительныхъ происшествій, Діонъ разсказываетъ, какъ онъ, спасшись отъ кораблекрушенія, попалъ на дикій дальній берегъ Эвбеи и былъ радушно принятъ двумя семьями захолустныхъ поселянъ, жившихъ охотой и земледѣліемъ и проводившихъ свою чистую и невинную жизнь вдали отъ шумной

толпы. Во время его романтическаго пребыванія у этихъ людей одинъ изъ нихъ разсказываетъ о томъ единственномъ случаѣ, когда онъ посѣтилъ городъ, и описываетъ удивительные нравы тамошнихъ людей, шумливыхъ, любящихъ тяжбы, ищущихъ случая обобрать всякаго мирнаго поселянина и готовыхъ насмѣяться надъ грубымъ мужицкимъ простодушіемъ.

Эта фантастическая картина представляетъ собою высшую точку, которой достигли городскія тенденціи эллинизма. Конечно, пастухи Ѳеокрита съ своими сильными страстями и откровенной чувственностью болѣе реальны, чѣмъ очаровательные поселяне Діона съ ихъ безкорыстіемъ, великодушіемъ и нравственной чистотой. Но все-таки здѣсь сказывается глубоко-вкоренившееся сознаніе, содержащее въ себѣ извѣстную долю правды, — сознаніе, что живя среди лѣсовъ и горъ, копая землю, сажая растенія, собирая плоды и охотясь, человѣкъ сохраняетъ извѣстныя качества, которыя исчезаютъ или теряютъ свѣжесть подъ вліяніемъ постоянной суеты городской жизни. Намъ извѣстно теперь, что скученность человѣческихъ жилищъ порождаетъ органическіе яды; но она порождаетъ также и нравственные недуги. Въ этомъ заключалась какъ слабая сторона, такъ и сила эллинизма; тутъ крылась причина того, что Парѳія могла устоять противъ него, что Римъ такъ легко одержалъ надъ нимъ побѣду; а когда эллинизмъ сообщилъ свою окраску римской имперіи, то этотъ новый элементъ разрушилъ единство имперіи, и она не устояла противъ варваровъ, въ которыхъ Тацитъ усматриваетъ противоположный типъ, — типъ главаря, привыкшаго къ кочевой

и пастушеской жизни, въ противоположность типу осѣдлаго городского жителя.

Таковъ былъ великій фактъ всемірной цивилизаціи, созданный въ широкихъ размѣрахъ въ теченіе разсматриваемаго нами столѣтія. Порядки древне-греческой городской общины съ ея собраніемъ гражданъ, подающихъ голосъ лично, безъ посредства представителей, по своимъ собственнымъ дѣламъ,—эти порядки распространились на обширныя области, гдѣ общества самыхъ различныхъ типовъ должны были приспособляться къ этому порядку вещей. Въ этомъ истинное значеніе всѣхъ эллинистическихъ столицъ, торговыхъ рынковъ, военныхъ поселеній, которые соединяли и перетасовывали по своему населеніе тогдашняго міра. Тамъ, гдѣ города были разсѣяны на большомъ разстояніи другъ отъ друга, огромныя пространства земли превращались въ пастбища, быть-можетъ, вновь заростали лѣсомъ, подобно нѣкоторымъ мѣстностямъ въ южныхъ штатахъ Сѣв. Америки послѣ уничтоженія невольничества. Поэтому многія средоточія населенія не могли прокормиться собственными продуктами и зависѣли отъ дѣятельности купцовъ, доставлявшихъ хлѣбъ изъ тѣхъ естественныхъ житницъ, которыя въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій производили большой излишекъ хлѣба и снабжали имъ міръ. Пріостановить движеніе по Босфору значило произвести страшный подъемъ цѣнъ—какъ въ голодное время—и, слѣдовательно, вызвать всемірное бѣдствіе. Но мы не будемъ предвосхищать событій послѣдующей эпохи.

VII. ТОРГОВЫЯ ОТНОШЕНІЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАГО МІРА.—СОЮЗЫ И ФЕДЕРАЦІИ.—МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЪ.—ОБЩЕСТВЕННЫЙ КРЕДИТЪ.

Въ предыдущей главѣ центромъ нашихъ наблюденій былъ Пергамъ; теперь перенесемся на нѣкоторое разстояніе оттуда — въ Родосъ, который занималъ въ ряду великихъ державъ приблизительно такое же положеніе, какъ царство Аттала, но съ нѣкоторыми интересными особенностями. Выше мы уже сдѣлали краткое изложеніе древнѣйшей исторіи острова вплоть до смерти Александра и описали великую осаду Димитрія I (стр. 97—100).

Успѣшное сопротивленіе, оказанное Димитрію во время этой осады, сразу обезпечило положеніе Родоса, и это положеніе Родосъ удержалъ за собой, соблюдая строгій нейтралитетъ, очистивъ море отъ пиратовъ, издавъ однообразные морскіе и торговые законы и усвоивъ просвѣщенный обычай посредничества въ случаяхъ войны. Нѣтъ ничего болѣе прискорбнаго для людей, изучающихъ внутреннюю жизнь эллинистическаго міра, какъ скудость нашихъ свѣдѣній о Родосѣ за восемьдесять лѣтъ, послѣдовавшихъ за этимъ великимъ кризисомъ. Правда, сущность политики родосцевъ заключалась въ уклоненіи отъ войнъ,

а войны, къ сожалѣнію, составляютъ главный предметъ нашихъ историческихъ сочиненій.

Изъ косвенныхъ указаній источниковъ и на основаніи общихъ соображеній о политическихъ условіяхъ того времени Дройзенъ заключаетъ, что Родосъ однажды началъ войну съ своимъ ближайшимъ союзникомъ—Египтомъ. Это было въ моментъ преобладанія Эвергета, когда онъ послѣ своего блестящаго шествія черезъ Азію, казалось, нарушилъ политическое равновѣсіе и сокрушилъ царство селевкидовъ. Тогда-то родосцы, повидимому, приняли сторону селевкидовъ, именно Селевка или его брата Антіоха Гіеракса, и выиграли морское сраженіе противъ аѳинскаго изгнанника Хремонида, который былъ предводителемъ морскихъ силъ Птоломея. Въ результатѣ они пріобрѣли или въ значительной мѣрѣ расширили свои владѣнія на берегу моря, въ области, названной ими Peraea (страна на противоположномъ берегу). Область эта простиралась отъ Кавна до Керамійскаго залива и платила имъ богатую дань.

Ни одному древнему историку не приходила въ голову мысль писать исторію торговли. Такимъ образомъ мы принуждены довольствоваться косвенными указаніями на торговыя предпріятія и коммерческіе пріемы родосцевъ и пользоваться дошедшими до насъ отъ позднѣйшихъ временъ описаніями родосской жизни. Выдающуюся политическую роль островъ начинаетъ играть приблизительно съ того времени, когда три престола трехъ великихъ царствъ оказались занятыми малолѣтними, именно приблизительно съ 221 г. до Р. Х.

Извѣстно, что въ предшествующія восемьдесять

лѣтъ родосцамъ удалось создать что-то въ родѣ союза или ассоціаціи главныхъ городовъ, лежавшихъ по азіатскому морскому берегу до Босфора. Но, повидимому, есть основанія думать, что Византія и Гераклея на Черномъ морѣ въ сущности не принадлежали къ этой федераціи. Не говоря о богатой производительности береговъ Чернаго моря по части такихъ предметовъ вывоза, какъ кожа, пшеница, сухая рыба, скотъ, рабы и т. д., — предметы, которые эти города съ удовольствіемъ оставили бы для собственнаго потребленія, — черезъ ихъ земли проходилъ сѣверный караванный путь съ далекаго Востока, который достигалъ моря неподалеку отъ нынѣшняго Батума или Трапезунда и конкурировалъ съ караванными путями, шедшими чрезъ Сирію и Краснымъ моремъ въ Египетъ. Отсюда постоянныя усилія Египта сохранить точку опоры во Ѳракіи и на сѣверѣ Эгейскаго моря и старанія Сиріи вернуть сѣверъ Малой Азіи. Этимъ объясняется также великое богатство и значеніе не только свободныхъ греческихъ городовъ черноморья, но и царства Понтійскаго и Виѳинскаго, съ ихъ новыми столицами и эллинистической культурой. Этимъ сѣвернымъ державамъ приходилось вести еще свою особую борьбу съ галатами, въ которой родосцы не принимали никакого участія (за исключеніемъ того случая, когда они послали Антіоху Сотеру своего полководца, одержавшаго надъ варварами такъ называемую «слоновую» побѣду).

Исторія великой осады Родоса Димитріемъ, послѣ которой родосцы стали оказывать Филадельфу божескія почести, свидѣтельствуетъ объ ихъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Извѣстно также, что ро-

досскіе моряки ѣздили развѣдывать для Филадельфа тайны западной части Средиземнаго моря. Въ Родосѣ существовалъ даже законъ, по которому ежегодно долженъ былъ отправляться въ море флотъ, и есть указанія, что начальники этого флота получали широкія полномочія дѣйствовать въ интересахъ государства. Родосъ предпринялъ очистить море отъ пиратовъ, какъ сдѣлали когда-то аѳиняне; но еще при осадѣ города Димитріемъ мы слышимъ о «пиратахъ-стрѣлкахъ», какъ своего рода признанной силѣ. Всего вѣроятнѣе, что родосцы принудили этихъ разбойниковъ, которыхъ было всегда много около южныхъ береговъ Малой Азіи и въ Критѣ, вступить съ ними въ соглашеніе, въ силу котораго они обязались не трогать ни одного корабля съ родосскимъ флагомъ. Быть-можетъ, это и было той приманкой, которая заставляла греческіе города присоединяться къ родосскому союзу. Безъ сомнѣнія, родосцы имѣли возможность, не прибѣгая къ военнымъ дѣйствіямъ, привести къ разоренію всякій восточный морской портъ, который бы отказался вступить съ ними въ союзъ.

Вскорѣ послѣ 400 г. до Р. Х. оказывается, что Косъ, Книдъ, Галикарнасъ, Язосъ, Самосъ, Хіосъ, Эфесъ — всѣ чеканили монету по новому образцу, принятому Родосомъ, и къ нимъ присоединились даже Эносъ, Кизикъ и Византія, такъ что основные элементы союза были на лицо. Міровое значеніе родосской торговли очень ясно сознавалъ первый Антигонъ, если только правда, что онъ, посылая противъ родосцевъ Димитрія, запретилъ трогать родосскихъ купцовъ въ Сиріи, Финикіи, Киликіи и Памфиліи. Такого положенія никогда не удавалось

достигнуть аѳинскимъ купцамъ, отчасти потому, что тогда люди еще не умѣли цѣнить солидарности между всѣми странами цивилизованнаго міра, отчасти потому, что аѳинская имперія стремилась къ расширенію своего могущества, между тѣмъ какъ Родосъ мечталъ единственно о роли всеміpнаго торговаго посредника. Съ этой цѣлью онъ избѣгалъ всякихъ торжественныхъ договоровъ, хотя бы благопріятныхъ для обѣихъ сторонъ, и всегда былъ готовъ предложить свои услуги въ качествѣ посредника.

Такимъ образомъ Родосъ сталъ центромъ морской торговли. Тамъ селились иностранные купцы, туда посылали молодыхъ людей учиться торговому дѣлу, точно такъ же, какъ въ настоящее время ихъ посылаютъ въ Гамбургъ или Бременъ. Люди научились цѣнить торговый кредитъ и соблюдать коммерческія обязательства даже въ случаѣ войны или въ случаѣ перехода этихъ обязательствъ по наслѣдству.

Если мы находимся въ полномъ невѣдѣніи относительно подробностей родосской торговли, то о родосскомъ искусствѣ мы располагаемъ довольно большимъ количествомъ косвенныхъ указаній. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что металлъ изъ-подъ осадныхъ машинъ Димитрія былъ употребленъ на огромную статую Геліоса, извѣстную подъ названіемъ Колосса Родосскаго и причисленную къ чудесамъ свѣта. Ее работалъ Харесъ изъ Линдоса (ученикъ Лизиппа), при чемъ обнаружилъ, а можетъ-быть, и преувеличилъ впервые явившуюся въ эту эпоху тенденцію производить впечатлѣніе огромными размѣрами. Раньше говорилось (стр. 13 и 113) о дикомъ предложе-

ніи—превратить гору Аѳонъ въ статую Александра. Колоссъ Родосскій былъ не болѣе, не менѣе, какъ въ 105 футовъ вышиною; онъ стоялъ не въ самой гавани въ качествѣ маяка, а былъ поставленъ гдѣ-то на берегу, неподалеку отъ гавани. Говорятъ, въ Родосѣ было много другихъ колоссовъ, которые сами по себѣ были бы очень замѣчательны, если бы ихъ не затмило это произведеніе. Къ несчастью, около 60 лѣтъ спустя послѣ постановки колоссъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, которое обратило на Родосъ вниманіе Европы. Такимъ образомъ тщеславная затѣя, потребовавшая двѣнадцатилѣтняго труда Хареса и стоившая 300 талантовъ, оказалась недолговѣчной. Слѣдуя указанію оракула *), намекавшаго очевидно на потерю человѣческихъ жизней и имущества, причиненную паденіемъ колосса, родосцы оставили развалины статуи лежать на берегу; здѣсь Плиній и увидѣлъ его 250 лѣтъ спустя. Онъ описываетъ колоссъ слѣдующимъ образомъ: «Даже лежа на землѣ, колоссъ производитъ поражающее впечатлѣніе. Далеко не всякій можетъ охватить руками большой палецъ его руки; каждый палецъ толще очень многихъ статуй. Внутри членовъ оставлены большія отверстія, и въ нихъ вы видите огромныя каменныя глыбы, тяжестью которыхъ художникъ хотѣлъ придать статуѣ устойчивость». Колоссъ былъ сдѣланъ изъ каменныхъ глыбъ, взваленныхъ одна на другую, что показываетъ, въ какомъ совершенствѣ художникъ зналъ пропорціи человѣческаго тѣла, научно установленныя Лизип-

*) Быть можетъ, слова оракула сохранились въ выраженіи пословицы μὴ κινεῖν κείμενον κακόν (не трогай хорошо лежащаго зла).

помъ. Смѣшно повторять анекдотъ о томъ, будто такой художникъ могъ сдѣлать ошибку, потребовавъ всего на все двойной платы, когда государство попросило его удвоить проектированные размѣры фигуры, и будто такимъ образомъ онъ обанкротился и лишилъ себя жизни. Тѣмъ не менѣе, такой разсказъ мы находимъ въ нашихъ источникахъ.

Какъ этотъ, такъ и другіе колоссы въ Родосѣ показываютъ желаніе богатыхъ купцовъ превзойти прочіе города великолѣпіемъ общественныхъ памятниковъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не сохранился до нашего времени. Было открыто множество подписей художниковъ на пьедесталахъ, и изъ нихъ мы узнаемъ, что многія изъ этихъ бронзовыхъ статуй изображали современниковъ и были исполнены, вѣроятно, мастерами школы Лизиппа. Постоянное упоминаніе при этомъ объ усыновленіи *) заставляетъ предполагать, что иностранныхъ художниковъ, поселявшихся въ Родосѣ, обыкновенно убѣждали или заставляли принимать родосское гражданство.

Какъ бы въ видѣ контраста со статуей солнца Хареса, поражавшей своими невиданными размѣрами, до насъ дошли два знаменитыхъ произведенія, свидѣтельствующихъ о блестящихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ искусствомъ въ другомъ направленіи. Эти произведенія превосходятъ всѣ предшествовавшіе великіе образцы по сложности и разнообразію художественно исполненной группировки. Обѣ знаменитыя группы, «Лаокоонъ» и такъ называемый «Фар-

*) Въ формѣ Ἀθανόδωρος Ἀγησάνδρου καθ’υἱοθεσίαν δὲ Διονυσίου (т. е. Атенодоръ, сынъ Агезандра, а по усыновленію сынъ Діонисія).

незскій быкъ», находятся въ настоящее время въ Римѣ. Первая группа, по отзыву Плинія, дающаго подробное ея описаніе, и по мнѣнію современныхъ группѣ художественныхъ критиковъ, представляетъ собою нѣчто единственное по своему совершенству. Позднѣйшая публика также отнеслась къ ней съ интересомъ, такъ какъ она изображаетъ сцену, описанную въ самой блестящей и самой распространенной среди читателей латинской поэмѣ,—въ *Энеидѣ* Вергилія. Хотя тѣ три ваятеля, которые, по словамъ Плинія, совмѣстно исполнили или только совмѣстно задумали это произведеніе, не представляли, быть-можетъ, себѣ этого происшествія совершенно въ томъ видѣ, какъ оно описано у Вергилія, но агонія одна и та же въ поэмѣ и въ мраморной статуѣ; и родосскіе художники рѣшились изобразить моментъ агоніи, разорвавъ такимъ образомъ съ традиціонной монументальностью и этическимъ направленіемъ въ скульптурѣ и поставивъ себѣ новую цѣль—воспроизведеніе сильныхъ душевныхъ движеній. Аналогія съ пергамской скульптурой, о которой рѣчь была выше, слишкомъ очевидна. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ мастерствомъ въ замыслѣ и въ исполненіи мелочей, что съ ними не могутъ равняться даже большіе рельефы на высокомъ алтарѣ въ томъ же храмѣ. Лаокоонъ долженъ былъ изображать собою не больше какъ рельефъ, выступающій изъ ниши. Предполагалось, что на группу будутъ смотрѣть только съ лицевой стороны и даже, какъ замѣтилъ Гете, въ нее не слѣдуетъ долго вглядываться. Изображены три степени человѣческаго страданія. Младшій мальчикъ на нашихъ глазахъ умираетъ отъ яда и уже испыталъ всю горечь страданія, старшій

мальчикъ еще невредимъ и пока только пораженъ видомъ отца и охваченъ ужасомъ передъ обвивающей его змѣей. Самъ Лаокоонъ находится въ послѣдней степени агоніи; онъ уже не въ силахъ дѣйствовать, но еще не потерялъ чувствъ, и эта фигура будетъ всегда приковывать къ себѣ вниманіе зрителя.

Я не буду касаться безконечныхъ споровъ о томъ, къ какому времени относится это произведеніе, объ его подлинности, его исторіи,—споровъ, которые теперь составили цѣлую обширную литературу. Соглашаясь, что передъ нами подлинное произведеніе родосскихъ художниковъ разсматриваемаго нами періода, что оно изображаетъ миѳъ, разработанный въ трагедіи Софокла и впослѣдствіи свободно переложенный Вергиліемъ,—я считаю важнымъ доказательствомъ силы и оригинальности родосскаго искусства то, что родосскіе скульпторы превзошли всѣхъ своихъ предшественниковъ въ единственномъ отношеніи, въ которомъ возможно было ихъ превзойти,—именно въ силѣ экспрессіи, въ законченности отдѣлки и въ сложности замысла. Можно еще сомнѣваться, былъ ли это дѣйствительно шагъ впередъ. Новѣйшіе критики, можетъ-быть, слишкомъ строги къ Лаокоону, тогда какъ прежніе были къ нему черезчуръ благосклонны. Мнѣ всегда кажется, что исполненіе страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что оба мальчика изображены *маленькими взрослыми людьми,* и я не встрѣчалъ, чтобы кто-нибудь изъ художественныхъ критиковъ отмѣтилъ этотъ недостатокъ. Но никто никогда не станетъ отрицать, что въ смыслѣ паѳоса это произведеніе едва ли имѣетъ соперниковъ.

Toro Farnese (Фарнезскій быкъ) изображаетъ, какъ братья Зетъ и Амфіонъ привязываютъ Дирку къ рогамъ дикаго быка, между тѣмъ какъ ихъ мать Антіопа, которую Дирка приказала имъ наказать такимъ же образомъ, и въ которой они только-что признали свою мать, стоитъ тутъ же. Многолѣтнія жестокости Дирки въ отношеніи къ ея невѣсткѣ Антіопѣ, которую она сдѣлала своей рабыней, оправдываютъ въ глазахъ грековъ это возмутительное мщеніе. Но для скульпторовъ былъ важенъ только моментъ, — борьба сильныхъ молодыхъ людей съ быкомъ, отчаянье и агонія Дирки. Все произведеніе задумано такъ, что зритель можетъ смотрѣть на него со всѣхъ сторонъ, и въ этомъ отношеніи оно выше Лаокоона; недостатокъ его составляетъ, быть-можетъ, преобладаніе и тяжеловѣсность верхней части. Въ этомъ произведеніи сказывается также вліяніе живописи на скульптуру того времени, особенно въ тщательной отдѣлкѣ второстепенныхъ частей. Имена исполнившихъ его художниковъ, Аполлонія и Тавриска изъ Траллеса, извѣстны изъ Плинія; не менѣе достовѣрно и то, что оно было исполнено въ Родосѣ, откуда было перевезено въ Римъ во дворецъ Азинія Полліона.

Можно себѣ представить, какое зрѣлище долженъ былъ представлять собою Родосъ, украшенный такими благородными произведеніями скульптуры. Мы знаемъ, что въ области живописи родосскіе художники были не менѣе знамениты. Я уже сообщилъ исторію Протогена и его знаменитаго Іалиса (стр. 109); этотъ художникъ долгое время работалъ въ бѣдности, и поэтому его легко затмевали другіе болѣе популярные живописцы. Но достигнувъ славы,

онъ наполнилъ своими картинами храмъ Діонисія въ Родосѣ. Это не были фрески,—это были написанныя на доскахъ (πίναξι) и въ рамахъ картины, такъ что ихъ можно было переносить съ мѣста на мѣсто. Здѣсь находился и его Отдыхающій Сатиръ съ сидящей возлѣ перепелкой. Читатель, желающій составить себѣ понятіе о зависти и самомнѣніи, которыми эллинистическіе художники въ Родосѣ отличались не въ меньшей степени, чѣмъ мастера нашего времени, можетъ обратиться къ отрывкамъ изъ писателей, собраннымъ у Овербека и содержащимъ анекдоты о Протогенѣ и Апеллесѣ.

Находящееся у Лукіана подробное описаніе картины Аэтіона, изображающей свадьбу Александра и Роксаны и выставленной художникомъ въ Олимпіи, даетъ намъ болѣе ясное понятіе о тогдашнихъ вкусахъ и представляетъ собой новый образчикъ того, какъ Анакреонтовы эроты (купидоны) съ своими аттрибутами наводнили собою всѣ отрасли искусства. «Какая чудодѣйственная сила заключалась въ его картинѣ»,—спросилъ кто-то,—что элейскій судья (присуждавшій награды на Олимпійскихъ играхъ), выдалъ замужъ свою дочь за художника, бывшаго иностранцемъ? Теперь картина находится въ Италіи; я видѣлъ ее и потому могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Тамъ изображены прекрасные покои и въ нихъ брачное ложе; Роксана, дѣвушка большой красоты, сидитъ съ глазами опущенными долу отъ смущенія передъ стоящимъ тутъ же Александромъ. Но вокругъ толпятся смѣющіеся купидоны: одинъ срываетъ покрывало съ головы невѣсты и показываетъ ее жениху; другой, играющій роль слуги, развязываетъ его санда-

ліи; а третій, вцѣпившись ему въ тунику, тащитъ его изо всѣхъ силъ къ Роксанѣ. Самъ царь подаетъ дѣвушкѣ вѣнокъ, а его дружка Гефестіонъ стоитъ около съ зажженнымъ факеломъ, опираясь на прекраснаго мальчика, какъ я думаю, Гименея (имени не надписано). Въ другой части картины другіе купидоны играютъ съ оружіемъ Александра: двое изъ нихъ несутъ его мечъ съ видомъ людей, несущихъ тяжелую деревянную балку; двое другихъ волочатъ по землѣ щитъ съ сидящимъ на немъ третьимъ купидономъ; еще одинъ залѣзъ въ лежащія на полу латы и готовится испугать тѣхъ, когда они приблизятся».

Итакъ Родосъ является для насъ, такъ же какъ и Александрія, но въ другомъ смыслѣ, представителемъ, такъ сказать, послѣдняго слова эллинизма. Несмотря ни на какіе счеты и столкновенія, которые впослѣдствіи возникали между этимъ городомъ и Пергамомъ, въ этомъ отношеніи они, повидимому, находятся въ близкой связи. Въ риторикѣ, правда, позднѣйшіе критики замѣчали несомнѣнное различіе между азіаническимъ и родосскимъ стилемъ: послѣдній велъ свое начало отъ Эсхина, былъ гораздо чище и проще и ближе подходилъ къ аттическому стилю. Такъ, впрочемъ, и нужно было ожидать: Родосъ не безъ основанія гордился своимъ древнимъ и чистымъ происхожденіемъ; вѣроятно, въ этомъ городѣ сохранился сравнительно лучшій разговорный греческій языкъ, и дорическая строгость долго составляла неотъемлемую черту его населенія. Александрійскіе поэты, какъ, напр., Аполлоній и Ѳеокритъ, живали на Родосѣ и на Косѣ, вѣроятно, именно затѣмъ, чтобы среди чисто эллин-

скаго населенія усвоить себѣ чистоту языка. Эти соображенія даютъ намъ право назвать Родосъ восточными эллинистическими Аѳинами.

Но у Родоса была одна черта, благодаря которой онъ совершенно затмилъ Аѳины. Я разумѣю здѣсь не образованіе союза свободныхъ городовъ (кстати сказать, союзъ этотъ имѣлъ мало общаго съ аѳинской морской державой, съ ея деспотизмомъ и проистекавшимъ изъ него недовольствомъ союзниковъ). Союзы и конфедераціи между мелкими государствами были тогда вообще въ большомъ ходу, и рядомъ съ родосскимъ союзомъ существовало одно изъ самыхъ интересныхъ и законченныхъ политическихъ соединеній этого рода,—именно описанный у Страбона Ликійскій союзъ, по поводу котораго далъ такія остроумныя объясненія проф. Фриманъ *). Я имѣю въ виду, говоря о преимуществѣ Родоса передъ Аѳинами, тотъ способъ рѣшать международные споры при помощи третейскаго суда, который такъ удачно практиковали родосцы.

Въ исторіи Родоса произошелъ одинъ замѣчательный эпизодъ, показавшій, какое высокое положеніе занималъ этотъ городъ въ качествѣ нейтральной торговой державы. На новый городъ уже не разъ налетали страшные шквалы. Благодаря окружающимъ холмамъ, которые опоясывали городъ амфитеатромъ, выпадавшіе ливни превращались въ потоки, низвергавшіеся по склонамъ прямо на улицы города. Впервые это случилось — два раза кряду — вскорѣ послѣ основанія города, когда онъ не успѣлъ еще заселиться. Въ третій разъ наводненіе

*) Hist. of Federal Government, 213 и слѣд.

надѣлало больше вреда, затопивъ не менѣе 500 человѣкъ, не успѣвшихъ спастись на крыши и высокія мѣста. Вода грозила унести цѣлые ряды домовъ; но такъ какъ, къ счастью, дома были построены не изъ кирпича, а изъ камня, то они могли выдержать напоръ воды, пока не прорвалась нижняя часть стѣны близъ гавани и не пропустила воду въ море. Для предупрежденія подобныхъ случайностей въ Родосѣ, говорятъ, были устроены особые каналы или водоотводы; но съ наступленіемъ лѣта о нихъ забыли и дали имъ засориться.

Только-что описанное третье наводненіе не можетъ, однако, сравниться съ катастрофой, происшедшей на Родосѣ около 225 г. до Р. Х. Землетрясеніе разрушило почти всѣ доки и общественныя зданія, а также и колосса, который сломился ниже колѣнъ и при паденіи, кажется, задавилъ большое количество народа. Родосцы немедленно разослали посольства по всему міру повѣдать о своемъ несчастіи и просить помощи. По словамъ Полибія, они такъ хорошо устроили свои дѣла, что ихъ несчастіе болѣе чѣмъ окупилось и послужило даже къ ихъ пользѣ. Колоссальные дары всѣхъ дружественныхъ державъ они принимали скорѣе какъ должное, чѣмъ какъ благодѣяніе, и такимъ поведеніемъ высоко подняли себя въ глазахъ всего міра. Судя по приведенному у Полибія перечню приношеній, который, по его словамъ, далеко не полонъ, сумма денежныхъ пожертвованій равнялась по меньшей мѣрѣ 600 талантамъ серебра (1.458.000 рублей); а если присовокупить сюда присланныя Родосу массы мѣди, свинца, лѣса, смолы, пакли, пшеницы, кораблей, осадныхъ машинъ, то сумма возрастетъ на-

вѣрное до милліарда. Привожу отрывокъ изъ Полибія:

«Гіеронъ и Гелонъ, напр., принесли имъ въ даръ семьдесятъ-пять талантовъ серебра, часть сразу, а остальное послѣ небольшого промежутка, для покрытія расходовъ на гимназію; они дали имъ на богослужебныя цѣли серебряные котлы, подставки къ нимъ и сосуды для воды; въ придачу къ этому — десять талантовъ на жертвоприношенія и еще десять на пострадавшихъ гражданъ, желая, чтобы весь даръ равнялся ста талантамъ. Этого мало: они освободили отъ таможенныхъ пошлинъ родосскихъ купцовъ, останавливающихся въ ихъ портахъ, и подарили пятьдесятъ катапультъ (стѣнобитныхъ орудій) въ три локтя длиной. Несмотря на эти щедрыя приношенія, они считали себя передъ родосцами въ долгу и воздвигли еще на рыночной площади Родоса статуи, изображавшія родосскую городскую общину, на главу которой возлагаетъ вѣнокъ сиракузская городская община.

«Затѣмъ Птоломей съ своей стороны пожертвовалъ имъ триста талантовъ серебра, милліонъ медимновъ зернового хлѣба, корабельнаго лѣса на десять пентеръ (кораблей съ пятью рядами гребцовъ) и на десять триремъ, — всего сорокъ тысячъ локтей четвероугольныхъ сосновыхъ досокъ, — затѣмъ тысячу талантовъ бронзовой монетой, 180 тысячъ фунтовъ пакли, три тысячи кусковъ паруснаго полотна, три тысячи талантовъ на починку колосса, сто зодчихъ-мастеровъ съ тремя стами пятьюдесятью рабочими и четырнадцатъ талантовъ ежегодно на ихъ жалованье. Кромѣ того, Птоломей далъ двѣнадцать тысячъ медимновъ зернового хлѣба на общественныя

игры и жертвоприношенія, двадцать тысячъ медимновъ на содержаніе экипажа десяти триремъ. Большая часть этихъ продуктовъ была выдана сразу, такъ же какъ треть названной суммы денегъ. Въ томъ же духѣ поступилъ Антигонъ (Дозонъ)... Селевкъ, отецъ Антіоха, кромѣ того, что освободилъ отъ пошлинъ всѣхъ родосцевъ, пристающихъ въ его владѣніяхъ, и далъ десять вполнѣ снаряженныхъ триремъ и двѣсти тысячъ медимновъ зернового хлѣба, — пожертвовалъ еще десять тысячъ локтей лѣса и шестьдесятъ тысячъ фунтовъ смолы и волоса. Прусій и Митридатъ тоже почти сравнялись съ ними въ щедрости, такъ же какъ и государи Лизаній, Олимпихъ и Лимней, правившіе въ это время въ разныхъ частяхъ Азіи. Что же касается республикъ, внесшихъ по мѣрѣ силъ каждая свою долю на помощь Родосу, то было бы трудно опредѣлить ихъ число. Принявъ въ расчетъ время, потребное для того, чтобы городъ могъ вернуть себѣ прежнее число жителей, а также то состояніе опустошенія, отъ котораго ему пришлось оправляться, мы будемъ поражены быстротой и громадностью его успѣховъ въ частномъ и общественномъ благосостояніи. Но если мы вспомнимъ объ естественныхъ преимуществахъ мѣстоположенія Родоса и о сдѣланныхъ ему приношеніяхъ, которыя помогли ему поднять свое благосостояніе до прежняго уровня, то намъ придется удивляться развѣ только тому, что успѣхъ былъ меньше, чѣмъ можно было ожидать.

«Приводя эти подробности, — продолжаетъ Полибій, — я преслѣдую двойную цѣль. Я хотѣлъ показать, какъ блестяще вели свои общественныя дѣла родосцы, — потому что дѣйствительно они заслужи-

ваютъ похвалы и подражанія,—но, кромѣ того, хотѣлъ также отмѣтить, какія ничтожныя пожертвованія дѣлаются въ пользу народовъ и государствъ царями нашего времени».

Не мало любопытныхъ замѣчаній по поводу этого отрывка можно найти у Дройзена. Замѣчанія эти дополняютъ мысль Полибія, что въ его время, т. е. какія-нибудь восемьдесять лѣтъ спустя, нельзя было бы получить такихъ даровъ ни отъ царей, ни отъ республикъ. Во-первыхъ думаетъ, Дройзенъ, состояніе тогдашняго міра, судя по щедрымъ размѣрамъ пожертвованій, должно было быть самымъ цвѣтущимъ. Но источникомъ этого богатства была главнымъ образомъ торговля, а центромъ торговли былъ, очевидно, Родосъ. Несмѣтное количество наличнаго серебра и даже мѣдной монеты заставляетъ предполагать, что въ то время не существовало системы кредита въ бумагахъ или государственныхъ облигаціяхъ. Родосъ долженъ былъ дѣйствительно имѣть въ распоряженіи наличныя деньги.

Затѣмъ, значительная доля приношеній натурой имѣла цѣлью снабдить городъ годными къ плаванію кораблями. Если предположить, что корабли въ докахъ погибли, то смыслъ такого пожертвованія долженъ былъ быть тотъ, что родосскій флотъ, все еще державшій въ страхѣ пиратовъ, былъ необходимъ для безопасности всей морской торговли на Средиземномъ морѣ. Съ этой, конечно, цѣлью родосскіе корабли отправлялись въ плаваніе непремѣнно по три корабля вмѣстѣ. Остальныя приношенія должны были пойти на масло и другія нужды гимназіи и на общественные праздники и процессіи; это, я думаю, показываетъ, что праздные жители дру-

гихъ столицъ въ большомъ количествѣ ѣздили въ Родосъ, наслаждались тамошними увеселеніями и комфортомъ, не говоря уже о молодыхъ людяхъ, которыхъ посылали туда учиться торговому дѣлу. Но самая важная и близкая опасность заключалась въ финансовомъ кризисѣ, который угрожалъ всему міру въ случаѣ разоренія великаго торговаго государства. Родосъ былъ необыкновенно безопаснымъ мѣстомъ для сбереженія денегъ и потому служилъ центральнымъ банкомъ для всего міра. Слѣдовательно, каждое иностранное государство, стараясь предупредить панику и закрытіе родосскихъ банковъ, въ сущности только заботилось объ интересахъ своихъ собственныхъ капиталистовъ.

Но все это еще не исчерпываетъ вопроса. Уже въ теченіе цѣлаго столѣтія родосцы были общепризнанными международными судьями и устроителями мира между націями. Если у нихъ и бывали иной разъ неудачи на этомъ поприщѣ, то нерѣдко они достигали желаннаго успѣха, и въ своихъ третейскихъ рѣшеніяхъ и совѣтахъ обнаруживали высокую справедливость и добросовѣстность. Вѣроятно, мы не знаемъ и десятой доли случаевъ, разрѣшенныхъ этимъ способомъ; третейскій судъ былъ древнимъ и до того укоренившимся обычаемъ среди греческихъ государствъ, что не считалось позорнымъ предоставить рѣшеніе спора нейтральной державѣ даже въ ту минуту, когда угрожала война. Подобные случаи встрѣчаемъ вплоть до шестого вѣка передъ Р. Х. Напримѣръ, немного спустя послѣ землетрясенія, по словамъ Полибія (V, 63), министры Птоломея Филопатора искали посредничества Родоса, Византіи и Кизика, чтобы уладить споръ съ Ан-

тіохомъ III. Изъ одной надписи мы узнаемъ, что Самосъ и Пріэна, обращавшіеся за рѣшеніемъ своего стараго спора сперва къ царю Лизимаху, а потомъ къ Антіоху II (Θеосу), который отправилъ особыхъ пословъ для разслѣдованія дѣла, — въ концѣ концовъ обратились къ родосцамъ (вѣроятно около 250 г. до Р. Х.); тѣ, судя по надписи, сослались на прецеденты и рѣшили дѣло въ пользу Пріэны. Во времена Филиппа V, къ царствованію котораго относятся самыя достовѣрныя сообщенія Полибія, ни одна война, повидимому, не обходилась безъ того, чтобы не появились во враждебныхъ лагеряхъ послы отъ свободныхъ городовъ, — въ особенности морскихъ портовъ, съ Родосомъ во главѣ, — и не старались покончить дѣло миромъ. Этой общеизвѣстною ролью Родоса воспользовался, между прочимъ, и безчестный Кв. Марцій, убѣдивъ островитянъ предложить свои услуги въ качествѣ посредниковъ между Римомъ и Персеемъ. Посредничество это, какъ извѣстно, навлекло на родосцевъ смертельный гнѣвъ сената, послѣдствіемъ котораго была гибель Родоса.

Въ посреднической роли Родоса заключалась другая и, можетъ-быть, самая главная причина того доброжелательства и благодарности всего цивилизованнаго міра по отношенію къ Родосу, которая выразились во всеобщей готовности поддержать его благосостояніе. Ничто такъ ясно не показываетъ намъ, какъ далеко ушли впередъ эллинистическія государства сравнительно съ древне-эллинскими въ смыслѣ развитія солидарности среди націй. Если бы такая катастрофа случилась съ державными Аθинами или Сиракузами или Тарентомъ, мы бы не

услыхали ни о чемъ подобномъ тому единодушію, съ какимъ тутъ всѣ государства поспѣшили съ своей помощью и возстановили разрушенный городъ. Были бы выражены дружественныя чувства, говорилось бы объ «окѣ Греціи», о запустѣніи древнихъ святилищъ и разореніи эллинскихъ очаговъ, но не было бы ни такихъ щедрыхъ пожертвованій деньгами, ни предоставленія свободнаго доступа въ гавани, не было бы сознанія, что случилось какое-то общее несчастіе,—общее всѣмъ городамъ, участвующимъ въ міровой торговлѣ.

Здѣсь, можетъ-быть, всего умѣстнѣе будетъ упомянуть объ одномъ важномъ событіи, носящемъ на себѣ тотъ же отпечатокъ эллинизма, — я разумѣю войну за виѳинское наслѣдство. Слѣдуя обыкновенію царей того времени, Никомедъ основалъ блестящую столицу Никомидію и ввелъ тамъ общія начала и формы эллинистической культуры. Затѣмъ онъ умеръ (ок. 262 г. до Р. Х.), оставивъ послѣ себя двѣ семьи: одну, состоявшую изъ взрослыхъ дѣтей, другую—изъ малолѣтнихъ. Благодаря вліянію матери младшихъ дѣтей, старый царь назначилъ своими наслѣдниками послѣднихъ, обойдя старшую семью. Кого же назначилъ Никомедъ опекунами для выполненія своего завѣщанія? Царей Македоніи и Египта и города: Византію, Гераклею и Кіосъ, — другими словами, прилежащіе эллинскіе свободные города и двѣ великія державы, которыя находились во взаимной враждѣ, но не имѣли прямой выгоды (какъ Сирія) въ пріобрѣтеніи территоріи въ Виѳиніи. Повидимому, военные отряды отъ всѣхъ пяти державъ стояли въ Никомидіи. Тѣмъ не менѣе хитрый замыселъ стараго царя не удался.

Старшій сынъ Зіаэлъ вторгся въ Виѳинію съ войскомъ галатовъ и, конечно, не безъ поддержки Антіоха II сирійскаго. Несмотря на то, что виѳинцы выставили войско, желая отстоять волю царя и притязанія младшаго наслѣдника Тибоэта, въ концѣ концовъ, Гераклеѣ удалось устроить соглашеніе, въ силу котораго наслѣдовалъ старшій сынъ царя. Антигонъ, который былъ очевидно противъ его вступленія на престолъ, принялъ младшаго въ качествѣ изгнанника у себя при дворѣ въ Македоніи. Въ приведенномъ примѣрѣ мы знакомимся съ царемъ, который, живя на самыхъ окраинахъ эллинистическаго міра, въ то же время такъ тонко понимаетъ международныя отношенія, что самую лучшую опору для избраннаго имъ наслѣдника видитъ въ дипломатическомъ соперничествѣ сосѣднихъ царей и государствъ и въ томъ безпокойствѣ, съ какимъ они слѣдятъ за соблюденіемъ политическаго равновѣсія.

Родосъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ. Какъ говорилось раньше, сѣверные, или эвксинскіе, города не входили въ составъ его союза, а Византія, какъ мы увидимъ сейчасъ, даже имѣла совершенно противоположные съ нимъ интересы. Дѣйствительно, судя по дошедшему до насъ разсказу современника о византійскомъ народѣ, Византія этой эпохи представляла собою рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о Родосѣ. Оказывается, что византійцы, хотя находились въ постоянномъ страхѣ передъ своими сосѣдями ѳракійцами и спасались отъ нихъ только высокими стѣнами и тяжелою данью, но съ своими азіатскими подданными обращались какъ съ илотами. Сами они предавались

разгулу и роскоши, проводя время, по свидѣтельству Аѳинея, преимущественно въ питейныхъ домахъ, такъ что одинъ военачальникъ, не находя другого способа заставить ихъ охранять стѣны, устроилъ эти заведенія около самыхъ укрѣпленій. Трудно, однако, допустить такое положеніе вещей въ большомъ торговомъ городѣ, который находился въ цвѣтущемъ состояніи въ те:еніе всей своей исторіи, и въ этотъ самый періодъ едва ли бы могъ продолжать свое существованіе, не будь у его правящаго класса большой доли энергіи и способностей.

Разсказъ Полибія о коммерческой войнѣ Византіи съ Родосомъ (219 г. до Р. Х.) очень интересенъ и стоитъ въ тѣсной связи съ *солидарностью* эллинистической торговли, какъ мы позволили себѣ выразиться раньше. Этотъ разсказъ будетъ здѣсь очень кстати и послужитъ весьма подходящимъ заключеніемъ къ этой главѣ.

Родосцы только-что обнаружили свою симпатію къ эвксинскимъ городамъ, принявъ посольство отъ Синопа, которому грозило нападеніе Митридата съ моря и съ суши. Этотъ царь былъ въ числѣ недавнихъ благодѣтелей Родоса. Можетъ-быть, помня его благодѣянія или слѣдуя своей обычной политикѣ, родосцы не послали кораблей на помощь Синопу, а назначили троихъ комиссаровъ, которымъ вручили 140,000 драхмъ (около 50,000 рублей) на покупку припасовъ, нужныхъ во время осады. Они купили вина, лошадинаго волоса, тетивы, оружія, катапультъ (осадныхъ орудій) и проч. и доставили въ Синопъ. Но почему синопцы не обратились за помощью къ Гераклеѣ или Византіи? Относительно Византіи, по крайней мѣрѣ, у насъ имѣется отвѣтъ.

«Византійцы, — говоритъ Полибій *), — занимаютъ мѣстность, обладающую со стороны моря величайшими въ мірѣ преимуществами въ отношеніи безопасности и самыми благопріятными условіями для обогащенія, а съ суши — совершенно наоборотъ. Дѣло въ томъ, что они — полные господа пролива, ведущаго въ Черное море, такъ что никто не можетъ проѣхать ни туда, ни оттуда безъ ихъ позволенія. Слѣдовательно, все, что можетъ дать Черное море, находится въ рукахъ населенія Византіи. Такіе предметы первой необходимости, какъ скотъ и рабы, доставляются изъ областей, лежащихъ при Черномъ морѣ, въ большомъ изобиліи и превосходнаго качества. Изъ предметовъ роскоши эти области посылаютъ намъ большое количество меда, воска и соленой рыбы. Съ юга онѣ ввозятъ къ себѣ масло и вино. Что до зерновоrо хлѣба, онъ то вывозится изъ этихъ областей, то, напротивъ, ввозится туда. Изъ этого слѣдуетъ, что либо греческій міръ долженъ будетъ лишиться всего упомянутаго выше, либо торговля этими предметами перестанетъ приносить выгоды, въ случаѣ если византійцы или уступятъ врагамъ и соединятся съ галатами и ѳракійцами или покинутъ свой городъ. Проливъ такъ узокъ, и число варваровъ по его берегамъ такъ громадно, что Черное море было бы въ такомъ случаѣ совершенно закрыто для насъ. Разумѣется, византійцы сами больше всѣхъ извлекаютъ выгодъ изъ особенностей своего положенія тѣмъ, что ввозятъ и вывозятъ все, что имъ угодно, безъ всякихъ затрудненій и опасностей. Тѣмъ не менѣе они оказываютъ большую пользу и другимъ. И такъ какъ

*) IV, 38.

они, такимъ образомъ, являются какъ бы всеобщими благодѣтелями, то греческій міръ долженъ быть не только признателенъ имъ, но и общими силами оказывать помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ грозитъ опасность отъ окружающихъ варваровъ».

«Такъ какъ, однакоже, большинству эллиновъ остаются неизвѣстными выгодныя особенности мѣстоположенія Византіи, лежащей въ сторонѣ отъ наиболѣе посѣщаемыхъ странъ», то Полибій даетъ географическое описаніе мѣстности, а также излагаетъ свою теорію о теченіи воды изъ Чернаго моря. Онъ думаетъ, что Черное море обратится въ концѣ концовъ въ прѣсное озеро и наполнится наносами отъ впадающихъ въ него большихъ рѣкъ (морская же вода будетъ вытѣснена изъ него этими наносами). «Особенность нашего времени (онъ писалъ ок. 150 г. до Р. Х.) заключается въ томъ, что такъ какъ всѣ моря и земли сдѣлались доступными, то намъ не подобаетъ болѣе ссылаться на поэтовъ и миѳографовъ, какъ на свидѣтелей о неизвѣстныхъ никому вещахъ. Такъ обыкновенно поступали наши предки». Затѣмъ Полибій разсуждаетъ *) о направленіи теченій въ Босфорѣ, доказывая, что Византія расположена на самомъ лучшемъ мѣстѣ, къ которому направляется теченіе, идущее отъ Хрисополя къ другому берегу, вверхъ по проливу; напротивъ, Халкедонъ лежитъ на неудобномъ мѣстѣ, и его жители, желая переправиться въ Византію, должны подниматься къ Хрисополю. По этимъ соображеніямъ Алкивіадъ посовѣтовалъ аѳинянамъ захватить Хрисополь и здѣсь задерживать суда, идущія изъ Чернаго моря, прежде чѣмъ они достигнутъ Визан-

*) IV, 43, 44.

тіи. Также и на югъ отъ этихъ городовъ путь вдоль европейскаго берега удобенъ и прямъ, тогда какъ вдоль азіатскаго берега неудобенъ и извилистъ.

«Но всѣ эти выгоды почти пропадали даромъ для византійцевъ, благодаря неудобствамъ ихъ положенія со стороны суши. Они были окружены ѳракійцами, и имъ приходилось выдерживать постоянную войну съ ними, при чемъ одна кампанія, хотя бы и побѣдоносная, не могла положить конца войнѣ, благодаря многочисленности варваровъ и самостоятельности каждаго изъ ихъ вождей и племенъ. Уступить и начать платить дань—тоже не значило бы поправить дѣло, потому что, заплативъ выкупъ кому-нибудь одному, они нажили бы себѣ только новыхъ враговъ. Такимъ образомъ византійцы страдаютъ отъ постоянной и безнадежной борьбы противъ своихъ сосѣдей-варваровъ. Имъ приходится испытывать муки Тантала при видѣ того, какъ богатые хлѣба, взращенные ими на превосходной почвѣ, истребляются или увозятся лишь только подходитъ время жатвы».

Мы привели этотъ отрывокъ безъ большихъ сокращеній, потому что онъ изображаетъ общее состояніе всѣхъ городовъ, не возвысившихся до политики эллинистическихъ государствъ *). Подобными чертами Діонъ Хрисостомъ описываетъ, три столѣтія спустя, Борисѳенъ, отдаленное греческое поселеніе на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Здѣсь тоже эллинскіе обычаи и эллинскіе вкусы сохранялись долго и въ довольно чистомъ видѣ, но поля

*) Государства эти принимали въ свой составъ окружающее населеніе и старались слить его съ собою въ одно цѣлое; они оставались при этомъ по существу эллинскими—въ смыслѣ противоположности варварамъ.

обработывались вооруженными людьми, и дня не проходило, чтобы не били тревогу въ ожиданіи набѣга скиѳовъ. Въ такомъ же положеніи находились въ это самое время нѣкогда процвѣтавшіе города Великой Греціи. Они постепенно хирѣли и приходили въ упадокъ, благодаря постоянному страху передъ самнитскими и луканскими нашествіями. Но цивилизовать инородныя націи сѣвера и запада было задачей болѣе трудной, чѣмъ та, которую разрѣшилъ Александръ. Хотя греки всѣхъ иностранцевъ называли варварами, но на югѣ и востокѣ они встрѣтились съ культурой и болѣе древней, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе высокой, чѣмъ ихъ собственная; они нашли здѣсь немало племенъ, привыкшихъ къ миру и промышленности. Дѣйствительныя завоеванія эллинизма, а впослѣдствіи и перваго христіанства, были совершены среди тѣхъ націй, которыя уже раньше успѣли достигнуть извѣстной степени культуры.

Вернемся теперь отъ этого отступленія къ разсказу Полибія *): «Тѣмъ не менѣе, привыкнувъ къ постоянной войнѣ съ ѳракійцами, они соблюдали свои первоначальныя отношенія къ грекамъ (т. е. не налагали пошлины на товары, проѣзжающіе черезъ Босфоръ). Но когда явились еще галаты; когда, потерпѣвъ пораженіе при Дельфахъ, они двинулись на Геллеспонтъ и, вмѣсто того, чтобы прослѣдовать въ Азію, осадили со всѣхъ сторонъ Византію; когда они избрали царской резиденціей Тилу, —то тутъ несчастнымъ византійцамъ пришлось платить по три, по четыре и даже по десяти тысячъ золотыхъ для того, чтобы спасти свои земли отъ опустоше-

*) IV, 46.

нія. Въ концѣ концовъ они были вынуждены согласиться на уплату восьмидесяти талантовъ (200.000 руб.) ежегодной дани, которую и вносили до того момента, когда галатскій царь Каваръ былъ прогнанъ, и галаты или истреблены или изгнаны ѳракійцами, которые теперь въ свою очередь оказались побѣдителями».

Я полагаю, что византійцы хотѣли воспользоваться перемѣной сосѣдей для того, чтобы заключить болѣе выгодныя условія съ ѳракійцами; кромѣ того, ихъ должно было обнадеживать послѣднее воззваніе родосцевъ къ цивилизованному міру и успѣхъ этого воззванія. Едва ли допустимо, чтобы они сами отказались помочь въ этомъ случаѣ родосцамъ, если бы, дѣйствительно, у нихъ не было готоваго оправданія въ ихъ плохой репутаціи и въ упомянутыхъ тяжелыхъ издержкахъ. Впрочемъ, имъ скоро пришлось раскаяться. «Оказавшись въ страшно стѣсненномъ положеніи изъ-за дани, византійцы сперва отправили повсюду посольства къ грекамъ, прося о помощи и поддержкѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ». Однако они не получили такого отклика, какъ Родосъ. Конечно, продолжительныя несчастія не такъ дѣйствуютъ на человѣческое воображеніе, какъ внезапная катастрофа. Къ тому же византійцы не обладали такими общественными талантами, какъ родосцы, повсюду пользовавшіеся уваженіемъ за свои личныя качества. Но, что было всего важнѣе, — Византія лежала, по выраженію Полибія, «немного въ сторонѣ», т. е. лежала внѣ международныхъ сношеній и потому отнюдь не имѣла того значенія для финансовъ міра, какое имѣлъ Родосъ. Разумѣется, мѣстоположеніе Византіи не годилось для банковъ

и для храненія денегъ. Съ другой стороны, кажется, можно услѣдить въ исторіи Византіи даже нѣкоторое соревнованіе съ Родосомъ и стремленіе къ независимости, которое могло особенно обнаружиться, когда ея южный соперникъ былъ превращенъ въ груду развалинъ землетрясеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, «такъ какъ большинство городовъ не отозвалось на воззваніе византійцевъ, то они были вынуждены задерживать и облагать пошлинами греческіе корабли, идущіе въ Черное море. Когда же благодаря пошлинамъ, наложеннымъ византійцами на предметы вывоза изъ Чернаго моря, весь торговый міръ сталъ терпѣть большіе убытки и неудобства, то всѣ возмутились, и всѣ торговыя страны обратились съ жалобами къ родосцамъ, такъ какъ они считались первымъ морскимъ государствомъ». «Такимъ образомъ родосцы, побужденные къ дѣйствію какъ своимъ убыткомъ, такъ и убытками своихъ сосѣдей, прежде всего отправили вмѣстѣ съ своими союзниками посольства въ Византію съ требованіемъ, чтобы византійцы прекратили взиманіе пошлинъ. Но послѣдніе стали доказывать свою правоту и не желали уступить. Такимъ образомъ родосцы вернулись домой ни съ чѣмъ и объявили войну».

Способъ веденія войны не менѣе характеренъ для этого вѣка. Оба противника стали отыскивать союзниковъ. Византійцы послали къ Атталу и Ахею, родосцы къ царю Виѳиніи Прусію. Въ это время Атталъ воевалъ съ Ахеемъ и выдерживалъ осаду въ своей столицѣ. Ахей, дядя новаго сирійскаго царя Антіоха III, впослѣдствіи Великаго, началъ свою дѣятельность въ качествѣ намѣстника молодого царя въ

12*

Малой Азіи, но постепенно онъ достигъ такого могущества, что рѣшился облечься въ пурпуръ и сталъ могущественнѣйшимъ правителемъ во всей Азіи. Однако оба эти царя, несмотря на вполнѣ естественную взаимную вражду, были готовы помочь византійцамъ. Но родосцы побѣдили своихъ противниковъ дипломатіей. Аттала они оставили въ покоѣ, но связали руки Ахею, отправившись въ Египетъ и убѣдивъ египетскаго царя выдать имъ отца Ахея Андромаха, котораго египтяне раньше взяли въ плѣнъ и держали, какъ цѣннаго заложника, могущаго пригодиться для ихъ дипломатическихъ цѣлей (его сестра была сирійская царица Лаодика). Убѣдивъ Птоломея, родосцы отослали Андромаха домой и тѣмъ пріобрѣли дружбу Ахея, который составлялъ главную опору византійцевъ. Въ довершеніе всего, родосцы, не теряя ни людей, ни денегъ, направили противъ византійцевъ Прусія, царя Виѳиніи, внука Никомеда (о завѣщаніи котораго было упомянуто выше) и преемника отца своего Зіаэла на престолѣ въ Никомидіи.

Приведенныя Полибіемъ причины враждебнаго отношенія этого царя къ византійцамъ довольно курьезны, но въ то же время и очень характерны для того времени. Прежде всего, Прусія очень тревожили постоянныя старанія византійцевъ быть посредниками между Атталомъ и Ахеемъ: онъ зналъ, что если бы эти цари пошли на соглашеніе, то Ахей немедленно же сдѣлалъ бы на него нападеніе. Но кромѣ того онъ былъ жестоко оскорбленъ тѣмъ, что они постановили воздвигнуть въ своемъ городѣ статуи въ честь его, а потомъ по забывчивости или сознательно не исполнили своего намѣренія. Они

были виновны еще въ одномъ упущеніи, именно: они не послали депутаціи на устроенный имъ большой праздникъ, называемый Soteria, а между тѣмъ не забыли послать депутацію на подобный же праздникъ Аѳины въ Пергамѣ. По этимъ-то причинамъ родосцы нашли въ Прусіи ожесточеннаго врага византійцевъ, и онъ охотно взялся напасть на Византію съ суши, если родосцы согласятся сдѣлать нападеніе съ моря.

Эти оскорбленныя чувства государя, царствующаго на окраинахъ эллинистическаго міра и тѣмъ не менѣе всѣми силами отстаивающаго свои притязанія на цивилизацію, очень любопытны. Статуи и другія почести, оказанныя древними эллинскими городами, сообщали какое-то достоинство получившему ихъ, и новая столица въ родѣ Никомидіи добивалась ихъ для своего царя. Пока родосцы хлопотали объ освобожденіи Андромаха, Прусій сдѣлалъ удачное нападеніе на азіатскую территорію Византіи. Тѣмъ временемъ родосцы съ небольшимъ числомъ кораблей блокировали проливъ, а византійцы, желая отвлечь вниманіе въ другую сторону, послали въ Македонію за дядей Прусія Тибоэтомъ (въ то время онъ жилъ изгнанникомъ въ Македоніи), къ которому должно было перейти царство по завѣщанію, и предложили ему поддержать его притязанія. Но, къ несчастію, Тибоэтъ внезапно умеръ; Ахей отказался помогать византійцамъ, и ихъ стали тѣснить съ двухъ сторонъ—Прусій и съ нимъ заодно ихъ сосѣди ѳракійцы. Тутъ они стали искать какого-нибудь приличнаго предлога для прекращенія войны. Предлогъ нашелся, благодаря посредничеству галатскаго

царя Кавара, которымъ руководили неизвѣстныя намъ побужденія. Можетъ-быть, онъ хотѣлъ отнять у ѳракійцевъ свое прежнее царство въ Тилѣ и разсчитывалъ на поддержку Византіи.

Условія мира не менѣе интересны. Родосцы не требуютъ никакого денежнаго вознагражденія и не получаютъ никакихъ выгодъ. Они предлагаютъ миръ на томъ условіи, чтобы были сняты пошлины за проѣздъ черезъ проливъ. Но что еще удивительнѣе, они заставляютъ Прусія вернуть всю завоеванную имъ территорію и плѣнныхъ, а также корабли и военные снаряды, увезенные имъ изъ укрѣпленій на азіатскомъ берегу пролива. И на такихъ условіяхъ Прусій и византійцы должны были клясться другъ другу въ вѣчномъ мирѣ! Итакъ, мы имѣемъ здѣсь примѣръ вооруженнаго вмѣшательства во имя торговыхъ интересовъ, — вмѣшательства, въ которомъ не играетъ роли ни ненависть ни мщеніе. Главнымъ рычагомъ является сложная дипломатія, и вмѣшательство прекращается, какъ только достигнута его цѣль. Люди, слѣдовавшіе такого рода политикѣ, были уже не греки, а граждане міра.

Таковъ былъ Родосъ третьяго вѣка до Р. Х. Скоро, какъ мы увидимъ, онъ покинетъ свой мудрый нейтралитетъ и явится дѣятельнымъ участникомъ во всѣхъ современныхъ столкновеніяхъ. Но мы еще не дошли до этого пункта; во всякомъ случаѣ мы недаромъ потратили время на то, чтобы собрать всѣ извѣстные намъ данныя о родосской дипломатіи и торговлѣ, прежде чѣмъ обратиться снова къ изученію соціальной жизни Греціи.

VIII. УПАДОКЪ СПАРТЫ КЪ ПОЛОВИНѢ III ВѢКА.

(*В. Г. Васильевскій.* Политическія реформы и соціальное движеніе въ древней Греціи).

Благодаря реформамъ Хилона, Спарта, повидимому, навсегда спаслась отъ дальнѣйшихъ переворотовъ, которые въ другихъ мѣстахъ слѣдовали за разложеніемъ родовой аристократіи. Въ господствующій классъ не могло приникнуть никакихъ новыхъ подвижныхъ элементовъ; политическая власть была крѣпко соединена съ неподвижнымъ землевладѣніемъ. Въ остальныхъ греческихъ республикахъ демократическое общество, водворившееся на развалинахъ аристократіи, подверглось потомъ раздѣленію на двѣ враждебныя соціально-политическія партіи. Въ то время какъ пролетаріатъ и богатство, одинаково вооруженные политическою властью, пользовались ею только для взаимной борьбы, и почти вся Греція истощала свои силы въ безплодныхъ переворотахъ, Спарта могла почитать себя счастливою, что осталась въ сторонѣ отъ движенія, приведшаго къ такимъ результатамъ. Съ этой точки зрѣнія самые умные писатели древности, даже расположенные къ умѣренной демократіи, ставятъ очень высоко спартанское устройство. Сохраненіе соціаль-

наго равенства въ политическомъ классѣ и, вслѣдствіе того, согласіе гражданъ между собою, отсутствіе борьбы между богатыми и бѣдными, —вотъ главныя достоинства, которыя имѣютъ цѣну для мыслителей, измученныхъ зрѣлищемъ постоянныхъ переворотовъ въ греческихъ республикахъ. Но жизнь, лишенная всякаго внутренняго движенія, направленная на исключительное развитіе военныхъ добродѣтелей, по необходимости искала себѣ другого выхода. Только военная гордость и слава, господство надъ сосѣдями могли вознаградить спартанскую аристократію за то безотрадное принужденіе, которое было на нее наложено. «Сдѣлавъ спартанцевъ умѣренными и скромными въ домашней жизни и въ отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ страны, Ликургъ пробудилъ въ нихъ тѣмъ большее честолюбіе, властолюбіе и корыстолюбіе въ отношеніи къ другимъ грекамъ» (Полибій). Они первые устремились къ завоеванію и порабощенію другихъ областей Эллады. Но политическое господство необходимо должно было подѣйствовать разрушительнымъ образомъ на внутреннее устройство ихъ быта. «Когда для нихъ оказалось необходимымъ высылать флоты въ море и дѣлать походы внѣ Пелопоннеса, то, очевидно, ни желѣзная монета, ни мѣна ежегодныхъ произведеній почвы на прочіе предметы необходимости не могли быть достаточными». Начало разложенія стараго спартанскаго быта, начало «порчи и болѣзни», древніе относятъ ко времени Лисандра: онъ первый ввезъ въ Спарту большое количество серебра и золота. Несмотря на сильную оппозицію людей, стоявшихъ за желѣзную монету и понимавшихъ опасность, которою грозятъ Спартѣ благородные метал-

лы, Лисандровы деньги были приняты въ государственную казну. Частнымъ людямъ, конечно, всетаки было запрещено имѣть серебряную или золотую монету; но, очевидно, что это запрещеніе не могло имѣть серіознаго значенія: изъ государственной казны деньги неизбѣжно переходили въ частныя руки. Спартанцы скоро помирились съ враждебнымъ металломъ и стали выказывать къ нему тѣмъ большую жадность, чѣмъ сильнѣе подавлялось до сихъ поръ стремленіе къ его пріобрѣтенію. Даже лучшіе люди часто были не въ силахъ устоять передъ новымъ соблазномъ,—не отступали передъ самыми низкими средствами для своего обогащенія и обкрадывали государственную казну. Другой путь къ пріобрѣтенію богатства открылся во время Лисандра, благодаря именно господству Спарты надъ Греціей. Спартіаты охотно отправлялись въ подчиненные и обложенные данью города Греціи въ званіи гармостовъ. Если бы даже эти люди были прежніе безсребренники, то и тогда имъ была бы нужна особенная твердость противъ неизбѣжныхъ искушеній, но теперь на такія должности прямо смотрѣли, какъ на средство обогащенія. Вслѣдствіе этого простота жизни и относительное равенство стали исчезать между спартіатами. Не всѣ, конечно, могли пользоваться тѣми средствами обогащенія, которыя вновь открылись; только болѣе предпріимчивые, болѣе близкіе къ правительству люди получали прибыльныя мѣста въ союзныхъ областяхъ; только тѣ, кто достигалъ высшихъ должностей, обогащались на счетъ государственной казны. Но чѣмъ болѣе одни обогащались, тѣмъ болѣе другіе бѣднѣли уже по тому одному, что, съ умноженіемъ и распростране-

ніемъ денегъ, естественно, должны были подняться цѣны на всѣ предметы. Богатыя фамиліи отдѣлялись постепенно отъ остальной массы, а высшія должности и выгодныя мѣста дѣлались какъ бы наслѣдственными въ немногихъ фамиліяхъ; Спарта была на пути къ господству богатой олигархіи. Въ самомъ образѣ жизни спартанцевъ должна была произойти перемѣна: вмѣстѣ съ богатствомъ являлись и новыя потребности. Строгія предписанія Ликурговой дисциплины становились невыносимыми для людей, познакомившихся съ болѣе широкою и болѣе свободною жизнью за предѣлами своего отечества. Такъ объясняется, на основаніи прямыхъ указаній источниковъ, паденіе Спарты. Очевидно, однако, что объясненіе это неполно и неудовлетворительно. Богатство, дѣйствуя разлагающимъ образомъ на древній спартанскій бытъ, могло бы послужить также и элементомъ прогресса; паденіе старой дисциплины могло бы не быть паденіемъ государства, если бы въ Спартѣ принимались какія-либо мѣры и реформы, соотвѣтствовавшія измѣнившимся условіямъ и потребностямъ жизни. Къ несчастію, на самомъ дѣлѣ было не такъ. Спарта упорно хранила отжившія формы, когда содержаніе давно уже оставило ихъ. Можно поэтому сказать, что не измѣна законамъ Ликурга, а упорное храненіе ихъ было причиною паденія Спарты.

Спартанское законодательство не допускало дѣлимости поземельныхъ участковъ между наслѣдниками. Но извѣстно, что пользованіе гражданскими правами обусловливалось для спартіата взносомъ извѣстнаго количества продуктовъ и денегъ въ ту или другую изъ военно-экономическихъ корпорацій. Что

же должно было послѣдовать въ томъ случаѣ, когда по причинѣ размноженія рода, наслѣдственный участокъ оказывался недостаточнымъ и не могъ давать дохода, необходимаго для поддержанія гражданскаго положенія всѣхъ членовъ рода? Одно изъ двухъ: или весь родъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ гражданскихъ правъ, не имѣя возможности нести соединенныя съ ними обязанности, или исключеніе падало только на новыхъ излишнихъ членовъ,—на младшихъ сыновей. Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ слѣдствія должны были обнаружиться почти одинаковыя. Ликурговскій порядокъ, устанавливавшій нераздѣльность поземельныхъ участковъ въ родѣ, могъ допустить увеличеніе и размноженіе числа гражданъ только до извѣстнаго предѣла, за которымъ должны были послѣдовать неподвижное положеніе, а потомъ необходимое уменьшеніе этой численности. Въ первоначальныя времена,—въ эпоху завоеваній,—государство могло еще помогать дѣлу образованіемъ новыхъ поземельныхъ участковъ. Но когда эта возможность прекратилась, то не должно ли было вмѣстѣ съ тѣмъ прекратиться и дальнѣйшее движеніе въ размноженіи господствующаго населенія Спарты? Вполнѣ основательныя соображенія приводятъ къ убѣжденію, что такъ было на самомъ дѣлѣ. Послѣднія завоеванія Спарты, сопровождавшіяся увеличеніемъ территоріи, относятся къ эпохѣ до-персидскихъ войнъ. Соотвѣтственно этому, около времени персидскихъ войнъ число спартіатовъ было болѣе, чѣмъ когда-либо. Потомъ оно начинаетъ замѣтно уменьшаться, когда Спарта перестала дѣлать новыя завоеванія. Притокъ движимыхъ капиталовъ во время Лисандра и

возможность обогащенія для даровитыхъ, но несостоятельныхъ членовъ той или другой фамиліи могли бы принести пользу и для экономическаго и для политическаго быта Спарты, если бы капиталы могли быть къ чему-нибудь приложены. Но спартанская аристократія презирала всякій промышленный трудъ—и мелкую и крупную промышленность одинаково. Поземельное имущество также оставалось недоступнымъ для капиталовъ; человѣкъ, пріобрѣвшій ихъ, не имѣлъ возможности основать новое и прочное хозяйство, которое обезпечивало бы за его потомствомъ пользованіе гражданскими правами и, слѣдовательно, поддерживало бы численную силу политическаго сословія.

Быстрое уменьшеніе численности господствующаго класса всего проще и ближе могло бы быть объяснено постоянными войнами, которыя вела Спарта въ Европѣ и въ Азіи. За пелопоннесскою войною послѣдовали походы въ Азію, война коринѳская и ѳиванская. Но политическая экономія и статистика могутъ намъ при этомъ напомнить, что на уменьшеніе народонаселенія дѣйствуютъ не всѣ войны, а только тѣ изъ нихъ, которыя сопровождаются разрушеніемъ и уменьшеніемъ средствъ пропитанія. О войнахъ, которыя вела Спарта, мы должны сказать, что большая часть ихъ не касалась спартанской территоріи, не касалась ея полей, въ которыхъ находился главный и почти единственный источникъ пропитанія для всего ея населенія. Слѣдовательно, война не должна была оказывать ощутительнаго вліянія на уменьшеніе лаконскаго населенія. Она и въ самомъ дѣлѣ не оказывала его. Уменьшалось не населеніе вообще а только аристо-

кратическое сословіе спартіатовъ. Послѣ пораженія, подобнаго левктрскому, послѣ такихъ потерь, какъ уничтоженіе цѣлаго военнаго отряда въ 400 человѣкъ, всякій разъ должна была оказываться очень чувствительная убыль въ сословіи спартіатовъ. Убыль эта была совершенно невознаградима и безвозвратна по отношенію къ тѣмъ изъ погибшихъ людей, которые не оставили даже прямыхъ наслѣдниковъ своего участка. Ихъ имѣніе доставалось побочнымъ родственникамъ, часто имѣвшимъ уже свой участокъ, и переставало быть отдѣльнымъ родовымъ имѣніемъ, поддерживавшимъ и обусловливавшимъ существованіе отдѣльной фамиліи. Спартанская аристократія, проникнутая духомъ исключительности, не хотѣла прибѣгать къ тому средству для восполненія убыли, которое употреблялось при господствѣ царской власти; она была такъ горда, что не хотѣла допустить въ свою среду лицо не дорійскаго происхожденія, хотя бы и оказавшее большія услуги отечеству. Спартанское правительство думало, повидимому, остановить исчезновеніе дорійской крови простою бережливостію, отправляя въ походы, особенно отдаленные, какъ можно меньшее количество гражданъ. Такимъ образомъ война въ соединеніи съ условіями спартанскаго землевладѣнія, безъ сомнѣнія, могла имѣть вліяніе на убыль политическаго сословія въ государствѣ. Но вымираніе спартанской аристократіи не только не останавливается въ сравнительно мирный промежутокъ времени,—отъ ѳиванской войны до смерти Аристотеля,—но совершается, какъ будто по какому-то закону, въ извѣстной опредѣленной пропорціи. Приблизительно пятидесятилѣтній періодъ оказывается

какъ бы нормальнымъ срокомъ, въ продолженіе котораго число спартіатовъ уменьшается вдвое. Постоянство и правильность явленія заставляетъ предположить постоянную и правильную причину, какою, конечно, не можетъ быть одна война съ ея потерями. Нужно думать, что тутъ дѣйствовали тѣ общія причины, которыми вообще объясняется вымираніе аристократическихъ сословій. При устройствѣ спартанскаго землевладѣнія на началахъ неотчуждаемости и недѣлимости участковъ, младшіе братья, какъ можно догадываться, не имѣли здѣсь возможности жениться и обзаводиться новымъ хозяйствомъ такъ же часто, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ. Интересное замѣчаніе Поливія, что въ Спартѣ три или четыре брата часто имѣли одну жену, должно быть принимаемо за положительное и несомнѣнное указаніе на этотъ фактъ, существованіе котораго впрочемъ слѣдовало бы подозрѣвать и безъ прямого свидѣтельства. Имѣть жену значило въ Спартѣ имѣть свой очагъ и отдѣльное хозяйство; невозможность раздѣла и ограниченность землевладѣнія часто приводили къ тому, что ни одинъ изъ братьевъ, кромѣ, разумѣется, старшаго, не могъ позволить себѣ брака, и всѣ они принуждены были ограничиваться однимъ очагомъ, однимъ хозяйствомъ и одною женой-хозяйкой. Отсюда легко понять далѣе, какую тягость должно было составлять многочисленное семейство для дѣйствительнаго владѣльца поземельнаго участка, былъ ли это отецъ или старшій братъ. Естественно предполагать поэтому въ спартанскихъ «домахъ» желаніе сохранить и поддержать свое гражданское положеніе, боязнь бѣдности и боязнь многочисленнаго семейства. Дѣй-

ствительно, говорятъ, самъ Ликургъ совѣтовалъ своимъ согражданамъ оставлять не болѣе одного наслѣдника. Когда, вслѣдствіе вторженія денежныхъ капиталовъ въ простое и грубое хозяйство спартіатовъ, суровая простота и одинаковость въ образѣ жизни стали исчезать между ними, спартанская аристократія тѣмъ съ большею необходимостью должна была прійти къ тому самовоздержанію, которое ставится обыкновенно въ похвалу другимъ однороднымъ съ нею сословіямъ. Не даромъ въ законодательствѣ появилась статья, обѣщавшая особыя привилегіи тому, кто будетъ имѣть только трехъ или четырехъ сыновей. Итакъ, рѣдкіе браки младшихъ сыновей фамиліи и аристократическое самовоздержаніе, то-есть причины, которыми объясняется вымираніе всѣхъ привилегированныхъ замкнутыхъ сословій, дѣйствовали и въ сферѣ спартанской не менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой. Гораздо сильнѣе и болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, должна была дѣйствовать въ Спартѣ третья причина, имѣющая также общій характеръ, именно: ограниченность круга, среди котораго заключаются брачные союзы въ аристократическихъ сословіяхъ, ведущая, по законамъ чисто физіологическимъ, къ меньшей производительности браковъ. Гражданское законодательство относительно женскаго наслѣдованія своими постановленіями не столько противодѣйствовало, сколько помогало въ этомъ случаѣ дѣйствію физическаго закона. Съ древняго времени въ Спартѣ существовали правила, ограничивающія произволъ родныхъ при выдачѣ замужъ дочери - наслѣдницы. Самъ царь вмѣшивался въ дѣло въ случаѣ спора родственниковъ о томъ, кто изъ нихъ имѣетъ право на руку

и, слѣдовательно, на наслѣдственный участокъ невѣсты. Главная цѣль закона, понятно, состояла въ храненіи и поддержаніи полноправнаго рода, владѣющаго участкомъ. Въ частныхъ случаяхъ цѣль, безъ сомнѣнія, и достигалась, но въ общемъ законъ едва ли не имѣлъ совершенно обратнаго дѣйствія. Когда случаи женскаго наслѣдованія,—слѣдовательно, и браки между родственниками во время войнъ, сопровождавшихся иногда вдругъ большими потерями мужского населенія,—стали особенно часты, то вышеуказанный физіологическій законъ пріобрѣталъ отъ этого только новую силу и, противъ намѣреній законодателя, содѣйствовалъ уменьшенію населенія, сокращенію общаго числа фамилій.

Рука объ руку съ вымираніемъ спартанской аристократіи шло развитіе олигархическихъ началъ. Вмѣстѣ съ сокращеніемъ числа полноправныхъ фамилій, само собою разумѣется, сокращалось и число поземельныхъ собственниковъ, слѣдовательно, владѣтели дѣлались крупнѣе. Такимъ образомъ богатые люди могли быть въ Спартѣ и до Лисандра: это были тѣ, кто сверхъ своего первоначальнаго участка получилъ по наслѣдству другой; это были тѣ, чья фамилія была малочисленнѣе, чѣмъ у прочихъ. Съ другой стороны, въ то же время совершался и обратный процессъ, — процессъ положительнаго и безотносительнаго обѣднѣнія тѣхъ родовъ, которые не успѣли сдѣлаться богатыми. Какъ бы ни было устроено спартанское землевладѣніе, — старшій ли только братъ считался владѣтелемъ наслѣдственнаго участка или всѣ братья имѣли одинаковое право если не на управленіе, то на пользованіе имъ; младшіе ли только братья при недостаточности средствъ,

даваемыхъ родовымъ имѣніемъ, должны были отказываться отъ своихъ гражданскихъ правъ, или цѣлый домъ худѣлъ и падалъ, теряя полноту этихъ правъ, — во всякомъ случаѣ, въ Спартѣ долженъ былъ появиться классъ людей, принадлежавшій по своему происхожденію къ дорійской аристократіи, но потерявшій свои права вслѣдствіе обѣднѣнія: это были дѣти и потомки тѣхъ фамилій, которымъ судьба не послала подспорья въ видѣ поземельнаго наслѣдства, которые не успѣли потомъ обогатиться на государственной службѣ и ничего не пріобрѣли на свою долю изъ капиталовъ, появившихся въ Спартѣ со времени Лисандра. Если не всѣ члены такихъ фамилій, то по крайней мѣрѣ младшіе сыновья, не имѣя возможности дѣлать необходимые для гражданина взносы въ фидитію, отдѣлялись отъ своего сословія и поступали въ разрядъ неравныхъ, «худшихъ», не пользовавшихся полными правами гражданства.

Послѣднимъ ударомъ, который въ конецъ разбилъ старый спартанскій порядокъ, Плутархъ считаетъ законъ Эпитадея *), давшій каждому спартіату право и свободу располагать своимъ поземельнымъ имуществомъ посредствомъ дара или завѣщанія. Полная свобода отчуждать свое имущество при этомъ все-таки не была допущена; продажа старыхъ родовыхъ участковъ оставалась подъ строгимъ запрещеніемъ закона, а продажа собственности, пріобрѣтенной по наслѣдству или въ видѣ приданаго, продолжала считаться дѣломъ постыднымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что свобода завѣщать или дарить

*) О немъ см. *Пёльмана:* Кр. оч. греч. ист., стр. 105.

имѣніе все-таки не распространялась на періэковъ и вольноотпущенныхъ илотовъ. Если бы даже было дозволено закономъ передавать землю такимъ лицамъ, то мало вѣроятія, чтобы гордая аристократія воспользовалась этимъ позволеніемъ. Въ спартіатахъ нельзя предполагать дальновиднаго патріотизма даже настолько, чтобъ они дарили свои имѣнія, выдавали своихъ дочерей и оставляли земли бѣднымъ людямъ своего сословія: большею частью это дѣлалось въ пользу тѣхъ же богатыхъ. Кромѣ того, съ уничтоженіемъ строгаго и точнаго порядка наслѣдованія, опредѣленнаго закономъ, для людей сильныхъ и богатыхъ представилась теперь легкая возможность посредствомъ разныхъ продѣлокъ и даже простого насилія отнимать наслѣдство у своихъ менѣе сильныхъ, бѣдныхъ родственниковъ. Наконецъ нужно прибавить, что купить и продать имѣніе подъ видомъ дарственной записи было весьма легко. Но и здѣсь вовсе нѣтъ нужды объяснять все дѣйствіемъ грубыхъ средствъ насилія. Нужно, напротивъ того, представить себѣ положеніе тѣхъ землевладѣльцевъ, которые еще сохраняли за собою небольшіе участки старыхъ временъ, не пріобрѣтя новыхъ. Что могла дать имъ истощенная долговременною обработкою почва? Скудное и бѣдное существованіе—вотъ все, что могъ обезпечить родовой участокъ, перешедшій изъ тѣхъ временъ, когда долина Эврота была подѣлена между толпами завоевателей. Рядомъ съ такими участками существовали уже хозяйства съ огромнымъ количествомъ рабовъ и съ характеромъ промышленнымъ, на что указываетъ развитіе скотоводства. Рядомъ существовали уже и денежный капиталъ и начатки фабричнаго

производства. Жизнь была дороже, и, безъ сомнѣнія, самая почва не давала такъ много, какъ прежде. Крупные владѣльцы могли охотно, съ выгодою для себя, но не безъ выгоды и для продавца, пріобрѣтать небольшіе сосѣдніе участки. Богатые люди могли пользоваться затруднительнымъ положеніемъ своихъ должниковъ для округленія своихъ владѣній безъ особеннаго противодѣйствія самихъ должниковъ. Небольшой собственникъ, разставшійся съ своимъ участкомъ, легко могъ найти себѣ пріютъ и средства къ существованію въ обширныхъ помѣстьяхъ богатой олигархіи: онъ могъ оставаться съ своею фамиліей въ видѣ арендатора или кліэнта на своей прежней землѣ. Въ Спартѣ появился или, вѣроятнѣе, только усилился классъ людей, не имѣвшихъ собственной земли и жившихъ въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ извѣстной зависимости отъ нихъ. Нужно также думать, что прежнее презрѣніе къ механическому труду поневолѣ исчезло между спартанцами, и что часть ихъ уже не считала униженіемъ для себя работать на поляхъ, которыя орошались до сихъ поръ трудовымъ потомъ однихъ илотовъ.

Въ концѣ концовъ, къ половинѣ III вѣка, консервативная Спарта имѣла не болѣе одной сотни землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ все остальное спартанское населеніе, сравнительно все-таки многочисленное, представляло безземельную, неимущую массу пролетаріата. Древніе писатели склонны объяснять уменьшеніе полноправнаго гражданскаго населенія появленіемъ движимыхъ капиталовъ и образованіемъ олигархіи, какъ будто не было самыхъ явныхъ признаковъ, что этотъ процессъ совершал-

ся независимо, самъ по себѣ, и какъ будто онъ не начался прежде, чѣмъ обнаружилось рѣшительное стремленіе къ сосредоточенію имѣній въ немногихъ рукахъ! Исключительная и замкнутая, не допускающая въ себя никакихъ освѣжающихъ элементовъ аристократія естественнымъ путемъ вырождается и падаетъ; сословіе, которое презираетъ трудъ и ничего вновь не пріобрѣтаетъ, не можетъ долго процвѣтать и увеличиваться численно. Такимъ образомъ, уже въ самомъ ликурговскомъ строѣ лежали начала паденія Спарты. Аристотель былъ на пути къ такому рѣшенію вопроса, строго раскрывая всѣ недостатки спартанскаго устройства и возлагая вину ихъ на самого законодателя.

Слѣдя за прогрессомъ разложенія спартанской аристократіи, мы не должны упускать изъ виду одну важную особенность спартанскаго быта, на которую древніе обращаютъ большое вниманіе; мы разумѣемъ исключительное положеніе женщины въ государствѣ Ликурга. По мнѣнію Аристотеля, недостатки спартанскаго законодательства относительно женской половины населенія послужили одною изъ главныхъ причинъ паденія государства. Въ замѣчаніяхъ философа прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что ограниченіе правъ женскаго наслѣдованія, которое прежде существовало и о которомъ мы говорили, въ это время уже не имѣло силы. Не только отецъ могъ выдавать свою дочь - наслѣдницу, за кого хотѣлъ, но точно такое же право принадлежитъ, во время Аристотеля, и опекунамъ ея, если отецъ не оставилъ завѣщанія. Какъ можно было воспрепятствовать, чтобъ отецъ не давалъ денегъ за своею дочерью? Уже дочери Ли-

сандра считались въ Спартѣ выгодными невѣстами, потому что у ихъ отца предполагался большой денежный капиталъ. Но какъ скоро приданое вошло въ обычай, оно перестало ограничиваться однимъ движимымъ имуществомъ. Лица, владѣвшія большою поземельною собственностью и сосредоточившія въ своихъ рукахъ нѣсколько отдѣльныхъ прежде участковъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя не имѣли прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, стали отдавать часть своего поземельнаго имущества въ видѣ приданаго за своими дочерьми. Частые случаи женскаго наслѣдованія въ соединеніи съ обычаемъ давать приданое должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ переходъ значительной части поземельнаго имущества въ женскія руки, потому что, по спартанскому законодательству, женщина сохраняла полное право собственности надъ родовою землею до самой своей смерти. По словамъ Аристотеля, въ его время двѣ пятыхъ всей земли находились въ женскихъ рукахъ. По замѣчанію его, главный вредъ, отсюда проистекавшій, былъ вредъ нравственный: обычай давать приданое оказывалъ очень дурныя послѣдствія, усиливая корыстолюбіе и любовь къ деньгамъ въ гражданахъ; богатство женщинъ ставило мужей въ невыгодное отношеніе къ своимъ женамъ. Въ Спартѣ развилась крайняя гинэкократія, женовластіе почти въ буквальномъ смыслѣ слова. Какое, въ самомъ дѣлѣ, различіе и не одно ли то же, спрашиваетъ Аристотель, когда женщины управляютъ правителями государства, или когда онѣ прямо властвуютъ надъ государствомъ? Печальнѣе и серьезнѣе всего было то, что богатство и эманципація нехорошо подѣйствовали на самихъ жен-

щинъ. Получая почти мужское воспитаніе, усвоивъ привычку являться въ многочисленныхъ публичныхъ собраніяхъ и обладая большою свободой отъ заботъ семейныхъ (такъ какъ уже съ семи лѣтъ дѣти выходили изъ-подъ надзора матери), спартанскія женщины не отличались ни особенною женственностію, ни надлежащею скромностію. Самъ Платонъ не могъ удержаться отъ строгаго порицанія ихъ образа жизни. Аристотель говоритъ о полной распущенности нравовъ въ Спартѣ. Онъ прибавляетъ, что, утративъ женскія качества, спартанки все-таки не пріобрѣли вполнѣ и мужскихъ. Спартанское государство разлагалось внутри, въ самыхъ основахъ семейнаго быта.

Крайнее неравенство въ распредѣленіи недвижимой поземельной собственности нисколько не смягчалось, а, напротивъ того, усиливалось присутствіемъ въ спартанскомъ государствѣ большихъ денежныхъ капиталовъ. Тѣ же самыя лица, которыя сосредоточили въ своихъ рукахъ поземельную собственность, большею частію владѣли и деньгами. Источникомъ денежнаго богатства могли быть для нихъ тѣ продукты, которые получались отъ скотоводства. Но обработка этихъ продуктовъ находилась не въ рукахъ обѣднѣвшихъ спартіатовъ, а въ рукахъ періэковъ. Поэтому людей съ среднимъ состояніемъ, съ умѣренными капиталами, которые могла породить промышленность, не было между спартіатами. Ихъ нужно было искать среди періэковъ и среди иностранцевъ, которые теперь находились въ государствѣ Ликурга въ значительномъ числѣ. Кромѣ ста фамилій, сохранившихъ землю, все остальное потомство древнихъ спартіатовъ пред-

ставляло «чернь, лишенную средствъ существованія». Къ чему же долженъ былъ повести такой порядокъ? Въ Спартѣ господствовала, съ одной стороны, безумная роскошь, съ другой—бѣдность и соціальная зависть. Подъ видомъ ликурговскихъ общихъ обѣдовъ спартанскіе богачи совершали чисто восточные пиры. Они могли соперничать съ азіатскими сатрапами въ изнѣженности и роскоши, изумляя самихъ иностранцевъ блескомъ и пышностію обстановки и убранства на этихъ пиршествахъ. Зато, съ другой стороны, «чернь, лишенная средствъ существованія и доступа къ общественнымъ должностямъ, гнѣздилась подлѣ, въ городѣ, лѣниво и неохотно защищая его отъ внѣшнихъ враговъ и подстерегая удобную минуту для переворота и возстанія». Такое положеніе государства было тѣмъ болѣе ненормально и уродливо, что въ немъ находился классъ людей, подчиненный олигархіи, но въ соціальномъ отношеніи представлявшій не только гораздо болѣе многочисленное, но и зажиточное сословіе: классъ періэковъ пострадалъ не такъ сильно, какъ господствующій классъ спартіатовъ. Число періэковъ не уменьшилось даже въ сравненіи съ лучшими временами Спарты, можетъ-быть, оно даже увеличилось. Уже одно то, что численность ихъ не уменьшилась, говоритъ въ пользу предположенія, что и благосостояніе ихъ не такъ упало, какъ благосостояніе большинства спартіатовъ. Объясненіемъ этому можетъ служить самое положеніе періэковъ внѣ государственнаго строя, что по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи приносило большую выгоду. Ихъ экономическій бытъ, не стѣсненный тѣсными рамками, въ которыхъ должна была двигать-

ся жизнь спартанца, былъ гораздо разумнѣе и правильнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что неотчуждаемость и недѣлимость имѣній была установлена не для періэковъ и на нихъ вовсе не простиралась. Бóльшая экономическая свобода была, такимъ образомъ, одною изъ причинъ, почему у періэковъ не могло образоваться такихъ ненормальныхъ отношеній, какъ въ собственной Спартѣ. Кромѣ земледѣлія, они могли заниматься и занимались торговлею. Спартанцы держались особенной, можно сказать, вдвойнѣ запретительной системы по отношенію къ торговлѣ: они неохотно допускали къ себѣ торговыхъ чужеземцевъ, взимали высокія пошлины съ ввозныхъ товаровъ въ приморскихъ городахъ, но въ то же время не покровительствовали развитію промышленности и въ собственныхъ владѣніяхъ. Оттого мы не встрѣчаемъ у нихъ между періэками такихъ богатыхъ фабрикантовъ, какіе были въ Аѳинахъ между метэками. Тѣмъ не менѣе періэки вели довольно значительную торговлю, что было совершенно запрещено спартіатамъ. Мы узнаемъ далѣе, что не только ремесла, удовлетворяющія непосредственнымъ нуждамъ и первымъ потребностямъ общежитія, но и производство предметовъ роскоши, даже искусства, были развиты между періэками. Такимъ образомъ нужно полагать, что число обезпеченныхъ и образованныхъ людей было гораздо значительнѣе между періэками, чѣмъ между спартіатами съ ихъ благороднымъ пролетаріатомъ. Сама реформа, желавшая возстановить прежнее сословіе спартіатовъ во всемъ его значеніи, не могла закрыть глаза передъ такимъ фактомъ. Недостающее до 4,500 число спартіатовъ царь Агисъ разсчитывалъ допол-

нить изъ среды періэковъ. Между ними, очевидно, можно было найти достаточное число людей, «цвѣтущаго возраста и хорошаго физическаго сложенія», притомъ получившихъ «свободное воспитаніе», то-есть не унизившихъ себя какою-либо механическою работой или денежнымъ промысломъ. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы въ Спартѣ не было соціальныхъ элементовъ для лучшаго и болѣе правильнаго государственнаго устройства. Реформа была возможна, и вопросъ прежде всего состоялъ только въ томъ, кто за нее возьмется, и кто будетъ въ состояніи провести ее.

Вся политическая власть находилась въ рукахъ какихъ-нибудь ста аристократическихъ фамилій; полными гражданскими правами пользовались нѣсколько сотъ человѣкъ; только по имени были гражданами тѣ жители Спарты, которые вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ обѣднѣли или только не успѣли обогатиться. Изъ среды олигархіи избирались геронты. Легко себѣ представить, что при ограниченномъ числѣ олигархическихъ домовъ тридцать геронтовъ представляли не только совокупные интересы всей олигархіи, но и въ частности отдѣльные интересы по крайней мѣрѣ половины господствующихъ фамилій; съ цѣлою половиной ихъ геронты были соединены, быть-можетъ, близкимъ кровнымъ родствомъ. Между тѣмъ ни одно законодательное рѣшеніе не могло пройти безъ предварительнаго согласія герусіи. Народное собраніе въ Спартѣ было лишено всякой иниціативы. Оно собиралось только тогда, когда желали того цари или эфоры, и не могло сходиться по собственному желанію. Въ этомъ смыслѣ Аристотель говоритъ, что

въ Спартѣ не было вѣча. Наконецъ образовался обычай, вмѣсто дѣйствительнаго вѣча, заключавшаго въ себѣ всѣхъ жителей Спарты, созывать такъ называемое малое вѣче, состоявшее изъ однихъ представителей олигархіи. Въ большихъ собраніяхъ могли участвовать, повидимому, и всѣ обѣднѣвшіе спартанцы, которые выдѣлились и отпали отъ господствующаго класса. Но что они могли сдѣлать даже и въ томъ случаѣ, если бы тому или другому изъ царей или эфорамъ заблагоразсудилось созвать ихъ? Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ герусія,—значеніе первостепенное и, можно сказать, верховное,—имѣли въ спартанскомъ государствѣ эфоры. Они имѣли право созывать герусію и вѣче и могли во многихъ случаяхъ рѣшать дѣла даже первостепенной важности безъ участія совѣщательной и законодательной власти. Они имѣли высшій надзоръ надъ всѣми чинами государства, наблюдали за самими царями, могли ихъ позвать на судъ, наложить на нихъ штрафъ, подвергнуть ихъ власть временному прекращенію,—однимъ словомъ, законная монархическая власть находилась въ полномъ подчиненіи у эфоровъ. Мы не можемъ сказать опредѣлительно, какимъ способомъ избиралась коллегія пяти эфоровъ. Аристотель говоритъ, что она избиралась изъ среды народа, и что это успокоительно дѣйствовало на послѣдній, примиряя его съ господствующимъ порядкомъ. Но примиреніе заключалось не въ томъ, что всякій изъ народа могъ надѣяться на справедливую защиту своихъ интересовъ со стороны лицъ, вышедшихъ изъ его среды, а напротивъ того, въ томъ, что всякій могъ питать надежду рано или поздно подѣлиться выгодами власти

съ господствующею олигархіей. Каковъ бы ни былъ способъ избранія въ эфоры, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что избраніе ихъ попадало тѣмъ или другимъ путемъ въ руки господствующей олигархіи; эфоры избирались изъ среды всѣхъ, но не всѣми. Вслѣдствіе того въ среду ихъ коллегіи входили и люди бѣдные, которые были закупаемы богачами и поэтому становились тѣмъ болѣе усердными защитниками олигархическаго господства. Самъ Аристотель говоритъ о продажности эфоровъ. Впрочемъ, и это послѣднее успокоительное средство ко времени Агиса и Клеомена вышло изъ употребленія: толпа была лишена доступа къ общественнымъ должностямъ.

Такимъ образомъ, при незначительности вліянія, которое спартанская конституція оставляла народному собранію въ сравненіи съ герусіей и коллегіей эфоровъ, соціальное господство богатой олигархіи было закрѣплено и въ политической сферѣ. Оставался одинъ институтъ, который могъ соединить свои интересы съ интересами обѣднѣвшаго и подчиненнаго класса. Консервативный характеръ спартанской исторіи выразился, между прочимъ, въ сохраненіи наслѣдственной царской власти. Но раздѣленіе ея между двумя представителями двухъ различныхъ родовъ и ревнивое наблюденіе со стороны эфоровъ препятствовали до сихъ поръ царской власти взяться за ту задачу, которая ставилась ей, повидимому, самымъ положеніемъ вещей. Съ другой стороны, на спартанскомъ престолѣ со времени Агесилая не являлось ни одного умнаго и энергическаго правителя, который былъ бы въ силахъ выполнить свое призваніе, если бы даже

и почувствовалъ его. Это было большимъ несчастіемъ и для Спарты и для всей Греціи, потому что зло все болѣе и болѣе укоренялось и усиливалось, и тѣ радикальныя насильственныя мѣры къ излѣченію его, которыя, по мнѣнію реформаторовъ, оказались потомъ необходимыми, помѣшали развитію и укрѣпленію другой, болѣе скромной и умѣренной реформы.

IX. СПАРТА И АХЕЙСКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЕНА АРАТА И КЛЕОМЕНА.

(*В. Г. Васильевскій*: «Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи».)

Идеи свободы, стремленіе къ возстановленію республиканскаго порядка пробудились съ новою силою въ III в. въ избранныхъ людяхъ Греціи. Философское движеніе эпохи сильно проглядываетъ во всѣхъ политическихъ событіяхъ. Школы, повидимому, чисто теоретическія, выступаютъ съ опредѣленными политическими тенденціями. Многіе стоики стоятъ на сторонѣ монархіи. Ихъ противниками въ области философскаго мышленія и на поприщѣ политики выступаютъ скептики. Явленіе замѣчательное: изъ школы философскаго сомнѣнія и отрицанія выходятъ люди, еще вѣрящіе въ возможность правильной и разумной свободы въ греческихъ республикахъ. Изъ скептической школы Аркесилая вышли освободители Мегалополя. Тамъ былъ тиранномъ Аристодемъ, оказавшій отечеству много услугъ: онъ защитилъ его свободу отъ покушеній Спарты и украсилъ городъ великолѣпными постройками; соотечественники дали ему почетное прозваніе добраго и честнаго. Ненависть послѣдователей Аркесилая была направлена не на личность тиранна, а на представляемый имъ принципъ. Люди, рѣшившіеся

освободить свое отечество, только дѣлали практическіе выводы изъ своей философіи: это были Экдемъ и Демофанъ. Ихъ жертвою палъ Аристодемъ. Это событіе должно было произвесть сильное впечатлѣніе въ Греціи или по крайней мѣрѣ въ Пелопоннесѣ. Имена дѣйствующихъ лицъ и ихъ жертвы пользовались извѣстностью и уваженіемъ. Примѣръ скептиковъ нашелъ себѣ подражателя въ Сикіонѣ.

Въ эпоху діадоховъ Сикіонъ раздѣлялъ судьбу Пелопоннеса и переходилъ изъ рукъ въ руки. Пять лѣтъ стоялъ въ немъ гарнизонъ египетскій. Возвратилъ сикіонянамъ свободу Димитрій Поліоркетъ. Онъ съ перваго взгляда замѣтилъ невыгоду растянутаго положенія города: оно чрезвычайно затрудняло защиту его для уменьшившагося, повидимому, населенія. Съ другой стороны, времена измѣнились къ худшему: чѣмъ крѣпче и неприступнѣе было положеніе города, тѣмъ было лучше для его жителей. Димитрій убѣдилъ сикіонянъ покинуть древнія жилища на скатѣ къ морю и переселиться на высоту, гдѣ стоялъ доселѣ акрополь. Самый акрополь былъ въ свою очередь перенесенъ еще далѣе и еще выше, на вторую террасу. Одна общая стѣна шла теперь кругомъ, по окраинѣ двойного возвышенія. Въ такомъ видѣ Сикіонъ отличался необыкновенно крѣпкимъ, красивымъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Ежедневное созерцаніе съ высокаго акрополя красивыхъ окрестностей не оставалось, вѣроятно, безъ вліянія на развитіе въ сикіонянахъ вкуса къ изящнымъ искусствамъ, преимущественно къ живописи. Въ III вѣкѣ Сикіонъ по богатству художественными произведеніями былъ греческою Флоренціей. Сикіонская школа скульптуры прославилась очень рано.

Во время Александра В. первымъ художникомъ всей Греціи считался Лисиппъ (изъ Сикіона). Сикіонская школа живописи славилась не менѣе скульптурной. Знатоки и покровители искусства, египетскіе Птоломеи, считали впослѣдствіи лучшимъ подаркомъ картину изъ сикіонской галлереи. Но политическое положеніе Сикіона было очень печально. Подаренною Димитріемъ свободою граждане пользовались недолго. Борьба соціальныхъ партій неизбѣжно вела къ тираннiи, и одинъ тираннъ слѣдовалъ за другимъ. Въ 265 году, по смерти тиранна Клеона, управленіе дѣлами, съ общаго согласія, взяли на себя два знатные и почтенные гражданина, Клиній и Тимоклидъ. Подъ ихъ управленіемъ въ городѣ сталъ было водворяться законный порядокъ; но, къ несчастію, Тимоклидъ скоро умеръ, а Клиній былъ убитъ Абантидомъ, снова захватившимъ въ свои руки тираннію и стремившимся упрочить ее мѣрами жестокости и насилія. Друзья и знакомые Клинія были отчасти изгнаны, отчасти убиты. Та же участь грозила и его семилѣтнему сыну Арату, и только случай спасъ его: тетка тайкомъ отправила его въ Аргосъ, гдѣ у его отца было много богатыхъ знакомыхъ.

Тринадцать лѣтъ провелъ здѣсь Аратъ. Воспитаніе его было нѣсколько односторонне, не вполнѣ удовлетворяло тогдашнимъ требованіямъ. Повидимому, онъ не посѣщалъ никакой философской школы. Краснорѣчіемъ онъ занимался менѣе, чѣмъ этого можно было требовать отъ будущаго политика. Болѣе вниманія было обращено на физическое его воспитаніе. Аратъ усердно посѣщалъ палестру и за ловкость въ гимнастикѣ получилъ нѣсколько вѣнковъ. Даже на позднѣйшихъ портретахъ онъ нѣ-

сколько напоминалъ атлета. Воспоминанія дѣтства, гибель отца, жизнь на чужбинѣ—должны были развить въ молодомъ Аратѣ ненависть къ тиранніи. Ненависть эту поддерживали въ немъ постоянно являвшіеся изъ Сикіона новые изгнанники. Всѣ они видѣли въ Аратѣ человѣка, который, по унаслѣдованнымъ отъ отца связямъ, могъ стать во главѣ враговъ тиранніи. Личный его характеръ возбуждалъ къ нему большую симпатію и довѣріе. Двадцатилѣтній юноша уже отличался большою серьезностью. Въ его характерѣ не было замѣтно опрометчивости и неумѣренной пылкости. Онѣ сдерживались разсудкомъ не по лѣтамъ, твердымъ и расчетливымъ. За это время въ Сикіонѣ произошло нѣсколько переворотовъ. Абантидъ часто присутствовалъ на городской площади при публичныхъ чтеніяхъ и диспутахъ двухъ современныхъ героевъ діалектики; очевидно, онъ питалъ слабость къ философіи и риторикѣ, которыми не интересовался Аратъ, и самъ любилъ вмѣшиваться въ споры. Но философамъ такой слушатель почему-то не понравился, и они убили его. Можетъ быть, они имѣли въ виду возстановленіе законнаго порядка. Но отецъ убитаго тиранна захватилъ власть въ свои руки; однако вскорѣ, въ свою очередь, онъ былъ убитъ Никоклесомъ. Новый тираннъ оказался еще хуже прежнихъ: за четыре мѣсяца своего управленія онъ изгналъ восемьдесятъ добрыхъ гражданъ; другіе сидѣли въ темницахъ. Притомъ, онъ не умѣлъ охранять даже внѣшней безопасности города: его едва не захватили нечаяннымъ нападеніемъ этоляне. Все это должно было усилить недовольство сикіонянъ и оживить надежды изгнанниковъ, которыхъ много собралось въ Арго-

сѣ. Самъ Никоклесъ началъ уже бояться за свою власть. Онъ опасался, что Аратъ обратится къ сильнымъ друзьямъ своего отца, найдетъ помощь у царей Македоніи и Египта. Аратъ дѣйствительно обращался къ обоимъ дворамъ,—черта замѣчательная въ характерѣ этого врага тиранновъ,—но когда обращеніе его оказалось безуспѣшнымъ, онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ и собственными средствами. Очевидно на него повліяло освобожденіе Мегалополя. Въ это время одинъ изъ дѣятелей освобожденія, Экдемъ, прибылъ въ Аргосъ, вѣроятно, съ цѣлью побудить изгнанниковъ къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ. О своемъ намѣреніи выступить открыто противъ Никоклеса Аратъ сообщилъ сначала только Экдему и изгнаннику Аристомаху, вполнѣ одобрившимъ его планъ. Изъ прочихъ изгнанниковъ только немногіе, и то по чувству стыда, не отказались отъ участія въ рискованномъ предпріятіи; большинство старалось отклонить отъ него и самого Арата, указывая на предстоящія трудности, а ихъ дѣйствительно было немало. Аратъ хотѣлъ сначала завладѣть какимъ-нибудь пунктомъ на территоріи Сикіона, собрать тамъ недовольныхъ и потомъ дѣйствовать противъ Никоклеса наступательно. Собственныя силы изгнанниковъ казались для этого недостаточными, а разсчитывать на содѣйствіе сикіонянъ не было особенныхъ основаній. Дѣло готово было разстроиться, но тутъ Арату помогъ счастливый случай. При завладѣніи Сикіономъ приходилось взбираться на его стѣны и, что еще страшнѣе, спускаться съ нихъ внутрь города. Отъ одного бѣглеца Аратъ узналъ, что въ одномъ мѣстѣ стѣна извнутри была почти вровень съ поверхностью

скалистой окраины, которую она опоясывала, а извнѣ на нее можно было подняться при помощи лѣстницы. Аратъ послалъ двухъ слугъ провѣрить любопытное сообщеніе; тѣ его подтвердили, но прибавили, что около этого мѣста живетъ садовникъ, у котораго есть чуткія собаки, такъ что трудно подойти къ стѣнѣ незамѣтно. Предъ такимъ ничтожнымъ препятствіемъ останавливаться нельзя было: неожиданное нападеніе прямо на Сикіонъ рѣшило бы дѣло однимъ ударомъ. Аратъ немедленно занялся приготовленіями къ ночному походу. Одинъ изъ изгнанниковъ, механикъ по ремеслу, тайно соорудилъ длинныя лѣстницы. Достать оружіе, по замѣчанію біографа Арата, Плутарха, было въ это время легко: разбои и набѣги заставляли всѣхъ держать его въ запасѣ. Самъ Аратъ вооружилъ тридцать человѣкъ своихъ слугъ; аргосскіе друзья также достали ему людей. Затѣмъ, чрезъ посредство атамана разбойничьей шайки, онъ навербовалъ еще нѣсколько предпріимчивыхъ и вооруженныхъ людей Имъ было сказано, что предпринимается походъ противъ царскихъ табуновъ въ Сикіоніи, дѣло неопасное и выгодное. Главныя силы отряда были отправлены впередъ поодиночкѣ. Онѣ должны были остановиться у такъ называемой башни Полигнота. Въ то же время пятеро заговорщиковъ отправились прямо къ Сикіону, чтобы прійти туда въ сумерки. Они должны были въ видѣ запоздалыхъ путниковъ явиться къ садовнику, хозяину собакъ, попроситься къ нему на ночлегъ и потомъ ночью запереть въ домѣ и хозяина и собакъ. Лѣстницы были разобраны, уложены въ ящики и отправлены впередъ. Дѣйствовать приходилось осторожно, такъ какъ въ

Аргосѣ явились новые шпіоны Никоклеса. Чтобы обмануть ихъ бдительность, Аратъ въ день отъѣзда явился утромъ на площадь, оттуда отправился съ друзьями въ палестру, а затѣмъ пригласилъ ихъ къ себѣ. Вскорѣ на рынкѣ появились его рабы; одинъ изъ нихъ несъ вѣнки для гостей, другой покупалъ факелы, чтобы ночью, при возвращеніи гостей по домамъ, освѣщать ими путь, третій торговался съ дѣвицами, которыя должны были увеселять пирующихъ игрою на арфахъ и флейтахъ. Шпіоны Никоклеса видѣли все это, и имъ становилось смѣшно. «Что можетъ быть трусливѣе тиранна? — говорили они. —Владѣя такимъ городомъ и такою силою, Никоклесъ боится мальчика, который на удовольствія и пиры тратитъ послѣднія средства». Проведенные такимъ образомъ, они удалились.

Тотчасъ послѣ полудня Аратъ отправился къ башнѣ Полигнота и затѣмъ, пройдя отъ нея версты 3—4, объявилъ всѣмъ о настоящей цѣли похода. Обѣщаніе большихъ наградъ побудило согласиться на участіе и тѣхъ, кто больше имѣлъ въ виду царскихъ коней. При свѣтѣ луны отрядъ прошелъ остальную часть пути и ко времени захода ея приблизился къ садамъ, раскинутымъ у стѣнъ. Здѣсь Арата встрѣтилъ одинъ изъ передовыхъ людей съ извѣстіемъ, что имъ удалось запереть въ хижинѣ садовника, но что собаки его убѣжали. Это привело въ смущеніе большинство людей, и они стали уговаривать Арата отступить, но онъ ободрилъ ихъ обѣщаніемъ увести ихъ назадъ, если собаки будутъ слишкомъ ихъ безпокоить. Въ то же время онъ послалъ впередъ Экдема и Мнасиѳея съ людьми, несшими лѣстницы, а самъ медленно послѣдовалъ за ними. Сбѣжались собаки

и начали громко лаять на Экдема съ товарищами. Они тѣмъ не менѣе подошли къ стѣнѣ, приставили лѣстницы и стали взбираться по нимъ. Въ это самое время на стѣнахъ послышался шумъ и движеніе, показались огни: начальникъ стражи, сдавая свой постъ, обходилъ стѣны рондомъ, звоня въ колокольчикъ. Экдемъ и его спутники прижались къ лѣстницамъ и безъ труда остались незамѣченными Но съ другой стороны показалась другая стража навстрѣчу первой. Это была самая критическая минута, но и эта стража ничего не замѣтила и прошла мимо. Мнасиѳей и Экдемъ тотчасъ первые взбираются на стѣну и посылаютъ сказать Арату, чтобы онъ поторопился.

Невдалекѣ оттуда была сторожевая башня, въ которой держали большого охотничьяго пса. Лай собакъ внизу разбудилъ его, и онъ тоже началъ громко лаять, оглашая всю окрестность. Ближайшій часовой громко спросилъ товарища на башнѣ, на кого это собака лаетъ съ такимъ ожесточеніемъ; тотъ отвѣчалъ, что ее растревожилъ свѣтъ факеловъ и звонъ колокольчика. Этотъ разговоръ очень ободрилъ людей Арата. Они подумали, что часовой на ихъ сторонѣ и что въ городѣ они найдутъ себѣ много и другихъ пособниковъ. Они стали всходить на стѣну, но дѣло подвигалось медленно: лѣстницы гнулись, подыматься приходилось медленно, поодиночкѣ. Между тѣмъ время шло, уже запѣли пѣтухи, скоро должны были пойти на рынокъ съ своими произведеніями окрестные крестьяне. Аратъ поспѣшно поднялся наверхъ, взялъ сорокъ человѣкъ поднявшихся раньше его, присоединилъ къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ изъ оставшихся позади и

направился къ дому тиранна. Около дворца былъ расположенъ отрядъ наемниковъ. Аратъ напалъ на него врасплохъ и захватилъ всѣхъ воиновъ; убитыхъ не было. Вслѣдъ затѣмъ онъ разослалъ по городу вѣстниковъ къ друзьямъ. Они стали собираться со всѣхъ сторонъ. Уже совсѣмъ разсвѣло. Театръ наполнился народомъ, взволнованнымъ смутною молвою, но не знавшимъ опредѣленно, что именно происходитъ въ городѣ; наконецъ вышелъ вѣстникъ и провозгласилъ: «Аратъ, сынъ Клинія, призываетъ гражданъ къ свободѣ». Увѣрившись въ наступленіи того, чего они давно ожидали, граждане толпою бросились ко дворцу тиранна и подожгли его. Никоклесъ успѣлъ, впрочемъ, спастись чрезъ одинъ изъ подземныхъ ходовъ, многочисленныхъ въ древнемъ Сикіонѣ, а его тѣлохранители потушили вмѣстѣ съ гражданами пожаръ и принялись грабить дворецъ. Аратъ этому не мѣшалъ. Онъ даже отдалъ въ распоряженіе гражданъ прочее имущество тиранновъ. Ни съ той ни съ другой стороны не было ни убитыхъ, ни даже раненыхъ. Аратъ возвратилъ гражданамъ самоуправленіе на началахъ равенства*).

Все это случилось весною 251 года. Но освобожденіемъ Сикіона не кончились затрудненіи Арата. Всѣ тиранны, — а ихъ много было въ Пелопоннесѣ, — сознавая, конечно, свою солидарность, были недовольны изгнаніемъ Никоклеса. Притомъ освобожденіе Сикіона не было отдѣльнымъ фактомъ. Участіе въ немъ освободителей Мегалополя указывало на

*) Исторія освобожденія Сикіона разсказана здѣсь по Плутарху (Аратъ, гл. 2—9), взявшему, безъ сомнѣнія, свой подробный разсказъ изъ воспоминаній Арата. Немного такихъ живыхъ разсказовъ встрѣчается въ жизнеописаніяхъ Плутарха.

нѣкоторый общій планъ, по крайней мѣрѣ на общность стремленій въ разныхъ частяхъ полуострова. Въ виду общей опасности, Никоклесъ легко могъ найти себѣ помощь у собратьевъ по тиранніи. Антигонъ, царь Македоніи, также смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на свободу Мегалополя. Вліяніе Македоніи на Пелопоннесъ опиралось главнымъ образомъ на тираннію—власть чисто фактическую, неимѣвшую никакой опоры ни въ правѣ ни въ преданіи и принужденную искать ея у царя Македоніи. Еще опаснѣе были затрудненія внутреннія. Вмѣстѣ съ низверженіемъ тиранніи въ Сикіонъ вернулись изгнанники. Число ихъ доходило до 600, что и неудивительно, такъ какъ изгнанія не прерывались въ теченіе пятидесяти лѣтъ, начиная съ 300 года. Эти изгнанники принадлежали прежде къ числу богатѣйшихъ гражданъ. Причиной ихъ изгнанія было ихъ имущество; ихъ земли служили для поддержанія и укрѣпленія власти тиранновъ. Все это перешло въ руки неимущаго класса. Вернувшіеся эмигранты не могли помириться съ этимъ. Притомъ они могли думать, что переворотъ произведенъ собственно ими, что главный виновникъ его самъ былъ сыномъ богатаго Клинія. Поэтому многіе изъ нихъ отправились въ свои прежніе дома и спокойно расположились въ нихъ. Другіе хотѣли снова вступить во владѣніе землями, раньше имъ принадлежавшими. Новые владѣльцы не думали уступать. Ихъ было больше: можно думать, что имѣнія богачей были раздроблены и уже въ видѣ меньшихъ участковъ подѣлены между неимущими.

Въ виду этихъ затрудненій Аратъ рѣшился на двѣ мѣры. Первымъ шагомъ его было присоединеніе

Сикіона къ ахейскому союзу. Чтобы спасти свободу родины, онъ рѣшился пожертвовать ея неограниченною самостоятельностью. Полибій при этомъ замѣчаетъ, что Аратъ еще до освобожденія Сикіона видѣлъ и цѣнилъ хорошія начала ахейской федераціи. Съ другой стороны, по словамъ Плутарха, сикіоняне присоединились къ ней добровольно. Если припомнить привязанность къ автономіи родного города, отличавшую всегда грековъ, то фактъ присоединенія Сикіона къ ахейскому союзу представится намъ чрезвычайно многознаменательнымъ. Этому, повидимому, мѣшало прежде всего то, что сикіоняне были дорійцы, а ахейскій союзъ заключалъ въ себѣ остатки народности, дорійцами покоренной и почти уничтоженной. Далѣе, до сихъ поръ федеративная связь держалась только между небольшими городами и притомъ одной народности. Чтобы одинъ изъ большихъ греческихъ городовъ вступилъ въ такой союзъ и притомъ другого племени,—это было дѣло неслыханное. До сихъ поръ Ахайя вовсе не играла особенной роли въ греческой исторіи. Сикіонъ въ этомъ отношеніи стоялъ несравненно выше ея. Ахейцы оставались до времени Арата скромными провинціалами. Вступая въ ахейскій союзъ, граждане Сикіона дѣлались сикіонскими ахейцами и, согласно съ этимъ, имѣли двойное политическое существованіе. Въ дѣлахъ, касавшихся только ихъ самихъ, они сохраняли свое самостоятельное правленіе; но въ отношеніи къ другимъ государствамъ они дѣлались ахейцами, должны были сноситься съ ними только чрезъ посредство союзныхъ властей и соединить свое войско съ союзнымъ. Съ другой стороны, Сикіонъ, по числу жителей со-

ставлявшій приблизительно половину всего союза, имѣлъ въ немъ такой же голосъ, какъ и всѣ мелкіе города Ахайи.

Вступленіе въ ахейскій союзъ обезпечивало свободу Сикіона отъ нападеній тиранновъ Пелопоннеса. Труднѣе было устранить затрудненія внутреннія. Помимо соображеній справедливости и уваженія къ давности, Аратъ понималъ, насколько для сохраненія свободы Сикіона необходимо сдѣлать уступки въ пользу новыхъ владѣльцевъ имуществъ изгнанниковъ. Онъ уговаривалъ своихъ товарищей по изгнанію отказаться отъ опасныхъ притязаній, но они оказались несговорчивыми, и тогда Аратъ снова рѣшился искать посторонней помощи и для этого лично отправиться въ Александрію. Птоломею онъ былъ давно уже извѣстенъ, такъ какъ собиралъ и покупалъ лучшія произведенія сикіонскихъ мастеровъ и пересылалъ ихъ въ Египетъ. Уже вскорѣ послѣ освобожденія Сикіона Аратъ получилъ за это отъ царя подарокъ въ 25 талантовъ, которые и употребилъ на выкупъ плѣнныхъ и на вспомоществованіе бѣднымъ гражданамъ. Притомъ же новое движеніе, начинавшееся въ Пелопоннесѣ и имѣвшее своимъ вождемъ Арата, было въ сильной степени направлено противъ Македоніи, и потому интересы египетской политики требовали поддержанія его всѣми средствами. Послѣ нѣсколькихъ приключеній Аратъ достигъ Александріи, былъ очень хорошо принятъ царемъ и объяснилъ ему положеніе дѣлъ въ Сикіонѣ. Птоломей понялъ, что безъ его помощи свобода Сикіона снова исчезнетъ, онъ отпадетъ отъ ахейскаго союза, и послѣдній снова займетъ нейтральное, относительно Македоніи, положеніе. При-

томъ же помочь Арату было нетрудно: онъ просилъ денегъ, а казна Птоломеевъ была страшно богата. И вотъ царь пожертвовалъ въ пользу Сикіона 150 талантовъ. Достигнувъ своей цѣли, Аратъ вернулся домой. «Въ то время, какъ правители и другіе демагоги,—замѣчаетъ по этому поводу Плутархъ,—получивъ только часть такой суммы отъ того или другого царя, оскорбляли, порабощали себѣ и продавали другимъ свое отечество, было великимъ дѣломъ доставить гражданамъ такія деньги», и еще бо́льшимъ—воспользоваться ими такъ, какъ Аратъ. Благодарные граждане назначили его «полновластнымъ посредникомъ» и полнымъ распорядителемъ надъ имѣніями эмигрантовъ; но онъ не принялъ предложенныхъ ему полномочій, составилъ комитетъ изъ 15 человѣкъ и при помощи ихъ съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ переговоровъ устроилъ дѣло и водворилъ согласіе между гражданами. За это всѣ граждане воздали ему подобающую честь, а изгнанники соорудили ему мѣдную статую съ хвалебною надписью.

Въ 245 году Аратъ, во вниманіе къ его заслугамъ дѣлу союза, былъ избранъ въ союзные стратеги, хотя не достигъ еще 30 лѣтъ, и съ этого времени начинается дѣятельная роль ахейцевъ во внѣшнихъ дѣлахъ. Съ давнихъ временъ опорою македонскаго вліянія въ Пелопоннесѣ служилъ Коринѳъ. Цари Македоніи всегда смотрѣли на него, какъ на «оковы», которыми можно было сковать Грецію. Иѳома,—другая крѣпость на югѣ полуострова,—и Акрокоринѳъ были рога Пелопоннеса, за которые всегда можно было держать непокорнаго быка въ своихъ рукахъ. Пока Коринѳъ находился въ чужихъ рукахъ, ахей-

скій союзъ не могъ имѣть большого значенія въ дѣлахъ Греціи и самъ находился съ этой стороны, можно сказать, постоянно въ осадномъ положеніи. Властитель Коринѳа не только грозилъ ближнимъ городамъ, но всегда имѣлъ возможность запереть сообщеніе между полуостровомъ и материкомъ Греціи.

Когда черезъ годъ Арата снова выбрали въ стратеги союза, Коринѳъ находился въ рукахъ Антигона Гоната, поручившаго команду надъ его гарнизономъ стоику Персею, воспитателю царскихъ дѣтей. Въ это время жили въ Коринѳѣ четыре брата родомъ изъ Сиріи. Одинъ изъ нихъ, Діоклесъ, служилъ наемникомъ въ гарнизонѣ. Три другихъ обокрали царскую казну, а затѣмъ пришли въ Сикіонъ къ мѣнялѣ Эгію, съ которымъ велъ дѣла Аратъ, и обмѣняли у него часть похищеннаго на монету сикіонскую. Съ тѣхъ поръ одинъ изъ братьевъ, Эргинъ, часто сталъ ходить къ Эгію для той же цѣли. Отсюда у нихъ завязалось знакомство. Разговаривая однажды, Эгій сталъ разспрашивать Эргина объ Акрокоринѳѣ, и тотъ сообщилъ ему, что, посѣщая брата въ крѣпости, онъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ небольшое ущелье, наискось отъ обычнаго пути, ведшее къ пункту, гдѣ стѣна кремля отличалась наименьшею высотою. Тутъ Эгій шутливо замѣтилъ, что напрасно они изъ-за такихъ небольшихъ денегъ подвергаютъ себя постоянной опасности, имѣя возможность въ одинъ часъ заработать большую сумму: вѣдь и похитителю царской казны и предателю—одна смерть въ случаѣ поимки. Эргинъ засмѣялся и обѣщалъ переговорить съ Діоклесомъ, а чрезъ нѣсколько дней вернулся и обѣщался провести Арата туда, гдѣ стѣна не выше 15 футовъ,

и вмѣстѣ съ Діоклесомъ содѣйствовать ему въ прочемъ. За это Аратъ обѣщалъ, въ случаѣ удачи, дать имъ по 60 талантовъ (около 90,000 руб.), а въ случаѣ неудачи по дому въ Сикіонѣ и по таланту. Деньги нужно было внести впередъ банкиру Эгію. Нужной суммы у Арата не было налицо, а занимать онъ ее не хотѣлъ, опасаясь возбудить подозрѣнія; поэтому онъ взялъ и отдалъ Эгію въ залогъ свое столовое серебро и золотыя вещи жены. Приготовивъ все, Аратъ велѣлъ остальному войску быть наготовѣ, а самъ взялъ съ собою четыреста отборныхъ людей и повелъ ихъ къ воротамъ Коринѳа. Только немногимъ объяснилъ онъ цѣль движенія. Дѣло было лѣтомъ въ полнолуніе, ночь ясная и безоблачная. Можно было опасаться, что стража обратитъ вниманіе на блескъ оружія при свѣтѣ луны; но когда передовые уже подошли къ городу, съ моря набѣжали облака, закрывшія и городъ и его окрестности. Тутъ воины сѣли и сняли съ себя обувь, чтобы не дѣлать шума и удобнѣе взбираться по лѣстницамъ. Только Эргинъ съ семью спутниками, одѣтыми по дорожному, прокрались къ воротамъ и убили привратника и стражей, съ нимъ бывшихъ. Въ то же время воины приставили къ стѣнамъ лѣстницы. Аратъ, поспѣшно переправивъ сто человѣкъ и приказавъ прочимъ слѣдовать за нимъ какъ можно скорѣе черезъ ворота, взялъ съ собою лѣстницы и направился со своею сотнею черезъ городъ къ акрополю. Имъ на встрѣчу попался ночной дозоръ изъ четырехъ человѣкъ съ факелами и не замѣтилъ враговъ, бывшихъ въ тѣни. Отступивъ нѣсколько въ сторону и давъ дозорнымъ поровняться съ собою, Аратъ нападаетъ на нихъ и троихъ убиваетъ; четвертый

былъ раненъ и убѣжалъ съ крикомъ: «въ городѣ враги». Тотчасъ загремѣли трубы, поднялся городъ, улицы наполнились бѣгущими людьми, заблистали факелы—одни въ нижнемъ городѣ, другіе наверху, въ кремлѣ. Отовсюду слышался неясный гулъ. Аратъ между тѣмъ съ трудомъ поднимался наверхъ, сбиваясь съ тропинки, извивавшейся между нависшими скалами и закрытой ихъ тѣнью. Оставленные имъ у воротъ, триста воиновъ проникли, наконецъ, въ городъ, полный шума и движенія. Они не могли найти дороги, по которой пошелъ Аратъ, и скрылись всею толпою въ темномъ ущельѣ, подъ нависшею скалою. Сверху до нихъ доносился шумъ и крики: это Аратъ достигъ стѣнъ кремля и вступилъ въ борьбу съ гарнизономъ. Но отставшіе воины не могли разобрать, откуда именно идетъ шумъ и крики: отражаясь и прерываясь въ горахъ, они сливались и становились неясными. Въ то время, какъ они недоумѣвали, куда имъ направиться, показался большой отрядъ царскихъ воиновъ, шедшій къ крѣпости, въ тылъ Арату. Отрядъ проходилъ мимо ущелья съ крикомъ и звуками трубъ. Триста выходятъ изъ засады, нападаютъ на отрядъ, ближайшихъ убиваютъ, прочихъ обращаютъ въ бѣгство и преслѣдуютъ до города. Тотчасъ затѣмъ прибѣгаетъ сверху Эргинъ съ извѣстіемъ, что Аратъ уже схватился съ гарнизономъ, который храбро отбивается, и что нужна скорая помощь. Триста тотчасъ велѣли ему вести ихъ наверхъ и, поднимаясь, стали громко кричать для ободренія товарищей; ночное эхо еще усиливало эффектъ. При свѣтѣ луны отрядъ, растянувшійся по узкой тропинкѣ, показался непріятелю болѣе многочисленнымъ, чѣмъ онъ былъ

на дѣлѣ. Наконецъ, совокупными усиліями Арата и всего его отряда гарнизонъ былъ сбитъ со стѣнъ. Къ восходу солнца крѣпость была уже въ рукахъ Арата. Въ это же время подошло изъ Сикіона и остальное войско. Коринѳяне добровольно отворили ему ворота и помогли захватить воиновъ и приверженцевъ царя.

Когда все успокоилось, Аратъ сошелъ съ холма въ театръ, гдѣ собралась огромная толпа народа, желая увидѣть побѣдителя и услышать, что онъ скажетъ. Поставивъ ахейцевъ въ боковыхъ проходахъ, Аратъ одинъ, въ полномъ вооруженіи, вышелъ на сцену, блѣдный, истомленный отъ труда и безсонной ночи. Народъ при появленіи его разразился бурными привѣтствіями. Опершись на копье и нѣсколько наклонившись, онъ долго стоялъ молча, слушая рукоплесканія и крики. Когда шумъ улегся, Аратъ собрался съ силами и началъ говорить. Онъ возвѣстилъ коринѳянамъ свободу и вернулъ имъ ключи отъ городскихъ воротъ, со времени Филиппа всегда находившіеся въ чужихъ рукахъ. Для сохраненія своей свободы онъ совѣтовалъ коринѳянамъ присоединиться къ ахейскому союзу и убѣдилъ ихъ «сдѣлаться ахейцами», по выраженію Плутарха.

Освобожденіе Коринѳа произвело въ Греціи сильное впечатлѣніе, что не замедлило обнаружиться въ цѣломъ рядѣ событій. Въ томъ же 243 году присоединились къ ахейскому союзу Мегары, отложившись отъ Антигона. Ихъ примѣру послѣдовали Трезена и Эпидавръ. Аратъ сдѣлалъ смѣлый набѣгъ на Аттику, въ которой стояли македонскіе гарнизоны, и опустошилъ островъ Саламинъ. При этомъ

онъ нарочно показывалъ аѳинянамъ, что война ведется не противъ нихъ, а только противъ Македоніи: взятыхъ въ плѣнъ аѳинянъ онъ отпустилъ безъ всякаго выкупа, разсчитывая на то, что они сдѣлаются «предводителями возстанія». Но далѣе Мегаръ движеніе не пошло. Съ другой стороны, послѣ взятія Коринѳа, Аратъ могъ ожидать немедленной войны съ Антигономъ. Гдѣ онъ долженъ былъ искать помощи? Постоянными врагами Антигона были Птоломеи. Ослабленіе Македоніи въ Греціи было ближайшимъ интересомъ Египта. Возрожденіе греческой свободы въ Пелопоннесѣ, образованіе союза, враждебнаго македонскому вліянію, было для него какъ нельзя болѣе выгодно. И вотъ при посредствѣ Арата между ахейцами и Египтомъ былъ заключенъ союзъ, по которому въ случаѣ войны главное начальство надъ войскомъ, и на морѣ и на сушѣ, предоставлялось Птоломею. Съ этихъ поръ, нужно думать, и началъ Аратъ получать ежегодно по шести талантовъ изъ казны царской.

Программу Арата Поливій опредѣляетъ тремя пунктами: вытѣснить македонянъ изъ Пелопоннеса, уничтожить тираннію, утвердить общую политическую свободу. Первая часть плана была отчасти осуществлена, но тиранніи существовали въ большей части остальныхъ городовъ Пелопоннеса; стало-быть, вліяніе Македоніи не было вполнѣ вытѣснено съ полуострова, и мысль объ общей свободѣ не могла сдѣлать ни малѣйшаго успѣха. Въ эту сторону и слѣдовало обратить Арату свое вниманіе.

Послѣ присоединенія Коринѳа ахейскій союзъ былъ уже первостепенною силою въ Пелопоннесѣ. Въ составъ его входили города, въ теченіе всей

греческой исторіи игравшіе видную роль. Наконецъ найдено было, повидимому, политическое устройство, которое могло примирить привязанность грека къ автономіи родного города съ необходимостью болѣе крѣпкаго единства. Человѣкъ, стоявшій во главѣ союза, имѣлъ, очевидно, широкіе планы и большія надежды; политическія отношенія, которыми онъ такъ хорошо умѣлъ пользоваться, обѣщали ему успѣхъ, и подъ его руководствомъ ахейскій союзъ начиналъ политическое возрожденіе Греціи. Въ то же время на другомъ концѣ Пелопоннеса начиналось другое движеніе, но въ направленіи, противоположномъ тѣмъ началамъ, которыхъ держался Аратъ. Обѣ реформы шли параллельно или, лучше сказать, одна навстрѣчу другой. Впослѣдствіи, къ великому несчастію для всей Греціи, имъ пришлось столкнуться враждебно.

Въ эпоху освобожденія Коринѳа однимъ изъ двухъ царей Спарты былъ юный Агисъ. Онъ былъ воспитанъ въ роскоши и нѣгѣ своею матерью и бабкою, богатѣйшими женщинами Спарты. Съ другой стороны, обычай или даже мода того времени требовали знакомства съ философіей. При всѣхъ дворахъ мы встрѣчаемъ въ это время представителей той или другой философской школы. Въ Спартѣ мы находимъ одного изъ лучшихъ учениковъ Зенона, Сфера изъ Борисѳена, автора сочиненій о Ликургѣ и спартанскомъ устройствѣ. Политическій строй Спарты онъ изображалъ въ формѣ идеальнаго равновѣсія началъ монархіи, аристократіи и демократіи; въ основѣ ея общественнаго порядка онъ видѣлъ введенный Ликургомъ принципъ равномѣрнаго распредѣленія земли. Эти-то основныя идеи Сферъ и про-

повѣдывалъ въ Спартѣ еще до появленія Агиса съ его реформами, и его проповѣдь повліяла и на юнаго преобразователя. Въ двадцать лѣтъ Агисъ отказался отъ выгодъ и блеска своего положенія и подчинился добровольно всѣмъ строгостямъ старой спартанской дисциплины. Короткій узкій плащъ сталъ его одеждой, а знаменитый черный супъ — его царской пищей. Въ то же время Агисъ говорилъ, что онъ желаетъ царствовать только для того, чтобы возстановить законы и обычаи отеческіе. Но чтобы поднять государство, необходима была коренная реформа, политическая и соціальная. Умъ болѣе зрѣлый и опытный могъ бы отступить передъ такою задачей. Неопытность и юношескій энтузіазмъ одушевляли Агиса и придавали ему смѣлость. Онъ считалъ возможнымъ и легкимъ достигнуть того, чтобы богатые спокойно отказались отъ своего богатства въ пользу бѣдныхъ, чтобы бѣдные, получивъ состояніе, сдѣлались полезными гражданами Спарты, и чтобы между всѣми водворилось полное согласіе, равенство и суровая простота въ образѣ жизни.

Въ спартанскомъ юношествѣ, быть-можетъ, отчасти уже подготовленномъ философскою проповѣдью Сфера, стремленія Агиса нашли себѣ живое сочувствіе, но люди зрѣлаго возраста громко порицали нововведенія. Однако и изъ нихъ нѣкоторые стали на сторону царя. То были: Лисандръ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ обществѣ, Мандроклидъ, человѣкъ очень умный и хитрый, съ необыкновенною способностью къ политической интригѣ и въ то же время очень смѣлый и рѣшительный, и Агесилай, дядя Агиса по матери, человѣкъ

распущенный и своекорыстный, но владѣвшій рѣдкимъ въ Спартѣ даромъ слова. Большихъ затрудненій нужно было ожидать со стороны женщинъ, имѣвшихъ прямое вліяніе на дѣла государства. Агисъ обратился прежде всего къ своей матери, занимавшей первое мѣсто въ женской аристократіи по множеству своихъ кліентовъ, друзей и должниковъ. Услыхавши о замыслахъ сына, она сначала испугалась и старалась отклонить Агиса отъ неосуществимыхъ и пагубныхъ стремленій. Но тутъ Агесилай сталъ доказывать сестрѣ, что планы ея сына осуществимы и что выполненіе ихъ принесетъ большую пользу. Самъ царь просилъ мать пожертвовать богатствомъ ради славы и чести сына. Онъ говорилъ, что богатствомъ онъ не можетъ сравняться съ прочими царями, такъ какъ слуги сатраповъ и рабы опекуновъ Птоломея и Селевка владѣютъ большими сокровищами, чѣмъ всѣ цари Спарты вмѣстѣ взятые; выше ихъ роскоши можно стать только умѣренностью, простотою, величіемъ духа; возвративъ согражданамъ равенство и общее владѣніе имуществомъ, онъ пріобрѣтетъ имя и славу истинно великаго царя. Увлеченіе юноши сообщилось его матери и бабкѣ, такъ что онѣ со своей стороны стали ободрять и торопить Агиса, привлекать на его сторону своихъ друзей, а также вступать въ переговоры съ «повелительницами» Спарты, «такъ какъ лакедемоняне всегда слушались своихъ женъ,— по замѣчанію Плутарха,—и позволяли имъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла гораздо больше, чѣмъ сами участвовали въ дѣлахъ домашнихъ». Женщины не захотѣли отказаться ни отъ дорогой имъ роскоши, ни отъ той чести и вліянія, какія имъ доста-

вляло ихъ богатство. Онѣ обратились къ другому царю, Леониду, и стали убѣждать его, какъ человѣка болѣе зрѣлаго возраста, остановить Агиса и помѣшать исполненію его плановъ. Леонидъ хотѣлъ помочь богатымъ, но не смѣлъ сдѣлать это открыто, боясь народа, сочувствовавшаго нововведеніямъ. Поэтому онъ старался мѣшать дѣлу тайно; при встрѣчахъ съ сановниками, онъ внушалъ имъ, что Агисъ предлагаетъ бѣднымъ имущества богачей въ видѣ платы за тираннію, что раздѣломъ земли и отмѣной долговъ онъ пріобрѣтаетъ приверженцевъ себѣ, а не гражданъ Спартѣ.

Тѣмъ не менѣе Агису удалось провести Лисандра въ эфоры и вслѣдъ затѣмъ внести при посредствѣ его въ герусію предложеніе, главными пунктами котораго были отмѣна долговыхъ обязательствъ и раздѣлъ земли на 4,500 большихъ участковъ, назначенныхъ для спартіатовъ, и 15,000 мелкихъ для періэковъ, могущихъ служить гоплитами; число спартіатовъ предполагалось пополнить юношами изъ періэковъ и иностранцевъ, получившихъ свободное воспитаніе и здоровыхъ физически. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось возстановить «общественныя трапезы» и для этого образовать 15 «товариществъ» (фидитій). Всѣ они обязываются принять дисциплину, столъ и образъ жизни предковъ. Голоса геронтовъ при обсужденіи этихъ предложеній раздѣлились, и тогда Лисандръ созвалъ народное собраніе, предъ которымъ и изложилъ спорный вопросъ. Мандроклидъ и Агесилай просили народъ не допускать попиранія величія Спарты богачами ради ихъ выгодъ, напоминали о прежнихъ оракулахъ, предвѣщавшихъ, что «корыстолюбіе погубитъ Спарту, не иное что»,

наконецъ ссылались на недавно полученное прорицаніе: «всѣ спартіаты должны сдѣлаться равными, согласно съ закономъ, давно установленнымъ Ликургомъ». За ними выступилъ самъ Агисъ съ краткою рѣчью. Онъ объявилъ, что готовъ принести величайшія жертвы для устанавливаемаго имъ устройства. Онъ жертвуетъ свое огромное состояніе, которое заключается въ обширныхъ поляхъ и пастбищахъ и сверхъ того въ 600 талантахъ наличныхъ денегъ. Мать, бабка, друзья и родственники царя, по его словамъ, готовы были сдѣлать то же самое, а это были богатѣйшіе изъ спартіатовъ.

Народъ былъ пораженъ и восхищенъ великодушіемъ молодого царя: наконецъ-то, черезъ триста почти лѣтъ, явился у Спарты достойный вождь. Напротивъ, богачи умоляли Леонида не покидать ихъ и осаждали геронтовъ своими просьбами и убѣжденіями. Въ концѣ концовъ герусія большинствомъ одного голоса высказалась противъ передачи предложеній Агиса на одобреніе народнаго собранія. Значитъ, результатъ могъ бы быть другой, еслибы удалось устранить главнаго противника реформы, Леонида. За это взялся Лисандръ, отыскавшій «какой-то древній законъ», который запрещалъ гераклидамъ, членамъ обоихъ царскихъ домовъ, жениться на иностранкахъ и грозилъ смертью тому, кто, покинувъ Спарту, поселится на чужбинѣ. Предлогомъ къ преслѣдованію Леонида послужилъ старый же обычай Спарты, по которому эфоры черезъ каждыя девять лѣтъ, выбравъ чистую безлунную ночь, въ молчаніи наблюдали небо; если въ это время падала звѣзда, это считалось за доказательство вины царей передъ божествомъ, ихъ жизнь подверга-

лась изслѣдованію, а власть пріостанавливалась до полученія изъ Дельфъ или Олимпіи оракула въ ихъ пользу. Лисандръ объявилъ, что ему было роковое знаменіе и привлекъ къ суду Леонида. Явились свидѣтели, показавшіе, что, живя на чужбинѣ, онъ женился на дочери какого-то сатрапа и воротился въ Спарту поневолѣ. Во время суда Лисандръ убѣдилъ Клеомброта, зятя Леонида и члена царскаго рода, выступить претендентомъ на престолъ. Леонидъ въ страхѣ искалъ себѣ убѣжища въ храмѣ Аѳины. Его дочь, жена Клеомброта, покинула мужа, чтобы сопровождать въ несчастіи отца. Когда Леонидъ не явился по приглашенію суда, то былъ лишенъ царскаго достоинства, и оно было передано Клеомброту.

Между тѣмъ Лисандръ сложилъ съ себя званіе эфора, по минованіи срока. Вновь избранные эфоры привлекли къ суду Лисандра и Мандроклида за то, что они содѣйствовали незаконной отмѣнѣ долговъ и передѣлу земли. Тогда обвиняемые выставили новую теорію власти эфоровъ, можетъ-быть, и вѣрную исторически, но противорѣчившую утвердившейся практикѣ: «Цари, въ случаѣ своего согласія, могутъ совсѣмъ не обращать вниманія на желанія эфоровъ, такъ какъ ихъ коллегія имѣетъ силу только въ пору несогласія между царями, когда она принимаетъ сторону того изъ нихъ, кто ей кажется болѣе правымъ. Если оба царя согласны, ихъ власть ненарушима, а сопротивленіе со стороны эфоровъ незаконно». Эти доводы убѣдили обоихъ царей. Со своими приверженцами они явились на площадь, прогнали эфоровъ, а на ихъ мѣсто назначили другихъ, въ томъ числѣ Агесилая. Въ

то же время они вооружили многихъ юношей и освободили изъ темницъ людей, посаженныхъ туда за долги. Это навело страхъ на противниковъ, ожидавшихъ массовыхъ убійствъ, но никто не былъ убитъ. Когда Леонидъ бѣжалъ въ Тегею, то Агесилай послалъ было вслѣдъ за нимъ убійцъ, но Агисъ, узнавъ объ этомъ, послалъ съ своей стороны надежныхъ людей, которые и проводили Леонида безопасно до Тегеи.

Такимъ образомъ всѣ препятствія были устранены и стало возможно осуществленіе плановъ реформы, но тутъ все дѣло остановилъ и испортилъ Агесилай. Онъ владѣлъ большими и прекрасными землями, но имѣлъ и очень много долговъ; уплатить ихъ онъ не могъ, но не желалъ и разстаться съ помѣстьями, а потому убѣдилъ Агиса, что проведеніе въ одно время обѣихъ мѣръ будетъ слишкомъ крутымъ переворотомъ. Если же сначала позаботиться объ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отмѣнить долговыя обязательства, то они спокойнѣе отнесутся къ передѣлу земли. Въ справедливости этого взгляда Агесилай успѣлъ убѣдить и болѣе опытнаго Лисандра. Дѣйствительно, въ одинъ день всѣ обязательства подъ залогъ земель были снесены на площадь и сожжены. Когда костеръ разгорѣлся, капиталисты и кредиторы съ неудовольствіемъ оставили площадь; напротивъ, Агесилай, какъ бы издѣваясь надъ ними, говорилъ, что никогда не видѣлъ болѣе свѣтлаго и чистаго пламени. Народъ требовалъ немедленнаго передѣла земли, на томъ же настаивали и цари, но Агесилай постоянными отговорками и предлогами все оттягивалъ дѣло.

Въ это время союзники Спарты, ахейцы, обрати-

лись къ ней съ просьбой прислать вспомогательный отрядъ для отраженія нашествія, которымъ грозили Пелопоннесу этоляне. Эфоры послали Агиса съ отрядомъ, состоявшимъ большею частью изъ молодыхъ «бѣдняковъ», которые только недавно освободились отъ долговыхъ обязательствъ и по возвращеніи изъ похода надѣялись получить земельные надѣлы. Они выказывали строгую дисциплину и горячее одушевленіе. Всюду, гдѣ проходили спартанцы, удивленные греки спрашивали себя, каковъ же былъ порядокъ въ лаконскомъ войскѣ, когда имъ командовали Агесилай, Лисандръ, Леонидъ, если теперь оно выказываетъ такое повиновеніе юношѣ, который моложе почти всѣхъ лѣтами. Самъ Агисъ возбуждалъ не меньшее удивленіе простотою одежды и образа жизни и участіемъ во всѣхъ трудахъ похода. Однако богатымъ его новшества не нравились: они боялись, чтобы это не вызвало движенія въ низшихъ классахъ городовъ Пелопоннеса.

Подъ Коринѳомъ Агисъ соединился со стратегомъ ахейскаго союза, Аратомъ. На военномъ совѣтѣ царь предложилъ не пропускать врага въ «ворота» Пелопоннеса, а встрѣтить его при входѣ на перешеекъ и тамъ дать сраженіе; впрочемъ, онъ обѣщалъ подчиниться рѣшенію Арата изъ уваженія къ его лѣтамъ и званію стратега. Аратъ, съ своей стороны, находилъ, что такъ какъ вся почти жатва уже свезена съ полей земледѣльцами, то этоляне не могутъ сильно повредить Пелопоннесу и ихъ лучше пропустить, чѣмъ рисковать въ битвѣ всѣмъ. Несмотря на желаніе всего войска, требовавшаго сраженія, на обвиненія въ трусости и на всѣ насмѣшки, Аратъ покинулъ позицію на перешейкѣ и затѣмъ отпра-

вилъ съ благодарностью назадъ въ Спарту отрядъ Агиса, какъ болѣе ненужный. При этомъ онъ, вѣроятно, руководился тѣми опасеніями, какія возбуждали въ богатыхъ ахейцахъ планы Агиса и настроеніе его воиновъ. Между тѣмъ этоляне, пройдя мимо неприступнаго Акрокоринѳа, бросились на Пеллену, овладѣли ею и начали грабить городъ. Воины разсѣялись по домамъ, вытѣсняя изъ нихъ другъ друга и вступая въ борьбу изъ-за добычи; полководцы и командиры завладѣвали женами и дочерьми горожанъ и, снимая съ головы шлемы, надѣвали ихъ на плѣнницъ въ знакъ того, что добыча нашла себѣ хозяина. Среди этого безпорядка и смятенія явился Аратъ съ наскоро собраннымъ войскомъ и неожиданно напалъ на грабителей. Поставленные для охраны городскихъ воротъ, этоляне бѣжали, Аратъ вторгся за ними въ городъ и, прежде чѣмъ грабители успѣли опомниться, погналъ ихъ вонъ. 700 человѣкъ погибло у этолянъ. Эта побѣда считалась однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ Арата.

Въ Спартѣ Агисъ нашелъ положеніе очень измѣнившимся. Освободившись отъ долговъ, Агесилай не отступалъ ни передъ какою несправедливостью, если ожидалъ отъ нея прибыли. Вопреки установленному порядку онъ вставилъ въ неурочный годъ тринадцатый мѣсяцъ, обыкновенно вводившійся три раза въ восемь лѣтъ для уравненія луннаго года съ солнечнымъ. Сдѣлалъ онъ это для того, чтобы граждане и подданные лишній разъ заплатили мѣсячныя подати. Опасаясь всеобщей ненависти, онъ окружилъ себя вооруженною стражей, въ сопровожденіи которой и являлся на службу. Изъ царей къ

Клеомброту онъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ; нѣкоторое вниманіе онъ выказывалъ къ Агису, повидимому, скорѣе въ виду родства съ нимъ, чѣмъ ради его достоинства. Въ то же время онъ высказывалъ намѣреніе остаться эфоромъ еще на годъ. Враги реформы ни за что не хотѣли допускать этого. Они призвали Леонида изъ Тегеи и возстановили его на престолѣ. Народъ отнесся къ этому сочувственно, такъ какъ былъ раздраженъ тѣмъ, что его обманули насчетъ передѣла земли. Агесилая спасли просьбы сына его Гиппомедонта, пользовавшагося общимъ уваженіемъ за свое мужество. Напротивъ, оба царя должны были искать защиты подъ кровомъ боговъ: Клеомбротъ бѣжалъ въ храмъ Посейдона, Агисъ — въ храмъ Аѳины.

Леонидъ, повидимому, больше былъ раздраженъ противъ зятя, явился съ воинами передъ храмомъ и осыпалъ Клеомброта упреками въ томъ, что онъ отнялъ у него царство и лишилъ его отечества. Клеомброта спасли просьбы и слезы Хилониды, его жены и дочери Леонида. Эта кроткая и нѣжная женщина представляетъ собою самое отрадное явленіе въ печальной исторіи тогдашней Спарты. Между «повелительницами» Спарты нашлась простая душа, сумѣвшая самымъ благороднымъ образомъ примирить обязанности жены съ долгомъ дочери. Когда на царство вступилъ Клеомбротъ, Хилонида, оставивъ мужа, послѣдовала за отцомъ, своими заботами старалась смягчить его несчастіе, раздѣляла съ нимъ грозившія ему опасности. Теперь, когда несчастіе постигло ея мужа, она оставляетъ отца, является подлѣ мужа и своимъ нѣжнымъ, но твердымъ заступничествомъ успѣваетъ спасти его отъ

мести Леонида. Она не приняла приглашенія отца остаться съ нимъ и послѣдовала за мужемъ въ изгнаніе.

Вся месть Леонида и олигарховъ обрушилась на одного Агиса. Оставивъ на время свое убѣжище, онъ былъ предательски схваченъ людьми, которымъ довѣрялъ, которыхъ въ простотѣ своей чистой души считалъ своими друзьями. Его отвели въ темницу, и онъ вскорѣ увидѣлъ предъ собою новыхъ эфоровъ, которые явились сюда въ сопровожденіи нѣсколькихъ геронтовъ требовать у царя отчета въ его поведеніи. Какъ будто дѣло шло о настоящемъ судѣ, у Агиса потребовали, чтобы онъ оправдывался въ своихъ поступкахъ. На лицемѣрное предложеніе Агисъ отвѣт. лъ только смѣхомъ. Это вызвало зловѣщее замѣчаніе Амфареса, одного изъ мнимыхъ друзей царя, что скоро ему придется плакать и поплатиться за дерзость. Другой эфоръ, какъ бы желая указать Агису путь къ оправданію, спросилъ его, не дѣйствовалъ ли онъ по принужденію Лисандра и Агесилая. Агисъ отвѣчалъ, что его никто не принуждалъ, а избралъ онъ свой образъ дѣйствій, соревнуя и подражая Ликургу. Затѣмъ его спросили, раскаивается ли онъ въ своемъ поведеніи. Онъ отвѣтилъ, что готовъ скорѣе претерпѣть страшныя муки, чѣмъ раскаяться въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ. Тогда его приговорили къ смерти и велѣли стражамъ отвести его на мѣсто казни. Тѣ не дерзнули коснуться Агиса; наемные солдаты также отказались наложить руки на священную особу царя и потомка Геракла; угрозы и ругательства не помогали. Тогда рослый сильный Демохаресъ, и прежде схватившій Агиса внѣ храма и увлек-

шій его въ тюрьму, потащилъ его на мѣсто казни. Нужно было спѣшить, такъ какъ народъ уже узналъ о томъ, что Агиса схватили; у воротъ темницы слышался шумъ, виднѣлся свѣтъ факеловъ; мать и бабка Агиса были тутъ же и съ крикомъ требовали, чтобы царю спартіатовъ дана была возможность оправданія и суда предъ гражданами. Изъ опасенія, что ночью собравшаяся толпа освободитъ царя, эфоры и ускорили совершеніе казни. Идя на смерть, Агисъ увидѣлъ одного изъ тюремщиковъ въ горести и слезахъ и сказалъ ему: «Перестань оплакивать меня: погибая вопреки закону и правдѣ, я остаюсь несравненно выше моихъ губителей!» Съ этими словами онъ добровольно подставилъ свою шею смертельной петлѣ.

Амфаресъ вышелъ за ворота. Мать Агиса, Агесистрата, все еще видя въ немъ добраго знакомаго и друга, упала предъ нимъ на колѣни, умоляя спасти ея сына. Амфаресъ поднялъ ее, увѣряя, что для Агиса нѣтъ никакой опасности; онъ приглашалъ ее, если она желаетъ, войти къ сыну. Агесистрата попросила позволенія, взять съ собою и мать свою; Амфаресъ замѣтилъ, что этому ничто не мѣшаетъ Обѣ женщины вошли въ темницу, и Амфаресъ приказалъ снова запереть ея ворота и отвести къ Агису сначала бабку, уже очень старую и пользовавшуюся среди гражданъ величайшимъ уваженіемъ. Ее немедленно умертвили и затѣмъ впустили въ покой Агесистрату. Войдя въ него, она увидѣла трупъ сына, лежавшій на землѣ, и мать, висѣвшую въ петлѣ. У ней осталось еще столько твердости, что она вмѣстѣ съ служителями сняла трупъ матери и, положивъ его рядомъ съ тѣломъ Агиса, привела въ по-

рядокъ ея одежду и закрыла лицо. Потомъ, припавши къ сыну и поцѣловавъ его лицо, она сказала: «Милый сынъ, погубили тебя вмѣстѣ съ нами великая скромность, кротость и человѣколюбіе». Амфаресъ наблюдалъ происходящее изъ-за дверей; услышавъ эти слова, онъ вошелъ и съ гнѣвомъ сказалъ Агесистратѣ: «Если ты раздѣляла планы сына, то раздѣлишь и его участь». Она поднялась и подошла къ петлѣ. Послѣднія ея слова были: «Лишь бы это было на благо Спартѣ».

Вѣсть о происшедшемъ вызвала въ гражданахъ печаль объ Агисѣ и ненависть къ виновникамъ его гибели. По общему мнѣнію, такого злодѣянія еще не было совершено въ Спартѣ со времени появленія дорянъ въ Пелопоннесѣ. Даже враги въ пылу боя не отваживались поднимать руку на потомковъ Геракла, а тутъ эфоры погубили въ самой Спартѣ царя, выступившаго съ прекрасными планами, соотвѣтствовавшими славному прошлому. Притомъ онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда людямъ прощаютъ даже проступки. Друзья, скорѣе чѣмъ враги, могли порицать Агиса за то, что онъ по своей кротости и нѣжности спасъ Леонида и слишкомъ довѣрялъ людямъ.

Причины неудачи Агиса, помимо самаго характера реформы, заключались въ его личныхъ свойствахъ. Это была личность въ высшей степени симпатичная. Ее отличали юношескій энтузіазмъ, идеальный и строгій взглядъ на жизнь, кротость и гуманность даже относительно враговъ. У Агиса не было недостатка въ мужествѣ; но во всякомъ случаѣ онъ не принадлежалъ къ числу смѣлыхъ и рѣшительныхъ людей, которые торжествуютъ надъ всѣми

препятствіями. Его мужество было нѣсколько пассивное: на низложеніе эфоровъ онъ рѣшился только по настоянію другихъ, а потомъ, когда такой образъ дѣйствій оказался еще болѣе необходимымъ, Агисъ остановился предъ авторитетомъ дяди. Довѣрчивость, ошибки въ распознаваніи людей вполнѣ объясняются молодостью царя. Съ другой стороны, отъ него нельзя было ожидать глубокаго и сложнаго плана въ видахъ постепеннаго преобразованія общества, —нельзя было предполагать въ немъ умѣнья и ловкости, необходимыхъ для достиженія цѣли медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи Агису недоставало того, чѣмъ былъ силенъ его современникъ Аратъ. Въ личностяхъ того и другого воплощалась противуположность, приготовившая недружелюбную встрѣчу ахейской реформы и спартанской революціи. Агисъ былъ наслѣдственный царь, но въ извѣстномъ смыслѣ революціонеръ и демагогъ. Аратъ былъ глава республиканскаго союза, заклятый врагъ тиранніи и не большой другъ монархіи, но политикъ въ сущности консервативный и не врагъ аристократіи. Оба они были реформаторы, и реформа обоихъ была или хотѣла быть не нововведеніемъ, а возстановленіемъ стараго, —реставраціей. Но Аратъ стремился къ возможной политической реформѣ —и успѣшно, хотя очень медленно, приближался къ своей цѣли; Агисъ мечталъ о соціальномъ преобразованіи, которому все противорѣчило въ настоящемъ. Арату Агисъ представлялся мечтателемъ или фанатикомъ, человѣкомъ вполнѣ безразсуднымъ. Царь видѣлъ въ стратегѣ хитраго и бездушнаго дипломата, низкаго и трусливаго интригана. Появленіе Агиса на сѣверѣ Пелопоннеса

не предвѣщало хорошихъ отношеній между соціальнымъ движеніемъ въ Спартѣ и политическою реформою ахейцевъ. Оно пробуждало здѣсь въ массахъ такія стремленія, которыя грозили разрушеніемъ медленно воздвигаемому зданію свободнаго союза.

Послѣ пораженія этолянъ при Пелленѣ, ихъ союзникъ Антигонъ заключилъ съ ахейцами миръ, но это не помѣшало Арату сдѣлать новую попытку къ освобожденію Аѳинъ отъ македонскаго гарнизона. Попытка эта окончилась неудачей и навлекла на Арата со стороны самихъ ахейцевъ упреки въ вѣроломствѣ. Оправдываясь въ этомъ, Аратъ въ своихъ запискахъ утверждалъ, будто Эргинъ, предавшій ему Акрокоринѳъ, рѣшился какъ частный человѣкъ напасть ночью на Пирей, а когда лѣстница подломилась и его стали преслѣдовать, началъ громко призывать Арата, котораго тутъ на самомъ дѣлѣ не было, и такимъ образомъ спасся, обманувъ непріятеля. Все это, конечно, возможно, но едва ли вѣроятно, чтобы частный человѣкъ и притомъ сиріецъ отважился на такое дѣло безъ внушенія и помощи со стороны Арата. Сочувственнѣе относились ахейцы къ покушеніямъ Арата на Аргосъ, хотя эти покушенія были въ томъ же родѣ: дѣло шло здѣсь о тираннѣ, стоявшемъ, по греческому воззрѣнію, внѣ закона. Притомъ для самого Арата Аргосъ былъ почти роднымъ городомъ: здѣсь онъ выросъ, здѣсь нашелъ себѣ друзей и сотрудниковъ въ дѣлѣ освобожденія Сикіона. Возвращеніе свободы аргосцамъ было для него нѣкоторымъ образомъ дѣломъ чести. Первая попытка Арата окончилась неудачей, но вскорѣ тираннъ Аристомахъ былъ убитъ своими рабами, а его власть захватилъ Аристиппъ. Въ Аргосѣ тираннія сдѣ-

лалась, повидимому, наслѣдственною. Новый тираннъ оказался еще хуже прежняго. Разсчитывая на сочувствіе аргосцевъ, Аратъ подступилъ къ городу съ войскомъ, но тамъ масса уже привыкла къ рабству, никто не присоединился къ освободителю, и ему пришлось отступить безъ успѣха, навлекши на ахейцевъ обвиненія въ нарушеніи мира. Обѣ стороны выбрали посредниками мантинейцевъ. Оказалось, что Аратъ дѣйствовалъ безъ уполномоченія со стороны союза; на судъ онъ не явился и былъ присужденъ къ уплатѣ Аристиппу 30 минъ.

Послѣ смерти Антигона, два прежде враждебные союза, ахейскій и этолійскій, заключили между собою миръ и вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Македоніи. Фактъ этотъ очень рѣзко характеризуетъ вѣкъ политики и дипломатіи, какъ по справедливости можно назвать исторію эллинизма послѣ діадоховъ. Несмотря на сходство началъ политическаго устройства, ахейцы до сихъ поръ больше враждовали съ этолянами. Теперь нужно было ждать мести со стороны новаго царя Македоніи за покушенія на Аргосъ и Аѳины, и вотъ Аратъ отвлекаетъ Этолію отъ союза съ царемъ и заключаетъ съ нею союзъ. Этимъ онъ еще разъ показалъ, что для него «границею вражды и дружбы всегда была общественная польза», что вражда у него смѣнялась дружбою и наоборотъ, «смотря по тому, въ какую сторону склоняла его въ данное время политика». Союзъ съ Этоліей позволялъ Арату «совершенно презирать македонянъ», и это выразилось въ возобновленіи покушеній на Аѳины и Аргосъ. По замѣчанію Плутарха, Аратъ былъ какъ будто влюбленъ въ Аѳины, но любовь его бы-

ла несчастная. Вопреки своему обыкновенію, онъ отважился даже было на открытый бой съ македонянами, но былъ разбитъ и поспѣшно бѣжалъ. Прошелъ слухъ, что онъ взятъ въ плѣнъ или погибъ, и македонскій комендантъ Пирея прислалъ въ Коринѳъ требованіе, чтобы ахейцы очистили городъ. Аратъ въ это время уже достигъ Коринѳа, и послы коменданта были отпущены, осыпанные насмѣшками за свое легковѣріе. Самъ царь прислалъ изъ Македоніи корабль для доставленія «плѣннаго» Арата, а аѳиняне, услышавъ о его гибели, надѣли праздничные вѣнки, чтобы польстить царю. Это разсердило Арата; онъ тотчасъ ополчился на нихъ и дошелъ до садовъ академіи, но тутъ аѳинянамъ удалось убѣдить его оставить городъ въ покоѣ. Не менѣе настойчиво стремился Аратъ освободить Аргосъ. Его тираннъ Аристиппъ постоянно опасался происковъ явныхъ и тайныхъ. Какъ онъ себя чувствовалъ, это очень хорошо показываетъ разсказъ Плутарха. «Домъ тиранна былъ постоянно окруженъ тѣлохранителями и стражами, стоявшими въ преддверіи дворца; послѣ ужина Аристиппъ удалялъ немедленно всѣхъ слугъ, запиралъ за ними дверь, а самъ со своею подругою скрывался на чердакѣ въ маленькой комнатѣ, запиравшейся опускною дверью. На эту дверь онъ ставилъ постель, на которой и спалъ, какъ можно спать въ такомъ настроеніи, т. е. тревожно и боязливо. Лѣстницу, по которой тираннъ взбирался на чердакъ, убирала мать его подруги, запирала ее въ другую комнату, а утромъ опять ставила на мѣсто, и тогда властитель Аргоса какъ змѣй выползалъ изъ своей норы».

Аратъ нѣсколько разъ тревожилъ Аристиппа то

явными нападеніями, то тайными происками. Однажды ночью онъ пробрался къ стѣнамъ Аргоса, подставилъ лѣстницы, взошелъ съ нѣсколькими человѣками на стѣну, убилъ стражей и ворвался въ самый городъ. Съ разсвѣтомъ на него напалъ тираннъ со своими наемниками, и началась битва. Аратъ держался твердо, но аргосцы и тутъ остались спокойны: «какъ будто дѣло шло не объ ихъ свободѣ, а о присужденіи наградъ бойцамъ на играхъ немейскихъ,—они спокойно наблюдали происходящее». Аратъ былъ раненъ, но до самаго вечера удерживалъ за собою позицію. Останься онъ на ней на ночь,—дѣло было бы выиграно: тираннъ уже собирался бѣжать, его имущество переносили къ морю, на корабль. Но Арата никто объ этомъ не извѣстилъ, у его воиновъ не хватало воды, рана не позволяла ему сражаться, и потому пришлось отступить. Послѣ этой неудачи онъ открыто вторгся въ Арголиду и опустошилъ ее. Въ завязавшемся сраженіи одинъ изъ ахейскихъ отрядовъ одолѣлъ своихъ противниковъ и далеко преслѣдовалъ ихъ, какъ вдругъ Аратъ отступилъ въ лагерь не столько вслѣдствіе натиска враговъ, сколько изъ мнительности и нерѣшительности. Вернувшіеся съ преслѣдованія воины высказывали сильное неудовольствіе на то, что непріятелямъ, несмотря на ихъ отступленіе и сильныя потери, позволили поставить побѣдный трофей. Эти упреки пристыдили Арата; давъ войску день для отдыха, онъ снова повелъ его на непріятеля, но когда замѣтилъ его многочисленность и смѣлость, не рѣшился возобновить сраженія и, выпросивъ перемиріе для уборки труповъ (что̀ равнялось признанію своего пораженія), отступилъ назадъ. Вознагра-

жденіемъ за эту неудачу послужило присоединеніе къ союзу Клеонъ, небольшого городка между Коринѳомъ и Аргосомъ, важнаго тѣмъ, что черезъ него шла лучшая дорога отъ Акрокоринѳа внутрь полуострова и къ самому Аргосу. Состоялось это присоединеніе, благодаря ловкости Арата и его умѣнью вести переговоры, съ кѣмъ слѣдуетъ. Это встревожило Аристиппа, и онъ съ своей стороны задумалъ захватить Клеоны; ему мѣшало только то, что Аратъ находился въ Коринѳѣ, откуда легко могъ подоспѣть на выручку. Тогда Аратъ собралъ войско, велѣлъ собрать на много дней провіанта и пошелъ изъ Коринѳа въ другую сторону. Аристиппъ предположилъ, что онъ отправился куда-нибудь далеко, и явился предъ Клеонами, но тутъ, сверхъ всякаго ожиданія, его встрѣтилъ самъ Аратъ, ночью незамѣтно пробравшійся въ городъ. Утромъ растворились ворота, затрубили трубы, и Аратъ съ ахейцами напалъ на отрядъ тиранна, обратилъ его въ бѣгство и преслѣдовалъ до Микенъ; самъ тираннъ былъ убитъ, и съ нимъ погибло до 1.500 человѣкъ. Аратъ дошелъ затѣмъ до Аргоса, проникъ въ самый городъ, но не успѣлъ завладѣть имъ. Вслѣдъ за Аратомъ въ городъ проникъ подоспѣвшій отрядъ македонянъ; завязалось сраженіе, къ которому отнеслись безучастно даже стоявшіе за Арата аргосцы. За свое малодушіе они жестоко поплатились: новый тираннъ Аристомахъ казнилъ 80 лучшихъ гражданъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ ахейцами.

Изъ городовъ Пелопоннеса, не принадлежавшихъ къ ахейскому союзу, Мегалополь занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ: по своему значенію онъ не уступалъ теперь Спартѣ и Аргосу. Основанный по

мысли Эпаминонда съ цѣлью объединенія Аркадіи и защиты ея отъ притязаній Спарты, онъ въ теченіе всей своей исторіи вѣрно служилъ этой идеѣ. Здѣсь началось освободительное движеніе, руководители котораго помогли Арату освободить и Сикіонъ. Но и въ Мегалополѣ свобода держалась не долго: раздоры между богатыми и бѣдными неизбѣжно вели къ возстановленію тиранніи. Свобода въ это время такъ часто приводила къ угнетенію одного класса другимъ, что даже люди благородные могли увлекаться модными теоріями эпохи о призваніи тиранніи защищать угнетаемыхъ. Увлекся ими и Лидіадъ, человѣкъ съ благородною душою и высокимъ честолюбіемъ, но дѣйствительность показала ему, что роковые вопросы общественнаго устройства не рѣшаются такъ легко,—однимъ введеніемъ тиранніи. Въ то же время онъ хорошо понималъ значеніе новаго политическаго движенія на сѣверѣ Пелопоннеса. Поэтому, «хотя власть его достигла полной прочности и безопасности, онъ добровольно отказался отъ тиранніи... Какъ человѣкъ истинно государственный и умный, онъ сдѣлалъ это по собственной волѣ, предвидя будущее». Присоединеніе Мегалополя сопровождалось важными послѣдствіями: оно вело за собою присоединеніе большей части Аркадіи, обостряло и безъ того враждебныя отношенія ахейцевъ къ Спартѣ, ослабляло принципъ тиранніи въ Пелопоннесѣ; наконецъ, вступленіе въ союзъ Лидіада могло ограничивать одностороннее вліяніе Арата, восполнять отсутствіе въ союзѣ смѣлаго и энергичнаго полководца. Нельзя не замѣтить, что и въ послѣдующей исторіи федераціи всѣ главные дѣятели происходили изъ Мегалополя.

Въ награду за свой благородный поступокъ Лидіадъ на другой же годъ былъ избранъ въ стратеги союза. Отношенія его къ Арату сразу обрисовались несовсѣмъ дружелюбными красками. Самый характеръ обоихъ не обѣщалъ дружбы между ними. Сдѣлавшись стратегомъ, Лидіадъ, конечно, выступилъ со своими планами, встрѣтившими осужденіе со стороны Арата. Прежде всего, какъ бывшій тираннъ Мегалополя, онъ предлагалъ походъ противъ ослабленной и разстроенной Спарты. Затѣмъ, вся исторія Мегалополя и направленіе главныхъ дѣятелей его даютъ основанія полагать, что Лидіадъ вступилъ въ ахейскій союзъ съ цѣлью при помощи его добиться объединенія всей Аркадіи. Потомъ, дѣйствительно, въ составѣ союза оказывается большая часть Аркадіи, и можно думать, что виновникомъ ея присоединенія былъ именно Лидіадъ. Несмотря на эти заслуги, къ нему относились нѣсколько недовѣрчиво, помня, что еще недавно онъ былъ тиранномъ. Прочіе тиранны продолжали держаться при помощи наемнаго войска, содержимаго на субсидіи царя Македоніи. Такъ же косвенно дѣйствовалъ послѣдній и противъ этолянъ, возбуждая противъ нихъ иллирійцевъ, легкія суда которыхъ становятся съ этихъ поръ грозою всего побережья западной Греціи. Соединенныя силы ахейцевъ и этолянъ оказались не въ состояніи обуздать ихъ. Тогда въ дѣла вмѣшался Римъ, торговые интересы котораго страдали отъ пиратства на Адріатикѣ. Его флотъ изъ 200 кораблей разбилъ флотиліи пиратовъ и овладѣлъ ихъ убѣжищами.

По смерти Димитрія македонскаго, аѳиняне устремились къ свободѣ и призвали къ себѣ Арата.

Онъ въ это время лежалъ больной, но поспѣшилъ явиться на зовъ и убѣдилъ македонскаго коменданта очистить занятые въ Аттикѣ гарнизономъ пункты, подъ условіемъ уплаты ему 150 талантовъ. Изъ нихъ двадцать пожертвовалъ Аратъ. Однако, Аѳины не были присоединены къ ахейскому союзу. Объясняется это не столько боязнью Арата передъ демократическими стремленіями аѳинянъ, около этого времени изгнавшихъ съ острова Саламина старыхъ жителей и раздѣлившихъ ихъ земли между своими колонистами: такія стремленія обнаруживались тогда не въ однѣхъ Аѳинахъ, а и во многихъ городахъ ахейскаго союза. Вѣрнѣе полагать, что Аѳины не вошли въ союзъ именно потому, что программу Арата составляло освобожденіе всѣхъ грековъ, но особенно тѣсное соединеніе Пелопоннеса. Такъ характеризуетъ стремленія Арата и Поливій. Притомъ же стремленіе къ отдѣльному существованію пелопоннесскаго союза обнаруживалось уже и раньше того. Длинный рядъ попытокъ Арата освободить Аѳины, которыхъ онъ не имѣлъ въ виду вводить въ союзъ, вѣроятно, объясняется тѣмъ обаяніемъ, какое со времени діадоховъ производило одно имя Аѳинъ. Любимою мечтою лучшихъ дѣятелей являлась мысль объ освобожденіи Греціи и прежде всего Аѳинъ. Мысль эта не была потомъ чужда и суровымъ римлянамъ.

Въ то же время Аратъ сталъ убѣждать Аристомаха, тиранна Аргоса, чтобы онъ добровольно сложилъ съ себя власть; указывая на примѣръ Лидіада, онъ говорилъ ему, что «лучше быть съ доброю славою и честью стратегомъ цѣлаго народа, чѣмъ ненавистнымъ, постоянно окруженнымъ опасностями ти-

ранномъ одного города». Аристомахъ соглашался и требовалъ только 50 талантовъ, чтобы расплатиться съ наемниками и распустить ихъ. Деньги уже приготовлялись. Объ этомъ узналъ Лидіадъ, бывшій еще стратегомъ. Его оскорбило то, что частное лицо ведетъ такіе переговоры помимо его. Какъ глава союза, онъ вошелъ въ сношеніе съ Аристомахомъ, заключилъ съ нимъ договоръ и условіе его, по обычному порядку, предложилъ на утвержденіе союзнаго собранія. Предложеніе это въ сущности соотвѣтствовало общему желанію и всей прежней политикѣ Арата, но исходило отъ другого лица; поэтому онъ воспользовался своимъ вліяніемъ на собраніе и убѣдилъ его отвергнуть Аристомаха, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе, сталъ говорить въ пользу того же предложенія, и собраніе оказалось настолько безхарактернымъ, что и на этотъ разъ послѣдовало его совѣту.

Вслѣдъ за освобожденіемъ Аттики послѣдовало присоединеніе къ союзу острова Эгины и городовъ Фліунта и Герміоны, освободившихся отъ тиранніи. Въ это время союзъ достигъ высшей силы и славы и сталъ самою крупною, сильною и вмѣстѣ свободною державою Греціи. Его обширныя владѣнія составляли сплошное цѣлое и охватывали знаменитые въ исторіи города, изъ коихъ каждый составлялъ прежде отдѣльное и относительно сильное государство. Его политическое положеніе было очень благопріятно: съ Македоніей, особенно при дружбѣ съ Этоліей, онъ могъ всегда справиться; въ случаѣ опасности съ ея стороны точкой опоры могъ служить союзъ съ Египтомъ. Внутри союза не обнаруживалось никакихъ враждебныхъ противуполож-

ностей. Ахейцы, доряне, аркадцы забыли свои мѣстныя и племенныя распри. Наконецъ найдена была, повидимому, форма, примирявшая стремленіе грековъ къ мѣстной самостоятельности съ необходимымъ подчиненіемъ частей цѣлому. Матеріальнымъ интересамъ благопріятствовало уничтоженіе политическихъ перегородокъ, присутствіе въ союзѣ богатаго и торговаго Коринѳа и Сикіона, а также дружественныя сношенія съ Египтомъ; все это обѣщало еще болѣе скрѣпить связь разнородныхъ частей федераціи. Монеты Сикіона были распространены по всему Пелопоннесу, указывая на обширную внутреннюю торговлю. Для полнаго объединенія полуострова недоставало одного: Спарта не только не выказывала желанія войти въ союзъ, но и относилась къ нему положительно враждебно. Ея новые реформаторы для возрожденія своего отечества избрали путь совершенно противуположный, враждебный тѣмъ началамъ, на которыхъ основывался ахейскій союзъ. Партія, восторжествовавшая въ Спартѣ послѣ гибели Агиса, стремилась похоронить возможно скорѣе ненавистныя воспоминанія о Ликурговскомъ равенствѣ, такъ некстати извлеченныя изъ мрака вѣковъ. Она закрыла глаза на положеніе Спарты, погрузилась въ заботы о личныхъ выгодахъ и удовольствіяхъ и преслѣдовала людей, вспоминавшихъ о замыслахъ Агиса. Этоляне произвели хищническій набѣгъ на Лаконику и увели изъ нея 50 тысячъ жителей, но набѣгъ, по мнѣнію олигарховъ, не грозилъ самой Спартѣ и только избавлялъ страну отъ лишняго населенія; теперь уже нельзя было думать о пополненіи періэками числа спартіатовъ, и ихъ многочисленность уже не могла пугать

послѣднихъ. Лѣтъ черезъ пять послѣ смерти Агиса на престолѣ Спарты мѣсто Леонида занялъ его сынъ Клеоменъ, юноша лѣтъ 25. Еще въ дѣтствѣ люди проницательные предвидѣли въ немъ характеръ сильный и энергическій. Философъ Сферъ замѣтилъ его въ числѣ своихъ слушателей, полюбилъ его и съ этого времени остался его руководителемъ и потомъ другомъ на всю жизнь. Можно думать, что теоріи стоиковъ повліяли на развитіе не только характера Клеомена, но и его политическихъ плановъ. Съ другой стороны, на него дѣйствовали семейныя вліянія. Послѣ гибели Агиса Леонидъ вздумалъ женить еще совсѣмъ юнаго Клеомена на его вдовѣ, Агіатидѣ: она была одной изъ самыхъ богатыхъ наслѣдницъ, и Леонидъ не хотѣлъ, чтобы ея состояніе перешло въ другой домъ. Она долго отказывалась отъ предложенія и была принуждена выйти за Клеомена почти силою. Но ея красота, ея кротость и нѣжность, ея тихая грусть возбудили участіе въ благородномъ сердцѣ юноши. Съ искреннею симпатіей слушалъ онъ разсказы Агіатиды объ ея покойномъ мужѣ, самъ наводилъ ее на воспоминанія, стараясь узнать отъ нея, къ чему стремился, чего хотѣлъ Агисъ. Такимъ образомъ, бракъ, навязанный корыстолюбіемъ отца, принялъ рѣдкій, особенно въ древности, характеръ нравственной, духовной связи и былъ въ числѣ вліяній, подготовившихъ новое движеніе въ греческой исторіи *). Вмѣсто кротости и мягкости,

*) Мы передаемъ въ точности тѣ черты, которыя находимъ у Плутарха, и думаемъ, что онѣ имѣютъ большую цѣну. Обыкновенно говорятъ, что идеальная и духовная нѣжность отношеній къ женщинѣ была совершенно чужда древнему міру. Черты и даже слова, какими Плутархъ рисуетъ отношенія Клеомена къ

отличавшихъ Агиса, въ характерѣ Клеомена лежали неукротимая сила и пылкая энергія. Ему не совсѣмъ чужды были даже деспотическія замашки: высшимъ и лучшимъ благомъ онъ считалъ власть надъ людьми, добровольно повинующимися, но славнымъ казалось ему также вести людей и противъ воли къ достойной цѣли. И однако такая натура должна была сдерживать себя, долго скрывать въ себѣ свои стремленія и желанія. Клеоменъ вступилъ на престолъ уже съ отвращеніемъ и ненавистью къ олигархіи, но вести съ нею прямую, открытую борьбу онъ не могъ: вся сила и власть находились въ рукахъ эфоровъ, враждебныхъ всякому преобразованію. При томъ же опытъ Агиса показалъ Клеомену, что нельзя разсчитывать на проведеніе реформы мирнымъ путемъ. Для проведенія ея нужна была, очевидно, сила; этою силою могло быть только преданное вождю войско, а для образованія его необходима была война. Только во время войны ослабѣвалъ надзоръ эфоровъ за дѣйствіями царей, только право верховнаго начальства надъ войскомъ и предводительства на войнѣ и сохранили за собою безусловно Гераклиды изъ всѣхъ правъ царской власти. Поводъ къ войнѣ найти было не трудно: самый ходъ событій велъ неизбѣжно къ борьбѣ Спарты съ ахейскимъ союзомъ. Но сначала Клеоменъ неожиданно напалъ на принадлежавшія этолянамъ въ Пелопоннесѣ города Мантинею, Тегею и Орхоменъ и завоевалъ ихъ. Тогда владѣнія Спарты врѣзались клиномъ между землями Аргоса и Мегалополя, принадлежавшихъ

Агіатидѣ, принадлежатъ, кажется, къ доказательствамъ противнаго.

къ ахейскому союзу. Опасное сосѣдство встревожило руководителей федераціи, и они рѣшили наблюдать за Клеоменомъ и мѣшать его дальнѣйшимъ попыткамъ. Послѣднія не заставили себя долго ждать. Съ согласія эфоровъ, Клеоменъ занялъ и сталъ укрѣплять мѣстечко Белбину въ области Мегалополя, на самой границѣ съ Лаконикой, служившее ключомъ къ Мегалополю и составлявшее предметъ спора между нимъ и Спартою. За эту угрозу союзу Аратъ захотѣлъ отомстить по-своему. Разсчитывая на содѣйствіе сторонниковъ союза въ Тегеѣ и Орхоменѣ, Аратъ попытался ночью овладѣть этими городами, но его сообщники чего-то испугались, и ему пришлось отступить безъ успѣха. Онъ разсчитывалъ, что его попытка останется незамѣченной, но Клеоменъ, узнавъ о ней, послалъ ему шутливый запросъ, куда онъ ходилъ ночью. Аратъ отвѣчалъ, что, услышавъ о намѣреніи Клеомена укрѣпить Белбину, онъ хотѣлъ помѣшать этому. На это Клеоменъ возразилъ, что хотя онъ и вѣритъ объясненію Арата, но не понимаетъ одного: «Объясни мнѣ, если это тебя не затруднитъ, зачѣмъ съ тобою были факелы и лѣстницы?» Шутка эта разсмѣшила Арата, и онъ спросилъ у бѣглеца изъ Спарты, что за человѣкъ этотъ юноша; тотъ отвѣчалъ ему: «Если ты имѣешь какіе планы противъ Спарты, то тебѣ слѣдуетъ торопиться, пока у птенца не выросли шпоры». Между тѣмъ по поводу занятія Белбины ахейцы созвали сеймъ, который и высказался въ пользу открытой войны со Спартой. Эфоры не хотѣли войны и прислали Клеомену приказъ отступить. Тѣмъ не менѣе враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались. Въ это время стратегомъ союза былъ

избранъ бывшій тираннъ Аргоса, Аристомахъ. Онъ собралъ войско въ двадцать слишкомъ тысячъ и задумалъ вторгнуться въ Лаконику. Аратъ не одобрялъ такихъ плановъ, и когда оба войска сошлись въ южной Аркадіи и предстояла рѣшительная битва, то онъ, боясь смѣлости Клеомена, не позволилъ стратегу вступить въ сраженіе, хотя спартанцевъ было вчетверо меньше. Такая трусость вызвала сильное неудовольствіе ахейцевъ и насмѣшки враговъ. Обвинителемъ Арата выступилъ передъ народомъ Лидіадъ, оспаривавшій у него на выборахъ должность стратега; но чувство негодованія успѣло уже охладѣть въ ахейцахъ, и они опять избрали Арата.

Новый стратегъ, можетъ-быть, съ цѣлью возстановить свою репутацію, предпринялъ походъ на Элиду. Клеоменъ пошелъ къ ней на помощь и встрѣтилъ ахейцевъ уже на возвратномъ пути у горы Ликейской. На этотъ разъ избѣжать сраженія Арату не удалось. Ахейцы были разбиты впрахъ; самъ Аратъ едва спасся, такъ что снова распространились слухи объ его смерти. На самомъ дѣлѣ онъ прямо съ поля битвы бросился на другой конецъ Аркадіи, явился подъ Мантинеей, гдѣ его никто не ожидалъ, и тамъ, разбитые ахейцы, благодаря своему стратегу, пріобрѣли городъ, которымъ не легко было бы овладѣть и послѣ побѣды. Можно думать, что въ Мантинеѣ была партія, стоявшая за ахейскій союзъ, но партія слабая, такъ что Арату удалось проникнуть въ городъ только послѣ упорнаго боя. Поэтому, а также въ виду своихъ частыхъ переходовъ съ одной стороны на другую, мантинейцы ожидали суроваго обращенія. Но Аратъ воспретилъ воинамъ грабежъ, пригласилъ мантинейцевъ быть спокой-

ными, а затѣмъ обѣщалъ имъ полную безопасность, если они вновь присоединятся къ ахейскому союзу. Все это поразило ихъ, и они въ благодарность стали усердно ухаживать за воинами Арата, каждый въ своемъ домѣ. Чтобы усилить ахейскую партію, Аратъ далъ право гражданства тѣмъ мантинейцамъ, которые имъ до того не пользовались; а вскорѣ затѣмъ по просьбѣ гражданъ, желавшихъ остаться вѣрными союзу, въ Мантинеѣ былъ поставленъ ахейскій гарнизонъ.

Потеря Мантинеи привела спартанцевъ въ уныніе, и партія мира, во главѣ которой стояли эфоры, пріобрѣла среди нихъ перевѣсъ. Олигархи уже начали смотрѣть подозрительно на возрастающую популярность царя въ войскѣ и отозвали его назадъ домой. Видя, что эфоры мѣшаютъ ему образовать преданное войско, Клеоменъ сталъ искать средствъ ограничить ихъ всемогущество. До сихъ поръ онъ царствовалъ одинъ, и это отступленіе отъ обычнаго двоевластія не могло не ослаблять значенія царской власти въ глазахъ спартіатовъ, суевѣрныхъ почитателей старины. Клеоменъ и думалъ усилить себя нравственно возстановленіемъ обычнаго порядка. Кромѣ того, въ лицѣ другого царя онъ могъ найти себѣ помощника, который будетъ защищать интересы царской власти отъ нападокъ эфоровъ, въ то время какъ самъ Клеоменъ будетъ внѣ Спарты, во главѣ войска. Поэтому онъ и рѣшился примириться съ братомъ Агиса—Архидамомъ, бѣжавшимъ въ Мессенію. Обѣ стороны уговорились, что Архидамъ тайно отправится въ Лаконику, Клеоменъ съ друзьями встрѣтитъ его на границѣ, введетъ въ Спарту и провозгласитъ царемъ. Архидамъ дѣйствительно

явился въ Спарту, его окружили друзья Клеомена, но вмѣсто царскаго престола онъ нашелъ себѣ здѣсь смерть отъ руки убійцъ. Для самого Клеомена Архидамъ могъ сдѣлаться человѣкомъ роднымъ и близкимъ, какъ стала для него родною Агіатида; въ братѣ Агиса онъ могъ найти новаго и искренняго повѣреннаго своихъ тайныхъ замысловъ. Другое дѣло —«друзья» Клеомена, унаслѣдованные имъ еще отъ отца: между ними были люди, прямо участвовавшіе въ убійствѣ Агиса. Чѣмъ дружелюбнѣе была встрѣча Клеомена и Архидама, тѣмъ скорѣе у этихъ «друзей» могло явиться опасеніе, что новый царь потребуетъ отчета за пролитую кровь брата и возбудитъ противъ нихъ народъ, помнившій еще о погибшемъ реформаторѣ. Для насъ остается темнымъ только одно, далъ ли Клеоменъ свое, хотя вынужденное, согласіе на смерть Архидама или нѣтъ. Общественное мнѣніе въ самой Спартѣ извиняло Клеомена именно принужденіемъ со стороны его «друзей». До какой степени онъ въ это время зависѣлъ отъ олигарховъ, видно изъ того, что ему пришлось задаривать деньгами эфоровъ, для того, чтобы ему позволили сдѣлать что-нибудь для славы и защиты Спарты. Его мать, женщина уже пожилыхъ лѣтъ, принуждена была выйти замужъ за одного изъ самыхъ вліятельныхъ и знатныхъ гражданъ только для того, чтобы доставить сыну политическую поддержку, которой тотъ лишился въ Архидамѣ.

Смягченные подарками, эфоры позволили Клеомену возобновить военныя дѣйствія, и онъ явился подъ Мегалополемъ. На помощь жителямъ его поспѣшилъ Аратъ съ ахейцами. Мегалопольцы тре-

бовали битвы, ея же желалъ и Клеоменъ, но Аратъ, по обыкновенію, медлилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что войско спартанцевъ многочисленнѣе ахейскаго. Случайно завязалась однако стычка между легковооруженными съ той и другой стороны. Ахейцы взяли верхъ, оттѣснили спартанцевъ до самаго лагеря и начали уже грабить палатки. Тогда и Аратъ двинулся впередъ, но, увидѣвъ передъ собою глубокій оврагъ, остановилъ войско. Возмущенный остановкой, Лидіадъ сталъ порицать Арата и пригласилъ всадниковъ помочь товарищамъ и не выпускать изъ рукъ побѣду. Его призыву послѣдовали многіе всадники, онъ бросился съ ними на правое крыло непріятеля и обратилъ его въ бѣгство, но въ пылу боя попалъ въ мѣстность, неудобную для дѣйствія конницы, и, послѣ геройской борьбы съ самимъ Клеоменомъ, палъ въ виду стѣнъ родного города. Увидѣвъ это, спартанцы ободрились, напали на ахейцевъ и обратили въ бѣгство все войско, обвинявшее Арата въ намѣренномъ предательствѣ. Уважая мужество и во врагѣ, Клеоменъ отправилъ трупъ Лидіада въ его родной Мегалополь съ царскими почестями, въ пурпурѣ и съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ.

Недовольство ахейцевъ образомъ дѣйствій Арата выразилось на осеннемъ собраніи въ странномъ рѣшеніи не давать ему денегъ изъ казны на военныя издержки и на содержаніе наемниковъ, а если онъ хочетъ воевать, пусть дѣлаетъ это на свой счетъ. Дѣло въ томъ, что и прежде еще Аратъ былъ въ состояніи дѣйствовать на свои средства; теперь же онъ получалъ ежегодно субсидію отъ Птоломея. На это онъ дѣйствительно могъ вести со Спартою вой-

ну въ своемъ вкусѣ, войну ночныхъ захватовъ и нечаянныхъ нападеній, которая могла даже быть выгодной для союза и, во всякомъ случаѣ, не подвергала его позору. И вотъ сеймъ рѣшилъ: пусть Аратъ дѣйствуетъ такъ отъ своего лица, а не отъ имени союза, унижаемаго побѣдами Клеомена. Нельзя не замѣтить, однако, что это рѣшеніе создавало для частнаго лица особое положеніе въ государствѣ, допуская право частной войны, обычное у хищныхъ этолянъ, но не у разумныхъ ахейцевъ. Самъ Аратъ былъ пораженъ такимъ выраженіемъ недовѣрія и сначала рѣшилъ сдать союзную печать и сложить съ себя званіе стратега; но потомъ, по зрѣломъ размышленіи, онъ предпочелъ остаться въ должности до конца года, намѣреваясь не принимать ея снова и въ томъ случаѣ, если она черезъ годъ будетъ, по обыкновенію, ему предложена.

Клеоменъ возвратился въ Спарту изъ-подъ Мегалополя съ намѣреніемъ приступить наконецъ къ осуществленію своихъ давнишнихъ плановъ. Онъ мечталъ воскресить воинственную Спарту, стоявшую нѣкогда во главѣ всей Эллады; гражданъ для нея можно будетъ набрать изъ людей, занимавшихся въ Лаконикѣ земледѣліемъ и торговлею, но сами они останутся внѣ военнаго государства. Земли олигарховъ будутъ раздѣлены между наличными спартіатами, храбрѣйшими изъ наемниковъ и лучшими юношами изъ періэковъ. Раздѣлены онѣ будутъ на основѣ полнаго равенства, и такимъ образомъ изъ Спарты будутъ изгнаны богатство и бѣдность. Надѣленные землею и рабами, которые будутъ ее обработывать, новые спартіаты посвятятъ себя цѣликомъ военнымъ занятіямъ и будутъ жить вполнѣ по

уставамъ Ликурга. Во главѣ государства станутъ, по обычаю, два царя, раздѣляя власть съ герусіей и общимъ собраніемъ всѣхъ гражданъ, представителями аристократіи и демократіи. Эфоратъ будетъ уничтоженъ не только потому, что на практикѣ онъ оказался враждебнымъ царской власти и всякой реформѣ, но и потому, что вліяніе эфоровъ противорѣчитъ идеѣ равновѣсія властей, лежавшей въ основѣ Ликургова устройства.

При всемъ сходствѣ съ реформой Агиса, планъ Клеомена представляетъ и существенныя отличія отъ нея. Человѣкъ болѣе смѣлый и рѣшительный, Клеоменъ выбираетъ такой путь и такія средства, предъ которыми отступилъ бы Агисъ. Клеоменъ понялъ, что соціальная революція невозможна безъ политическаго переворота, и усвоилъ идеи стоической политики тѣмъ съ большею готовностью, что онѣ теоретически оправдывали такой переворотъ. Далѣе, Клеоменъ думалъ опереться на наемниковъ и даже превратить этихъ чужеземцевъ въ полезныхъ гражданъ Спарты. Наконецъ, онъ вовсе не предполагалъ ограничиться мирною славой возстановителя Ликурговской Спарты, а хотѣлъ стать во главѣ чисто-греческихъ силъ, какъ это было во время персидскихъ войнъ; «пробужденная» Спарта явится представительницею эллинской народности и ея защитницей противъ полуварварскихъ македонянъ.

Въ свои намѣренія Клеоменъ посвятилъ трехъ или четырехъ старыхъ друзей; увлечь ихъ ему было не трудно: среди олигарховъ еще не умерли преданія о древней славѣ Спарты, а съ Клеоменомъ во главѣ можно было достигнуть всего. Затѣмъ онъ отправился въ походъ противъ ахейцевъ, взявъ съ со-

бою тѣхъ гражданъ, отъ которыхъ слѣдовало ожидать сильнаго сопротивленія перевороту. Большими переходами онъ до того измучилъ спартанцевъ, что многіе изъ нихъ стали просить, чтобы онъ оставилъ ихъ для отдыха въ Аркадіи. Именно этого и хотѣлъ Клеоменъ. Онъ отправился въ Спарту съ наемниками и дорогой уже не скрывалъ своихъ плановъ отъ тѣхъ, на расположеніе которыхъ особенно разсчитывалъ. Подойдя къ городу, Клеоменъ послалъ впередъ Эвриклида какъ будто съ извѣстіями изъ войска; за нимъ послѣдовали еще четыре преданные человѣка съ нѣсколькими воинами. Эвриклидъ явился предъ эфорами какъ разъ во время ихъ общаго обѣда, и когда они разговаривали съ нимъ, воины бросились на нихъ, четырехъ убили, а пятый ускользнулъ и спрятался. Погибло еще человѣкъ десять, прибѣжавшихъ на помощь къ эфорамъ. Кто оставался спокойнымъ, тѣхъ не трогали, удалявшихся изъ города не останавливали. Былъ пощаженъ и эфоръ, вышедшій изъ убѣжища на другой день. Затѣмъ Клеоменъ явился въ Спарту, изгналъ восемьдесятъ гражданъ и велѣлъ унести съ площади кресла эфоровъ, кромѣ одного, на которомъ долженъ былъ возсѣдать царь при отправленіи обязанностей, лежавшихъ прежде на эфорахъ. Наконецъ, Клеоменъ созвалъ вѣче, предъ которымъ старался оправдать совершенный переворотъ. Онъ говорилъ, что власть эфоровъ была узурпаціей, искажавшей первоначальный строй Спарты, для возстановленія котораго необходимо было ее уничтожить, — что измѣнить установившійся порядокъ безъ насилія было трудно, но что устранены были только тѣ, кто мѣшалъ спасенію государства. Высказанные

Клеоменомъ въ его рѣчи политическіе и историческіе взгляды были, безъ сомнѣнія, заимствованы изъ философско-историческихъ сочиненій и уроковъ Сфера Борисѳенскаго. Вслѣдъ за тѣмъ Клеоменъ предложилъ передѣлить земли и отмѣнить долговыя обязательства. Какъ и при Агисѣ, царь первый отрекся отъ своего имущества; за нимъ послѣдовали его родные и друзья, а тамъ и прочіе граждане. Вновь образованные надѣлы розданы были періэкамъ и иностранцамъ, жившимъ въ Спартѣ, главнымъ образомъ тѣмъ, которые служили въ наемномъ войскѣ. Между прочимъ нарѣзаны были надѣлы и 80 изгнанникамъ, которыхъ царь обѣщалъ вернуть по возстановленіи спокойствія. По введеніи равенства имуществъ, были возстановлены подъ руководствомъ и по указаніямъ Сфера, хорошо знакомаго съ древностями Спарты, сисситіи и Ликурговская система воспитанія юношества. Существенную особенность стараго строя Спарты составляло также двоевластіе, и потому Клеоменъ возвелъ на престолъ своего брата.

Переворотъ въ Спартѣ, сопровождавшійся передѣломъ земли, долженъ былъ произвести на массу населенія Пелопоннеса сильное впечатлѣніе и вызвать въ ней горячія симпатіи къ Клеомену. Это обнаружилось еще въ томъ же 226 г.: жители Мантинеи добровольно призвали его къ себѣ и помогли выгнать ахейскій гарнизонъ. Ожиданія Арата, что Клеоменъ не рѣшится покинуть Лаконику въ виду того, что послѣ переворота порядокъ тамъ еще не установился и настроеніе было еще смутное, такимъ образомъ не оправдались. Силы олигархіи оказались ничтожными, и царь могъ быть вполнѣ

увѣренъ, что пока война будетъ идти хорошо, безпорядковъ въ Спартѣ не произойдетъ. На свое войско онъ вполнѣ разсчитывалъ. Главную силу его составляли теперь свободные граждане, преданные новому порядку уже потому, что они были обязаны ему своимъ возвышеніемъ въ число спартіатовъ. Вооружены они были несравненно лучше, чѣмъ ахейская милиція и наемники союза. Въ случаѣ нужды Клеоменъ не стѣснялся отступать отъ старины: вмѣсто прежняго короткаго копья онъ ввелъ длинную македонскую сариссу, прославленную завоеваніемъ Востока, и научилъ спартіатовъ пользоваться щитами такъ, что копья можно было держать въ обѣихъ рукахъ. Еще важнѣе было появленіе новаго духа въ войскѣ,—строгой дисциплины и суровой простоты, примѣръ которой подавалъ самъ царь. За войскомъ не шло толпы мимовъ и фокусниковъ, танцовщицъ и флейтщицъ, какъ это водилось тогда въ другихъ арміяхъ. Для самого царя не было изысканныхъ кроватей и мягкихъ носилокъ, заимствованныхъ македонянами у изнѣженныхъ азіатовъ; его не сопровождала толпа слугъ и свита придворныхъ; на немъ никогда не видали ни порфиры, ни тяжелой и мягкой хлэны. Въ простомъ плащѣ весело и дружески встрѣчалъ онъ всякаго, кто имѣлъ въ немъ нужду, и велъ переговоры лично, безъ посредства секретарей. Пословъ и гостей, посѣщавшихъ его лагерь, онъ угощалъ съ лаконской простотою, смягчаемой только радушіемъ и снисходительностью хозяина. За столомъ не было ни музыки, ни пѣнія; лучшей приправой пира служила веселая и умѣренно-шутливая бесѣда. Эта скромная простота нимало не вредила обаянію

царскаго титула; напротивъ, обычное почтенiе къ Гераклидамъ во всякомъ, кто ближе знакомился съ Клеоменомъ, переходило въ глубокую любовь и преданность.

Друзья Арата, слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Спартѣ, сначала ограничивались насмѣшками надъ «новымъ Ликургомъ», «новымъ Солономъ», но скоро поняли, что смѣяться не время, и тогда ихъ презрѣнiе перешло въ страхъ и ненависть. Переходъ Мантинеи къ Клеомену не предвѣщалъ ничего хорошаго. Въ низшихъ слояхъ населенiя, по близости къ Спартѣ, уже начиналось глухое броженiе. Всѣхъ лучше долженъ былъ понимать роковое значенiе переворота, происшедшаго въ Спартѣ, самъ Аратъ. Личная ненависть къ Клеомену могла изощрить его проницательность. Вполнѣ искренно Аратъ могъ видѣть въ царѣ только тиранна и революцiонера, могъ быть убѣжденнымъ въ невозможности примирить либеральныя начала ахейскаго союза съ соцiальною революцiею Спарты. Онъ былъ убѣжденъ, что Клеоменъ не задумается на весь Пелопоннесъ провозгласить страшный лозунгъ: раздѣлъ земли, погашенiе долговъ. Подъ влiянiемъ такихъ опасенiй Аратъ рѣшился искать себѣ опоры въ той самой Македонiи, борьба съ которой составляла главную задачу его предшествовавшей дѣятельности. Первый шагъ его былъ, по обыкновенiю, расчитанъ съ большимъ искусствомъ. Отъ войны со Спартой всего сильнѣе страдалъ Мегалополь, издавна стоявшiй въ дружескихъ отношенiяхъ съ Македонiей. И вотъ двое гражданъ его, по тайному соглашенiю съ Аратомъ, предложили вѣчу отправить депутацiю къ союзному правительству и просить, чтобы оно разрѣшило Ме-

галополю вступить съ Антигономъ въ переговоры о помощи. Предложеніе было принято вѣчемъ, и виновники его были посланы депутатами къ союзнымъ властямъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ ихъ согласія, отправиться немедленно въ Македонію. Аратъ выхлопоталъ депутаціи просимое разрѣшеніе, и она отправилась къ Антигону уже въ видѣ посольства отъ Мегалополя. Вопросъ о помощи ему былъ покончепъ скоро; но, кромѣ того, послы имѣли тайныя инструкціи отъ Арата и должны были убѣдить Антигона въ необходимости союза Македоніи съ ахейцами. Нужно было доказать ему, что Клеоменъ дѣйствуетъ заодно съ этолянами и, очевидно, стремится къ гегемоніи надъ Пелопоннесомъ, но, достигнувъ ея, онъ потребуетъ гегемоніи надъ всею Греціей. Тогда Македоніи придется бороться со Спартой за свое вліяніе на грековъ; вопросъ только въ томъ, что выгоднѣе для Антигона: вести борьбу въ Пелопоннесѣ, имѣя союзниками Ахайю и Беотію, или ожидать появленія спартанцевъ, въ союзѣ съ этолянами и ахейцами, на поляхъ Ѳессаліи? Въ первомъ случаѣ борьба будетъ идти за гегемонію надъ Греціей, во второмъ за самое существованіе Македоніи. Пока, впрочемъ, ахейцы не требуютъ немедленной помощи отъ Антигона: ихъ силъ еще достаточно для борьбы съ однимъ Клеоменомъ; но если вмѣшается Этолія или счастье измѣнитъ ахейцамъ, пусть Антигонъ не пропускаетъ тогда удобнаго времени для охраны своихъ интересовъ и для защиты ахейскаго союза. Съ своей стороны Аратъ обѣщалъ найти приличное вознагражденіе союзнику и указать время, когда помощь станетъ необходимой. Антигонъ обѣщалъ подать помощь Мегалопо-

лю, если на это послѣдуетъ согласіе всего союза. Послы вернулись домой и яркими красками описали расположеніе Антигона къ ихъ городу. Тогда мегалопольцы на союзномъ собраніи предложили прямо призвать на помощь противъ Спарты Антигона. Противъ предложенія высказались многіе, и прежде всего самъ Аратъ. Онъ говорилъ, что и національная гордость и даже выгода побуждаютъ народъ искать спасенія въ себѣ самомъ, что обращаться къ помощи друзей можно только тогда, когда испытаны всѣ средства, истощены всѣ надежды. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ Арата и рѣшило готовиться всѣми силами къ продолженію войны.

Зная о сношеніяхъ союза съ Македоніей, Клеоменъ задумалъ нанести ему рѣшительный ударъ, прошелъ всю Аркадію и вторгнулся въ коренную Ахайю. Ахейцы выступили противъ него со всѣми силами и расположились передъ Димами; Клеоменъ занялъ позицію между городомъ и ахейскимъ лагеремъ, ахейцы приняли вызовъ, и Клеоменъ въ кровопролитномъ сраженіи разбилъ ихъ наголову. Это третье пораженіе было для союза опаснѣе прежнихъ, потому что врагъ стоялъ въ самомъ сердцѣ Ахайи. Нужна была скорая помощь, и весенній сеймъ ахейцевъ рѣшилъ единогласно просить ея у Антигона. Но скоро обнаружились затрудненія, упущенныя сначала изъ вида: за содѣйствіе Антигонъ потребуетъ выдачи Акрокоринѳа, уже какъ операціоннаго базиса въ предстоящей войнѣ; съ другой стороны, если бы на уступку Коринѳа согласились ахейцы, ея никогда не допустили бы сами коринѳяне, а развѣ можно отдать ихъ противъ воли? Поэтому обсужденіе вопроса было отложено,

и рѣшено было начать переговоры съ Клеоменомъ. За это стояли не только народныя массы, сочувствовавшія спартанской реформѣ, но и бывшіе тиранны городовъ союза, недовольные новымъ направленіемъ политики Арата. Самъ онъ не захотѣлъ участвовать въ переговорахъ со своимъ врагомъ и потому рѣшительно отказался отъ предложенной ему снова должности стратега. Клеоменъ потребовалъ себѣ гегемонію, надѣясь сговориться потомъ объ остальномъ и обѣщая сейчасъ же отпустить плѣнныхъ и вернуть занятыя земли. Притязанія эти грозили самому существованію союза: что̀ осталось бы за его учрежденіями, если бы завѣдываніе военными силами и руководство внѣшней политикой союза перешли къ царю Спарты? Конечно, и послѣ разложенія союза греки остались бы греками; можетъ-быть даже, для нихъ было бы лучше, если бы удалось объединить весь Пелопоннесъ инымъ путемъ, чѣмъ думалъ Аратъ. Но было бы весьма странно, если бы союзъ, уже четверть вѣка стоявшій на своихъ ногахъ, могъ по первому требованію входить въ новыя политическія образованія. Для Арата Клеоменъ оставался беззаконнымъ тиранномъ; онъ могъ думать, что для союза выгоднѣе признать гегемонію Македоніи, которая, по своей отдаленности, не можетъ вмѣшиваться въ дѣла союза и только поможетъ ему объединить весь Пелопоннесъ; притомъ номинальное подчиненіе ей не будетъ униженіемъ для союза, такъ какъ она безспорно является первой державой въ Греціи. За то Клеоменъ могъ похвалиться чистою эллинскою кровію; его отечество – Спарта, его предки—Гераклиды, а въ гла-

захъ настоящаго грека послѣдній спартіатъ стоялъ выше перваго изъ македонянъ.

Предложеніе Клеомена было принято за основаніе мирныхъ переговоровъ, для которыхъ былъ созванъ чрезвычайный сеймъ въ Лернѣ, городкѣ Арголиды. Греки увлекались иногда теоріею, объясняющею великія событія малыми причинами, чего такъ не любитъ серьезная исторія. На этотъ разъ, однако, можно почти согласиться съ греками, что простуда Клеомена довершила судьбу греческаго міра. На пути въ Лерну, царь въ жаркій лѣтній день напился воды, потерялъ голосъ, у него пошла кровь горломъ. Собраніе было отложено, но, увѣренный въ счастливомъ исходѣ его, Клеоменъ отпустилъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ, До новаго собранія, на этотъ разъ въ Аргосѣ, прошло довольно много времени, и положеніе дѣлъ успѣло во многомъ измѣниться. Сначала предложеніе Клеомена показалось умѣреннымъ даже вліятельнымъ классамъ, но стоило имъ присмотрѣться къ настроенію народной массы, чтобы почувствовать самыя серьезныя опасенія. Собраніе въ Аргосѣ должно было оказаться очень многолюднымъ какъ по численности населенія города, такъ и въ виду близости немейскихъ игръ; отдать въ руки такого собранія рѣшеніе судьбы союза было дѣломъ рискованнымъ. Въ самомъ Аргосѣ была сильная партія, стремившаяся къ отдѣленію отъ союза и къ передѣлу земель. Даже въ Сикіонѣ и Коринѳѣ были люди, готовые вступить въ прямые переговоры съ Клеоменомъ. Все это должно было произвести сильный переворотъ во мнѣніи «среднихъ людей». Трудно было ожидать, чтобы Клеоменъ сталъ заботиться о цѣлости союза, когда въ главныхъ горо-

дахъ его обнаружились противуположныя стремленія. Поэтому Аратъ и его сторонники рѣшили не допускать прямыхъ сношеній между народною толпою и ея героемъ. Между тѣмъ Клеоменъ выздоровѣлъ и отправился въ Аргосъ, вполнѣ увѣренный, что его примутъ какъ друга и гегемона. Вмѣсто того, ахейцы изъявляютъ неудовольствіе на то, что онъ идетъ съ военною силою на ихъ мирное собраніе, и требуютъ отъ Клеомена, чтобы онъ не входилъ въ городъ, а остановился близъ гимназіи и оттуда велъ переговоры, или, если непремѣнно желаетъ, вошелъ бы въ городъ одинъ, взявъ у ахейцевъ для безопасности заложниковъ. Клеоменъ не привыкъ лукавить и хитрить, и поведеніе ахейскихъ политиковъ его возмутило. Хорошо понимая, кто главный виновникъ обидныхъ предложеній и какая цѣль скрывается за ними, онъ отправилъ письмо къ ахейскому собранію съ рѣзкими упреками и нападками на Арата; послѣдній отвѣчалъ тѣмъ же и сталъ поносить Клеомена передъ народомъ, собравшимся въ Аргосѣ. Не довольствуясь этимъ, Аратъ послалъ къ царю письмо, наполненное оскорбительными выходками и просто ругательствами,—быть-можетъ, въ разсчетѣ на пылкость противника. Клеоменъ, дѣйствительно, увлекся и вступилъ съ Аратомъ въ унизительную для обоихъ переписку, въ которой не были пощажены даже семейныя отношенія. Кончилось дѣло тѣмъ, что Клеоменъ послалъ объявленіе войны, но не въ Аргосъ, а въ обычное мѣсто ахейскихъ собраній, въ Эгіонъ,—по объясненію Арата, съ цѣлью предупредить военныя приготовленія ахейцевъ.

Война началась при самыхъ неблагопріятныхъ

условіяхъ для союза. Въ каждомъ городѣ открыто подняла голову партія, желавшая скорѣйшаго появленія Клеомена, передѣла земель и уничтоженія долговыхъ обязательствъ. Бывшіе тиранны и ихъ друзья тоже разсчитывали на Клеомена, думая, что разъ дѣло дойдетъ до борьбы бѣдныхъ съ богатыми, скоро настанетъ и ихъ время. Эти надежды какъ нельзя болѣе содѣйствовали успѣхамъ Клеомена. «Весь Пелопоннесъ пришелъ въ смятеніе», среди котораго царь спокойно переходилъ отъ одного города къ другому, и они отворяли ему свои ворота. Онъ нашелъ себѣ союзниковъ въ самой Ахайѣ; въ его руки едва не попалъ даже Сикіонъ; въ Коринѳѣ также обнаружилась партія, стоявшая за царя. Въ Аргосѣ, кромѣ людей, желавшихъ передѣла земель, строилъ ковы бывшій тираннъ Аристомахъ со своими приверженцами. Ахейцы отправили въ Сикіонъ и Коринѳъ войско изъ людей зажиточныхъ, Клеомену не сочувствовавшихъ, и изъ наемниковъ, чуждыхъ мѣстнымъ движеніямъ. Съ отрядомъ пошелъ Аратъ, облеченный чрезвычайной властью противъ людей подозрительныхъ. Въ то время, какъ ахейцы приступили въ Аргосѣ къ празднованію немейскихъ игръ, подъ стѣнами его неожиданно появился Клеоменъ и занялъ пунктъ, господствовавшій надъ городомъ. Аргивяне, даже вѣрные союзу, до того смутились, что сдали городъ и вступили въ основываемый Клеоменомъ новый союзъ. Однако обманулись въ своихъ надеждахъ люди, ожидавшіе передѣла земель и отмѣны долговыхъ обязательствъ. Неизвѣстно, получилъ ли что-нибудь Аристомахъ, ожидавшій большихъ выгодъ отъ своей измѣны. Примѣру Аргоса послѣдовали Клеоны и Фліунтъ. Подъ

впечатлѣніемъ этихъ событій ахейцы рѣшились прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Пользуясь своими полномочіями, Аратъ предалъ смерти нѣкоторыхъ гражданъ Сикіона, уличенныхъ въ намѣреніи измѣнить союзу; большинство сикіонянъ сохраняло вѣрность и не хотѣло вступаться за измѣнниковъ. Не то произошло въ Коринѳѣ, куда Аратъ явился также съ цѣлью наказать приверженцевъ Клеомена. Раздраженная толпа рѣшилась поднять открытое возстаніе, но предварительно захватить самого Арата. Его потребовали въ храмъ Аполлона, гдѣ собрался народъ; но едва онъ появился, какъ многіе встали съ своихъ мѣстъ; посыпались обвиненія и ругательства. Аратъ не смутился, пригласилъ собраніе успокоиться и не говорить всѣмъ вдругъ, попросилъ войти и остававшихся внѣ храма и при этомъ, какъ будто желая кому-нибудь поручить своего коня, вскочилъ на него и ускакалъ въ Акрокоринѳъ. Коринѳяне послали погоню, но было уже поздно. Потеря Коринѳа вывела, наконецъ, ахейцевъ изъ долгихъ колебаній и нерѣшительности: Коринѳъ сталъ теперь непріятельскимъ городомъ, и ахейскіе политики могли сказать, что они имѣютъ право распоряжаться оставшимся въ ихъ рукахъ Акрокоринѳомъ по своему усмотрѣнію.

Нельзя думать, чтобы одинъ Аратъ былъ противъ примиренія съ Клеоменомъ. Волненіемъ низшихъ слоевъ населенія были перепуганы всѣ зажиточные люди. Если бы даже Клеоменъ и не сочувствовалъ стремленіямъ своихъ сторонниковъ, —такъ заставляютъ думать событія въ Аргосѣ,—все-таки нельзя было поручиться, что у него хватитъ силъ утишить имъ же самимъ вызванное волненіе. Сочувствіе кон-

серватпвныхъ словъ Арату выразилось на сеймѣ въ Сикіонѣ: его выбрали въ президенты союза на слѣдующій (224—3) годъ; при этомъ, въ виду затруднительности положенія, Арату дали нѣчто въ родѣ диктатуры съ титуломъ «самодержавнаго стратега» и постоянную стражу изъ мѣстныхъ гражданъ. Послѣднее было особенно странно для гонителя тиранновъ: въ глазахъ грековъ присутствіе тѣлохранителей всегда указывало на тираннію. Разумѣется, Арата нельзя заподозрить въ стремленіи къ ней, все равно какъ его никогда нельзя было соблазнить денежною корыстью. Послѣднее имѣлъ случай испытать Клеоменъ. Явившись въ Коринѳъ, онъ приказалъ щадить имущество и домъ Арата, а затѣмъ дважды предлагалъ ему чрезъ пословъ сумму вдвое больше той, которую Аратъ получалъ отъ Птоломея; взамѣнъ того онъ требовалъ признанія себя гегемономъ и охраненія Акрокоринѳа сообща спартанцами и ахейцами. Аратъ отвѣчалъ, что не онъ управляетъ положеніемъ дѣлъ, а положеніе имъ. Клеоменъ принялъ отвѣтъ за насмѣшку, вторгнулся въ область Сикіона, опустошилъ ее и осадилъ городъ. И теперь Аратъ все еще сомнѣвался, слѣдуетъ ли пожертвовать Акрокоринѳомъ. Роковое рѣшеніе было принято, наконецъ, на сеймѣ 224 года. Коринѳяне, узнавъ объ этомъ, разграбили бывшее въ городѣ имущество Арата, а домъ его подарили Клеомену.

Антигонъ, въ ожиданіи рѣшенія стоявшій съ войскомъ въ Ѳессаліи, тотчасъ двинулся въ походъ, но не черезъ Ѳермопилы, а черезъ островъ Эвбею, такъ что ему пришлось два раза сажать на суда свою армію. Избрать первый путь ему помѣшали угрозы

этолянъ. Когда Антигонъ вступилъ на перешеекъ, то увидѣлъ, что всѣ проходы, ведущіе черезъ него, заняты укрѣпленіями, воздвигнутыми Клеоменомъ: гдѣ было можно, были выкопаны рвы, гдѣ нужно, выстроены стѣны. Клеоменъ не хотѣлъ вступать въ открытую битву, но пользуясь мѣстностью думалъ утомить и ослабить Антигона мелкими схватками. Положеніе македонянъ скоро стало затруднительнымъ: пробиться чрезъ проходы не было возможности, но нельзя было и долго оставаться на одномъ мѣстѣ, такъ какъ недостаточно было съѣстныхъ припасовъ. Антигонъ попытался было обойти крѣпкую позицію Клеомена, но потерпѣлъ неудачу. Но тутъ неожиданное событіе дало всему другой видъ; это было возстаніе въ Аргосѣ. Друзья Арата и сторонники ахейцевъ составили тамъ заговоръ и приглашали Арата явиться передъ городомъ, обѣщая поднять открытое возстаніе. Дѣйствительно, въ Аргосѣ всѣ вообще и низшій классъ населенія въ особенности были недовольны Клеоменомъ, который не только не произвелъ передѣла земель, но даже не уничтожилъ собственною властью долговыхъ записей. Аратъ выпросилъ у Антигона отрядъ и отправился съ нимъ моремъ въ Эпидавръ, чтобы оттуда пройти подъ Аргосъ. Но еще до его прибытія нетерпѣливый народъ поднялся и осадилъ спартанцевъ въ акрополѣ. Узнавъ объ этомъ, Клеоменъ призвалъ къ себѣ своего вотчима, Мегистоноя, и съ гнѣвомъ приказалъ ему немедленно, хотя дѣло было ночью, отправиться въ Аргосъ: онъ увѣрилъ Клеомена въ вѣрности аргивянъ и помѣшалъ ему удалить людей подозрительныхъ. Мегистоной пробрался въ Аргосъ, но тамъ встрѣтился съ ахейцами, подоспѣвшими изъ

Сикіона, и палъ въ схваткѣ. Спартанцы съ трудомъ держались въ акрополѣ и звали Клеомена на помощь. Овладѣвъ Аргосомъ, непріятели могли запереть спартанцевъ въ проходахъ, а сами безъ помѣхи опустошить Лаконику и даже захватить Спарту, оставшуюся безъ защиты. Поэтому Клеоменъ покинулъ Коринѳъ, тотчасъ занятый Антигономъ, и двинулся на помощь спартанцамъ въ Аргосъ; онъ успѣлъ проникнуть въ городъ и соединиться со своими, но тутъ съ двухъ сторонъ показался непріятель: съ сосѣднихъ высотъ спускались въ долину македоняне, конница которыхъ уже проникала въ городъ; съ другой стороны подходилъ со своимъ отрядомъ Аратъ. Тогда Клеоменъ отказался отъ дальнѣйшей борьбы, собралъ свое войско и благополучно отступилъ. Потеря Аргоса вела къ утратѣ вліянія, пріобрѣтеннаго было Спартой на сѣверѣ полуострова. Аргосъ снова вступилъ въ ахейскій союзъ, и въ немъ былъ возстановленъ прежній порядокъ. Какъ видно, мѣстныя учрежденія Аргоса походили на центральныя учрежденія союза. Въ стратеги города выбранъ былъ Аратъ, который, впрочемъ, могъ считаться его гражданиномъ. Имущества измѣнниковъ, передавшихъ городъ Клеомену, были конфискованы и, по внушенію Арата, подарены Антигону. Бывшему тиранну Аристомаху припомнили всѣ вины и преступленія его прошлаго и утопили его въ морѣ. Клеоменъ между тѣмъ отступилъ въ Аркадію, гдѣ за нимъ еще оставались Мантинея, Тегея и Орхоменъ. Въ Тегеѣ онъ узналъ о новомъ ударѣ судьбы, о смерти Агіатиды. Свое горе Клеоменъ перенесъ съ мужествомъ истиннаго спартанца. Скрѣпя сердце и сохраняя наружное спокой-

ствіе, онъ принялъ мѣры, необходимыя для защиты Тегеи, а затѣмъ отправился въ Спарту. Тамъ онъ вмѣстѣ съ матерью и дѣтьми исполнилъ обряды домашняго траура и опять занялся дѣлами государства. Необходимость вскорѣ заставила его разстаться надолго и съ остальною семьей. Царь Египта не хотѣлъ допустить расширенія вліянія Македоніи въ Греціи и готовъ былъ помочь Клеомену, но требовалъ сначала въ залогъ вѣрности его матери и дѣтей. Клеоменъ не сразу рѣшился объявить матери объ этомъ требованіи. Съ геройскою твердостью она тотчасъ изъявила согласіе, простилась наединѣ съ сыномъ и спокойно сѣла на корабль. Какъ уже было замѣчено, система политическаго равновѣсія не есть созданіе новаго времени; ей слѣдовали сознательно эпигоны Александра, тѣсно связанные исторіей своего происхожденія и постоянно опасавшіеся новаго проявленія идеи всемірной монархіи. Политика великихъ державъ признавала необходимымъ самостоятельное существованіе мелкихъ государствъ для взаимнаго обузданія; въ частности Птоломеи стремились прежде всего не допускать Македоніи до полнаго господства въ Греціи. Поэтому Антигонъ могъ сильно опасаться скораго появленія египетскаго флота у береговъ Греціи. Это было тѣмъ легче для Птоломея и тѣмъ опаснѣе для Антигона, что кромѣ Клеомена на сторонѣ Египта стояли еще Аѳины, руководимыя извѣстными демагогами, Эвриклидомъ и Микіономъ; онѣ безъ сомнѣнія охотно открыли бы свою гавань для египетскаго флота. Къ нимъ не замедлили бы присоединиться и этоляне. Антигонъ долженъ былъ поэтому не допускать вмѣшательства Птоломея. Нужно думать, что

война Сиріи съ Египтомъ, начавшаяся въ 224 г., загорѣлась не безъ участія Антигона. Склонить къ войнѣ Селевка было тѣмъ легче, что Египетъ завладѣлъ ранѣе того въ Азіи цѣлыми областями, по географическому положенію принадлежавшими царству Селевкидовъ, именно Келесиріей и важнѣйшими городами М. Азіи; съ другой стороны, дѣятельную помощь могъ оказать Селевку Антигонъ, владѣвшій Каріей. Въ этой войнѣ Египетъ потерялъ почти всѣ свои владѣнія въ М. Азіи. Вотъ почему онъ не принималъ пока участія въ дѣлахъ Греціи. Взятіемъ Аргоса кончилась первая компанія Антигона; уже наступала осень, когда военныя дѣйствія обыкновенно прекращались. Антигонъ воспользовался этимъ для того, чтобы окончательно опредѣлить свои отношенія къ ахейскому союзу и явился на обычное собраніе въ Эгіонъ. Аратъ сначала опасался, что Антигонъ всетаки будетъ видѣть въ немъ стараго врага Македоніи, но уже при первомъ свиданіи съ царемъ Аратъ встрѣтилъ чрезвычайно благосклонный пріемъ, да и потомъ могъ всегда разсчитывать на вниманіе къ себѣ. Въ важныхъ дѣлахъ Антигонъ обращался къ нему за совѣтомъ, но всетаки оставался царемъ Македоніи, и бывали случаи, когда онъ болѣе обращалъ вниманія на свою царскую честь, чѣмъ на желанія и просьбы Арата. Что касается общихъ отношеній къ ахейскому союзу, то онъ долженъ былъ не только утвердить за царемъ владѣніе Акрокориноомъ, но отдать ему и самый городъ Коринѳъ; далѣе ахейцы обязались содержать во время войны македонское войско и не вести переговоровъ съ другими царями. Ахейская федерація не подчинялась Антигону, какъ царю Македоніи, но только рядомъ съ

Македоніей и наравнѣ съ другими государствами Греціи входила какъ составная часть въ союзъ самостоятельныхъ государствъ.

На второй годъ войны сдалась Антигону Тегея, взятъ былъ приступомъ Орхоменъ, а затѣмъ пала и Мантинея. Орхоменъ былъ отданъ на разграбленіе войску. Еще болѣе жестокая судьба постигла Мантинею: знатные граждане были перебиты, другіе отведены въ оковахъ въ Македонію или проданы въ рабство съ женами и дѣтьми; 300 талантовъ добычи были раздѣлены между ахейцами и македонянами, причемъ послѣднимъ досталось двѣ трети. Такая жестокость объясняется суровыми законами греческой войны, а еще болѣе раздраженіемъ ахейцевъ противъ Мантинеи за двойную измѣну; нужно кромѣ того замѣтить, что при переходѣ на сторону Клеомена, мантинейцы перебили ахейскій гарнизонъ, ими самими передъ тѣмъ призванный. Плутархъ находитъ неизвинительной не самую месть, но то, что она простиралась на самый городъ, еще у Гомера названный «возлюбленною Мантинеею». Антигонъ подарилъ городъ аргивянамъ, снова заселившимъ его и, по предложенію Арата, назвавшимъ его, въ честь царя, Антигоніей. Уже въ августѣ македонскія войска были распущены на зимнія квартиры. Клеоменъ не имѣлъ силъ остановить успѣхи Антигона въ Аркадіи; зато онъ воспользовался теперь бездѣйствіемъ македонянъ, чтобы приготовиться къ защитѣ границъ Лаконики. Для веденія войны прежде всего нужны были деньги. И вотъ Клеоменъ объявилъ, что тотъ изъ гелотовъ, кто внесетъ пять минъ (около 125 рублей), получитъ свободу. Такихъ гелотовъ нашлось шесть тысячъ человѣкъ, изъ взносовъ ко-

торыхъ составилась крупная сумма въ 500 талантовъ. Третья часть новыхъ гражданъ была немедленно вооружена по-македонскому, чтобы ихъ можно было противупоставить «бѣлощитникамъ» Антигона. Затѣмъ Клеоменъ задумалъ нанести врагамъ чувствительный ударъ. Послѣ потери Коринѳа первымъ городомъ союза сталъ Мегалополь; по своей величинѣ онъ даже превосходилъ нѣсколько Спарту, но количество населенія не соотвѣтствовало пространству города. Клеоменъ сильно ненавидѣлъ его за участіе въ призваніи Антигона. Еще лѣтомъ онъ сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть Мегалополемъ. Теперь, узнавъ, что Антигонъ находится отъ него на разстояніи трехъ дней пути, и полагая, что, въ виду близости союзника, городъ охраняется невнимательно, Клеоменъ неожиданно приблизился къ Мегалополю. Отъ жившихъ въ немъ изгнанниковъ царь узналъ, что самый важный пунктъ въ стѣнѣ вовсе не охраняется. Передовой отрядъ спартанцевъ ночью въ однихъ мѣстахъ разломалъ стѣны, въ другихъ подкопалъ, а встрѣтившуюся стражу перебилъ; скоро подошелъ самъ Клеоменъ и проникъ въ городъ. Но съ наступленіемъ дня онъ встрѣтилъ на улицахъ упорное сопротивленіе. Здѣсь впервые является знаменитый впослѣдствіи Филопеменъ, ободрившій своихъ согражданъ и всюду отбивавшій натискъ спартанцевъ. Клеоменъ удержался въ городѣ только благодаря превосходству своихъ силъ и крѣпости занятыхъ позицій. Мужество Филопемена дало возможность большей части гражданъ съ женами, дѣтьми и имуществомъ удалиться въ Мессену. Одинъ изъ защитниковъ Мегалополя посовѣтовалъ Клеомену пощадою вражескаго города и ве-

ликодушіемъ пріобрѣсти Спартѣ вѣрныхъ друзей и надежныхъ союзниковъ. Царь послушался совѣта и предложилъ мегалопольцамъ отстать отъ ахейскаго союза и подчиниться ему, обѣщая въ такомъ случаѣ возвратить и городъ и взятую добычу. Филопеменъ горячею рѣчью опять остановилъ колеблющихся согражданъ, и они отвергли предложеніе. Раздраженный отказомъ, Клеоменъ велѣлъ имущество гражданъ разграбить, общественныя зданія разрушить, статуи и картины отправить въ Спарту, — однимъ словомъ, старался не оставить камня на камнѣ, чтобы никогда не могъ возстать снова городъ, вся исторія котораго была проникнута враждою къ Спартѣ.

Когда пришла вѣсть о паденіи Мегалополя, ахейцы находились на собраніи въ Эгіонѣ. Сообщить ее народу долженъ былъ Аратъ; вступивъ на трибуну, онъ долго плакалъ, закрывъ лицо плащомъ; удивленные граждане потребовали объясненія, и онъ сказалъ: «Мегалополь разрушенъ Клеоменомъ». Горестное извѣстіе поразило ахейцевъ, и собраніе тотчасъ разошлось. Антигонъ съ небольшимъ отрядомъ отправился къ Аргосу, за который тоже слѣдовало опасаться. Узнавъ объ этомъ, Клеоменъ вторгнулся въ Арголиду и началъ ее страшно опустошать. Онъ разсчитывалъ, что Антигонъ или выйдетъ навстрѣчу со слабыми силами и будетъ разбитъ, или не отважится на сраженіе и этимъ возбудитъ противъ себя ропотъ аргивянъ. Случилось отчасти послѣднее: возмущенные граждане стекались къ воротамъ дворца и громко требовали, чтобы царь шелъ сражаться или передалъ гегемонію болѣе смѣлымъ людямъ; но Антигонъ, какъ разумный

полководецъ, считая позорнымъ подвергаться безразсудно опасности, а не слыть трусомъ у невѣждъ, оставался неподвижно въ Аргосѣ, даже когда Клеоменъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ его, вызывая врага на бой.

Такая сдержанность Антигона объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что онъ постоянно ожидалъ появленія египетскаго флота и потому боялся слишкомъ удаляться отъ Македоніи, такъ какъ египтяне легко могли высадиться въ Аѳинахъ или около Коринѳа и въ свою очередь запереть македонянъ въ Пелопоннесѣ. Дѣйствительно, Антіохъ сирійскій вынужденъ былъ въ это время возстаніемъ восточныхъ сатраповъ прекратить войну съ Египтомъ; тогда въ Александрію явились македонскіе послы съ цѣлью отговорить Птоломея отъ содѣйствія Клеомену. До того Карія принадлежала Македоніи, позже она причисляется къ провинціямъ Египта; можно думать, что уступкой ея былъ купленъ нейтралитетъ Птоломея. Тогда Антигонъ двинулся противъ Клеомена съ намѣреніемъ нанести ему рѣшительный ударъ въ самой Лаконикѣ. Напрасно старался Клеоменъ остановить вторженіе нападеніемъ на Арголиду, во флангъ македонянамъ: долго оставаться въ ней онъ не могъ, такъ какъ ему грозила опасность быть отрѣзаннымъ отъ Спарты. Армія Антигона состояла изъ 28.000 человѣкъ пѣхоты и 1.200 всадниковъ; въ войскѣ Клеомена считалось 20,000 человѣкъ, но неравенство силъ уравновѣшивалось для Клеомена тѣмъ, что, защищаясь, онъ могъ избрать самую удобную позицію. Въ выборѣ ея и обнаружился вполнѣ его военный талантъ. Онъ расположился не на самыхъ границахъ Лаконики, гдѣ

трудно было оборонять всѣ горные проходы, а нѣсколько далѣе къ югу, гдѣ сходились всѣ дороги изъ Арголиды и Аркадіи въ Спарту, неподалеку отъ города Селласіи. Антигонъ, подойдя, тотчасъ замѣтилъ выгодное положеніе непріятеля, который искусно воспользовался мѣстностью и занялъ каждый пунктъ соотвѣтствующимъ родомъ войска. По замѣчанію Полибія, Клеоменъ стоялъ, какъ ловкій фехтовальщикъ, готовый и отразить чужой ударъ, и направить свой въ любую сторону. Нѣсколько дней провелъ Антигонъ, стараясь открыть гдѣ-нибудь слабый пунктъ; всѣ его старанія были напрасны. Тогда онъ рѣшился напасть на врага прямо съ фронта, несмотря на всѣ невыгоды такого пріема. Клеоменъ уже узналъ, что Птоломей продалъ его за Карію; оставалось только принять сраженіе при такихъ благопріятныхъ условіяхъ: отступленіе къ Спартѣ имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы можно было разсчитывать на скорую помощь. Судя по описанію Полибія, роковое для грековъ сраженіе окончилось пораженіемъ спартанцевъ, благодаря нераспорядительности Эвклида, брата Клеомена, находчивости Филопемена и превосходству македонской фаланги надъ спартанскою.

Селласійская катастрофа окончательно рѣшила вопросъ о самостоятельномъ возрожденіи Греціи. Клеоменъ самъ принесъ въ Спарту извѣстіе о пораженіи. Гражданамъ онъ совѣтовалъ принять Антигона, изъявляя полную готовность жить или умереть для пользы отечества. Смерти Клеоменъ не боялся, но робкимъ малодушіемъ показалось ему предложеніе одного изъ друзей кончить жизнь свою добровольно свободными спартанцами, не склоняя ни

предъ кѣмъ своей головы. Клеоменъ отправился въ Египетъ, надѣясь увлечь Птоломея въ новую войну противъ Антигона и ожидая благопріятной перемѣны обстоятельствъ *). Не переставали ждать Клеомена и въ Спартѣ, оставляя для него не замѣщеннымъ престолъ Гераклидовъ. Сферъ послѣдовалъ за своимъ ученикомъ въ Египетъ и принесъ съ собою философское объясненіе и теоретическое оправданіе преобразованій Клеомена, какъ возстановителя законовъ Ликурга въ Спартѣ. Одно за другимъ стали являться сочиненія о Ликургѣ, о политическомъ строѣ Спарты. Изъ круговъ, близкихъ къ Клеомену, вынесъ, можно думать, историкъ Филархъ горячее сочувствіе къ преобразователямъ Спарты, — сочувствіе, которымъ и до сихъ поръ дышатъ біографіи Плутарха.

Вскорѣ послѣ побѣды Антигонъ былъ отозванъ въ Македонію новымъ нашествіемъ варваровъ. Судьба въ этомъ случаѣ горько посмѣялась надъ Клеоменомъ. Самъ серьезный Полибій нашелъ нужнымъ замѣтить, что стоило только Клеомену промедлить нѣсколько дней съ битвой, или послѣ пораженія продержаться короткое время въ Спартѣ, что не было невозможно, и онъ сохранилъ бы за собою престолъ и свое положеніе. Антигонъ едва успѣлъ возстановить въ Спартѣ древнее, прародительское устройство, обойдясь съ гражданами ея очень человѣколюбиво, какъ долженъ былъ спѣшить въ Македонію, гдѣ въ битвѣ съ варварами и кончилъ жизнь свою.

*) О Клеоменѣ въ Александріи см. ниже, въ ст. «Монархіи конца III вѣка».

X. ГРЕЦІЯ ВЪ ЭПОХУ АРАТА. — ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ ЭПОХИ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Въ государствахъ Греціи наступилъ въ это время покой сравнительно съ оживленіемъ, господствовавшимъ въ началѣ столѣтія. Великимъ войнамъ за господство надъ міромъ насталъ конецъ. Странствующіе рыцари перевелись—какъ изъ поколѣнія діадоховъ, такъ и изъ поколѣнія эпигоновъ. Пирръ эпирскій былъ послѣднимъ изъ нихъ; Птоломей Эвергетъ, завоевавши весь Востокъ, не мечталъ болѣе о міровомъ господствѣ. Границы первостепенныхъ и второстепенныхъ державъ въ эллинистическомъ мірѣ получили достаточно опредѣленныя очертанія, и хотя нерѣдко происходили войны и порою честолюбивые правители пытались расширить свои владѣнія, но отъ этого границы существеннымъ образомъ не страдали, точно такъ же, какъ это видимъ и въ современной намъ Европѣ. Подобно тому какъ Германія, побѣдивъ Францію въ послѣднюю войну, отнюдь не собиралась поглотить Францію, а только ее ослабила, отнявъ у нея пограничныя провинціи и потребовавъ съ нея контрибуцію,—такъ и Птоломей не мечталъ поглотить Сирію, хотя постарался сдѣлать ее слабѣе. Подобнымъ же образомъ ни одинъ царь не рѣшился бы поработить свободныхъ городовъ Малой Азіи или населенія Греціи, но онъ могъ стремиться распространить на нихъ свою власть и заставить ихъ снабжать его во время войнъ

людьми и деньгами или по крайней мѣрѣ взять съ нихъ обѣщаніе не помогать его врагамъ.

Вотъ это-то я и разумѣлъ, говоря, что Греція пришла въ спокойное состояніе. Никто не думалъ о томъ, чтобы разрушить Ѳивы и завладѣть Беотіей или чтобъ сдѣлать Аѳины зависимой провинціей иностранной державы или присоединить къ своимъ владѣніямъ Аркадію или Элиду. Съ другой стороны, всѣ эти государства и города могли во всякое время подвергнуться нашествію и пострадать отъ набѣга или отъ проходившихъ мимо армій, если у нихъ не оказывалось подъ рукой болѣе надежной охраны, чѣмъ наскоро созываемая милиція изъ горожанъ. Но въ то время не только всегда были наготовѣ обученныя арміи наемниковъ; существовало также сильно развитое систематическое пиратство, въ особенности на восточномъ берегу Греціи. Здѣсь не только страшные иллирійцы, но и дикіе этоляне не желали переходить къ осѣдлой цивилизованной жизни; и совершенно то же было въ Малой Азіи, гдѣ галаты были всѣ эти годы бичомъ болѣе мелкихъ державъ. Небольшимъ республикамъ приходилось поэтому очень трудно, если онѣ были дѣйствительно независимы и стояли особнякомъ отъ своихъ сосѣдей.

Политическіе рессурсы при этомъ новомъ положеніи вещей были разнообразны. Небольшая городская община должна была формально отдаться подъ покровительство болѣе крупнаго государства, которое въ такомъ случаѣ присылало военный отрядъ и военнаго губернатора для обезпеченія въ ней безопасности и порядка. Или же такая община могла ввѣриться одному изъ своихъ собствен-

ныхъ гражданъ, который такимъ образомъ, по необходимости, оказывался выше законовъ и облекался той властью, которая была извѣстна подъ названіемъ тиранніи. Наконецъ, община могла войти въ составъ какой либо «системы» или политической комбинаціи изъ многихъ небольшихъ государствъ и купить себѣ безопасность, поступившись извѣстной частью своихъ верховныхъ правъ.

Первый исходъ былъ менѣе всего популяренъ; удаленіе военнаго губернатора съ гарнизономъ всегда считалось равносильнымъ возвращенію свободы, хотя бы этотъ губернаторъ былъ очень умѣренъ и велъ себя съ большимъ тактомъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было разсчитывать, чтобы такой гарнизонъ дѣйствительно содержался въ строгой дисциплинѣ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы слышимъ о благородныхъ правителяхъ, въ родѣ македонскихъ губернаторовъ въ Аѳинахъ и Персея въ Коринѳѣ, — и тутъ навѣрное не обходилось безъ насилія и мелкой тиранніи со стороны солдатчины, лѣнивой и развращенной въ мирное время и всегда склонной презирать мирнаго гражданина и нарушать правильный ходъ городской жизни.

Ко второму исходу постоянно прибѣгали во всемъ греческомъ мірѣ, въ описываемую эпоху, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, послѣ того какъ событія показали, что монархія представляетъ собою самую блестящую форму правленія, а философы въ своихъ многочисленныхъ трактатахъ рекомендовали ее, какъ самый разумный выходъ изъ затрудненій. Полибій въ особенности подчеркиваетъ тотъ фактъ, что такіе люди, какъ Лидіадъ, были увлечены праздными теоріями и умо-

зрѣніями о преимуществахъ единовластія. Теоретики повидимому упустили изъ виду, что то, что было монархіей въ имперіяхъ, — для отдѣльныхъ городовъ являлось тираннiей. Къ такимъ царствамъ, какъ Македонія или Египетъ или Сирія, едва ли было примѣнимо республиканское правленіе или федеративная система: составные элементы ихъ были слишкомъ разнохарактерны, способы сообщенія слишкомъ несовершенны, потребность въ военной власти слишкомъ настоятельна. Но такихъ условій не существовало въ государствахъ размѣромъ въ какихъ-нибудь десять квадратныхъ миль.

Помимо этого, глубоко вкоренившееся отношеніе гражданъ греческихъ государствъ къ формѣ правленія, называвшейся тиранніей, не давало возможности этой формѣ утвердиться прочно и на долгія времена, какъ бы справедливъ и мягокъ ни былъ неограниченный правитель. Даже, если бы значительное большинство гражданъ и примирилось съ такой формой правленія, не было недостатка въ энтузіастахъ, считавшихъ убійство тирана высочайшей добродѣтелью; въ соперникахъ, которые заявляли такія же права на верховную власть; въ проигравшихъ процессъ сутягахъ, которые могли приписать свою неудачу пристрастію неотвѣтственнаго судьи. Общественное мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не клеймило людей, ниспровергшихъ тираннію, именемъ убійцъ или политическихъ преступниковъ. «Недавніе тираны Сикіона были въ большинствѣ хорошіе люди,—говоритъ Страбонъ:—они подняли благосостояніе и значеніе города, сдѣлавъ его общепризнаннымъ художественнымъ центромъ; тѣмъ не менѣе они погибли одинъ за другимъ насильствен-

ной смертью». Такимъ образомъ, хотя многіе должны были прійти къ убѣжденію, что тираннія гораздо лучше охлократіи, а безчисленные случаи возникновенія тиранніи въ греческихъ городахъ показывали, до какой степени былъ распространенъ взглядъ на тираннію, какъ на разумное рѣшеніе политическаго вопроса, — тѣмъ не менѣе настроеніе общей массы консерваторовъ и всей дошедшей до насъ литературы было противъ тиранніи. Трактаты въ пользу монархіи повидимому представляютъ собою продуктъ особаго момента въ исторіи эллинизма, — именно первой половины третьяго вѣка, — и ни одинъ изъ этихъ трактатовъ до насъ не дошелъ.

Остается третье, самое популярное средство достиженія безопасности, именно: союзъ городовъ-государствъ. При такомъ союзѣ сохранялась свобода каждаго отдѣльнаго государства и пріобрѣталось военное и политическое могущество, дававшее возможность противостать болѣе обширнымъ государствамъ, угрожавшимъ, если не существованію, то независимости каждаго мелкаго владѣнія. Различіе между множествомъ политическихъ *системъ*, возникшихъ въ это столѣтіе, опредѣлялось отношеніемъ центральнаго правительства къ отдѣльнымъ членамъ системы. Существовала старая и хорошо извѣстная форма, которая давно была оставлена: столичный городъ въ родѣ Аѳинъ или Ѳивъ управлялъ зависимыми городами съ правомъ или властью вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждаго изъ нихъ. Подчиненные города всегда были недовольны и всегда были готовы сбросить иго и присоединиться къ любой соперничавшей державѣ. Это была не федерація, а имперія съ централизованной властью города-рес-

публики; всѣ вольности отдѣльныхъ городовъ приносились при такомъ устройствѣ въ жертву интересамъ центральнаго правительства.

Полнѣйшей противоположностью этому являлся этолійскій союзъ, который нисколько не вмѣшивался во внутренніе распорядки своихъ составныхъ частей и готовъ былъ принять въ число членовъ, какъ республики, такъ и тиранновъ, какъ сосѣднія горныя племена, такъ и отдаленные порты Пропонтиды. Вступавшіе въ союзъ должны были платить извѣстную сумму (опредѣленную по соглашенію или по приговору третейскаго суда) центральному правительству и за это въ случаѣ надобности немедленно получали военную помощь. Если же кто изъ нихъ подвергался ограбленію со стороны членовъ союза, то могъ получить удовлетвореніе, обратившись къ трибуналу въ Ѳермѣ, столицѣ союза.

Полибій изобразилъ этотъ союзъ въ видѣ какого-то сборища негодяевъ, соединившихся для грабежа, съ уговоромъ, чтобы каждый членъ союза имѣлъ право на долю въ добычѣ, какою удастся поживиться, хотя бы то было отъ союзнаго города. Но въ высшей степени нелѣпо было бы утверждать, что всѣ добродѣтели были въ этомъ случаѣ на сторонѣ ахейцевъ, а всѣ пороки на сторонѣ этолійцевъ. Ахейцы часто заключали союзы съ этолійцами; то же дѣлалъ и македонскій царь, равно какъ и другія государства. Если бы это были просто разбойники, бравшіе выкупъ съ мирныхъ жителей, то они не могли бы занять положенія выше того, въ которомъ находились иллирійцы, и, вѣроятно, были бы усмирены общими силами эллинистическаго міра. Но мы видимъ, напротивъ, что столица этолійскаго

союза была очагомъ искусствъ и всякаго великолѣпія; въ глазахъ всѣхъ они являлись истыми греками; они даже выступали въ качествѣ національныхъ героевъ противъ галатовъ; къ ихъ третейскому суду часто обращались другія государства. Мы, такимъ образомъ, должны внести поправку въ ту оцѣнку, которая отъ Полибія перешла въ труды современныхъ историковъ.

Такъ какъ этолійцы поставляли наемниковъ для всего эллинистическаго міра и готовы были доставлять любой воюющей державѣ, отъ Сициліи до Бактріи, хорошихъ офицеровъ и храбрыхъ солдатъ, у нихъ въ Ѳермѣ долженъ былъ въ значительной мѣрѣ развиться космополитизмъ, придававшій этому городу особый характеръ. Здѣсь, вѣроятно, можно было встрѣтить предметы роскоши изъ Индіи, Персіи и Египта, пріобрѣтенные этолійскими наемниками въ качествѣ добычи или въ видѣ вознагражденія за службу; многія восточныя утонченности должны были найти доступъ въ дома могущественныхъ вождей, которые — по своему ли офиціальному положенію членовъ совѣта или силой личнаго вліянія—руководили дѣлами союза на его общихъ собраніяхъ. Причина процвѣтанія этолійскаго государства заключалась въ многочисленномъ населеніи, состоявшемъ изъ людей выносливыхъ и бѣдныхъ; это населеніе охотно стало служить за плату, какъ только открылась сорокапятилѣтняя война, и до самаго момента поглощенія Греціи римской республикой этолійцы оставались самой значительной конфедераціей въ сѣверной Элладѣ.

Ахейскій союзъ представлялъ собою гораздо болѣе высокую и интересную форму политическаго

развитія. Съ ней мы очень хорошо знакомы благодаря Полибію; профессоръ Фриманъ написалъ о ней образцовое сочиненіе (Freeman History of Federal Governement, vol. I, 1863). Я не буду повторять здѣсь подробностей, до сихъ поръ представляющихъ высочайшій интересъ, особенно для швейцарскихъ и американскихъ политиковъ; я не пишу политической исторіи, а просто желаю указать на то, какъ политическое устройство, повидимому, демократическое, — ибо каждый гражданинъ каждаго города въ союзѣ могъ явиться подавать голосъ въ общихъ собраніяхъ, —какъ такое политическое устройство пріобрѣло вполнѣ аристократическій характеръ вслѣдствіе того, что собранія происходили рѣдко, продолжались короткое время (три дня), и голосованіе производилось по городамъ. Такой порядокъ былъ совершенно необходимъ, чтобы рѣшеніе всѣхъ союзныхъ дѣлъ не попадало въ руки населенія того города, гдѣ происходило собраніе; но съ другой стороны какіе-нибудь двѣнадцать человѣкъ, располагавшіе временемъ и средствами, могли прибыть изъ самаго отдаленнаго союзнаго города и оказаться его единственными представителями.

Постепенный и почти случайный ростъ союза приводилъ, кромѣ того, къ серьезнымъ затрудненіямъ, которыя оказались непреодолимыми. Первоначально членами союза были небольшіе и мало извѣстные города. Съ теченіемъ времени имъ удалось привлечь къ себѣ большіе города въ родѣ Коринѳа, и тогда оказалось очевидной неловкостью оставлять за небольшими ахейскими городами ихъ прежнее значеніе въ собраніяхъ союза. Съ другой сто-

роны, старѣйшіе члены союза, его основатели, не могли, конечно, желать, чтобы ихъ почетное положеніе и принадлежавшая имъ по праву первенствующая роль переходила къ новымъ и ненадежнымъ членамъ.

Но окончательно ахейскую державу подкопало сохраненіе за каждымъ отдѣльнымъ членомъ союза независимости во внѣшней политикѣ. Стремленіе къ такой независимости, коренившееся въ автономическихъ инстинктахъ народа, должно было оказаться пагубнымъ для всякаго подобнаго союза. Другой слабой стороной ахейскаго союза было то, что онъ не имѣлъ достаточнаго количества военныхъ силъ. Онъ не былъ въ состояніи содержать наемниковъ безъ постоянныхъ субсидій изъ Египта, которыя выхлопоталъ ему Аратъ. Но принципомъ союза было имѣть милицію изъ гражданъ, а между тѣмъ безъ такого полководца, какимъ былъ Клеоменъ или Филопеменъ, —но какимъ не былъ Аратъ, —гражданская милиція была совершенно неспособна тягаться съ арміей профессіональныхъ солдатъ. Аратъ былъ настолько же слабъ на полѣ битвы, насколько онъ былъ силенъ въ военныхъ хитростяхъ и ловушкахъ; настолько же слабъ въ широкой политикѣ, насколько силенъ во всякихъ дипломатическихъ ухищреніяхъ. Свое большое и длившееся многіе годы вліяніе онъ употребилъ прежде всего на то, чтобы оттѣснить всѣхъ своихъ личныхъ соперниковъ за тѣмъ, чтобы не допускать ихъ къ власти, какъ представителей демократической политики. Самъ Аратъ былъ представителемъ богатой и консервативной части населенія въ такое время, когда соціалистическія доктрины были широко распростране-

ны и земельный вопросъ являлся постоянной угрозой для общества.

Это движеніе, задолго передъ тѣмъ обнаружившееся въ демократіяхъ съ низкимъ цензомъ, теперь усилилось съ появленіемъ новаго борца — блестящаго царя Спарты. Предшественникъ его Агисъ уже намѣтилъ путь; онъ открыто предложилъ осуществить то, что проповѣдывалось въ коммунистическихъ доктринахъ: уничтожить долговыя обязательства, произвести передѣлъ земли, и все это подъ видомъ возвращенія къ ликурговымъ порядкамъ. Его попытка подѣйствовать на своихъ противниковъ путемъ убѣжденія или справиться съ ними при помощи политическихъ мѣръ — не удалась. Клеоменъ видѣлъ, что необходима открытая революція, что эфоровъ нужно не низложить, а уничтожить или умертвить, и вся власть должна перейти въ руки того, кто возьмется совершить это коренное преобразованіе. Безъ сомнѣнія, онъ былъ тираномъ въ прямомъ значеніи этого слова; часто такъ его и называли. Но за нимъ было неоцѣненное преимущество, говорившее чувству народа: онъ былъ законнымъ царемъ и гераклидомъ, тогда какъ остальные тираны были выскочками. Отсюда защита Клеоменомъ демократическихъ принциповъ, отсюда его заявленіе, что онъ вездѣ будетъ поддерживать демократовъ и бѣднѣйшіе классы, если тѣ дадутъ ему солдатъ, отсюда, наконецъ, его готовность уничтожить олигархіи и его попытка выступить въ совершенно новой роли — спартанскаго царя, стоящаго во главѣ современной радикальной и соціалистической демократіи.

XI. УСТРОИСТВО АХЕЙСКАГО СОЮЗА *).

(*В. Г. Васильевскій*: «Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи»).

Устройство ахейскаго союза было строго федеративное. Оно вполнѣ совмѣщало въ себѣ два основныя условія, которыя составляютъ сущность этого понятія: соединеніе нѣсколькихъ или многихъ политическихъ единицъ въ одно цѣлое съ сохраненіемъ ихъ самостоятельности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ политіи, входившія въ составъ федераціи, сохраняли все-таки свое отдѣльное государственное существованіе. Мы замѣчаемъ, что при обыкновенномъ теченіи дѣлъ союзное правительство не вмѣшивается во внутреннія дѣла отдѣльной политіи, не измѣняетъ ни ея законовъ, ни существующихъ частныхъ политическихъ учрежденій. Напротивъ того, каждая политія сохраняетъ свое мѣстное правительство и законодательство. Федеральное правительство не вмѣшивалось въ особенныя отношенія, которыя иногда существовали между большими городами и меньшими общинами, находившимися на ихъ территоріи. Если

*) Самостоятельность частей и единство цѣлаго; политическія учрежденія: сеймъ, его составъ и характеръ; администрація: деміурги и стратегъ: дума.

бы проводить вполнѣ принципъ равенства, то, собственно говоря, каждая политія, прямо или не прямо вступающая въ союзъ, должна была бы дѣлаться самостоятельною и свободною. Но ахейскій союзъ, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла вновь присоединяющихся областей, имѣлъ дѣло только съ господствующимъ на извѣстной территоріи городомъ. Само собою разумѣется, что послѣ присоединенія къ свободной федераціи въ подчиненныхъ общинахъ могло иногда пробуждаться неудовольствіе и стремленіе стать наравнѣ съ другими среди федераціи.

Несмотря на самостоятельность отдѣльныхъ политій, внутреннее политическое устройство ихъ простымъ и естественнымъ образомъ принимало одну общую демократическую форму. Почти всѣ города Пелопоннеса до вступленія своего въ союзъ находились подъ властію тиранновъ. Тираннія прямо противорѣчила всѣмъ началамъ свободнаго союза; уничтоженіе ея было предварительнымъ условіемъ для вступленія въ федерацію. Но паденіе тиранніи оставляло послѣ себя свободное поле для той или другой формы политическаго быта,—для олигархіи или демократіи. Олигархическія формы не могли держаться въ отдѣльныхъ политіяхъ, вступившихъ въ ахейскую федерацію, уже потому, что учрежденія самого союза не были олигархическими, что въ важнѣйшихъ городахъ союза господствовала демократія. Такимъ образомъ отдѣльные члены ахейскаго союза получали однообразное политическое устройство вслѣдствіе простого и естественнаго стремленія къ ассимиляціи, которое вездѣ проявляется при такихъ же условіяхъ. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы союзная власть прямо предписывала введеніе

демократическаго порядка. Нѣкоторые извѣстные намъ примѣры вмѣшательства союзной центральной власти во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ членовъ союза составляютъ только кажущееся противорѣчіе съ самостоятельностью послѣднихъ. Въ нихъ слѣдуетъ видѣть не нарушеніе самостоятельности отдѣльныхъ политій, но скорѣе доказательство, что политическая жизнь и политическая борьба въ отдѣльныхъ политіяхъ не прекращалась и послѣ присоединенія ихъ къ союзу, что она, напротивъ того, достигала иногда крайней живости и раздраженія, и что только въ этихъ крайнихъ случаяхъ допускалось и требовалось вмѣшательство союзнаго авторитета. Вмѣшательство допускалось, главнымъ образомъ, для охраненія внутренняго мира союзныхъ общинъ, съ цѣлью предупредить крайнія и кровавыя столкновенія партій, иногда по требованію и вызову со стороны подлежащихъ членовъ союза. Охранительныя мѣры такого рода не только не нарушаютъ принципа автономіи, но, напротивъ того, свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ уваженіи къ нему, о дѣйствительномъ признаніи его въ федеративной конституціи ахейской. Политіи, вошедшія въ составъ ахейскаго союза, оставались такимъ образомъ вольными общинами, дѣйствительно самостоятельными государствами. Но въ то же время очень ясно и сильно былъ поставленъ и принципъ высшаго союзнаго единства. Ахейскій союзъ былъ дѣйствительно союзнымъ государствомъ, а не союзомъ нѣсколькихъ государствъ. Существовала ахейская «нація», по крайней мѣрѣ, какъ политическое понятіе, съ національнымъ правительствомъ. Каждый гражданинъ каждой общины находился къ этому правительству

въ прямомъ отношеніи. Были дѣла общія, касавшіяся всей націи, подлежавшія только ея вѣдѣнію. Въ этихъ дѣлахъ самостоятельность частныхъ единицъ должна была уступать требованіямъ единства, высшимъ правамъ союза. Внѣшнее представительство всего народа, право дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами принадлежали въ ахейской федераціи только власти союзной. Въ пользу существованія такого воззрѣнія свидѣтельствуютъ всѣ почти частные случаи сношеній. Наконецъ, однажды это воззрѣніе былъ высказано ясно и торжественно. Въ договорѣ, заключенномъ ахейцами съ римской республикой, стоитъ слѣдующіе условіе: «Только отъ цѣлаго союза ахейскаго могутъ быть отправляемы послы къ римскому сенату; отдѣльныя общины, входящія въ составъ союза, не должны имѣть такого права». Есть исключенія изъ общаго правила, но они, какъ всегда, только подтверждаютъ его существованіе. Если уже не допускались дипломатическія сношенія отдѣльныхъ членовъ федераціи съ иностранными государствами, то, само собою разумѣется, и вопросы войны и мира могли подлежать только вѣдѣнію общаго правительства. Мы знаемъ, что количество войска, которое члены союза должны были выставлять въ случаѣ нужды, зависѣло отъ рѣшенія союзнаго сейма. При этомъ составлялось расписаніе, сколько должно быть выставлено пѣхоты, сколько конницы, сколько наемнаго войска, и потомъ въ частности это количество распредѣлялось по отдѣльнымъ политіямъ: назначалось, сколько должны поставить аргивяне, сколько мегалополитанцы, и въ какомъ вооруженіи. Иногда опредѣлялось всеобщее, поголовное ополченіе всѣхъ способ-

ныхъ носить оружіе, обязательное для всѣхъ членовъ союза. Исполненіе этого рѣшенія поручалось союзному стратегу, а онъ обращался въ свою очередь къ мѣстнымъ властямъ отдѣльныхъ городовъ съ требованіемъ выставить надлежащій контингентъ. Кромѣ своего собственнаго войска, собираемаго въ случаѣ нужды, федерація содержала, по обычаю времени, извѣстное количество наемныхъ солдатъ. Для покрытія издержекъ по этому предмету каждая область вносила извѣстную сумму денегъ. Отдѣльныя политіи, очевидно, не имѣли права содержать наемныя войска. Союзъ бралъ на себя вполнѣ и всецѣло охрану не только общей безопасности всего своего состава, но и каждой отдѣльной области. Иногда могло случиться, что обстоятельства заставятъ ту или другую политію нести двойное бремя издержекъ для общей защиты и для своей частной обороны. Въ такомъ случаѣ, по союзнымъ законамъ, можно было ожидать и требовать вознагражденія и возмѣщенія издержекъ, понесенныхъ сверхъ общей раскладки.

Поливій замѣчаетъ, что вслѣдствіе федеративнаго соединенія весь Пелопоннесъ достигъ полнаго единства въ системѣ мѣръ, вѣсовъ и монеты. Этихъ словъ, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, чтобы въ самомъ дѣлѣ только одному центральному правительству принадлежало право чеканить монету. Сикіонъ, Коринѳъ и другіе города сохраняли свое старое право въ этомъ отношеніи. У Поливія идетъ рѣчь только о признаніи одной общей монетной системы. Это служило уже выраженіемъ союзнаго единства. Надпись монетъ, выбитыхъ въ томъ или другомъ городѣ, именовала не

только этотъ городъ, но и самый союзъ, часть котораго онъ составлялъ. Если поэтому монетная система ахейскаго союза не вполнѣ выражала исключительную верховность цѣлаго надъ его самостоятельными частями, то, съ другой стороны, она давала возможность каждому отдѣльному городу наглядно заявлять о своей принадлежности къ союзу,—напоминала о единствѣ союзномъ.

Итакъ, оба начала, входящія въ понятіе строгой федераціи, находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ ахейскомъ политическомъ устройствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ извѣстные намъ факты, въ которыхъ высказывается отношеніе частей къ цѣлому, и наоборотъ—отношенія центральной власти къ частямъ. Предоставляя внутреннія домашнія дѣла отдѣльныхъ областей ихъ собственному вѣдѣнію, ахейскій союзъ является однимъ цѣлымъ и нераздѣльнымъ тѣломъ въ отношеній къ другимъ внѣшнимъ государствамъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ учрежденій, въ которыхъ воплощалось народное единство. Сообразно общей и нормальной схемѣ политическаго устройства въ древнемъ мірѣ, ахейская федерація имѣетъ три главныхъ политическихъ института: 1) народное вѣче, 2) думу и сенатъ и 3) чины власти исполнительной.

Верховная власть союза воплощалась въ общеахейскомъ народномъ собраніи, или вѣче. Ахейское вѣче отличается отъ родственныхъ ему учрежденій, носящихъ имена конгресса, сейма или національнаго собранія, только тѣмъ, что, сообразно общему политическому инстинкту древняго міра, собраніе это построено на непосредственномъ участіи всѣхъ гра-

жданъ, а не на началѣ представительства. Условіемъ допущенія въ собраніе былъ только извѣстный опредѣленный возрастъ, именно тридцатилѣтній. Такимъ образомъ каждый свободный гражданинъ Ахейскаго союза имѣлъ право прямого участія въ избраніи главныхъ членовъ и правителей союзныхъ и право подавать свой голосъ за войну или противъ нея. Всѣ другія дѣла, касающіяся всего союза, также подлежали контролю общаго собранія всѣхъ ахеянъ: переговоры съ иностранными державами, принятіе новыхъ членовъ въ союзъ, наблюденіе за поведеніемъ исполнительной власти и даже судъ надъ ея представителями.

По теоріи, ахейскій сеймъ равнялся аѳинскому вѣчу, и съ этой точки зрѣнія ахейская конституція была такъ же демократична, какъ и устройство аѳинскаго демоса. Но на практикѣ обнаруживались, безъ сомнѣнія, важныя отличія. Прежде всего нужно вспомнить, что аѳинскій демосъ былъ сосредоточенъ внутри и около одного города, между тѣмъ какъ населеніе, входившее въ составъ ахейской федераціи, было разсѣяно на значительномъ пространствѣ. Естественно, что аѳинское вѣче могло сходиться гораздо чаще и привлекать большее число гражданъ, чѣмъ союзный сеймъ ахейскій. Вмѣсто трехъ разъ въ мѣсяцъ, обычное законное собраніе ахейской федераціи происходило два раза въ годъ: весной и осенью. Уже поэтому значеніе вѣча въ Ахайѣ должно было быть совершенно другое, чѣмъ въ Аѳинахъ: оно никогда не могло забрать въ свои руки всю исполнительную власть, сдѣлаться тиранномъ, какъ это было въ Аѳинахъ. Бывали, разумѣется, кромѣ обычныхъ сеймовъ, чрезвычайные,

собираемые по требованію обстоятельствъ. Но едва ли и тѣ и другіе могли быть сравнительно такъ многолюдны, какъ аѳинскія народныя собранія. Самый бѣдный житель Аттики могъ являться на каждое вѣче въ Аѳины. Бѣдный гражданинъ ахейской федераціи давалъ уже сильное доказательство своего патріотизма или своего участія къ политическимъ дѣламъ, если два раза въ годъ предпринималъ путешествіе въ Эгіонъ. Стремленіе къ публичной дѣятельности, столь развитое въ подвижномъ и богато одаренномъ эллинскомъ племени, и безъ того находило себѣ нѣкоторое удовлетвореніе и притомъ гораздо ближе, —въ стѣнахъ родного города, въ мѣстныхъ народныхъ собраніяхъ. Если тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ указанія на многолюдство собраній въ отдаленныхъ сѣверныхъ пунктахъ Пелопоннеса, то этому нужно только удивляться. Одна случайная замѣтка однако даетъ намъ право думать, что «толпа» и «множество», присутствіе которыхъ часто указывается въ свидѣтельствахъ, не заключали въ себѣ все-таки людей низшаго, бѣднаго класса, живущаго поденнымъ механическимъ трудомъ. Появленіе большого числа людей такого класса представляется чѣмъ-то необычайнымъ и исключительнымъ. Слѣдовательно, только зажиточные, достаточные классы преобладали на сеймѣ. На практикѣ только они имѣли возможность и охоту правильно посѣщать общенародныя собранія. Если нельзя сказать, что собраніе дѣлалось вслѣдствіе этого аристократическимъ, то во всякомъ случаѣ оно не было и крайне демократическимъ. На немъ господствовали «средніе люди» или, выражаясь современнымъ языкомъ, средній классъ. Мысль Аристотеля находила здѣсь

въ извѣстной степени свое осуществленіе. «Средніе люди», недостаточно сильные въ отдѣльности, въ стѣнахъ одного города, хотя бы Сикіона или даже Коринѳа, вслѣдствіе соединенія воедино элементовъ ихъ сословія, разсѣянныхъ во всѣхъ политіяхъ Пелопоннеса, уже становились очень значительнымъ классомъ и по количеству и по значенію.

Политическая жизнь ахейскаго союза носитъ на себѣ явные слѣды вліянія этого класса и отражаетъ на себѣ его характеръ. Нужно только замѣтить, что вслѣдствіе выхода изъ узкихъ предѣловъ одного города, вслѣдствіе эманципаціи отъ мѣстныхъ страстей и слишкомъ близкихъ интересовъ, въ предѣлахъ отдѣльной политіи, можетъ-быть, даже вслѣдствіе расширенія политическаго кругозора, вліяніе имущаго класса принимаетъ болѣе примирительное направленіе, чѣмъ тѣ стремленія, которыми отличалось богатое меньшинство въ дѣлахъ мѣстныхъ. Въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя въ самыхъ нѣдрахъ союза проявлялись иногда въ отдѣльныхъ городахъ между богатыми и неимущими классами, ахейскій сеймъ никогда не играетъ роли прямо заинтересованной, пристрастной стороны. Напротивъ того, онъ дѣйствуетъ примирительно чрезъ своего стратега. До послѣднихъ дней своего существованія федеративная власть Ахайи вовсе не выказывала преобладавшихъ тогда въ Греціи стремленій къ поземельному дѣлежу и расхищенію чужого имущества. Она боролась съ подобными стремленіями вездѣ. Но нѣтъ также примѣровъ, чтобы она дѣйствовала когда-нибудь въ духѣ узкой и своекорыстной олигархіи того или другого города. Составомъ ахейскаго союзнаго сейма объясняется и то замѣ-

чательное явленіе, что почти во все время своего существованія онъ не подалъ никакого повода къ упрекамъ и обвиненіямъ въ непостоянствѣ или какихъ-либо крайнихъ увлеченіяхъ (что обыкновенно ставится въ вину аѳинской демократіи). Разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ трудно найти въ его исторіи какой-нибудь возвышенный, страстный порывъ, чего не чуждъ былъ аѳинскій народъ даже въ періодъ своего паденія. Осторожность и доступность всѣмъ внушеніямъ разсудка, осмотрительности и умѣренности составляютъ характеристическую черту ахейскаго національнаго собранія. Можно указать здѣсь еще одну черту, которая должна быть поставлена въ большую заслугу обычному большинству ахейскаго сейма. Ахейское общенародное собраніе отличалось большою долей самоуваженія и всего менѣе было способно пойти на «приманку», предлагаемую въ видѣ прямого или даже косвеннаго подкупа, хотя члены его не получали никакого денежнаго вознагражденія за потерю своего времени. При отсутствіи вознагражденія за отправленіе союзныхъ должностей, въ такія должности могли быть избираемы, конечно, только достаточные люди; но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы богатство обнаруживало свое дурное вліяніе покупкой голосовъ въ свою пользу.

Другой важный пунктъ въ организаціи союзнаго сейма есть тотъ, что подача голосовъ производилась на немъ не поголовно, а по городамъ, то-есть собраніе раздѣлялось какъ бы по куріямъ сообразно съ количествомъ политій, входящихъ въ составъ союза; голосъ каждой куріи опредѣлялся большинствомъ внутри ея, и окончательное рѣшеніе обусло-

вливалось не большинствомъ отдѣльныхъ лицъ, а большинствомъ политій, высказавшихся въ пользу извѣстнаго предложенія. Это былъ обыкновенный способъ подачи голосовъ въ древнихъ собраніяхъ, имѣвшій федеративный характеръ. Подача голосовъ по областямъ, а не поголовно, была необходима здѣсь для того, чтобъ удержать равновѣсіе между политіями, отдаленными и болѣе приближенными къ мѣсту собранія. Если бы считались голоса отдѣльныхъ лицъ, принималось поголовное большинство, то населеніе того города, гдѣ происходило собраніе, легко могло бы забрать въ свои руки судьбу всего союза. Ничто не мѣшало ему явиться на площади въ своемъ полномъ составѣ, тогда какъ отдаленныя политіи никогда не могли выслать на ту же площадь и половину своего населенія. Большинство отдаленныхъ общинъ, очевидно, могло бы остаться съ однимъ только номинальнымъ правомъ голоса, и равноправность всѣхъ членовъ союза была бы нарушена. Поголовная подача голосовъ представляла бы такимъ образомъ двойную несправедливость въ отношеніи къ отдѣльнымъ союзнымъ областямъ, голосъ которыхъ совершенно исчезаетъ среди многолюднаго населенія одного города, и въ отношеніи къ цѣлому классу людей богатыхъ и зажиточныхъ, надъ которыми беретъ верхъ чернь того города, гдѣ собирается сеймъ. Опасности такого рода, вѣроятно, существовали уже тогда, когда ахейское общенародное собраніе сходилось въ Эгіонѣ; онѣ стали несомнѣнны и еще болѣе сильны, когда оно начало собираться въ большихъ городахъ, какъ Коринѳъ и Аргосъ. Остается однако при такой организаціи одно важное неудобство, отрицать которое

никакъ нельзя. Города, принадлежавшіе къ федераціи, были очень неравны по своему населенію, богатству, историческому значенію. Между тѣмъ всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе на федеральномъ сеймѣ и не болѣе одного голоса. Но не нужно упускать изъ виду исторію образованія и развитія федераціи. Она выработала свои основныя начала прежде, чѣмъ стали приступать къ ней большіе города Пелопоннеса. Между старыми, собственно, ахейскими политіями не было ни одной, которая особенно выдавалась бы по своему значенію; всѣ онѣ совершенно справедливо могли довольствоваться однимъ голосомъ. Трудно было ожидать и еще менѣе можно было требовать, чтобы вновь приступающимъ членамъ союза предлагались такія права, которыя могли сообщить имъ видъ нѣкотораго преимущества предъ коренными, исконными областями федераціи. Слова Поливія даютъ намъ понять, въ какую великую заслугу коренные ахейцы ставили себѣ уже то, что они принимали новыхъ членовъ совершенно на равныхъ правахъ со старыми. И съ греческой точки зрѣнія они были еще болѣе правы, чѣмъ съ отвлеченно-теоретической. Во всѣхъ тѣхъ попыткахъ, которыя Эллада дѣлала для достиженія большаго единства, — и посредствомъ симмахій и посредствомъ симполитій, —никогда не удавалось достигнуть и такого равенства, какое существовало въ ахейской федераціи.

Сеймъ собирался обыкновенно два раза въ годъ: весной и осенью. Въ случаѣ необходимости стратегъ всегда имѣлъ право созвать чрезвычайный сеймъ для совѣщанія о томъ частномъ вопросѣ, который требовалъ скораго рѣшенія. Засѣданія сей-

мовъ во всякомъ случаѣ могли продолжаться по закону только три дня. Здѣсь, очевидно, заключаются два условія, опредѣляющія болѣе выгодное отношеніе власти исполнительной къ власти законодательной, чѣмъ то, которое образовалось въ Аѳинахъ. Правительство должно было, конечно, имѣть гораздо болѣе силы и значенія тамъ, гдѣ оно въ спокойное время цѣлые полгода могло дѣйствовать безъ прямого вмѣшательства народнаго собранія. Потомъ, при ограниченности срока собранія, здѣсь никакъ не могло образоваться того класса политическихъ дѣятелей, который, не неся никакой офиціальной отвѣтственности, однако вполнѣ управлялъ аѳинскою республикой. Не могло появиться и ораторовъ-демагоговъ потому уже, что не было времени для установленія прочныхъ связей между собраніемъ и тѣмъ или другимъ ораторомъ, способнымъ обращаться въ демагога. Право голоса принадлежало всѣмъ, и каждый могъ дѣлать свои предложенія, когда пригласитъ къ этому герольдъ отъ имени правительства; но при этомъ нельзя было выходить изъ предѣловъ того вопроса, который стоялъ на очереди и заранѣе былъ назначенъ къ обсужденію. Это правило простиралось на самого стратега и на другія власти.

Сначала мѣстомъ обычныхъ собраній оставался городъ Эгіонъ. Это былъ одинъ изъ болѣе значительныхъ городовъ древней Ахайи. Благодаря своему значенію и, можетъ-быть, центральному положенію среди первоначальнаго союза, онъ былъ предпочтенъ всѣмъ другимъ городамъ. Послѣ расширенія союза Эгіонъ удержалъ за собою свое прежнее преимущество, можетъ-быть, вслѣдствіе противоположной

причины. Будучи незначительнымъ городомъ въ сравненіи съ Сикіономъ, Коринѳомъ и Аргосомъ, онъ не могъ внушать никакихъ опасеній и зависти другимъ городамъ.

Что касается до чрезвычайныхъ сеймовъ, то первоначально они также собирались въ Эгіонѣ; но уже во времена Арата бывали они и въ другихъ городахъ. Само собою разумѣется, что созваніе чрезвычайныхъ сеймовъ обусловливалось всегда какимъ-нибудь важнымъ и настоятельнымъ вопросомъ. Поливій указываетъ такіе вопросы, для которыхъ было позволено созывать чрезвычайный сеймъ: это—война или союзъ съ какимъ-либо государствомъ; потомъ, въ римское время, сеймъ могъ быть созванъ по требованію римскаго сената.

Исполнительную власть Ахейскаго союза составляли слѣдующіе чины: 1) стратегъ, или президентъ союза, 2) десять деміурговъ, или совѣтъ министровъ при президентѣ, 3) государственный секретарь союза и 4) начальникъ конницы. Только военное значеніе имѣлъ начальникъ конницы, хотя и онъ избирался на обще-ахейскомъ сеймѣ и, сколько можно судить по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, изъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ союзѣ. Государственный секретарь союза, повидимому, считался очень важнымъ лицомъ; учрежденіе такой должности было признакомъ государственнаго единства федераціи. Изъ самаго названія можно заключить, что на немъ лежало сочиненіе важнѣйшихъ государственныхъ бумагъ. Коллегія деміурговъ состояла изъ десяти членовъ, и это число указываетъ, безъ сомнѣній, на древность ея происхожденія. Она была установлена въ то время, когда Ахейскій союзъ

состоялъ только изъ десяти политій коренной Ахайи. Тогда каждый деміургъ былъ, очевидно, представителемъ своего отдѣльнаго города. Сохранилось ли это отношеніе и по расширеніи союза? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Мы знаемъ уже, что Поливій самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое существованіе какихъ-либо преимуществъ въ пользу старыхъ членовъ союза. Самые стратеги избираются изъ всѣхъ областей союза. Итакъ, несомнѣнно, что, по достиженіи союзомъ полнаго развитія, десять деміурговъ хотя и сохранили свое прежнее число, но практическая связь этого числа съ древними областями прекратилась, коллегія была открыта для всѣхъ гражданъ союза безъ исключенія и ограниченія. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы вообще существовала какая-нибудь прямая связь между отдѣльными частями союза и деміургами, чтобы, напримѣръ избраніе деміурговъ отъ древнихъ городовъ союза могло перейти къ городамъ болѣе важнымъ по своему значенію. Деміурги избирались въ историческое время общенароднымъ собраніемъ всѣхъ ахейцевъ съ полною свободой выбора. Всякій гражданинъ союза былъ избирателемъ, и каждый могъ быть избранъ. По всей вѣроятности, деміурги избирались въ одно время съ своимъ предсѣдателемъ на томъ же самомъ сеймѣ, на которомъ избирался стратегъ. Коллегія, какъ мы уже замѣтили, играетъ роль совѣта министровъ при президентѣ-стратегѣ. Въ большей части случаевъ она дѣйствуетъ вполнѣ единодушно. Такой образъ дѣйствій могъ бы даже вести къ предположенію, что самъ стратегъ составлялъ свое министерство или по крайней мѣрѣ предлагалъ кандида-

товъ въ деміурги. Но, несмотря на всю удивительную развитость конституціонныхъ формъ Ахейской федераціи, нѣтъ возможности остановиться на этомъ предположеніи. Довольно того, что деміурги избирались на одномъ собраніи и въ одно время со стратегомъ. Въ такомъ случаѣ то самое большинство, которое опредѣляло выборъ президента, назначало и его министровъ, безъ сомнѣнія, изъ такихъ лицъ, которыя были одного направленія съ лицомъ, избраннымъ въ стратеги. Это было тѣмъ возможнѣе, что въ Ахейскомъ союзѣ были въ обычаѣ предварительныя собранія вліятельныхъ политическихъ людей съ цѣлью условиться относительно предстоящихъ выборовъ.

Официіальный титулъ президента федераціи (стратегъ, то-есть предводитель войска) указываетъ прежде всего на военное значеніе его должности, какъ главнокомандующаго союзною арміей. Но уже по аналогіи съ положеніемъ стратеговъ въ другихъ греческихъ республикахъ можно догадываться, что его значеніе не ограничивалось чисто военными дѣлами. Въ Ахайи въ первыя двадцать-пять лѣтъ возобновленнаго союза ихъ было два. Потомъ найдено болѣе удобнымъ «имѣть одного стратега и ввѣрить ему общій надзоръ надъ всѣми дѣлами государства». Стратегъ избирался на одномъ изъ обычныхъ союзныхъ сеймовъ,—первоначально въ весеннемъ собраніи; впослѣдствіи выборы стратега происходили, по всей вѣроятности, въ осеннемъ собраніи. Взаимныя отношенія стратега и деміурговъ, дѣйствительно, напоминаютъ отношенія между президентомъ и его совѣтниками - министрами. Въ большей части случаевъ, именно въ дѣлахъ не военныхъ, они дѣй-

ствуютъ совокупно. Созваніе сейма принадлежитъ, очевидно, стратегу вмѣстѣ съ совѣтомъ министровъ. Въ этомъ совѣтѣ обсуждались тѣ важныя мѣры, которыя должны были оставаться до времени тайными. Стратегъ былъ главою своего совѣта министровъ съ тѣмъ только ограниченіемъ, что онъ не самъ назначалъ ихъ и, въ случаѣ несогласія, не могъ освободиться отъ того или другого изъ членовъ, несогласныхъ съ его политикой. Впрочемъ, это не очень измѣняло положеніе дѣлъ на практикѣ. Сеймъ, состоявшій преимущественно изъ представителей зажиточнаго и образованнаго класса, руководимый притомъ вліятельными людьми изъ своей среды, избиралъ обыкновенно вполнѣ единодушное и согласное правительство. Въ виду вопросовъ первостепенной важности сходились вмѣстѣ политическіе люди изъ различныхъ областей союза, державшіеся одного политическаго направленія, подвергали предварительному обсужденію извѣстный вопросъ и приходили ко взаимному соглашенію относительно того, какихъ кандидатовъ въ стратеги слѣдовало поддерживать. Очевидно, что лица, пользовавшіяся уваженіемъ и значеніемъ у гражданъ того или другого города, легко могли устроить дружный и согласный образъ дѣйствія для отдѣльныхъ избирательныхъ корпорацій, ибо эти корпораціи состояли именно изъ отдѣльныхъ городовъ.

Передъ народнымъ сеймомъ являются одинаково и стратегъ и деміурги. Самое право созванія сейма, по всѣмъ признакамъ, принадлежитъ президенту вмѣстѣ съ его совѣтомъ. Но роли стратега и деміурговъ на сеймѣ неодинаковы. Стратегъ былъ представителемъ и отвѣтственнымъ лицомъ правительства

предъ націей: онъ самъ защищалъ свою политику и свой образъ дѣйствій предъ собраніемъ. Во всякомъ важномъ случаѣ ожидалось и требовалось его мнѣніе, и совѣтъ его всегда имѣлъ большой вѣсъ и полное значеніе правительственнаго предложенія. Стратегъ, повидимому, предъявлялъ сейму предложенія, формулированныя совѣтомъ деміурговъ. Формальное предсѣдательство на сеймѣ принадлежало, напротивъ того, деміургамъ. Они наблюдали за правильнымъ ходомъ преній, и однажды случилось, что они должны были призвать къ порядку самого стратега за слишкомъ рѣзкій языкъ. Деміурги были обязаны слѣдить и за самымъ содержаніемъ преній: послѣ того, какъ различныя партіи и различные взгляды высказались, вопросъ достаточно уяснился для собранія, и оно успѣло обнаружить свое расположеніе въ томъ или другомъ направленіи, деміурги составляютъ въ краткихъ словахъ опредѣленіе, которое потомъ стратегъ и читаетъ предъ собраніемъ для того, чтобы подвергнуть его голосованію и принять или отвергнуть. Ясно, что это давало деміургамъ значительное вліяніе на тотъ или другой исходъ дѣла.

XII. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ.

(*Mahaffy*, Greek life and thought).

Прежде всего мы разсмотримъ, какіе успѣхи сдѣлала серьезная сторона жизни, каково было отношеніе *философіи* къ религіи, и какова была роль религіи въ серьезномъ обществѣ; затѣмъ посмотримъ, что было сдѣлано для *воспитанія* въ это время, наконецъ познакомимся съ тѣмъ, каковы были *развлеченія* людей того времени, въ особенности драматическія представленія и общественные праздники, поскольку въ нихъ участвовали искусство и его представители.

Сравнивая положеніе философіи въ разсматриваемую эпоху съ тѣмъ, чѣмъ она была въ началѣ эллинистическаго періода (см. отд. IV, ст. VI), мы находимъ немало замѣчательныхъ контрастовъ. Вѣкъ великихъ новыхъ системъ миновалъ. Нѣтъ болѣе отдѣльныхъ мыслителей, въ родѣ Зенона или Эпикура; вмѣсто нихъ мы встрѣчаемъ уже установившіяся школы мысли, которыя держатся своихъ опредѣленныхъ вѣрованій и берутся проповѣдывать ихъ міру. Рядомъ съ этими пропагандистами, странствовавшими съ мѣста на мѣсто и проживавшими во многихъ городахъ, существовали и такіе, которые, подобно Хризиппу, занимались приведеніемъ въ систему ученій великихъ учителей. «Не будь Хризиппа, не было бы Стои», было сказано кѣмъ-то. Подобно догматикамъ-бого-

словамъ, собравшимъ изреченія Христа и апостоловъ и изъ нихъ построившимъ религіозную систему съ точными опредѣленіями и догматами, Хризиппъ систематизировалъ идеи, разбросанныя въ произведеніяхъ Зенона и Клеанта. Мы даже имѣемъ извѣстіе о какомъ-то жившемъ въ Пергамѣ издателѣ сочиненій стоиковъ, Аѳинодорѣ, который выбрасывалъ изъ текста то, что ему казалось лишнимъ, и вообще съ странной на нашъ взглядъ свободой обращался съ авторскимъ текстомъ.

Хризиппу также принадлежитъ та заслуга, что онъ вновь поднялъ умозрительные вопросы, на которые не обращали достаточнаго вниманія великіе учителя практическихъ доктринъ. Возможно ли достичь состоянія праведности въ однихъ отношеніяхъ и не достичь въ другихъ? Слѣдуетъ ли считать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ, если ему удалось обрѣсти душевный миръ? Если человѣкъ соблюдалъ всѣ законы и погрѣшилъ только въ одномъ чемъ-нибудь, оказался ли онъ виновнымъ въ нарушеніи всѣхъ законовъ? Совершается ли обращеніе къ философіи постепенно, какъ училъ Аристотель, съ помощью привычки и нравственнаго воспитанія, или же оно происходитъ внезапно и является сразу подобно откровенію? Едва ли нужно прибавлять, что взглядомъ, распространеннымъ въ то время, была эта послѣдняя доктрина, игравшая тогда ту же роль, какую позднѣе она играла въ религіи. Во всякомъ важномъ событіи люди склонны останавливать вниманіе на какомъ-нибудь отдѣльномъ моментѣ и считать за причину событія какую-нибудь случайность, которая представляетъ собою только одно изъ звеньевъ въ длинной и невидимой цѣпи.

Затѣмъ богословы эти—мы можемъ съ полнымъ основаніемъ называть ихъ этимъ именемъ—подвергали обсужденію слѣдующіе вопросы: во-первыхъ, возможно ли для человѣка отпаденіе или отступничество, если ему однажды удалось достигнуть истины? По этому вопросу доктора стоической философіи расходились во мнѣніяхъ. Хризиппъ говорилъ «да», Клеантъ—«нѣтъ». Далѣе, каковы наши обязанности въ отношеніи къ животнымъ? Имѣютъ ли они наравнѣ съ людьми право на справедливость и милосердіе съ нашей стороны, или же, благодаря различію своей природы, они стоятъ внѣ сравненія съ людьми? Примѣнима ли эта параллель и къ низшимъ представителямъ человѣческаго рода? Сводится ли политическая справедливость къ оппортюнизму, или она основывается на незыблемыхъ принципахъ?

Таковы были темы, которыя обсуждались на протяженіи всей Греціи въ тысячахъ лекцій и трактатовъ, особенно въ аѳинскихъ школахъ, тогда уже принявшихъ вполнѣ опредѣленный обликъ; представители этихъ школъ, согласные между собою относительно общихъ принциповъ философской жизни, яростно спорили другъ съ другомъ изъ-за подробностей ученія. Но даже эти споры, повидимому, уже въ значительной степени улеглись. Послѣдователь Эпикура уже не считался еретикомъ, котораго нужно громить страшными проклятіями или подвергать изгнанію, а приверженецъ ученія циниковъ пересталъ казаться какимъ-то безумнымъ отшельникомъ. Странствующіе проповѣдники всѣхъ этихъ ученій встрѣчались другъ съ другомъ и жили въ мирѣ, уважая одинъ другого, подобно тому, какъ въ настоящее время священнослужители епископальной, пре-

свитеріанской и методистской церквей встрѣчаются безъ всякихъ затрудненій, и каждый изъ нихъ можетъ уважать религіозныя убѣжденія и нравственность другого. Эти отношенія философовъ между собою сдѣлались до такой степени обычнымъ явленіемъ, что у насъ есть даже разсказъ, какъ царь Антигонъ Гонатъ далъ большую сумму денегъ на устройство философскаго праздника (въ память своего сына Галкіонея), на которомъ присутствовали представители разныхъ школъ. Однако, приглашенные философы не обладали, повидимому, достаточной выдержкой, чтобы удержаться отъ спора за столомъ; только одинъ Аркезилай былъ противъ этого. Онъ былъ хорошо воспитанный человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, которые цѣнили культуру прежняго времени; большинство же присутствовавшихъ на праздникѣ были низкаго рожденія и дурного воспитанія, какъ мы можемъ видѣть изъ разсказа Діогена объ ихъ происхожденіи. Тѣмъ не менѣе они не имѣли ничего противъ того, чтобы встрѣтиться другъ съ другомъ, и мы едва-ли даже можемъ сказать, чтобы эпикурейцы или скептики составляли въ этомъ смыслѣ исключеніе, потому что какія бы ереси они ни проповѣдовали въ теоріи, на практикѣ они вели такой же родъ жизни, какъ и остальные. Дѣйствительно, въ основѣ проповѣди циниковъ этого времени лежалъ несомнѣнный скептицизмъ и пессимизмъ. Подобно францисканскимъ монахамъ среднихъ вѣковъ они странствовали повсюду, вездѣ проповѣдуя бѣдность и воздержаніе отъ утѣхъ жизни, какъ самый вѣрный путь къ свободѣ и совершенной независимости. Публика охотно выслушивала все это, хотя и не собиралась исполнять всѣхъ требованій проповѣдника.

Всѣмъ было лестно имѣть такихъ людей въ своихъ городахъ, и всѣ находили, что для юношества ничего не можетъ быть полезнѣе ихъ нравоученій. Отъ нихъ ожидали не новыхъ доктринъ или еретическихъ взглядовъ, а полнаго изложенія того, что говорили нѣкогда великіе учителя, того, что думали нѣкогда Зенонъ или Эпикуръ или Діогенъ; и въ отрывкахъ сочиненій одного изъ проповѣдниковъ циническихъ докринъ, Телеса, мы видимъ наглядный примѣръ того, какъ современные проповѣдники всѣми силами старались доказать полное согласіе новаго ученія со старыми правилами морали, въ томъ видѣ, какъ эти правила изложены у Гомера и у гномическихъ поэтовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, переходъ изъ одной философской секты въ другую не былъ явленіемъ распространеннымъ и не пользовался сочувствіемъ; тѣмъ не менѣе можно указать нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ такой перемѣны убѣжденій. Не видно, чтобы разныя школы особенно старались отвоевывать другъ у друга приверженцевъ; онѣ скорѣе вербовали своихъ послѣдователей среди непосвященныхъ. Споры между ними, конечно, бывали, но эти споры происходили келейно и не носили характера религіозной пропаганды.

Очень возможно, что росту философскихъ школъ въ Аѳинахъ мы должны приписать замѣтныя перемѣны въ высшемъ образованіи юношества какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ другихъ городахъ Греціи. Мы можемъ сравнить эти школы съ англійскими колледжами: подобно послѣднимъ, аѳинскія школы помѣщались въ прекрасныхъ, окруженныхъ садами зданіяхъ, полученныхъ въ даръ отъ ихъ основателей или патроновъ. Превращаясь, по мѣрѣ утраты по-

литическаго значенія, въ центръ воспитанія и культуры, Аѳины стали проявлять все больше и больше интереса къ академіямъ, и сады послѣдователей Эпикура и перипатетиковъ сдѣлались не только пріятнымъ и моднымъ мѣстопребываніемъ молодежи, якобы погруженной въ науку, но также и мѣстомъ для прогулокъ, часто посѣщаемымъ профессіональными туристами и праздношатающимися *).

Аѳинскія школы удерживали свое преподаваніе въ сферѣ самыхъ глубокихъ проблемъ философіи и морали. Онѣ учили религіи и вѣрѣ, а о физическомъ и эстетическомъ совершенствованіи человѣка заботились такъ же мало, какъ и наши современные проповѣдники-моралисты. Стоики даже не любили принимать въ ученики людей, не достигшихъ зрѣлаго возраста, считая юность порой страстей, когда мудрость недостижима. Понятно, что при такомъ направленіи академическаго преподаванія нужно было организовать что-нибудь другое для юношества, въ особенности для молодежи изъ богатыхъ вліятельныхъ семействъ, которую родители были рады посылать съ самыхъ дальнихъ окраинъ эллинистическаго міра туда, гдѣ бы она могла получить художественное и литературное образованіе, пропитанное настоящей аттической солью.

Аѳины бѣднѣли и приходили въ то состояніе упадка, когда люди начинаютъ изыскивать средства, какъ бы «ввести деньги въ страну»; естественно было имъ притти къ мысли, что привлеченіе богатыхъ людей, которые бы жили и растрачивали свое богатство въ столицѣ, является самой подходящей

*) См. выше стр. 215.

замѣной производительной энергіи, привлекавшей когда-то деньги въ страну въ обмѣнъ на равноцѣнные продукты. Македонскіе цари и знать, или династы Малой Азіи готовы были посылать своихъ сыновей въ Аѳины и въ видѣ гонорара давать щедрые подарки; Аѳинамъ оставалось воспользоваться обстоятельствами и создать систему воспитанія, которая могла бы удовлетворить потребности знатныхъ иностранцевъ.

Для этой цѣли они, какъ кажется, видоизмѣнили старую систему воспитанія молодежи старшаго возраста. По этой системѣ отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ аѳинскіе юноши, признанные правоспособными во всѣхъ отношеніяхъ, должны были оставаться подъ надзоромъ государства и нести сторожевую службу (περίπολοι) въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Аттики и въ ея пограничныхъ крѣпостяхъ; въ то же время они занимались военными упражненіями, а также получали извѣстное гимнастическое и литературное воспитаніе. Эти юноши носили короткій черный плащъ, родъ военнаго платья, и играли особенно видную роль въ религіозныхъ процессіяхъ, въ родѣ той, которая изображена на фризѣ Парѳенона. Замѣчательно, что древнѣйшая греческая литература содержитъ лишь нѣсколько намековъ на нихъ, и техническіе термины для такихъ юношей (*ephebus*, а для учрежденія ἐφηβεία), какъ кажется, едва ли встрѣчаются раньше Ксенофонта. Теоріи Платона предполагаютъ это учрежденіе существующимъ, что и было вполнѣ естественно, потому что не только въ Спартѣ, но и во многихъ другихъ государствахъ Греціи подобное этому учрежденіе существовало давнымъ давно.

Однако только съ 307 г. до Р. Х. попадаются первыя надписи объ *ephebi*, и съ этого времени онѣ становятся очень многочисленны. Въ этомъ періодѣ эфебы образовали собою повсюду вліятельный классъ или даже корпорацію гражданъ; сохранились народныя постановленія, выражавшія имъ одобреніе за какой-нибудь поступокъ; эфебы имѣли особыя мѣста въ театрѣ; до насъ дошли декреты, выражавшіе одобреніе ихъ смотрителямъ или директорамъ (κοσμηταί), а также списки этихъ лицъ. Граждане, конечно, преобладаютъ среди нихъ; изъ вѣроятной общей суммы 240 (въ Аѳинахъ) сначала было не болѣе 10—20 чужестранцевъ (ξένοι). Конечно, директорами были люди значительные, и мы думаемъ, что по аналогіи съ *тріерархіей*, которая обязывала богатыхъ гражданъ снаряжать на свой счетъ корабль и представляла собою скорѣе денежную повинность, а не чинъ на морской службѣ, обязанность доставлять предметы, необходимые для гимназіи, въ видѣ масла и пр., возлагалась на гимназіарха, которымъ могъ быть одинаково, какъ одинъ изъ надзирателей или учителей, такъ и кто-нибудь изъ самихъ учениковъ. Вотъ причина, по которой часто присуждалась особая благодарность за исполненіе этой повинности, которую иногда брали на себя совмѣстно нѣсколько человѣкъ. Старая организація аѳинской эфебіи подвергалась затѣмъ дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ, и въ это учрежденіе постепенно получили доступъ иностранцы. Конечно, отъ иностранцевъ нельзя было требовать службы въ качествѣ περίπολοι—пограничной аѳинской стражи; кромѣ того, значительная часть гимнастическихъ упражненій, которыми занимались

эфебы въ старину, давно устарѣли и вышли изъ моды. Многіе философы, и даже военные люди, въ родѣ Александра и Филопемена, возставали противъ того, чтобы люди тратили время на подготовку къ атлетическимъ состязаніямъ, а Хризиппъ написалъ цѣлую книгу противъ этихъ состязаній. Съ другой стороны, и аѳинскіе граждане и иностранцы стали обращать больше вниманія на умственное образованіе, и, кромѣ свободныхъ искусствъ и литературы, теперь въ число предметовъ преподаванія нужно было ввести и философскія системы, которыхъ уже нельзя было болѣе игнорировать.

И вотъ мы видимъ, что сообразно съ этими измѣнившимися условіями двухлѣтній срокъ службы эфебовъ былъ въ концѣ концовъ сокращенъ до одного года, и большая часть гимнастическихъ и военныхъ упражненій была совсѣмъ вычеркнута изъ программы. Нѣкогда эти упражненія лежали въ основѣ всего; теперь они заняли второстепенное положеніе сравнительно съ музыкой и литературой. Это мы узнаемъ изъ разныхъ источниковъ и, между прочимъ, изъ списка окладовъ, которые получали разные учителя, судя по дошедшимъ до насъ надписямъ. Кромѣ того, само военное воспитаніе подверглось соотвѣтствующимъ измѣненіямъ. Въ одной надписи выражается благодарность отряду эфебовъ за то, что они содержали на свой счетъ и починили осадное орудіе, сдѣлавъ его годнымъ къ употребленію. Греки скоро должны были убѣдиться, что земляныя укрѣпленія выдерживаютъ удары лучше каменныхъ стѣнъ, и сообразно съ этимъ также были сдѣланы измѣненія въ воспитаніи эфебовъ. Артиллерія, какъ извѣстно, имѣла въ то время капиталь-

ное значеніе, и καταπελταφεσία (упражненія въ артиллеріи) вошла въ число предметовъ военнаго образованія.

Другой особенностью новаго направленія является спеціализація преподаванія: для духовнаго и физическаго воспитанія потребовались разные учителя, отдѣльные для той и другой отрасли. Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при такомъ же раздѣленіи труда, которое оказалось необходимымъ въ настоящемъ столѣтіи въ нашихъ школахъ съ тѣхъ поръ, какъ въ программу воспитанія проникъ цѣлый рядъ новыхъ предметовъ. На это обратилъ особенное вниманіе Филостратъ (с. 15) въ своемъ трактатѣ о гимнастикѣ. У насъ есть также данныя, изъ которыхъ мы можемъ съ полнымъ правомъ заключить, что въ это время стали подмѣчать природныя склонности учениковъ и давать этимъ склонностямъ надлежащее развитіе. Впрочемъ, только ко времени Юліана относится намекъ на то, что въ Александріи существовала своего рода консерваторія, гдѣ содержались и обучались бѣдные мальчики, одаренные хорошимъ голосомъ.

Эта тенденція естественно усилилась, благодаря развитію системы соревнованія, съ которой мы встрѣчаемся даже въ формѣ школьныхъ экзаменовъ и наградъ, —этого стараго зла, развивающаго не въ мѣру не только самолюбіе дѣтей, но и тщеславіе старшихъ. Мы даже имѣемъ извѣстія объ экзаменахъ для занятія мѣстъ на службѣ. У насъ есть данныя и о литературно-драматическихъ праздникахъ, на которыхъ дѣти читали и играли въ присутствіи родителей; происходили также состязанія на премію, о которыхъ извѣщали объявленіями, вырѣзанными

на камнѣ. Это, впрочемъ, насколько намъ извѣстно, относится къ болѣе позднему времени.

Намъ остается еще разсмотрѣть частную жизнь и клубы университетскихъ студентовъ,—такъ мы можемъ назвать эфебовъ. Прежде всего замѣтимъ, что система эфебій была распространена по всему эллинистическому міру, до самой Массиліи, греческаго города на варварскомъ западѣ. Мы знаемъ, что въ Тарсѣ въ теченіе столѣтій существовала школа эфебовъ, пользовавшаяся извѣстностью. Коллиньонъ въ спеціальномъ трактатѣ о слѣдахъ эфебій за предѣлами Аѳинъ собралъ надписи, свидѣтельствующія о существованіи этого учрежденія въ другихъ городахъ, кромѣ Аѳинъ. Онъ получилъ искомыя свѣдѣнія приблизительно о шестидесяти городахъ, разбросанныхъ по Македоніи, Греціи, островамъ Малой Азіи, Сиріи. О существованіи эфебій въ безчисленномъ множествѣ другихъ городовъ мы лишены извѣстій только благодаря простой случайности. Дошедшія до насъ подробности свидѣтельствуютъ также о большомъ однообразіи типа этого учрежденія, такъ какъ даже въ Спартѣ, гдѣ это учрежденіе имѣло нѣкоторыя особенности (напр., иностранцы никогда не допускались въ эфебію), такъ называемыя ликурговы постановленія въ основныхъ чертахъ носили тотъ же характеръ и имѣли въ виду тѣ же цѣли. Къ тому же допущеніе такъ называемыхъ μόθακες и τρόφιμοι къ воспитанію наравнѣ съ спартанскими гражданами показываетъ, что изъ правила, въ силу котораго спартанское воспитаніе могли получать только спартіаты, было сдѣлано исключеніе какъ разъ для тѣхъ разрядовъ постороннихъ лицъ, которые только и мог-

ли чувствовать надобность въ спартанскомъ воспитаніи.

Въ этомъ-то внимательномъ отношеніи общества къ воспитанію Полибій, первый компетентный наблюдатель греко-римской жизни, видитъ большой контрастъ между Греціей и Италіей. Онъ отказывается понимать, какъ можно такое важное дѣло предоставлять частнымъ лицамъ, подвергая его всѣмъ случайностямъ, могущимъ произойти отъ нерадѣнія и дурной постановки дѣла. Въ свое время мы увидимъ, насколько сужденіе Полибія было основательно.

Итакъ, мы должны представлять себѣ эфебовъ каждаго значительнаго города за этотъ періодъ въ видѣ особаго класса, имѣвшаго право занимать особыя мѣста въ театрѣ, носившаго особую одежду и вслѣдствіе своего единства и организованности, имѣвшаго извѣстное общественное значеніе. Эфебы имѣли организацію въ формѣ клубовъ и ассоціацій съ своими почетными званіями и должностями, названія для которыхъ были скопированы съ высшихъ государственныхъ должностей. У нихъ былъ свой *правитель*, носившій въ Аѳинахъ названіе архонта, свой *полководецъ*, свой *царь* и т. д. Ихъ традиціонные обычаи назывались *законами* (νόμος), ихъ сходки — *народными собраніями* (ἀγορά), ихъ постановленія —*декретами* (ψηφίσματα). Въ городѣ Пергамѣ намъ извѣстенъ даже «совѣтъ и демосъ молодежи» (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος τῶν νέων), какъ самостоятельная корпорація, собиравшаяся въ своей собственной гимназіи.

Даты надписей, сообщающихъ намъ эти свѣдѣнія, не всегда можно опредѣлить съ точностью, и многія

изъ нихъ, можетъ-быть, относятся ко времени, слѣдующему за вѣкомъ Арата, который мы теперь характеризуемъ. Но не можетъ быть сомнѣнія, что тогда уже опредѣлился типъ эллинистическаго воспитанія, и что многія подробности, засвидѣтельствованныя лишь позднѣйшими документами, возникли въ первое столѣтіе эллинистическаго періода.

Общимъ клубомъ или мѣстомъ собраній юношей была, разумѣется, *гимназія,* гдѣ были всѣ приспособленія для атлетическихъ упражненій, равно какъ и всѣ удобства для отдыха въ тѣни, такъ какъ жители юга привыкли проводить время на воздухѣ. Въ этихъ-то гимназіяхъ, носившихъ названіе Академіи, Киносарга и Лицея, постоянно толклись аѳинскіе студенты. Естественно поэтому, что тѣ философы, которые не пренебрегали, подобно стоикамъ, обученіемъ юношества, основывали свои школы въ близкомъ сосѣдствѣ съ гимназіями. Всякій молодой иностранецъ, въ особенности числившійся въ рядахъ *эфебовъ,* желая замѣнить серьезными занятіями риторику, входившую въ офиціальную программу гимназіи, могъ сейчасъ же завернуть въ музей или школу, находившуюся рядомъ съ гимназіей. Въ теченіе разсматриваемаго нами періода эти гимназіи и философскія школы находились внѣ города. Но двѣ новыхъ гимназіи для эфебовъ были учреждены внутри городскихъ стѣнъ благодаря щедротамъ Птоломея Филадельфа и нѣкоего предводителя отряда наемниковъ, по имени Діогена; этотъ Діогенъ, назначенный царемъ Димитріемъ въ военные губернаторы Аѳинъ, послѣ смерти Димитрія согласился на предложеніе Арата и за 150 талантовъ очистилъ отъ войскъ аѳинскія крѣпости. Когда

царь Филиппъ V опустошилъ и разрушилъ всѣ предмѣстья Аѳинъ (въ 200 г. до Р. X.), то первенствующее значеніе перешло къ тѣмъ гимназіямъ, которыя находились внутри городскихъ стѣнъ; изъ нихъ упоминаются въ нашихъ надписяхъ Птоломэонъ и Діогеніонъ.

Но самое значительное измѣненіе во всемъ духѣ воспитанія, какъ я уже сказалъ, заключалось въ перемѣнѣ отношенія между гимнастикой и музыкой (въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось у грековъ). Если прежде вниманіе обращалось преимущественно на совершенствованіе тѣла, то теперь первое мѣсто занялъ умъ, и подобно тому какъ характеръ военнаго воспитанія измѣнился вмѣстѣ съ измѣненіемъ общихъ условій современной жизни (что было указано выше), измѣнился и характеръ музыкальнаго и литературнаго воспитанія. Въ прежнее время риторика имѣла большое значеніе,—если подъ риторикой разумѣть совершенную по формѣ рѣчь, которая являлась могущественнѣйшимъ рычагомъ власти въ демократіяхъ, гдѣ публичная рѣчь была главной силой. Теперь ораторское искусство, все еще продолжая вызывать похвалы и удивленіе, изъ политическаго орудія сдѣлалось признакомъ утонченнаго образованія, и философы, углубившіеся въ серьезное мышленіе и державшіеся вдали отъ общественной жизни, совершенно подорвали прежнее значеніе внѣшняго совершенства рѣчи. Вслѣдствіе этого мы видимъ невѣроятно быстрый упадокъ ораторскаго искусства даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ люди болѣе пожилые еще хранили преданія о временахъ Демосѳена, Эсхина и Гиперида. Мѣста, ко-

торыя Полибій съ восторгомъ цитируетъ изъ Димитрія Фалерскаго, въ эпоху расцвѣта показались бы ниже посредственности, а знаменитый риторъ Гегезій, о которомъ мы упоминали раньше, по мнѣнію хорошихъ критиковъ не написалъ ни одной порядочной страницы.

Но если эстетическая сторона греческаго воспитанія пострадала сравнительно съ прежнимъ временемъ вслѣдствіе того, что заброшено было изученіе блестящихъ образцовъ высоко-развитаго ораторскаго искусства, то, можетъ-быть, этотъ пробѣлъ до извѣстной степени возмѣщался болѣе широкимъ распространеніемъ театральныхъ и музыкальныхъ развлеченій, которыя заняли въ этомъ вѣкѣ совершенно новое, особое положеніе. Извѣстно, что театры стали строиться по всей Греціи, даже въ третьестепенныхъ городахъ; любопытнымъ образцомъ можетъ служить сохранившійся до нашихъ дней небольшой съ крутыми ступенями театръ въ Херонеѣ, который могъ вмѣстить только весьма малое количество зрителей. Театры эти сдѣлались еще болѣе распространеннымъ явленіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ они стали служить мѣстомъ общественныхъ собраній гражданъ, какъ видно изъ примѣровъ Сиракузъ и Аѳинъ. Но нигдѣ, разумѣется, театръ не былъ предназначаемъ исключительно для такой политической цѣли. Во всѣхъ театрахъ по праздничнымъ днямъ давались музыкальныя, драматическія и орхестическія представленія не только въ честь Діониса, но и въ честь другихъ боговъ. Такъ въ Дельфахъ этолійцы въ память побѣды, одержанной надъ галатами, учредили большой праздникъ, носившій названіе *Soteria*, который праздновался въ первый разъ около

260 г. до Р. Х., и на который съѣзжались артисты со всего эллинистическаго міра.

Изъ надписей мы узнаемъ о существованіи въ Греціи гильдій профессіональныхъ артистовъ, которые являлись на эти мѣстные праздники и давали представленія за очень высокую плату. Эти люди, прежде называвшіеся просто актерами, теперь получили наименованіе «кудесниковъ бога Діониса» (οἱ περὶ τὸν Διόνυσον τεχνῖται) и составляли корпораціи, пользовавшіяся особыми привилегіями въ видѣ освобожденія отъ военной службы и отъ налоговъ, а также отъ тюремнаго заключенія въ случаяхъ поручительства. Всякій, кто нарушалъ ихъ привилегіи, подлежалъ суду магистратовъ дельфійской амфиктіоніи. Мы знаемъ также, что имъ позволялось носить золотыя украшенія, тогда какъ гражданамъ это было запрещено; и несомнѣнно, они представляли собою классъ людей тщеславныхъ и не особенно почтенныхъ, несмотря на всѣ привилегіи, какими надѣлилъ ихъ законъ, и на благосклонность, какую оказывало имъ общество. Въ *Проблемахъ* Аристотеля (30,10) встрѣчаемъ слѣдующій вопросъ: «Отчего художники бога Діониса обыкновенно дурные люди (πονηροὶ)? Не потому ли, что имъ мѣшаютъ достигнуть мудрости постоянныя занятія своимъ спеціальнымъ дѣломъ, и не потому ли, что по большей части они живутъ то въ безмѣрной роскоши, то въ крайней нуждѣ, а то и другое въ одинаковой мѣрѣ дѣлаетъ людей негодными?»

Въ составъ ихъ корпораціи входили: стоявшій во главѣ корпораціи жрецъ (Діониса), бывшій въ то же время и актеромъ, казначей, драматическіе поэты, писавшіе новыя піесы (трагедіи, комедіи и оды),

главные актеры — какъ трагики, такъ и комики, исполнявшіе древнія образцовыя произведенія Эврипида и Менандра, наконецъ, разнаго рода музыканты и пѣвцы. Были у нихъ импрезаріо, которые устраивали ангажементы труппы въ отдаленныхъ городахъ, подрядчики, завѣдывавшіе технической частью представленій (ἐργόλαβοι), и даже лица, спеціально поставлявшія для сцены костюмы (ἱματιομίσθαι). Ни одинъ большой праздникъ, за исключеніемъ четырехъ національныхъ праздниковъ, не обходился безъ этихъ артистовъ, а въ концѣ концовъ музыкальныя состязанія получили доступъ даже на Пиѳійскія и Немейскія игры. На другихъ праздникахъ глава труппы всегда являлся руководящимъ членомъ комитета по устройству праздника, и вознагражденіе, которое получали артисты, помимо наградъ за побѣду на состязаніяхъ, было очень значительно. Когда старый Антигонъ съ великой пышностью праздновалъ день основанія своей новой столицы, Антигоніи на Оронтѣ, до него дошла вѣсть о нашествіи Лизимаха на Малую Азію (303 г. до Р. Х.); услыхавъ объ этомъ, онъ прервалъ праздникъ, но заплатилъ артистамъ ихъ гонораръ, достигавшій, по словамъ Діодора (XX, 108), двухсотъ талантовъ. Мы знаемъ, что Діонисіи праздновались на протяженіи всего эллинистическаго міра. Въ *Жизнеописаніи Клеомена* Плутархъ говоритъ, что во время одного изъ своихъ походовъ Клеоменъ встрѣтился съ обществомъ артистовъ, проѣзжавшихъ черезъ Пелопоннесъ, и немедленно договорился съ ними, чтобы они устроили временную сцену и играли для развлеченія его солдатъ. Такъ какъ артисты не являлись воюющей стороной и имѣли

право переходить любую границу даже во время войны, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что цари и династы нерѣдко употребляли ихъ въ качествѣ неофиціальныхъ пословъ, и ихъ связи съ эллинистическими дворами были крайне разнообразны. Одно общество актеровъ называло себя *атталистами* и приносило жертвы царю Эвмену II и даже его братьямъ. Изъ одной надписи, относящейся къ Птолемаидѣ въ Верхнемъ Египтѣ, мы узнаемъ подробности объ одной мѣстной корпораціи артистовъ; это показываетъ, до какой степени эти корпораціи были распространены. Читателю, быть-можетъ, покажется интереснымъ списокъ наградъ за побѣду на драматическихъ состязаніяхъ, свидѣтельствующій между прочимъ о томъ, что актеры дѣлились на разряды; данныя эти мы заимствуемъ изъ одной дошедшей до насъ надписи, относящейся, впрочемъ, къ эпохѣ римскаго владычества. Мы узнаемъ, что трагики-протагонисты получили въ видѣ наградъ—2500, 600, 350 динаріевъ (почти равняющихся франкамъ), комики-протагонисты—1500, 500, 300 динаріевъ. Затѣмъ флейтистъ и киѳаристъ получили 1000 динаріевъ, хоровой флейтистъ и хоровой киѳаристъ—1500, энкоміографъ (писатель хвалебныхъ отзывовъ!), эпическій и трагическій поэты—по 750 каждый, комическій поэтъ—500, подрядчикъ, завѣдывавшій постановкой старыхъ комедій—350. Эти послѣднія суммы означаютъ вознагражденія, а первыя—награды при состязаніи трехъ піесъ.

Видя передъ собой этотъ рядъ фактовъ, недавно открытыхъ по надписямъ и свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ почетомъ пользовался классъ людей, нравственно и интеллектуально незначительныхъ,

за то только, что они доставляли публикѣ развлеченіе, —всякій убѣдится, до какой степени эллинистическая культура стала похожа на нашу современную и какъ она пріобрѣла даже признаки дряхлости. Прежнее уваженіе къ религіознымъ формамъ еще сохранялось. Эфебы или артисты всегда клянутся именемъ многихъ боговъ съ странными именами и курьезными аттрибутами. Мраморное кресло, предназначенное главнымъ лицамъ общества артистовъ въ аѳинскомъ театрѣ — въ родѣ почетнаго кресла въ партерѣ—было предоставлено имъ не какъ актерамъ, а какъ жрецамъ Діониса: очевидно, ни серьезные философы, ни веселые свѣтскіе люди не были расположены ссориться ни съ культомъ великихъ эллинскихъ боговъ, ни, тѣмъ болѣе, съ легендарной исторіей, доставлявшей наиболѣе популярные сюжеты для скульптуры, живописи и поэзіи. Какъ мы видѣли въ нашемъ очеркѣ александрійской поэзіи, развивалась даже мода писать комментаріи ко всѣмъ этимъ легендамъ; главной причиной была тутъ, я думаю, ихъ тѣсная связь съ классическимъ искусствомъ.

Цѣнили, однакоже, не жреца, а актера; только что приведенный нами списокъ вознагражденій артистовъ показываетъ, что самымъ большимъ расположеніемъ общества пользовался исполнитель, а не авторъ, — виртуозъ, а не сочинитель піесы. Скульпторъ, актеръ, арфистъ, занимавшіе въ прежнее время положеніе уважаемыхъ ремесленниковъ, работавшихъ за скромное вознагражденіе на заказчиковъ изъ высшаго соціальнаго слоя (таково было соціальное положеніе творцовъ Парѳенона), —превратились теперь въ первыя знаменитости, мастерскія кото-

рыхъ посѣщались царями; общества ихъ искали представители знати и свѣта, ихъ пошлая жизнь считалась самымъ интереснымъ источникомъ анекдотовъ.

Мнѣ представляется характерной чертой вѣка и то, что живопись заняла такое видное мѣсто сравнительно съ другими искусствами. Прежде драматическій поэтъ, скульпторъ, архитекторъ—были главными представителями искусства,—скульпторъ, можетъ-быть, меньше другихъ. Теперь мы много слышимъ о живописцахъ, о той борьбѣ за успѣхъ, какую имъ приходилось выдерживать въ ранніе годы, объ огромныхъ доходахъ, которые они получали, добившись успѣха, и о тщеславномъ блескѣ, которымъ затѣмъ окружали свою жизнь. Уже давно вошло въ обычай (см. выше стр. 109) писать картины на доскахъ (πίνακες). Этого рода художественныя произведенія всегда можно было продать за хорошія деньги богатымъ покровителямъ искусства, въ то время какъ статуи, изъ бронзы или мрамора, были трудно переносимы и, кромѣ того, своимъ спокойствіемъ и монументальностью не соотвѣтствовали вкусу общества, любившаго бурныя страсти и возбуждающіе эффекты. Такой сюжетъ, какъ Лаокоонъ, лучше можно было обработать на картинѣ, передающей краски и обстановку, чѣмъ на мраморѣ, хотя бы художникъ и обладалъ тѣмъ совершенствомъ въ своемъ искусствѣ, до какого дошли родосскіе скульпторы. Изъ интереснаго, составленнаго Овербекомъ, собранія замѣтокъ древнихъ авторовъ о разныхъ модныхъ живописцахъ читатель можетъ познакомиться съ тѣмъ, какъ они пускали въ ходъ всевозможныя техническія средства для того, что-

бы воспроизвести не только самыя бурныя душевныя движенія, но и кровавую пѣну на зажатомъ зубами мундштукѣ, мгновенный румянецъ на смуглой щекѣ. Портреты также вошли въ моду и не только портреты современныхъ людей, напр., портретъ Александра въ эфесскомъ храмѣ, написанный Апеллесомъ за двадцать талантовъ (около 48,000 рублей), или Антигона (уже описанный на стр. 110), но и импровизированные портреты легендарныхъ личностей или людей давно умершихъ.

Этотъ Апеллесъ, истинный отецъ эллинистической живописи, написалъ свой собственный портретъ, что свидѣтельствуетъ о существованіи хорошихъ зеркалъ, безъ которыхъ этотъ фокусъ едва ли былъ бы возможенъ. Онъ также изобрѣлъ особый лакъ, не только предохранявшій картину отъ порчи, но и придававшій краскамъ особую живость; ему принадлежатъ и другія изобрѣтенія, опубликованныя имъ въ спеціальномъ трактатѣ о своемъ искусствѣ. Я упоминалъ выше (стр. 109) о томъ, что Апеллесъ ходилъ смотрѣть картину своего младшаго соперника Протогена, изображающую Ялиса. Простоявъ долго передъ картиной, Апеллесъ сказалъ, что труда потрачено много и результаты поразительны, но что картинѣ недостаетъ той прелести, которая возвышаетъ его собственныя картины до небесъ. Этотъ же Протогенъ написалъ сатира съ перепеломъ, сидящимъ на колоннѣ возлѣ него: перепелъ до такой степени былъ похожъ на живого, что публика приносила настоящихъ перепеловъ, и они бросались на него; Протогенъ, наконецъ, испросилъ разрѣшеніе у попечителей храма, для которыхъ онъ написалъ картину, стереть птицу,

такъ какъ она мѣшала оцѣнить надлежащимъ образомъ главную фигуру.

Желая удовлетворить спросу на новизну, талантливые люди обратились къ изученію вульгарной и пошлой жизни низшихъ классовъ, и мы имѣемъ въ эллинистическомъ искусствѣ свою «Теньеровскую школу», *ryparographi*, живописцевъ грязи, какъ они тогда назывались, изображавшихъ лавки цырюльниковъ, портныхъ, сапожниковъ, ословъ навьюченныхъ зеленью для рынка и т. п. Но этого мало. Мы знаемъ, что одно неоконченное произведеніе одного мастера пользовалось особымъ успѣхомъ именно потому, что оно было неокончено: такую оцѣнку картины мы находимъ у Плинія, но, нѣтъ сомнѣнія, что идетъ она еще отъ эпохи эллинизма. Самымъ крайнимъ выраженіемъ этого безвкуснаго пристрастія къ вульгарнымъ подробностямъ является произведеніе Созоса пергамскаго, который изобразилъ мозаикой *невыметенный полъ* со всѣми крошками и разбросанными остатками пиршества, словомъ—полъ неубранной комнаты. Вмѣстѣ съ этими нездоровыми симптомами появился вкусъ къ драгоцѣннымъ камнямъ, къ выгравированнымъ камеямъ, вышивкѣ и вазамъ; всѣ эти вещи стоили очень дорого, и если этотъ вкусъ не дѣйствовалъ облагораживающимъ образомъ на искусство, то онъ во всякомъ случаѣ далъ большой толчокъ промышленности.

Послѣ того какъ я отмѣтилъ въ эллинистической культурѣ столько чертъ сходства съ нашей современностью, я заключу эту главу цитатой изъ Полибія, свидѣтельствующей о томъ, что античный греческій духъ еще продолжалъ жить въ одной существенной сторонѣ тогдашняго воспитанія. Видя,

что искусство все болѣе и болѣе становится удѣломъ спеціалистовъ, что совершеннѣйшимъ исполнителемъ можетъ оказаться безнравственный человѣкъ, люди, казалось бы, должны были мало-помалу оставить или забыть теорію о возвышающемъ нравственномъ вліяніи искусства. Такъ, напримѣръ, дѣло стоитъ теперь у насъ. Никто вѣдь, исполняя Бетховена или Вагнера, не думаетъ о нравственномъ совершенствованіи слушателя. Но именно таковъ былъ всеобщій взглядъ до Аристотеля, который и самъ настаиваетъ на немъ въ своей *политикѣ*, книгѣ, быть-можетъ, менѣе фантастической и болѣе трезвой по проводимымъ въ ней взглядамъ, чѣмъ самыя новыя работы, посвященныя политическимъ теоріямъ. Аристотель, однакоже, — представитель эллинской культуры, а не эллинизма, поэтому на него нельзя ссылаться, говоря о вѣкѣ, наступившемъ послѣ переворота, произведеннаго Александромъ. Но что же говоритъ о томъ же предметѣ Полибій, скептикъ, новый человѣкъ, поклонникъ Рима, настоящій Макіавелли дохристіанской эпохи?

«Въ виду того, что аркадскій народъ пользуется доброй славой среди грековъ не только по причинѣ своего гостепріимства и любезнаго нрава, но еще болѣе по причинѣ своего благочестія, — стоитъ остановиться и потолковать о дикости кинетянъ и о томъ, какъ они, будучи несомнѣнно аркадянами, превзошли въ это время всѣхъ остальныхъ грековъ жестокостью и беззаконіями. По моему мнѣнію причина этого въ слѣдующемъ: они первые и единственные изъ аркадянъ пренебрегли тѣмъ, что съ большой заботливостью задумано и установлено было для всѣхъ жителей Аркадіи, примѣняясь къ окру-

жающей ихъ природѣ. Занятіе музыкой, по крайней мѣрѣ музыкой въ собственномъ смыслѣ, благодѣтельно для всѣхъ, но для аркадянъ положительно необходимо. Не слѣдуетъ думать, чтобы музыка,— какъ совершенно недостойно себя высказался Эфоръ въ предисловіи къ своей исторіи,—была введена людьми только для обмана и обольщенія; мы не можемъ также допустить, чтобы древніе критяне и лакедемоняне безъ основанія ввели флейту и маршировку подъ музыку на мѣсто трубы, или чтобы древнѣйшіе аркадяне безъ основанія отвели музыкѣ такое видное мѣсто въ своей общественной жизни, что ежедневное занятіе ею сдѣлали обязательнымъ не только для дѣтей, но и для молодежи до тридцати лѣтъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ нравы ихъ отличаются большой суровостью... Я думаю, древніе ввели эти обычаи не съ тѣмъ, чтобы доставить ненужное развлеченіе, но принимая во вниманіе земледѣльческій строй своего отечества и вообще тяжелыя условія трудовой жизни его обитателей. Они имѣли также въ виду суровость ихъ нравовъ, которая является естественнымъ послѣдствіемъ холоднаго и суроваго климата, преобладающаго въ ихъ странѣ... Итакъ, желая умѣрить и смягчить ихъ природную грубость и суровость, они установили только что описанные нами порядки, а также ввели въ обычай какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ общія сборища и общественныя жертвоприношенія и еще установили пляски дѣвочекъ и мальчиковъ,— словомъ, дѣйствительно приложили всю свою изобрѣтательность къ тому, чтобы путемъ тщательнаго воспитанія сдѣлать ихъ дикую натуру болѣе утонченной и человѣчной. Этимъ-то и пренебрегли со-

вершенно кинетяне, между тѣмъ какъ они также въ высшей степени нуждались въ такихъ воспитательныхъ мѣрахъ, такъ какъ обитали въ странѣ по климату и устройству поверхности самой суровой во всей Аркадіи. Такимъ образомъ, отдавшись взаимнымъ раздорамъ и враждѣ, они въ концѣ концовъ пришли въ такое дикое состояніе, что нигдѣ ни въ одномъ эллинскомъ городѣ не совершалось такихъ ужасныхъ жестокостей и такъ часто, какъ у нихъ» *).

Прибавлю еще, что Кинета была расположена на дикихъ возвышенностяхъ, отдѣлявшихъ Аркадію отъ Ахеи и извѣстныхъ теперь подъ названіемъ Хельмскаго (Chelmos) хребта, гдѣ даже теперь, когда климатъ смягчился сравнительно съ древними временами, во многихъ мѣстахъ снѣгъ лежитъ до апрѣля и мая, — и что вся Аркадія была тогда убѣжищемъ медвѣдей и волковъ, которые скрывались въ ея большихъ лѣсахъ, сохранившихся отчасти и до нашего времени.

Такъ, среди окружающаго скептицизма, среди безчисленныхъ разочарованій, не взирая на то, что меркла слава эллинистическихъ государствъ и возрастало величіе Рима, оказывается, древняя теорія о нравственномъ значеніи музыки находитъ себѣ горячаго защитника въ лицѣ самаго передового и неромантическаго современнаго мыслителя. Не должно ли это навести насъ на мысль, что въ настоящее время мы упускаемъ изъ виду нѣкоторые сокровеннѣйшіе законы нравственнаго развитія, нѣкоторыя едва замѣтныя вліянія, которыя тѣмъ не менѣе проникаютъ насквозь всю нашу жизнь? Вѣрно

*) Polyb. IV, 20, 21.

ли въ самомъ дѣлѣ, что ухо не можетъ насъ учить пороку и добродѣтели черезъ посредство мелодіи, и что предразсудки въ области нравственности не могутъ являться послѣдствіемъ эстетическаго воспитанія?

ОТДѢЛЪ VI.

УПАДОКЪ ЭЛЛИНИЗМА.

I. МОНАРХІИ КОНЦА III ВѢКА.

(*Mahaffy* Greek life a. thought).

Полибій не разъ подчеркиваетъ знаменательность того момента въ судьбахъ міра, съ котораго онъ начинаетъ собственно свою исторію. Онъ говоритъ, что около 220 г. до Р. X. во всѣхъ великихъ державахъ произошла смѣна государей, и управленіе перешло въ руки не достигшихъ зрѣлаго возраста юношей. Далѣе Полибій замѣчаетъ, что войны, начавшіяся около этого времени по совершенно различнымъ причинамъ въ разныхъ частяхъ свѣта, привели Востокъ и Западъ въ такую тѣсную связь, что съ этихъ поръ исторія средиземныхъ народовъ уже не двигается по разнымъ путямъ, а течетъ однимъ широкимъ потокомъ.

Весьма интересно ознакомиться съ характерами тѣхъ юношей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались такіе крупные интересы. Нельзя сказать, чтобы прямыми причинами подчиненія ихъ Риму служили ихъ молодость и неопытность. Вниманіе великой республики почти двадцать лѣтъ было занято геройской борьбой съ Карѳагеномъ. Въ этотъ промежутокъ у всѣхъ этихъ государей было достаточно

времени для пріобрѣтенія опытности; ихъ престолы оставались непоколебимыми, а сами они были впутаны въ столкновенія, которыя могли содѣйствовать развитію таившихся въ нихъ талантовъ. Однако талантами этотъ вѣкъ былъ чрезвычайно бѣденъ. Одна колоссальная фигура поднимается надъ всѣми: это Ганнибалъ Барка; все остальное — люди посредственные или даже ниже средняго уровня. Всѣхъ незначительнѣе Птоломей Филопаторъ. Въ великой фамиліи Лагидовъ это первый случай появленія распутника, дилетанта, пьяницы и глупца. Даже у великаго Птоломея Эвергета замѣтенъ, еще въ среднихъ лѣтахъ, упадокъ силы и дѣятельности. Его сынъ былъ слабою и безцвѣтною личностью, игрушкою въ рукахъ стараго ловкаго дипломата; даже блестящая побѣда при Рафіи не отвлекла его отъ лѣни и чувственныхъ удовольствій. Кромѣ того, онъ извѣстенъ какъ гонитель египтянъ и ихъ религіи; этимъ онъ довелъ Египетъ до возмущенія, съ трудомъ прекращеннаго его преемникомъ. —

Первыя свѣдѣнія объ его дворѣ мы находимъ въ концѣ Плутарховой біографіи Клеомена, въ разсказѣ о томъ, какъ изгнанный герой, лишившись послѣ битвы при Селласіи своего царства, прибылъ въ Александрію, куда еще раньше были посланы въ качествѣ заложниковъ его мать и дѣти. Въ Египетъ его влекла надежда побудить Эвергета къ возобновленію войны въ Греціи, а въ крайнемъ случаѣ—поступить къ нему на службу. Говорятъ, Клеоменъ произвелъ на царя сильное впечатлѣніе и вернулся бы на родину съ египетскимъ флотомъ, если бы не смерть Эвергета. Его сынъ и преемникъ былъ совершенно погруженъ въ пьянство, разгулъ

и религіозныя оргіи. Настоящими правителями страны стали родственники царской любовницы, и Клеоменъ никакъ не могъ добиться вниманія къ своимъ планамъ. Однако съ нимъ еще совѣтовались о важныхъ дѣлахъ, напр., о задуманномъ умерщвленіи Маги, брата царя, очень популярнаго среди наемныхъ войскъ. Клеоменъ высказался противъ убійства и его цѣлесообразности, но неосторожно прибавилъ, что изъ наемниковъ 3000 принадлежатъ къ пелопоннесцамъ, которые готовы исполнить его приказъ въ любое время, по первому знаку. Это встревожило совѣтниковъ царя, и они рѣшили посадить льва въ клѣтку. Быть-можетъ, историкъ Филархъ, у котораго Плутархъ заимствовалъ разсказъ о трагической гибели Клеомена, еще преувеличилъ дѣйствительный контрастъ между спокойнымъ и простымъ героемъ въ его плохо замаскированномъ заключеніи и недостойнымъ молодымъ царемъ, рабомъ своихъ страстей и любимцевъ. Раньше Клеоменъ отвергъ мысль о самоубійствѣ, потому что не хотѣлъ лишать родину надеждъ; теперь съ двѣнадцатью друзьями онъ вырвался однажды изъ темницы и сталъ призывать къ свободѣ александрійскую чернь, которая едва ли и понимала смыслъ этихъ словъ и глазѣла на него какъ на опаснаго сумасшедшаго. Плутархъ говоритъ, что у нея хватило энергіи только на то, чтобы удивляться и восхвалять смѣлость Клеомена, но что никто не отважился къ нему пристать. Однако, даже и такая степень симпатіи является сомнительной. Попытка разбить тюрьму не удалась, и спартанцамъ не оставалось ничего, кромѣ почетнаго самоубійства. Птоломей могъ отомстить Клеомену только тѣмъ, что велѣлъ повѣсить его

тѣло и казнить его мать и дѣтей. Изображеніе спартанскаго изгнанника бродящимъ въ Александріи по пристани въ ожиданіи вѣстей съ родины, вмѣстѣ съ описаніемъ того страннаго случая, благодаря которому первый встрѣтившійся ему грекъ оказался лошадинымъ барышникомъ и старымъ кредиторомъ, который и передалъ придворнымъ замѣчаніе Клеомена, что царю нужны не боевые кони, а любимцы и флейтщицы, — все это представляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ страницъ у Плутарха. Монархія въ Египтѣ установилась, однако, настолько прочно, что этотъ распутный царь, котораго жизнь была сокращена пороками, а предѣлы владѣній мятежомъ, не только оставался на престолѣ въ теченіе всей жизни, но велъ успѣшную войну противъ энергичнаго соперника и передалъ свое царство малолѣтнему наслѣднику. Внутренняя политика Сосибія, перваго министра Птоломея IV, состояла въ «устраненіи» отъ престола всѣхъ людей съ вѣсомъ, между прочимъ, дяди царя, его брата, его сестры и жены, наконецъ, Клеомена. Такъ мы видимъ, что въ Египтѣ монархія прямо вырождается въ восточный деспотизмъ. Обратимся теперь къ Сиріи.

Послѣ смерти Селевка III хозяиномъ царства сталъ здѣсь его родственникъ Ахей, который и передалъ корону младшему брату покойнаго, Антіоху III, юношѣ 19 лѣтъ. Оставивъ за Ахеемъ управленіе М. Азіей, Антіохъ прежде всего обратился противъ греческихъ сатраповъ Мидіи и Персіи. Побѣдою надъ ними онъ обязанъ былъ главнымъ образомъ обаянію своего имени: повидимому въ этихъ областяхъ домъ Селевкидовъ уже пріобрѣлъ религіозную

санкцію *). Затѣмъ Антіохъ началъ большую войну въ Сиріи противъ Птоломеевъ съ цѣлью вернуть земли и крѣпости, ими захваченныя. Все это время между чинами его двора шла сильная борьба за вліяніе на молодого царя, и только съ помощью хитрости Антіохъ успѣлъ избавиться отъ своего всемогущаго визиря Германія. Заговоръ былъ устроенъ любимымъ врачомъ царя, «который воспользовался случаемъ, чтобы посовѣтовать Антіоху слѣдить внимательнѣе за честолюбивымъ Герміемъ и не медлить, иначе онъ попадетъ въ ту же ловушку, какъ и его покойный братъ: критическая минута не далеко, и царю слѣдуетъ позаботиться о спасеніи своемъ и друзей. Въ отвѣтъ на предостереженіе Антіохъ выразилъ свое недовольство Герміемъ и страхъ передъ нимъ, а также искреннюю благодарность врачу за то, что онъ объ этомъ заговорилъ. Врачъ ободрился, замѣтивъ, что онъ не ошибся насчетъ настроенія царя, и послѣдній попросилъ его отъ словъ перейти къ дѣлу. Они сговорились и составили заговоръ. Подъ предлогомъ, что царь страдаетъ головокруженіемъ, они отпустили слугъ и обычныхъ тѣлохранителей и такимъ образомъ, подъ видомъ заботы о здоровьѣ царя, получили возможность вступить въ сношенія съ избранными друзьями; тѣ изъ ненависти къ Гермію охотно приняли ихъ предложенія. Такъ все было подготовлено къ выполненію замысла. Врачи предписали Антіоху прогулки въ утренней прохладѣ, и Гермій явился въ назначенное время съ тѣми изъ придворныхъ, которые знали объ этомъ,

*) Такъ, и войска Ахея, когда онъ повелъ ихъ въ Сирію противъ Антіоха, взбунтовались, негодуя на то, что ихъ ведутъ противъ ихъ природнаго царя.

а прочіе опоздали въ виду того, что выходъ царя происходилъ совсѣмъ въ необычное время. Тогда заговорщики отвлекли Гермія отъ лагеря въ уединенное мѣсто и тамъ, когда царь на минуту отошелъ въ сторону, умертвили его. Такъ Гермій окончилъ свою жизнь, не понеся за свои злодѣянія достойнаго возмездія». (Полибій, кн. V, гл. 56).

Замѣчательно, что большинство чиновъ при дворѣ Антіоха принадлежитъ къ грекамъ: войсками командуютъ почти исключительно этоляне, критяне, ахеяне; даже войска восточныхъ сатраповъ состоятъ отчасти изъ грековъ, отчасти изъ галатовъ. Несмотря на это, нравы и обычаи оказываются варварскими и вовсе не походятъ на греческіе. Въ только что приведенномъ мѣстѣ Полибій замѣчаетъ, что Гермій, когда его убили, не понесъ достойнаго наказанія за свои злодѣянія, т. е., что онъ не былъ подвергнутъ пыткѣ. Точно такъ же мятежные сатрапы послѣ пораженія предаютъ смерти свои семьи и себя, зная, какія ихъ ожидаютъ мученія; а ихъ трупы, по приказу царя, вздергиваются на висѣлицы. То же самое находимъ мы въ замѣчательномъ разсказѣ Полибія о плѣненіи Ахея, въ то время какъ онъ пытался бѣжать изъ цитадели Сардъ, гдѣ его держалъ въ тѣсной осадѣ Антіохъ: молодой царь проводитъ ночь въ величайшемъ волненіи; наконецъ, онъ видитъ грознаго врага связаннымъ у своихъ ногъ и послѣ долгаго молчанія разражается рыданіями. Мы ожидаемъ примиренія или прощенія; на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то. На разсвѣтѣ собираются вельможи, обсуждаютъ вопросъ, какой казни подвергнуть плѣннаго, и постановляютъ сначала отрубить ему конечности, а затѣмъ зашить голову

въ мѣшокъ изъ ослиной кожи и трупъ вздернуть на висѣлицу. Повидимому, ослиная кожа возбуждала въ умѣ восточнаго человѣка мысль о чемъ-то нечистомъ. Изъ всего этого не слѣдуетъ, что Антіохъ III отличался жестокимъ характеромъ. Въ позднѣйшихъ войнахъ на Востокѣ онъ выказывалъ большое великодушіе къ побѣжденнымъ врагамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвращалъ имъ ихъ владѣнія. Единственнымъ преступленіемъ, наказывавшимся всевозможными мученіями, была измѣна, возмущеніе противъ законнаго государя. Въ этомъ тоже замѣтно сходство данной эпохи со средними вѣками, когда это преступленіе считалось самымъ ненавистнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ закону.

Третій изъ монарховъ конца III в., Филиппъ V македонскій, былъ заботливо воспитанъ своимъ предшественникомъ и, по словамъ Полибія, въ высокой степени обладалъ всѣми качествами, необходимыми для государя. Интересно знать, какія это качества и въ какомъ порядкѣ перечисляетъ ихъ Полибій. «Не легко найти, —говоритъ онъ, —царя, одареннаго отъ природы бо́льшими средствами для руководства дѣлами; онъ обладалъ остроуміемъ, отличною памятью и замѣчательною привлекательностью, кромѣ того, царственной наружностью и достоинствомъ, а самое главное—находчивостью и смѣлостью на войнѣ. Не легко объяснить въ немногихъ словахъ, какая причина взяла верхъ надъ всѣми этими достоинствами и превратила благороднаго царя въ жестокаго тиранна».

Замѣчателенъ этотъ упадокъ въ домѣ Антигонидовъ, среди которыхъ, со времени Поліоркета, мы, за однимъ исключеніемъ, постоянно встрѣчаемъ

серьезныхъ и дѣловыхъ людей. Тутъ предъ нами юноша, воспитанный въ преданіяхъ этого величія, но цѣликомъ отрекающійся отъ этихъ преданій и пользующійся своими талантами и достоинствами для наихудшихъ цѣлей. Въ двухъ отношеніяхъ, однако, его молодость отличается отъ молодости его предшественниковъ. Послѣдніе начинали свое царствованіе съ того, что завоевывали себѣ все государство и въ этихъ опасностяхъ проявляли энергичную военную дѣятельность, а Филиппъ вступилъ на престолъ любимцемъ всей Греціи. Такимъ образомъ онъ избѣжалъ суровой школы несчастія, закалившей молодость прежнихъ царей Македоніи. Далѣе, его опекунъ, Антигонъ Досонъ, былъ очевидно не теоретикомъ, а человѣкомъ практическимъ; поэтому воспитаніе своего питомца онъ поручилъ не философамъ, а политикамъ или, скорѣе, дипломатамъ, уклончивые пріемы которыхъ могли оказать на принца только вредное вліяніе. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Аратъ, безъ сомнѣнія, лучшій знатокъ всѣхъ извилинъ пелопоннесской политики; но чему могъ научить этотъ старый хитрецъ въ смыслѣ высокихъ началъ, благородныхъ чувствъ, дѣйствительнаго достоинства? Даже на войнѣ онъ старался побѣдить прежде всего при помощи хитрости. Кромѣ того, плохо, повидимому, выбраны были и тѣ сановники, которымъ Досонъ, чувствуя ослабленіе своего здоровья, поручилъ веденіе дѣлъ; они не столько старались удержать молодого царя на стезѣ добродѣтели, сколько развивали въ немъ порочныя наклонности. Всего важнѣе то, что у этихъ людей не было идеаловъ въ родѣ тѣхъ, которые воодушевляли руководителя Клеомена, фанатика

Сфера. Въ данную эпоху замѣтно какое-то недовѣріе къ высшему образованію, поддерживавшему умъ и мораль предыдущихъ поколѣній. Великіе философы уже сошли со сцены. Ихъ преемники, болѣе многочисленные, болѣе разсѣянные по свѣту, быть-можетъ, казались уже недостаточно выдающимися для того, чтобы быть наставниками царей. Во всякомъ случаѣ, теорія божественнаго права привела къ роковымъ послѣдствіямъ: какъ можно было воспитывать въ нравственныхъ началахъ человѣка, каждый капризъ котораго долженъ былъ считаться справедливымъ? Единственымъ искусствомъ, заслуживавшимъ изученія, считалась въ это время дипломатія, понимаемая какъ искусство обманывать людей, которые были уже привычны къ обману и которыхъ поэтому нельзя было поддѣть на обычныя уловки. Разсказывая объ обманахъ и измѣнахъ, постоянно тогда происходившихъ, Полибій часто замѣчаетъ, что человѣкъ, котораго считаютъ самымъ разумнымъ изъ всѣхъ существъ, на дѣлѣ — существо чрезвычайно простодушное и легковѣрное: самый горькій опытъ не помѣшаетъ ему снова довѣриться тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ онъ только что видѣлъ прибѣгающими къ измѣнѣ. Бываютъ эпохи въ исторіи, когда этотъ родъ систематическаго обмана становится высшимъ искусствомъ, когда быть политикомъ значитъ съ успѣхомъ проводить людей. Обращеніе къ высшимъ инстинктамъ человѣческой природы никогда не исчезаетъ вполнѣ; но бываютъ времена, когда господствуютъ великія идеи, и бываютъ эпохи, когда онѣ, повидимому, утрачиваютъ свою власть надъ міромъ. Къ числу послѣднихъ эпохъ относится и та, въ которую мы теперь всту-

паемъ. Съ Антигономъ Досономъ и Клеоменомъ оканчивается великій вѣкъ эллинизма.

Нельзя ли найти объясненіе для этого упадка идеаловъ и воцаренія чистаго эгоизма? Нѣкоторыя причины указать возможно, хотя ихъ и не вполнѣ достаточно для объясненія всей перемѣны. Распространеніе эллинизма по всему пространству монархіи Александра было въ сущности распространеніемъ космополитизма, греческаго языка и общаго строя обычаевъ. Всѣ новые дворы и столицы стремились къ одинаковому этикету, изяществу, блеску. Всѣ они выказывали одинаковое пристрастіе къ искусствамъ и жизненнымъ удобствамъ. Населеніе эллинистическихъ городовъ отлито по одному образцу; въ большинствѣ ихъ произошло смѣшеніе племенъ, національное чувство исчезло. То же произошло и съ войскомъ. Гіеронъ ли воевалъ на Сициліи или Антіохъ въ Бактріи,—ихъ арміи состояли все равно изъ аркадянъ, этолянъ, критянъ, галатовъ, подъ командой родосцевъ, ахеянъ, аѳинянъ, спартанцевъ. Даже консервативные спартанцы и едва ли менѣе консервативные ахеяне вели свои войны при помощи наемниковъ, которымъ давали македонское вооруженіе. Гражданское ополченіе, правда, еще существовало, и Филопеменъ именно въ это время прославился преобразованіемъ его для ахейскаго союза; но въ большинствѣ случаевъ война была просто денежнымъ вопросомъ, и всѣ войска сражались за жалованье, а не изъ патріотизма. Къ тому же противъ патріотизма давно уже возставали философы, находя его просто ограниченностью ума, ведущею ко многимъ неудобствамъ; уже давно они утверждали, что изгнаніе изъ родины не составляетъ

настоящаго наказанія. Бѣда только въ томъ, что если въ отдѣльныхъ личностяхъ патріотизмъ и можетъ быть замѣненъ болѣе широкими симпатіями, то массы людей, отказываясь отъ него, ставятъ на мѣсто его только мотивы низшаго порядка. Поэтому упадокъ патріотизма, вызванный какъ распространеніемъ эллинизма, такъ и теоріями философовъ, привелъ къ упадку «чувства» въ политикѣ, — къ ослабленію способности жертвовать собой во имя идеи; мѣсто всего этого заняли соображенія личной выгоды. Поле дипломатіи такимъ образомъ страшно расширилось. Предъ каждой осадой или битвой прежде всего старались подкупить противника, предложить наемнымъ вождямъ высшую плату. Это была самая дѣйствительная стратегія. Аратъ зналъ, — говоритъ Полибій, — когда обратился съ предложеніями къ своему старому врагу Антигону, что дружба царей опредѣляется исключительно ихъ интересами, и что отъ нихъ нельзя ожидать ни устойчивой дружбы, ни смертельной вражды. Въ самый разгаръ походовъ или осадъ между воюющими сторонами постоянно велись переговоры. Были также державы-посредницы, въ родѣ Родоса, постоянно готовыя предложить свои услуги, и дипломатическіе переговоры постоянно чередовались съ набѣгами и битвами. Какъ образчики такого рода войны я изложу по Полибію два эпизода, которые лучше всякихъ общихъ утвержденій познакомятъ читателя съ духомъ вѣка, какъ онъ отражался въ главныхъ событіяхъ. Я начну съ разсказа о переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ между Антіохомъ Великимъ и Филопаторомъ *).

*) Полибій, кн. V гл. 63 сл.

«Птоломей отличался такой слабостью характера и такъ пренебрегалъ всѣми военными приготовленіями, что ему и въ голову не приходило защищать свои права, какъ это слѣдовало, оружіемъ. Впрочемъ, тогдашніе правители государства, Агаѳоклъ и Сосибій, приняли наилучшее, при данныхъ условіяхъ, рѣшеніе. Они рѣшили заняться приготовленіями къ войнѣ, а между тѣмъ переговорами задерживать наступленіе Антіоха, стараясь утвердить его въ заранѣе составленномъ о Птоломеѣ мнѣніи,— именно, что послѣдній не рѣшится на войну, а прибѣгнетъ къ переговорамъ и къ вмѣшательству общихъ друзей, чтобы побудить Антіоха къ отказу отъ крѣпостей Келесиріи. Принявъ такое рѣшеніе и будучи назначены для веденія переговоровъ, Агаѳоклъ и Сосибій немедленно отправили посольство къ Антіоху; въ то же время они обратились къ Родосу, Византіи, Кизику, а также къ этолянамъ, съ приглашеніемъ прислать пословъ для опредѣленія условій соглашенія. Посольства прибыли и своими разъѣздами между обѣими сторонами доставили министрамъ Птоломея достаточно времени для военныхъ приготовленій. Переговоры эти министры вели постоянно въ Мемфисѣ, гдѣ они съ чрезвычайной любезностью принимали пословъ Антіоха. Между тѣмъ въ Александрію они собирали отряды наемниковъ изъ внѣегипетскихъ городовъ, гдѣ тѣ несли службу; разсылали вербовщиковъ, заготовляли продовольствіе какъ для наличныхъ, такъ и для прибывающихъ войскъ. Часто по очереди они ѣздили въ Александрію для наблюденія за тѣмъ, чтобы не оказалось недостатка въ какихъ-либо припасахъ для намѣченныхъ цѣлей. Весьма кстати министры нашли

вождей, которые еще на службѣ у царей Македоніи пріобрѣли нѣкоторую опытность въ настоящей войнѣ и полевой службѣ. Принявъ начальство надъ рекрутами, вожди эти начали пріучать ихъ не только слушаться командныхъ словъ, но и обращаться какъ слѣдуетъ съ оружіемъ. Они также созывали часто въ лагерѣ общія собранія и держали къ воинамъ рѣчи. Въ этомъ отношеніи всего полезнѣе были вожди, недавно прибывшіе изъ Греціи, еще проникнутые эллинскимъ духомъ и знакомые съ военными усовершенствованіями отдѣльныхъ государствъ, а также выдававшіеся по своему богатству и происхожденію. Вожди эти и въ частныхъ бесѣдахъ и въ общихъ рѣчахъ внушали солдатамъ рвеніе и пылъ въ виду предстоящихъ опасностей. Командованіе было распредѣлено между вождями соотвѣтственно ихъ различнымъ спеціальностямъ.

«Между тѣмъ Антіохъ занятъ былъ безуспѣшной осадою крѣпости Доры. Наступала зима, и онъ уговорился съ послами Птоломея прекратить на четыре мѣсяца враждебныя дѣйствія и обѣщалъ подружески обсудить всѣ спорные вопросы. Говорилъ онъ это, вовсе не имѣя такихъ намѣреній, а желая скорѣе вернуться домой и размѣстить свои войска на зимовку въ Селевкіи, въ виду того, что Ахей (его дядя и правитель М. Азіи) явно замышлялъ противъ него возстаніе и открыто поддерживалъ Птоломея. Прійдя къ соглашенію, Антіохъ отпустилъ пословъ въ Египетъ съ приказаніемъ освѣдомиться возможно скорѣе о намѣреніяхъ Птоломея и вернуться къ нему въ Селевкію, а самъ оставилъ гарнизоны въ крѣпостяхъ и вернулся домой. По прибытіи въ Селевкію онъ размѣстилъ

свои войска по зимнимъ квартирамъ и пересталъ заботиться объ ихъ обученіи, будучи убѣжденъ, что дѣло обойдется безъ войны: однѣми частями Келесиріи и Финикіи онъ уже завладѣлъ, а прочія надѣялся пріобрѣсти добровольно или съ помощью переговоровъ, полагая что Птоломей не рѣшится рисковать всѣмъ. Мнѣніе это раздѣляли и послы, такъ какъ Сосибій, поселившись въ Мемфисѣ, велъ съ ними дружелюбно переговоры и не допускалъ ихъ стать очевидцами приготовленій, происходившихъ въ Александріи. Притомъ же ко времени прибытія пословъ Сосибій уже приготовился ко всему.

«Между тѣмъ Антіохъ старался изо всѣхъ силъ, какъ прежде на войнѣ, такъ теперь въ переговорахъ, взять верхъ надъ правительствомъ Египта. Поэтому, когда послы прибыли въ Селевкію и, согласно инструкціямъ Сосибія, вступили въ переговоры о частностяхъ соглашенія, то царь отказался придавать значеніе недавней потерѣ Птоломея и обидѣ, явно нанесенной ему занятіемъ крѣпостей Келесиріи; онъ даже не считалъ это за обиду, такъ какъ города эти принадлежали ему по праву. Онъ утверждалъ, что первоначальное занятіе страны старшимъ Антигономъ и управленіе Селевка I создали несомнѣнное и безспорное право, въ силу котораго Келесирія должна принадлежать ему, а не Птоломею; вѣдь и Птоломей I воевалъ съ Антигономъ изъ-за подчиненія этой страны не себѣ, а Селевку. Но всего болѣе ссылался онъ на общее соглашеніе царей Кассандра, Селевка и Лисимаха послѣ побѣды надъ Антигономъ, по которому вся Сирія отдана была Селевку. Напротивъ, послы Птоломея преувеличивали размѣры обиды, нанесенной ихъ царю,

приравнивая нашествіе Антіоха къ нарушенію договора; ссылались они также на то, что крѣпостями этими владѣлъ еще Птоломей, помогавшій Селевку въ войнѣ съ цѣлью доставить ему власть надъ всей Азіей, а себѣ пріобрѣсти Финикію. Таковы были во время переговоровъ доводы обѣихъ сторонъ, но результатовъ отъ этого вообще никакихъ не получалось, такъ какъ споръ вели общіе друзья, и не было тутъ человѣка, который могъ бы дать отпоръ требованіямъ стороны, казавшейся неправою. Особенныя трудности представлялъ вопросъ объ Ахеѣ: Птоломей старался включить его въ договоръ, а Антіохъ не допускалъ и рѣчи объ этомъ, негодуя на то, что Птоломей осмѣливается защищать мятежниковъ и упоминать о чемъ-либо подобномъ. Наконецъ обѣ стороны утомились безплодными переговорами; приближалась весна, и Антіохъ сталъ собирать войска, намѣреваясь сдѣлать нападеніе и на сушѣ и на морѣ и докончить покореніе Келесиріи».

Полибій вообще не отличается повѣствовательнымъ талантомъ; зато разсказъ его всегда поучителенъ, а иногда, когда ему приходится излагать въ связи подробности крупнаго событія, онъ даже становится живописнымъ. Изъ такихъ эпизодовъ, быть-можетъ, наиболѣе замѣчательный — разсказъ о плѣненіи Ахея *). «По происхожденію Болидъ былъ критяниъ; долгое время онъ занималъ видное мѣсто въ египетскомъ войскѣ и считался человѣкомъ смѣтливымъ, смѣлымъ и опытнымъ въ военномъ дѣлѣ. Въ частныхъ бесѣдахъ Сосибій увѣрился въ его вѣрности, расположеніи и рвеніи и тогда сообщилъ ему

*) Кн. VIII, гл. 17 сл.

о предстоящемъ порученіи. Онъ сказалъ Болиду, что при данныхъ условіяхъ онъ не можетъ ничѣмъ такъ угодить царю, какъ придумавши средства къ спасенію Ахея (осажденнаго Антіохомъ въ цитадели Сардъ). Болидъ выслушалъ его и, сказавъ, что подумаетъ объ этомъ, удалился. Поразмысливъ, онъ черезъ два или три дня явился къ Сосибію и сказалъ, что берется за дѣло; оказалось, что онъ долгое время жилъ въ Сардахъ, былъ знакомъ съ ихъ топографіей, и что вождь служившихъ въ войскѣ Антіоха критянъ, Камбилъ, приходился ему не только землякомъ, но даже родичемъ и другомъ. Случилось также, что Камбилу и подчиненнымъ ему критянамъ довѣрены были посты, находившіеся позади кремля, гдѣ мѣстность не допускала осадныхъ работъ, и гдѣ поэтому критяне держали постоянные караулы. Эти указанія убѣдили Сосибія въ томъ, что Ахея или вовсе нельзя спасти отъ грозящей ему бѣды, или, если есть вообще возможность, то никто другой не можетъ сдѣлать это лучше Болида. Сюда присоединилось рвеніе послѣдняго, и дѣло быстро двинулось впередъ. Сосибій далъ деньги, нужныя для выполненія плана, и, въ случаѣ удачи, обѣщалъ много прибавить. Въ то же время онъ внушилъ Болиду великія надежды на милости царя и спасеннаго имъ Ахея. Болидъ немедленно отплылъ, взявъ съ собою шифрованныя письма и кредитивы къ Никомаху на Родосѣ и Меланкомѣ въ Эфесѣ, чрезъ посредство которыхъ Ахей и раньше велъ свои внѣшнія сношенія.

«По прибытіи на Родосъ, а затѣмъ въ Эфесъ, Болидъ вступилъ въ переговоры съ Никомахомъ и Меланкомой и убѣдился въ ихъ готовности помогать

исполненію плана. Затѣмъ онъ отправилъ къ Камбилу одного изъ своихъ подчиненныхъ, Аріана, съ извѣстіемъ о томъ, что онъ посланъ изъ Александріи для набора солдатъ и желаетъ переговорить съ Камбиломъ о важныхъ дѣлахъ; пусть поэтому послѣдній назначитъ время и мѣсто, гдѣ они могутъ встрѣтиться безъ вѣдома кого-либо. Камбилъ принялъ предложеніе и назначилъ время и мѣсто, извѣстное обоимъ, гдѣ они должны были сойтись ночью. Хитрый, какъ всѣ критяне, Болидъ взвѣсилъ всѣ условія, обсудилъ всѣ возможности. Наконецъ, придя по уговору на свиданіе съ Камбиломъ, онъ передалъ ему письмо, которое и сдѣлалось для нихъ предметомъ чисто критскаго обсужденія: они разсматривали не средства къ спасенію погибающаго, не свои обязанности относительно давшихъ имъ порученіе, а единственно вопросъ о своей безопасности и выгодѣ. Такъ какъ оба они были критяне, то скоро пришли къ соглашенію, —во-первыхъ, раздѣлить между собою выданные Сосибіемъ десять талантовъ, а во-вторыхъ, открыть планъ Антіоху и предложить ему, что они выдадутъ ему Ахея, если получатъ деньги и обѣщанія, соотвѣтствующія такой услугѣ. Принявъ это рѣшеніе, они уговорились, что Камбилъ возьметъ на себя переговоры съ Антіохомъ, а Болидъ чрезъ нѣсколько дней пошлетъ къ Ахею Аріана съ шифрованными письмами Никомаха и Меланкомы. Забота о безопасномъ подъемѣ и спускѣ Аріана была поручена Камбилу. Если Ахей приметъ предложеніе и пошлетъ отвѣтъ своимъ агентамъ, то Болидъ обѣщалъ взяться за дѣло и сообщить объ этомъ Камбилу. Распредѣливъ между собою такимъ образомъ роли, они разстались, и

каждый принялся за выполненіе своей задачи. При первомъ случаѣ Камбилъ обратился съ предложеніемъ къ царю; оно и обрадовало его и поразило неожиданностью. Обрадовавшись, онъ обѣщалъ все, чего у него просили, а затѣмъ сталъ съ сомнѣніемъ разспрашивать Камбила о подробностяхъ ихъ плана и о средствахъ къ выполненію его. Послѣ допроса онъ успокоился и, въ увѣренности, что предпріятіе находится подъ особеннымъ покровительствомъ божества, сталъ упрашивать Камбила довести дѣло до конца. Такъ же поступилъ и Болидъ съ Никомахомъ и Меланкомой. Они нисколько не сомнѣвались въ искренности его рвенія и тотчасъ написали Ахею шифрованныя письма, убѣждая его положиться на Болида и Камбила. Письма эти передалъ ему Аріанъ, при помощи Камбила поднявшійся въ акрополь. Такъ какъ онъ съ самаго начала принималъ участіе въ переговорахъ, то и могъ дать точные отвѣты на всѣ вопросы, предлагавшіеся ему Ахеемъ, особенно касательно участія въ дѣлѣ Камбила. Аріанъ добросовѣстно выдержалъ допросъ, тѣмъ болѣе, что ему не была извѣстна самая суть соглашенія Болида и Камбила. Отвѣты Аріана, а еще болѣе письма Никомаха и Меланкомы убѣдили Ахея; онъ написалъ на нихъ отвѣтъ и тотчасъ отослалъ Аріана назадъ. Письма пересылались такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, Ахей сообщилъ Никомаху, что ему не остается никакой надежды на спасеніе, и просилъ его прислать съ Аріаномъ въ темную ночь Болида, обѣщая довѣриться имъ.

«Прочитавъ письмо, доставленное Аріаномъ, Меланкома обратился къ Болиду съ увѣщаніями, обѣщалъ ему большую награду, если онъ выполнитъ

свой планъ и отправилъ его въ Сарды. Болидъ послалъ Аріана впередъ извѣстить Камбила о своемъ прибытіи и явился ночью на условленное мѣсто. Они провели вмѣстѣ цѣлый день, условливаясь о частностяхъ выполненія плана, и затѣмъ ночью отправились въ лагерь. Они условились такъ: если Ахей выйдетъ изъ акрополя одинъ или вдвоемъ, въ сопровожденіи Болида и Аріана, то его совсѣмъ нечего опасаться и легко захватить, засѣвши въ засаду; если же онъ пойдетъ съ нѣсколькими людьми, то овладѣть имъ будетъ не легко, особенно, если стараться захватить его живьемъ, что было бы всего пріятнѣе для Антіоха. Въ этомъ случаѣ, при спускѣ Ахея, впереди долженъ былъ итти Аріанъ, знакомый съ тропинкой, по которой ему часто приходилось подниматься и спускаться; Болидъ долженъ былъ итти сзади и, прійдя на то мѣсто, гдѣ Камбилъ поставитъ засаду, схватить Ахея, чтобы помѣшать ему ночью и среди суматохи скрыться въ лѣсистой мѣстности или въ отчаяньи броситься съ какого-нибудь утеса. Въ ночь прибытія Болида въ лагерь Камбилъ повелъ сообщника на тайное свиданіе съ Антіохомъ. Царь принялъ ихъ привѣтливо, подтвердилъ свои обѣщанія и долго убѣждалъ ихъ не медлить исполненіемъ обѣщаннаго. Затѣмъ они вернулись въ свой лагерь, а подъ утро Болидъ въ сопровожденіи Аріана поднялся на гору и еще до зари проникъ въ акрополь

«Ахей принялъ Болида внимательно и привѣтливо и долго разспрашивалъ его о всѣхъ частностяхъ. По наружности и разговору Болидъ казался ему человѣкомъ пригоднымъ для серьезнаго дѣла. Съ одной стороны, его радовала надежда на спасеніе, съ

другой—тревожилъ большой рискъ. Не уступая нико-му въ разсудительности и обладая большимъ опытомъ въ дѣлахъ, Ахей все же рѣшилъ не полагаться вполнѣ на вѣрность Болида и поэтому объявилъ ему, что въ настоящую минуту онъ не можетъ покинуть акрополя и пошлетъ съ нимъ трехъ или четырехъ друзей; когда они переговорятъ съ Меланкомой, тогда и онъ согласится на отъѣздъ. Такимъ образомъ Ахей со своей стороны сдѣлалъ все возможное для своей безопасности; но онъ не зналъ, что по пословицѣ онъ хотѣлъ провести плута-критянина. Болидъ заранѣе предусмотрѣлъ всѣ возможности. Въ ночь, назначенную для отправленія друзей, Ахей послалъ Аріана и Болида къ выходу изъ акрополя съ приказаніемъ подождать тамъ прибытія спутниковъ. Нѣкоторое время Ахею пришлось потратить на то, чтобы успокоить и ободрить свою жену Лаодику, которая была поражена сообщеннымъ ей въ самую послѣднюю минуту извѣстіемъ объ отъѣздѣ мужа. Затѣмъ онъ отправился съ четырьмя спутниками, одѣтыми въ обыкновеннное платье; самъ онъ надѣлъ простую одежду и старался разыгрывать простеца. Одному изъ друзей онъ поручилъ отвѣчать на вопросы Аріана и, въ случаѣ надобности, спрашивать его, а объ остальныхъ сказать, что они по-гречески не понимаютъ.

«Подошли они къ Аріану, и онъ пошелъ впереди, а Болидъ по условію послѣднимъ. Оборотъ дѣла привелъ его въ большое затрудненіе. Хотя, какъ критянинъ, онъ и относился ко всему подозрительно, но мракъ не позволялъ ему узнать, который изъ пяти Ахей и находится ли онъ среди нихъ вообще. Спускъ былъ большею частію крутой и

трудный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были скользкіе и опасные обрывы. Въ такихъ мѣстахъ одни изъ спутниковъ помогали Ахею спускаться, другіе—подниматься, такъ какъ не умѣли въ данномъ случаѣ скрыть привычнаго почтенія къ нему. По этому Болидъ скоро сообразилъ, кто изъ нихъ Ахей. По прибытіи на назначенное мѣсто Болидъ свистомъ подалъ условленный знакъ. Спутниковъ схватили люди, выскочившіе изъ засады, а самъ Болидъ обхватилъ руками Ахея, опасаясь, что онъ пойметъ, что дѣлается, и умертвитъ себя, такъ какъ у него былъ съ собою мечъ. Враги тотчасъ окружили его со всѣхъ сторонъ, завладѣли имъ и повели его вмѣстѣ съ друзьями къ Антіоху. Царь давно уже съ безпокойствомъ ожидалъ результата; онъ отпустилъ своихъ приближенныхъ и остался бодрствовать въ шатрѣ одинъ съ двумя - тремя тѣлохранителями. Когда вошелъ Камбилъ со своими людьми и когда они положили на землю связаннаго Ахея, неожиданное зрѣлище такъ поразило царя, что онъ долгое время не могъ сказать ни слова; наконецъ, охватившее его волненіе нашло себѣ выходъ въ слезахъ. Волненіе это, безъ сомнѣнія, вызвано было зрѣлищемъ того, какъ судьба издѣвается надъ всѣми предосторожностями и расчетами людей. Связанный сидѣлъ на землѣ во власти враговъ членъ царскаго рода, который еще недавно властвовалъ надъ всею Азіей къ западу отъ Тавра, котораго и свое и непріятельское войско все еще считало обладателемъ сильнѣйшей въ мірѣ крѣпости,—и никто, кромѣ участниковъ, не зналъ въ точности, какъ все это случилось. Когда на разсвѣтѣ друзья царя по обыкновенію собрались въ его палатку и увидѣли это

странное зрѣлище, они были поражены почти такъ же, какъ царь: удивляясь происшедшему, они не вѣрили своимъ глазамъ» *).

«Такъ — заключаетъ Полибій, — окончилъ свою жизнь Ахей; онъ принялъ всѣ разумныя предосторожности, но его погубило вѣроломство тѣхъ, кому онъ довѣрился».

Приведенный разсказъ показываетъ ясно, съ какою безсовѣстностью вели тогда войну. Любопытны размышленія объ этомъ Полибія. «Заслуживаютъ порицанія,—говоритъ онъ (VIII, 2)—тѣ, кто безразсудно предаетъ себя въ руки враговъ, а не люди, принявшіе всѣ возможныя предосторожности. Невозможно совсѣмъ не довѣрять никому; но если мы потребуемъ возможныхъ гарантій и поступимъ разсудительно, то насъ нельзя будетъ порицать. Возможными ручательствами служатъ клятвы, взятіе дѣтей и женъ въ заложники, но всего болѣе прежнія отношенія сторонъ. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ долженъ искать такихъ гарантій, чтобы лицо, давшее ихъ, не могло ихъ нарушить. Но такъ какъ добиться такихъ ручательствъ рѣдко возможно, то мы должны на случай обмана обезпечить себѣ по крайней мѣрѣ симпатію человѣчества, а не утрачивать права на нее, какъ это бываетъ большею частью. Самымъ яснымъ и близкимъ примѣромъ служитъ здѣсь гибель Ахея; для своей безопасности онъ принялъ всѣ возможныя предосторожности, предусмотрѣлъ все возможное для человѣческой мудрости и тѣмъ не менѣе попалъ въ руки своихъ враговъ. Поэтому его несчастіе возбуждаетъ жалость

*) О казни Ахея см. выше стран. 439—40.

и состраданіе и вызываетъ строгое осужденіе виновниковъ его погибели».

Въ разсказѣ объ Антіохѣ я упоминалъ уже, что смертная казнь обыкновенно постигала только людей, виновныхъ въ государственной измѣнѣ, но подробности касательно войнъ, веденныхъ въ то же время Филиппомъ въ Греціи, а затѣмъ въ Малой Азіи, указываютъ на общее ухудшеніе военныхъ нравовъ. Я приписываю это постоянному пользованію неэллинскими наемниками, ѳракійцами и галатами, которымъ слишкомъ часто подражали болѣе грубые изъ грековъ,—этоляне и критяне. Однако мы не встрѣчаемъ уже тѣхъ массовыхъ избіеній враговъ послѣ побѣды, которыя поражаютъ насъ въ борьбѣ Аѳинъ и Спарты. Эта перемѣна объясняется, очевидно, новымъ характеромъ войскъ. Граждане, взятые въ плѣнъ непріятелемъ, были для него непримиримыми врагами, истребленіе которыхъ ослабляло противника. Теперь плѣнниками являются наемники, готовые служить всякому, кто имъ можетъ платить, и вовсе не склонные вести кровопролитную войну. Однакоже, когда дѣло доходило до грабежа и опустошенія земель непріятеля, то эти же самые наемники, не имѣвшіе своей земли, на которую могло бы обрушиться отомщеніе, естественно, оказывались гораздо болѣе жестокими, чѣмъ старое гражданское ополченіе. Такъ, галаты безъ всякаго колебанія жгли храмы, опустошали священныя рощи и прекрасные сады, даже расхищали гробницы прежнихъ царей, похороненныхъ съ ихъ сокровищами. Впервые такъ было поступлено съ гробницами царей Македоніи въ Эгахъ, которыя были расхищены галатами, служившими Пирру, за что его

сильно порицали. Въ войнахъ, описываемыхъ Полибіемъ, мы находимъ много случаевъ святотатственнаго сожженія храмовъ, разрушенія изящныхъ зданій и произведеній искусства; оказывается, что даже грубые этолійскіе наемники искали во взятомъ городѣ не столько денегъ, сколько сокровищъ такого рода. Такимъ путемъ они придали большой блескъ своей столицѣ Терму; но когда она была взята и разорена быстрымъ набѣгомъ Филиппа V, то имъ отплатили тою же монетой. Въ позднѣйшіе годы самъ Филиппъ, «превратившись въ свирѣпаго тиранна», часто сталъ нарушать общепринятые законы войны, разрушая безразсудно и безбожно украшенія непріятельскихъ городовъ безъ всякой нужды для разрѣшенія спора. Такъ онъ разорилъ навсегда прекрасныя предмѣстья Аѳинъ, заключавшія сады философовъ, срубивъ деревья, низвергнувъ и разбивъ статуи, сжегши колоннады и совершивъ другія безцѣльныя варварства. Такъ же поступилъ онъ и съ предмѣстьями Пергама, и это грубое поведеніе указываетъ на упадокъ эллинизма въ этомъ поколѣніи. Быть-можетъ, къ этому періоду мы должны отнести и разграбленіе древнихъ гробницъ Орхомена и Микенъ, которыя нѣкогда навѣрное были полны сокровищъ, но при раскопкахъ Шлимана почти всѣ оказались пустыми. Что начали безбожные галаты, не понесшіе за то явнаго наказанія ни отъ боговъ ни отъ героевъ, тому скоро стали подражать прочіе наемники.

Въ другихъ отношеніяхъ начало царствованія Филиппа представляетъ много чертъ сходства съ правленіемъ его современниковъ—Антіоха III и Пто-

ломея IV. Очевидно, вездѣ шла одна и та же придворная жизнь и царилъ тотъ же этикетъ, столь опасный для государей, такъ какъ онъ предаетъ ихъ въ руки самыхъ безсовѣстныхъ изъ ихъ любимцевъ. Какъ у Антіоха былъ свой визирь Гермій, которому удалось прибрать къ рукамъ всю власть, пока не низвергъ его заговоръ прочихъ придворныхъ; какъ у Птоломея былъ свой Сосибій, во все его царствованіе бывшій настоящимъ царемъ Египта: такъ среди совѣтниковъ Филиппа былъ Апеллесъ, человѣкъ способный, стремившійся занимать первое мѣсто и руководить молодымъ царемъ. Для достиженія своей цѣли онъ прибѣгъ къ обычной системѣ интригъ, однихъ придворныхъ привлекши на свою сторону, другихъ отдаливъ отъ двора. Этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ такое вліяніе, что расположенія его заискивали всѣ сановники и придворные Филиппа. Случилось Апеллесу побывать въ Халкидѣ, гдѣ онъ больше чѣмъ слѣдовало выставлялъ свое вліяніе: говорилъ, что царь молодъ, вполнѣ подчиняется ему, власти самъ ни въ чемъ не имѣетъ, — и приписывалъ себѣ всю власть въ управленіи дѣлами. На этомъ основаніи правители областей стали обращаться прямо къ нему, а города Греціи въ своихъ постановленіяхъ и подношеніяхъ только кратко упоминали о царѣ, главное вниманіе обращая на Апеллеса. Филиппъ давно уже былъ этимъ недоволенъ, тѣмъ болѣе, что близко стоявшій къ нему Аратъ искусно разжигалъ его недовольство; но пока онъ терпѣлъ еще и скрывалъ отъ всѣхъ свои чувства. «И вотъ, когда Апеллесъ прибылъ въ Коринѳъ, то его друзья, бывшіе вождями пелтастовъ и другихъ важнѣйшихъ полковъ, выказали большое усердіе и

уговаривали юношей итти ему торжественно на встрѣчу. Вслѣдствіе участія множества начальниковъ и воиновъ встрѣча пріобрѣла характеръ торжества, и Апеллесъ прямо съ дороги направился ко дворцу. Но когда онъ хотѣлъ по старой привычкѣ войти въ него, то одинъ изъ жезлоносцевъ (камергеровъ) остановилъ его, сказавши, что царю неудобно его принять. Удивленный и смущенный Апеллесъ долго стоялъ на мѣстѣ, а затѣмъ повернулся и ушелъ; всѣ его спутники тотчасъ безъ стѣсненія покинули его, такъ что онъ пришелъ на квартиру въ сопровожденіи однихъ только рабовъ. Не много нужно времени, чтобы возвысить или унизить человѣка, особенно при дворѣ. Въ самомъ дѣлѣ, придворные напоминаютъ кости на счетной доскѣ: какъ кости по желанію счетчика считаются то за копейку, то за талантъ, такъ и придворные по мановенію царя становятся то счастливцами, то несчастными» *). Такимъ образомъ при дворѣ Филиппа мы встрѣчаемъ всѣ тонкости придворной интриги, въ виду которыхъ лучшимъ и самымъ порядочнымъ совѣтникомъ царя приходится считать такого мастера въ интригантствѣ, какимъ былъ Аратъ.

Итакъ мы не должны удивляться извращенію эллинизма въ Греціи. Ахейцы, этоляне, Филиппъ съ ихъ союзниками были впутаны въ безцѣльныя и постоянно возобновлявшіяся распри; никто изъ главныхъ дѣятелей или государствъ и не подозрѣвалъ, повидимому, настоящей опасности, пока безвѣстный этолянинъ Агелай въ замѣчательной рѣчи, произ-

*) Полибій V, 26.

несенной на мирномъ конгрессѣ въ Навпактѣ (217 г.), не указалъ на безразсудство этихъ мелкихъ войнъ и на настоятельную необходимость объединенія эллинизма въ виду приближающагося кризиса—тучи съ запада, которая можетъ скоро разразиться бурей. Полибій и указываетъ на то, что съ этого момента впервые политика Востока и Запада пришла въ соприкосновеніе, и что съ этихъ поръ города Греціи и Македоніи стали заключать миръ или начинать войну, сообразуясь съ событіями въ Италіи. Ихъ примѣру скоро послѣдовали островитяне и греки М. Азіи, и тѣ изъ нихъ, которые ссорились съ Атталомъ, стали обращаться уже не къ Антіоху и Птоломею, но одни—къ карѳагенянамъ, а другіе—къ римлянамъ. Суетливый и честолюбивый характеръ Филиппа, подстрекаемаго безсовѣстнымъ авантюристомъ Дмитріемъ фаросскимъ, могъ скорѣе ускорить ходъ событій, чѣмъ подготовить упорную защиту. Перейдя рѣшительно на сторону Аннибала, онъ, послѣ долгихъ колебаній, заключилъ съ Карѳагеномъ знаменитый договоръ, навлекшій на него мщеніе великой республики. Договоръ замѣчателенъ торжественностью религіозныхъ гарантій, странно звучащихъ въ устахъ царя, адмиралы котораго всюду воздвигали алтари безбожію и неправдѣ и нагло нарушали всѣ религіозныя обязанности. Настоящее столкновеніе, дѣйствительно, было отсрочено второю пуническою войною. Римляне могли сдерживать Македонію, только побудивъ этолянъ къ войнѣ съ Филиппомъ и поддерживая ихъ флотомъ, вызвавшимъ въ греческихъ водахъ большую панику и проявившимъ поразительно грубую кровожадность. Но нужно быть снисходительнымъ къ

народу, который ведетъ борьбу за существованіе и въ это время безъ всякого основанія подвергается нападенію державы, въ спорѣ прямо не заинтересованной.

Всѣ эти событія сильно содѣйствовали упадку Греціи. Трудно было обезпечить мирную жизнь и довольство тамъ, гдѣ происходили постоянные набѣги и перевороты. Это замѣтно на литературѣ и искусствѣ. Аѳины этой эпохи поражаютъ насъ своимъ ничтожествомъ, Спарта приводитъ въ уныніе своимъ упадкомъ. Политику Македоніи, нѣкогда настойчивую и энергичную, теперь направляетъ человѣкъ, пользующійся своими крупными талантами главнымъ образомъ для удовлетворенія своихъ страстей. На словахъ тутъ была большая свобода, а на дѣлѣ началась новая эпоха деспотизма.

Для ознакомленія съ жизнью Александріи въ концѣ III в. весьма интересенъ излагаемый ниже разсказъ Полибія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ пятилѣтняго Птоломея V *). «Чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти царя его министры, Агаѳоклъ и Сосибій, велѣли соорудить подмостки на обширнѣйшемъ дворѣ дворца и созвали на сходку пѣшихъ гвардейцевъ и придворныхъ, а также офицеровъ пѣхоты и конницы. Затѣмъ министры взошли на подмостки, объявили о смерти царя и царицы и установили для народа обычный срокъ траура. Потомъ они возложили на голову малолѣтняго Птоломея діадему, провозгласили его царемъ и прочли поддѣльное завѣщаніе, которымъ скончавшійся царь назначалъ Агаѳокла

*) XV, 26 сл.

и Сосибія опекунами сына. Наконецъ, они обратились къ офицерамъ съ увѣщаніемъ быть вѣрными ребенку и защищать его права. Вслѣдъ за тѣмъ они принесли двѣ серебряныя урны, заключавшія, по ихъ словамъ, прахъ царя и царицы Арсинои, и приступили къ совершенію погребальныхъ обрядовъ.

Первою мѣрою Агаѳокла послѣ помѣщенія урнъ въ царскихъ гробницахъ и снятія траура была выдача арміи двухмѣсячнаго жалованья, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что лучшимъ средствомъ къ устраненію недовольства солдатъ служитъ доставленіе имъ матеріальныхъ выгодъ. Затѣмъ онъ велѣлъ принести присягу, обычную при провозглашеніи новаго царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ мѣры къ высылкѣ изъ страны всѣхъ тѣхъ, кто могъ оказаться для него опаснымъ. Между прочимъ этолійца Скопада онъ послалъ въ Грецію набирать чужеземныхъ наемниковъ, давши ему много золота для уплаты жалованья. При этомъ онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: во-первыхъ, воспользоваться вновь набранными наемниками для войны съ Антіохомъ, и во-вторыхъ, избавиться отъ прежнихъ наемныхъ войскъ, разставивши ихъ гарнизонами по разнымъ укрѣпленіямъ и городамъ, а новыми наемниками воспользоваться для пополненія гвардейскихъ полковъ и для занятія постовъ вокругъ самаго дворца и въ другихъ частяхъ города. Агаѳоклъ полагалъ, что люди, имъ принятые на службу и отъ него получающіе жалованье, не будутъ сочувствовать старымъ наемникамъ, съ которыми они совсѣмъ не будутъ знакомы, но, возлагая на него всѣ свои надежды, готовы будутъ содѣйствовать ему и исполнять его приказы...

Избавившись такимъ образомъ отъ опасныхъ людей и до извѣстной степени успокоивъ неудовольствіе солдатъ выдачей жалованья, Агаѳоклъ немедленно вернулся къ своему прежнему образу жизни. Окруживъ себя толпою друзей, выбранныхъ изъ числа самыхъ распутныхъ и безстыдныхъ приближенныхъ или слугъ, онъ большую часть дня и ночи посвящалъ пьянству и всѣмъ излишествамъ, его сопровождающимъ. При этомъ онъ не щадилъ ни матронъ, ни невѣстъ, ни дѣвицъ, сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ хвастовствомъ. Это вызвало всеобщее раздраженіе; надежда на улучшеніе положенія или на защиту отъ насилія, наглости и распутства двора, съ каждымъ днемъ усиливавшихся, становилась все слабѣе, и потому старая ненависть народа разгоралась еще сильнѣе, и всѣ начали вспоминать тѣ бѣды, которыми царство уже обязано было этимъ самымъ людямъ. Народъ оставался спокойнымъ только потому, что не находилъ человѣка, способнаго стать его руководителемъ. Одна оставалась надежда—на Тлеполема.

Послѣдній при жизни покойнаго царя жилъ въ удаленіи, но по смерти его тотчасъ привлекъ на свою сторону простыхъ солдатъ и сдѣлался снова правителемъ Пелусія. Сначала онъ дѣйствовалъ вполнѣ въ интересахъ царя, ожидая, что для надзора за ребенкомъ и для руководства управленіемъ будетъ образовано нѣчто въ родѣ регентства. Но когда онъ увидѣлъ, что всѣ люди пригодные для этого устранены и что Агаѳоклъ смѣло присвоиваетъ себѣ высшую власть, то, опасаясь его ненависти, онъ тотчасъ измѣнилъ свое поведеніе. Чтобы не стать для врага легкой добычей, онъ началъ соби-

рать войска и копить деньги. Въ то же время онъ разсчитывалъ на переходъ къ нему опеки надъ молодымъ царемъ и власти надъ государствомъ, такъ какъ считалъ себя для этого гораздо болѣе пригоднымъ, чѣмъ Агаѳокла, и такъ какъ зналъ, что его войско и войска въ Александріи ожидаютъ отъ него прекращенія позорной дѣятельности министра. Въ виду этого Тлеполемъ скоро раздулъ вражду, тѣмъ болѣе, что этому помогали приверженцы обѣихъ сторонъ. Желая привлечь къ себѣ начальниковъ дивизій и командировъ полковъ, онъ часто приглашалъ ихъ на пирушки и тутъ, отчасти увлекаясь лестью гостей, отчасти по собственному побужденію,—онъ былъ молодъ, а бесѣда шла за виномъ,—онъ дѣлалъ насмѣшливыя замѣчанія насчетъ семейства Агаѳокла. Сначала это были скрытыя насмѣшки въ видѣ загадокъ, потомъ просто двусмысленности и, наконецъ, явныя поношенія. Гости жадно слушали ихъ и прибавляли съ своей стороны. Скоро это дошло до ушей Агаѳокла; въ виду явнаго разрыва онъ тотчасъ сталъ обвинять Тлеполема въ измѣнѣ царю, въ приглашеніи Антіоха съ цѣлью передать ему управленіе. Онъ приводилъ много доказательствъ этого, ссылаясь на факты, частью извращенные, а частью и прямо вымышленные. Поступая такъ, онъ разсчитывалъ возбудить противъ Тлеполема ярость простого народа, но результатъ получился обратный: народъ давно возлагалъ надежды на Тлеполема и только радовался проявленію вражды между ними *).

Первымъ шагомъ Агаѳокла было созвать на сход-

*) Здѣсь, къ сожалѣнію, въ разсказѣ Полибія слѣдуетъ пропускъ.

ку македонскихъ тѣлохранителей. Онъ явился въ собраніе въ сопровожденіи юнаго царя и своей сестры. Сначала онъ показывалъ видъ, что слезы мѣшаютъ ему говорить; но, отерши нѣсколько разъ глаза плащомъ, онъ, наконецъ, овладѣлъ своимъ волненіемъ и, взявши юнаго царя на руки, сказалъ слѣдующее: «Возьмите этого ребенка, котораго его отецъ на смертномъ одрѣ отдалъ на руки этой женщины (указывая на свою сестру) и ввѣрилъ вашей вѣрности, македоняне! Привязанность женщины мало можетъ обезпечить ребенку безопасность; она зависитъ теперь отъ васъ; судьба его въ вашихъ рукахъ. Для тѣхъ, у кого есть глаза, давно уже было очевидно, что Тлеполемъ стремится къ чему-то болѣе высокому, а теперь онъ назначилъ день и часъ, когда думаетъ надѣть на себя корону. Не полагайтесь въ этомъ на мои слова; обратитесь къ тѣмъ, кто знаетъ всю правду и только что прибылъ съ мѣста его измѣны». Съ этими словами онъ вывелъ Критолая, который и объявилъ, что видѣлъ своими глазами воздвигнутые алтари и жертвы, приготовленные солдатами для обряда коронованія.

Выслушавъ все это, македонскіе гвардейцы вовсе не тронулись обращеніемъ Агаѳокла, напротивъ: выразили свое презрѣніе громкимъ ропотомъ и прогнали такимъ градомъ насмѣшекъ, что онъ не помнилъ, какъ ему удалось уйти изъ собранія. Подобныя же сцены произошли и въ другихъ корпусахъ войска на ихъ собраніяхъ. Между тѣмъ въ Александрію прибывали большіе отряды съ южныхъ стоянокъ, убѣждая земляковъ и друзей поддержать движеніе и не подчиняться необуздан-

ной тираннiи такихъ негодяевъ. Но что особенно возбудило народъ противъ правительства, — это извѣстiе, что отъ Тлеполема зависитъ всякiй подвозъ въ Александрiю и что онъ можетъ довести ее до голода.

Одинъ поступокъ самого Агаѳокла еще болѣе усилилъ недовольство массы и Тлеполема: онъ велѣлъ взять изъ храма Деметры тещу послѣдняго, провести ее безъ покрывала по городу и бросить въ темницу. Поступая такъ, Агаѳоклъ хотѣлъ выказать свою вражду къ Тлеполему, но это только развязало языки народу, который пересталъ уже ограничиваться тайнымъ ропотомъ: одни писали ночью на городскихъ стѣнахъ насмѣшливыя замѣчанiя, другiе собирались кучками днемъ и открыто выражали свою ненависть къ правительству.

Видя, что дѣлается, и опасаясь еще худшаго, Агаѳоклъ задумалъ сначала спастись тайнымъ бѣгствомъ; но такъ какъ для этого у него, благодаря его собственной непредусмотрительности, ничего не было приготовлено, то ему пришлось отъ этой мысли отказаться. Затѣмъ онъ принялся составлять списокъ лицъ, могшихъ содѣйствовать ему въ смѣломъ переворотѣ, посредствомъ котораго онъ разсчитывалъ захватить или перебить своихъ враговъ и потомъ захватить въ свои руки высшую власть. Занятый обдумыванiемъ этихъ плановъ, онъ получилъ извѣстiе, что Мерагенъ, одинъ изъ тѣлохранителей, содѣйствуетъ Тлеполему, выдавая ему всѣ дворцовыя тайны. Агаѳоклъ немедленно приказалъ своему секретарю Никострату арестовать Мерагена и добиться отъ него признанiй при помощи пытокъ.

Мерагена тотчасъ арестовали, отвели въ уединенные покои дворца и подвергли прямо допросу относительно взведенныхъ на него обвиненій. Онъ отказался отвѣчать; тогда его раздѣли, и одни изъ палачей стали готовить свои снаряды, а другіе съ бичами въ рукахъ снимали съ себя верхнюю одежду. Въ это самое время прибѣжалъ слуга и, пошептавъ что-то на ухо Никострату, снова убѣжалъ. Никостратъ тотчасъ послѣдовалъ за нимъ, не сказавъ ни слова и все хлопая себя по бедру. Положеніе Мерагена оказалось чрезвычайно страннымъ: около него стояли палачи съ поднятыми бичами, тогда какъ другіе у ногъ его раскладывали орудія пытки; по уходѣ Никострата они молча и недоумѣвая смотрѣли другъ на друга, ожидая каждую минуту его возвращенія; но время шло, и они уходили одинъ за другимъ, пока Мерагенъ не остался одинъ. Неожиданно очутившись на свободѣ, онъ прошелъ черезъ дворецъ и полуодѣтый попалъ въ палатку македонскихъ гвардейцевъ, расположенную у самаго дворца. Гвардейцы оказались за завтракомъ и потому въ большомъ числѣ; имъ Мерагенъ и разсказалъ о своемъ чудесномъ бѣгствѣ. Сначала они не хотѣли ему вѣрить, но подъ конецъ ихъ убѣдило его появленіе полуодѣтымъ. Пользуясь этимъ необыкновеннымъ случаемъ, Мерагенъ въ слезахъ обратился къ гвардейцамъ съ мольбою — «охранить безопасность не только его, но также царя и прежде всего ихъ собственную; имъ угрожаетъ вѣрная гибель, если они не воспользуются минутой, когда ненависть народа дошла до высшей степени и каждый только и думаетъ что о мести. Такая минута теперь наступила, и недостаетъ только человѣка,

который началъ бы дѣйствовать». Эти слова воспламенили страсти македонянъ, и они рѣшились послѣдовать совѣту Мерагена. Тотчасъ они обошли палатки сначала своего корпуса, а затѣмъ и другихъ наемниковъ, расположенныя поблизости противъ одного квартала города. Давно уже у всѣхъ наемниковъ было одно только желаніе; недоставало только человѣка, который вызвалъ бы его наружу, смѣло начавъ дѣйствовать. Поэтому, какъ только было положено начало, огонь сразу разгорѣлся, и раньше, чѣмъ прошло четыре часа, въ движеніи приняли участіе всѣ разряды воиновъ и гражданъ.

Въ этотъ моментъ случай помогъ совершиться окончательной катастрофѣ. Въ руки Агаѳокла попало письмо, присланное Тлеполемомъ войску, а также нѣкоторые изъ его шпіоновъ. Письмо извѣщало, что онъ скоро прибудетъ въ Александрію, а шпіоны увѣдомили Агаѳокла, что онъ уже прибылъ. Это извѣстіе такъ смутило Агаѳокла, что онъ совсѣмъ пересталъ принимать какія-либо мѣры или даже думать объ окружавшихъ его опасностяхъ, а отправился въ обычный часъ на попойку и отдался своему обычному времяпрепровожденію.

Наступила ночь; весь городъ былъ полонъ шума и движенія, освѣщенъ факелами. Иные собирались съ криками на стадіи; иные приглашали другихъ пристать къ нимъ; иные бѣгали взадъ и впередъ, стараясь укрыться въ домахъ и мѣстахъ, наименѣе подозрительныхъ. Открытыя мѣста вокругъ дворца, стадій, улицы, площадь передъ театромъ Діониса были полны народомъ. Освѣдомленный объ этомъ, Агаѳоклъ очнулся отъ опьяненія и въ сопровожденіи всей своей семьи отправился къ царю. Выра-

зивши въ нѣсколькихъ словахъ сожалѣніе о постигшихъ его несчастіяхъ, онъ взялъ царя за руку и направился къ крытой галлереѣ, находившейся между Меандровымъ садомъ и палестрой и ведшей ко входу въ театръ. Заперши накрѣпко пройденныя двѣ первыя двери, Агаѳоклъ съ двумя-тремя тѣлохранителями, своею семьею и царемъ прошелъ въ третью. Запертыя двойными запорами, двери были однако рѣшетчатыя, и сквозь нихъ можно было видѣть, что дѣлается внутри. Въ это время изъ всѣхъ частей города собрался народъ въ такомъ множествѣ, что не только занялъ каждую пядь земли, но и усѣялъ всѣ лѣстницы и кровли, и эта масса подняла такую бурю восклицаній и криковъ, какой только можно ожидать отъ толпы, въ которой женщины и дѣти перемѣшаны съ мужчинами: въ Александріи, какъ и въ Карѳагенѣ, дѣти въ подобныхъ движеніяхъ играютъ такую же замѣтную роль, какъ и мужчины.

Начало разсвѣтать, а шумъ все еще представлялся неяснымъ гуломъ голосовъ, среди котораго всего яснѣе слышался призывъ царя. Первый шагъ былъ сдѣланъ македонскою гвардіей; она покинула свою стоянку и заняла переднюю, служившую во дворцѣ пріемною залою; затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, освѣдомившись, гдѣ находится царь, она подошла къ крытой галлереѣ, разбила первыя двери и, подойдя къ слѣдующимъ, громкими криками стала требовать выдачи царя. Замѣтивъ опасность, Агаѳоклъ сталъ молить тѣлохранителей, чтобы они пошли къ македонянамъ и отъ его имени объявили имъ, что онъ отказывается отъ опеки надъ царемъ, отъ всѣхъ должностей, почестей и богатствъ и про-

ситъ только сохранить ему жизнь; что, вернувшись въ свое прежнее положеніе, онъ, даже если бы желалъ, не будетъ въ состояніи тѣснить кого бы то ни было. Тѣлохранители не рѣшались исполнить его порученіе; взялся за него одинъ Аристоменъ. Черезъ боковой ходъ онъ вышелъ къ македонянамъ и въ нѣсколькихъ словахъ изложилъ просьбы и предложенія Агаѳокла. Первымъ порывомъ македонянъ было убить его на мѣстѣ; но нѣкоторые изъ нихъ заступились за него и успѣли вымолить ему пощаду, и онъ вернулся съ приказомъ привести царя или больше не показываться. Въ то же время македоняне принялись ломать и вторыя двери. Убѣдившись изъ этого, а также изъ даннаго ими отвѣта въ ихъ непреклонности, Агаѳоклъ сталъ просовывать сквозь рѣшетчатыя двери свои руки, а Агаѳоклея—свою грудь, по ея словамъ, питавшую царя, и всячески умолять македонянъ о пощадѣ. Видя, что долгія и слезныя мольбы не производятъ впечатлѣнія, онъ, наконецъ, выслалъ царя съ тѣлохранителями. Македоняне посадили его на коня и повели на стадій, гдѣ его появленіе было встрѣчено громкими криками и рукоплесканіями; коня остановили, ребенка сняли, понесли его къ царскому мѣсту и посадили тамъ. Настроеніе толпы было смѣшанное: она была обрадована появленіемъ царя, но и недовольна тѣмъ, что преступники не были арестованы и не понесли заслуженнаго наказанія. Поэтому она продолжала громкими криками требовать выдачи и наказанія виновниковъ всего зла. Время шло, а толпа все еще не находила на кого излить свою злобу. Въ это время Сосибій, одинъ изъ тѣлохранителей, заботясь о безопасности царя

и видя, что толпа неумолима и что ребенокъ испуганъ окружающими его незнакомыми лицами и шумомъ толпы, обратился къ царю съ вопросомъ, согласенъ ли онъ выдать народу тѣхъ, кто обижалъ его или его мать. Ребенокъ выразилъ согласіе, и Сосибій велѣлъ тѣлохранителямъ возвѣстить рѣшеніе царя, а самъ поднялъ его съ мѣста и отвелъ въ свой домъ, находившійся поблизости, чтобы дать ему отдохнуть и успокоиться. Когда рѣшеніе царя было объявлено, вся площадь разразилась бурей криковъ и рукоплесканій. Между тѣмъ Агаѳоклъ и его сестра разошлись по своимъ помѣщеніямъ; не теряя времени, наемники—одни добровольно, другіе подъ давленіемъ толпы—отправились на поиски за ними.

Тогда началось настоящее кровопролитіе. Одинъ изъ слугъ и льстецовъ Агаѳокла, по имени Филонъ, вышелъ еще пьяный на стадій. Видя ярость толпы, онъ сказалъ окружающимъ, что ей, какъ и прежде, придется опять раскаяться, если сюда придетъ Агаѳоклъ. Изъ слышавшихъ это одни начали ругать его, другіе—толкать, а когда онъ попробовалъ защищаться, то одни сорвали съ него одежду, а другіе нанесли ему мечами смертельныя раны. При послѣднемъ издыханіи его втащили въ средину толпы. Попробовавъ такимъ образомъ крови, чернь стала нетерпѣливо ожидать прибытія прочихъ жертвъ. Первымъ со связанными руками и ногами притащили Агаѳокла. Едва онъ показался, какъ нѣсколько солдатъ бросились на него и поразили его на смерть. Поступая такъ, они скорѣе оказали ему услугу, такъ какъ спасли его отъ ужасной смерти, какую онъ заслужилъ. Потомъ притащили всю его семью; послѣднею привезли на

лошади безъ одежды его мать, вырванную изъ храма. Всѣхъ ихъ отдали черни, которая принялась ихъ бить и колоть, вырывать имъ глаза; какъ скоро кто изъ жертвъ падалъ, ее рвали на части, пока не разрывали совсѣмъ на куски: такъ страшна бываетъ ярость египтянъ, когда ихъ страсти возбуждены. Въ то же время нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ вмѣстѣ съ Арсиноей, узнавъ, что главный виновникъ ея смерти недавно прибылъ изъ Кирены, бросились къ его дому, ворвались туда, самого его убили камнями и палками, а его малолѣтняго сына задушили; не довольствуясь этимъ, онѣ вытащили его жену раздѣтою на улицу и предали ее смерти». Вотъ какое представленіе получаемъ мы о положеніи египетскаго двора и о характерѣ населенія Александріи.

Потративъ столько времени на изображеніе упадка дворовъ великихъ державъ въ этотъ критическій періодъ, мы чувствуемъ потребность напомнить читателю, что на свѣтѣ все еще существовала религія и мораль. Прежде всего то, что намъ извѣстно о дѣйствіяхъ Аттала пергамскаго и родосцевъ въ войнѣ противъ Филиппа, показываетъ, что у нихъ было по крайней мѣрѣ ясное сознаніе долга и способность къ крупнымъ жертвамъ ради общаго блага. Затѣмъ похвалы, какими осыпаетъ Аттала Полибій, показываетъ намъ, какой это былъ прекрасный государь и какъ глубоко уважалъ его весь эллинистическій міръ. Въ слѣдующей статьѣ мы приведемъ нѣсколько интересныхъ указаній относительно той смѣси лоска и варварства, какую мы встрѣчаемъ въ любопытномъ моральномъ калейдоскопѣ, представляемомъ намъ этимъ поколѣніемъ.

II. ГРЕЦІЯ ЭПОХИ ПОЛИБІЯ.

Быть-можетъ, самымъ главнымъ источникомъ паденія эллинизма было совершенно внезапное опустѣніе самой Греціи, этого истиннаго очага и центра, изъ котораго по общему признанію исходило все, что было великаго въ греческой Азіи и въ Египтѣ. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ Полибій *). «Осуждая тѣхъ, кто приписываетъ свои общественныя дѣянія и частныя невзгоды судьбѣ или случаю, теперь я хочу примѣнить тѣ же принципы къ исторической критикѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для человѣческаго пониманія невозможно или очень трудно открыть причины явленій, человѣкъ, не зная что дѣлать, можетъ, пожалуй, обратиться къ божеству или къ судьбѣ: напримѣръ, чтобы объяснить внезапный ливень и наводненіе или, наоборотъ, засуху и морозъ, которые вызвали неурожай. Сюда же относятся частыя заразныя болѣзни и другія подобныя явленія, которымъ мы не можемъ дать объясненія. Естественно, что въ такихъ случаяхъ мы, не зная что дѣлать, слѣдуемъ понятіямъ толпы, приносимъ жертвы и молимся, чтобы умилостивить божество, и посылаемъ спросить боговъ, при помощи какихъ словъ или дѣйствій мы могли бы улуч-

*) XXXVII, 9.

шить свое положеніе и получить избавленіе отъ гнетущихъ насъ бѣдствій. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда можно открыть причину, вызвавшую явленіе, я не думаю, чтобы мы должны были приписывать такое явленіе божеству. Вотъ примѣръ. Въ наше время вся Греція страдаетъ отъ бездѣтности и повсемѣстной убыли народонаселенія, благодаря чему и города опустѣли, и земля оставалась необработанной, хотя за это время у насъ не было ни продолжительныхъ войнъ, ни заразныхъ болѣзней. Теперь, если бы кто-нибудь предложилъ спросить у боговъ совѣта о томъ, какимъ путемъ намъ увеличить свою численность и населить наши города, то развѣ не показался бы онъ глупцомъ, когда причина ясна и поправить дѣло въ нашихъ рукахъ? Зло это развилось, незамѣтно для насъ, съ тѣхъ поръ, какъ люди совратились на путь тщеславія, корыстолюбія и эгоизма и не хотятъ ни жениться, ни, женившись, воспитывать своихъ дѣтей свыше одного или двухъ, желая оставить имъ состояніе и воспитать въ роскоши. А когда дѣтей всего одинъ или двое, то стоитъ погибнуть одному изъ нихъ на войнѣ или отъ болѣзни, какъ дома пустѣютъ и города, подобно пчелинымъ ульямъ, не въ силахъ оказываются продолжать свое существованіе. И нечего спрашивать по этому поводу совѣта у боговъ: первый попавшійся скажетъ, что мы сами лучше всего можемъ выйти изъ бѣды, оставивъ эту страсть къ богатству или же издавъ законы о томъ, чтобы дѣтямъ давалось воспитаніе (ихъ родителями?). Тутъ не требуется ни предсказателей, ни знаменій».

Въ этомъ заключается еще новая причина опустѣнія Греціи, помимо тѣхъ, которыя были уже

установлены мною раньше. Наемники привозили съ собой огромное количество денегъ, какъ впослѣдствіи въ Испанію испанцы, пріѣзжавшіе изъ Америки. Увеличилась роскошь, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились привычки, и поднялись цѣны. Между тѣмъ промышленность и производительныя силы земли уменьшились съ исчезновеніемъ лучшей части рабочаго населенія. Такимъ образомъ, ввозимыя въ страну деньги опять уходили изъ нея въ обмѣнъ на предметы роскоши: въ результатѣ множество людей оставалось безъ средствъ, между тѣмъ какъ ихъ искусственныя потребности возрастали. Тѣ немногіе, которые были бережливы или имѣли состояніе, страшно обогащались, и отсюда поднимались обычныя жалобы на неправильное распредѣленіе богатствъ. Явились попытки привлечь къ платежамъ богатыхъ членовъ общества съ помощью новаго земельнаго законодательства или необычайно высокихъ налоговъ; вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе бѣдные стали пренебрегать своими обязанностями по отношенію къ государству и сложили съ себя заботы и издержки по воспитанію дѣтей. Выбрасываніе дѣтей хотя и не признавалось греческими законами за преступленіе и часто встрѣчалось въ театральныхъ піесахъ, но, повидимому, въ дѣйствительности не было распространено въ прежнее время. Въ позднѣйшія же времена, когда Греція пришла въ упадокъ и переживала свои послѣднія минуты, обстоятельства, какъ видно, перемѣнились: показаніе Полибія слишкомъ опредѣленно, чтобы можно было возражать противъ него. Нравственныя причины указываемаго имъ зла какъ въ древнемъ, такъ и въ современномъ обществѣ однѣ и тѣ же: именно—желаніе пользоваться удовольствія-

ми, не неся никакихъ обязанностей, и отвращеніе къ труду и бережливости, въ которыхъ видятъ источникъ одного только горя.

Я долженъ упомянуть еще объ одной отвратительной чертѣ того времени—о жестокости. Въ данномъ случаѣ я не разумѣю тѣхъ безжалостныхъ грабительствъ, убійствъ, продажи въ рабство, которыя мы видимъ у римлянъ и которыя въ глазахъ грековъ были проявленіями страшной грубости и жестокости, хотя и не шли въ разрѣзъ съ ихъ понятіями о справедливости. Я говорю о сознательномъ примѣненіи пытки, иногда съ цѣлью извлечь показаніе, а всего чаще въ видѣ мести противникамъ. Не говоря уже о дикихъ демократахъ ахейскаго союза, какъ Діей и Критолай, которые безъ зазрѣнія совѣсти пытали своихъ политическихъ противниковъ, даже представитель аристократовъ Аратъ не останавливался передъ этимъ средствомъ, и можно сказать, что въ то время, какъ и прежде, ни одинъ свободный человѣкъ, въ сущности, не былъ обезпеченъ отъ пытки, даже въ конституціонныхъ государствахъ. Надо припомнить, что рабовладѣльческое общество всегда на одинъ шагъ отъ этого порока. Привыкнувъ относиться къ людямъ какъ къ вещамъ и сознавая опасность своего положенія — господствующаго меньшинства, господа всегда были склонны примѣнять пытку. Даже въ свободныхъ Аѳинахъ во дни высшаго расцвѣта цивилизаціи, какъ оказывается, общество всегда въ моментъ большой паники было готово подвергать пыткѣ свободныхъ людей, чтобы добиться отъ нихъ показаній. Теперь же, когда абсолютная монархія снова оказалась всѣми признанной формой правленія, при которой мо-

нархъ пользовался неограниченной властью надъ подданными, — члены нѣкогда свободныхъ городскихъ общинъ должны были скоро привыкнуть къ этимъ ужасамъ; и теперь, если политическій дѣятель, котораго революція облекла неограниченной властью, позволялъ себѣ допрашивать или наказывать людей съ помощью этихъ насилій, онъ подражалъ уже не ненавистному греческому тиранну, а окруженному ореоломъ царю Египта или Сиріи. Поэтому-то въ утѣшеніяхъ, предлагаемыхъ философскими системами того времени, обыкновенно выставляется на видъ возможность подвергнуться пыткѣ, при чемъ съ гордостью заявляется, что даже это не можетъ нарушить счастья человѣка «обрѣтшаго миръ».

Это же побуждаетъ стоическую систему оправдывать самоубійство, какъ убѣжище мудреца отъ худшихъ золъ, и у Полибія эта мысль встрѣчается на каждомъ шагу. Въ виду того, что государственная измѣна всегда наказывалась пыткой, Молонъ и Александръ—сатрапы, возмутившіеся противъ Антіоха Великаго—рѣшились на самоубійство, желая избѣжать этой участи; а когда принципъ былъ признанъ, то, разумѣется, и отъ вѣрной немилости люди стали спасаться тѣмъ же способомъ. Муки стыда всегда были для людей съ чуткой совѣстью тяжелѣе физическихъ страданій. Такъ, царя Персея осуждали за то, что онъ не избавилъ себя добровольной смертью отъ позора, ожидавшаго его во время тріумфа въ Римѣ, и его великодушный побѣдитель даже намекалъ ему на это съ достаточной ясностью.

Какъ разъ по этому поводу Полибій очень опре-

дѣленно высказываетъ свои взгляды на этотъ предметъ *). Когда римляне послѣ своей побѣды (168 г. до Р. Х.) производили свое ужасное разслѣдованіе по всему эллинистическому міру, то мщеніе ихъ угрожало тремъ разрядамъ сторонниковъ Персея: одни молча сочувствовали, но ни словомъ ни дѣломъ не шли противъ Рима (къ этому разряду принадлежали ахейскіе патріоты); другіе пытались вовлечь своихъ согражданъ въ войну, но безъ успѣха; наконецъ, третьи не только пытались сдѣлать это, но и добились желаннаго успѣха. Молосскіе вожди были въ числѣ послѣднихъ; они мужественно встрѣтили свою участь и пали, сражаясь съ своими палачами. Съ другой стороны, ахейцы съ большимъ достоинствомъ потребовали справедливаго суда и обманули всѣ ожиданія своихъ враговъ; вѣдь лишить себя жизни, не сознавая себя виновными ни въ преступленіи ни въ подлости — изъ одного только страха передъ угрозами политическихъ противниковъ или царей, — не менѣе низко, чѣмъ любить жизнь сверхъ мѣры.

Остается еще упомянуть о поведеніи нѣкоторыхъ гражданъ Коса и Родоса; историкъ подробно останавливается на немъ и дѣлаетъ это не съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надъ ихъ несчастіями, но чтобы показать всю нелѣпость подобнаго образа дѣйствій и предостеречь другихъ на будущее время.

Эти люди, въ особенности Поліаратъ и Динонъ изъ Родоса, произносили рѣчи и писали письма, убѣждая свои собственныя и чужія государства оказать поддержку Персею, такъ что не только масса

*) XXX, 6 и слѣд.

ихъ согражданъ была посвящена въ ихъ планы, но и ихъ корреспонденція съ Персеемъ была найдена въ его бумагахъ, и содержаніе ея стало извѣстно, а ихъ тайные эмиссары были схвачены римлянами. «Однако они не могли рѣшиться покончить съ собой, но все колебались, такъ что, подвергая себя отчаянному риску изъ-за слабой надежды сохранить жизнь, потеряли свою репутацію смѣлыхъ и отважныхъ людей и потеряли право на сожалѣніе потомства. Окончательно уличенные своими собственными письмами и показаніями своихъ довѣренныхъ лицъ, они производили впечатлѣніе скорѣй безсовѣстныхъ, чѣмъ несчастныхъ людей. Ведшій морскую торговлю купецъ Тоантъ, посредникъ между Динономъ и Персеемъ, видя, какой оборотъ приняло дѣло, бѣжалъ въ Книдосъ, гдѣ былъ схваченъ и выданъ родосцамъ, какъ бѣглый преступникъ, и на допросѣ, сопровождавшемся пыткой, подтвердилъ каждое слово захваченныхъ документовъ; и все-таки Динонъ не хотѣлъ разстаться съ жизнью, пока надъ нимъ производилось это слѣдствіе. Поліаратъ велъ себя еще хуже. Когда Попилій далъ указаніе царю Птоломею отослать его въ Римъ, то царь изъ уваженія къ Родосу и къ Поліарату рѣшилъ отправить его домой и объяснить при этомъ положеніе дѣлъ. Съ этой цѣлью онъ препоручилъ его одному изъ своихъ придворныхъ Димитрію на особый корабль. Но когда они по дорогѣ причалили къ Фазелидѣ, Поліаратъ бѣжалъ съ корабля и сѣлъ, умоляя о помощи, у общественнаго городского очага. Если бы кто-нибудь спросилъ у него, чего ему нужно, то онъ, я увѣренъ, не зналъ бы, что отвѣчать: если онъ желалъ быть

доставленнымъ домой, то это же и дѣлалось для него, а если въ Римъ, то это должно было случиться помимо него. Какой еще оставался выборъ? Вѣдь ни въ какомъ иномъ мѣстѣ онъ не могъ разсчитывать на безопасный пріютъ. Но когда фазелидцы послали къ родосцамъ сказать имъ, чтобы они пріѣзжали за своимъ гражданиномъ, то тѣ очень благоразумно послали военное судно для его охраны, но запретили своему капитану брать его къ себѣ на корабль, потому что доставить его въ Римъ было велѣно александрійцамъ. Сообразно съ этимъ, когда родосское судно отказалось принять его къ себѣ, а Димитрій уговаривалъ его садиться на свой корабль, что дѣлали и фазелидцы, которые очень боялись препирательствъ съ Римомъ, то онъ испугался своего положенія и вернулся на александрійскій корабль. Но, улучивъ благопріятный случай, онъ снова бѣжалъ въ Кавнъ и попробовалъ сыграть ту же игру. Но такъ какъ кавносцы были въ союзѣ съ Родосомъ и не приняли его, то онъ послалъ къ жителямъ Кибиры, съ которыми находился въ дружественныхъ отношеніяхъ по той причинѣ, что дѣти тамошняго династа Панкрата воспитались у него въ домѣ, въ Родосѣ. Они имѣли неблагоразуміе согласиться и тѣмъ поставили и его и себя въ еще болѣе затруднительное положеніе: съ одной стороны, они не осмѣливались держать его у себя, съ другой стороны—они не могли отправить его въ Римъ, потому что, какъ народъ, живущій внутри страны, не имѣли никакого понятія о судоходствѣ. Имъ оставалось послать къ родосцамъ и къ римскому военачальнику въ Македонію и просить ихъ взять этого человѣка. Военачальникъ приказалъ имъ

послать его къ родосцамъ, чтобы тѣ уже озаботились о его доставкѣ въ Римъ. Такъ онъ, наконецъ, прибылъ въ Римъ, показавъ свѣту со всей возможной наглядностью свое малоумie и ничтожество, побудившее его, переходя изъ рукъ въ руки, объѣхать весь восточный мiръ, благодаря собственной глупости».

Этотъ отрывокъ стоило привести цѣликомъ по многимъ причинамъ, и мнѣ придется еще ссылаться на него опять по другому поводу. Но едва ли нужно говорить, что если эти несчастные люди такъ грубо нарушили принципы Полибiя, то бывали случаи—и случаи замѣчательные, когда готовность лишить себя жизни — эту любопытную черту времени — обнаруживали не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общины. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ можетъ служить ужасное рѣшенiе абидосцевъ. Филиппъ V, несмотря на представленiя родосскихъ и римскихъ пословъ, неотступно продолжалъ осаду Абидоса; жители оказывали самое геройское сопротивленiе. Они предложили условiя, на которыхъ согласны были сдать городъ, и, получивши отказъ, обязались клятвой всѣ до одного лишить себя жизни. «И видя, въ какомъ количествѣ и съ какимъ самозабвенiемъ они убивали себя, своихъ дѣтей и женъ, сжигая себя и ихъ, вѣшая, топя, бросая съ крышъ, Филиппъ пришелъ въ ужасъ, пожалѣлъ о случившемся и сказалъ, что далъ бы три дня сроку тѣмъ, кто собирался повѣситься или инымъ способомъ лишить себя жизни. Но абидосцы, уже порѣшивъ свою участь и не желая оказаться измѣнниками въ отношенiи тѣхъ, кто палъ сражаясь за отечество (послѣ торжественно принятаго ими рѣ-

шенія), не желали оставаться въ живыхъ и всѣ безъ колебанія шли на смерть цѣлыми семьями; остались живы только тѣ, кого заключили въ оковы, такъ что они не могли ничего съ собой сдѣлать». Это рѣшеніе Полибій удостоиваетъ высшей похвалы и жалуется на судьбу, которая помѣшала имъ осуществить свое намѣреніе и предала ихъ женъ и дѣтей, относительно которыхъ они приняли такое отчаянное рѣшеніе, въ руки враговъ.

Можно сказать съ увѣренностью, что въ основѣ этихъ величественныхъ поступковъ лежало какое-нибудь очень строгое, даже фанатическое и крайнее стоическое ученіе. Но исторія оставила насъ въ неизвѣстности относительно именъ людей, которые были способны внушить цѣлому народу такой удивительный героизмъ.

Въ то время, дѣйствительно, были энтузіасты, и подчасъ довольно странные энтузіасты, какъ можно судить по исторіи убійства римскаго аристократа Октавія, который былъ посланъ въ Сирію послѣ смерти Эпифана съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ его преемника точнаго соблюденія обязательствъ, возложенныхъ Римомъ на его царство и заключавшихся въ слѣдующемъ: уменьшить армію до 5000 человѣкъ, перерѣзать поджилки у всѣхъ слоновъ и сжечь всѣ военные корабли. Эти обязательства такъ долго не исполнялись, что сдѣлались въ сущности мертвой буквой, такъ что заявленіе римскаго уполномоченнаго вызвало взрывъ общественнаго негодованія, и нѣкто Лептинъ умертвилъ римскаго посла. Разумѣется, въ Римъ было отправлено царемъ Димитріемъ посольство, которое должно было умолять о прощеніи, передать богатые золотые дары, отдать

въ руки римлянъ убійцу и заявить, что царь и дворъ не при чемъ въ этомъ дѣлѣ. «Сенатъ не принялъ убійцъ,—говоритъ Полибій,—между тѣмъ Димитрій послалъ не только Лептина, но и Исократа. Онъ былъ литераторъ по профессіи и читалъ публичныя лекціи, но, будучи по природѣ своей болтуномъ, пустымъ празднословящимъ малымъ, онъ не могъ угодить даже грекамъ, судя по тому, что школа Алкея осмѣяла его очень ядовито во время спора. Пріѣхавъ въ Сирію, исполненный презрѣнія къ своей аудиторіи, онъ въ своихъ лекціяхъ не ограничился обсужденіемъ своей темы, но высказалъ свой взглядъ на послѣднія политическія событія, говоря, что Кней пострадалъ справедливо, и что такъ долженъ погибнуть всякій другой посолъ, такъ, чтобы некому было явиться въ Римъ съ докладомъ о случившемся, и чтобы положить конецъ ихъ высокомѣрнымъ повелѣніямъ и необузданному произволу. За эти-то неосторожныя рѣчи онъ и попалъ въ бѣду, и вотъ что произошло далѣе. Лептинъ сейчасъ же по совершеніи убійства, не скрываясь, ходилъ по (сирійской) Лаодикіи, говоря, что онъ поступилъ съ Кнеемъ по справедливости и согласно съ волей боговъ. И когда Димитрій утвердился на престолѣ, то онъ явился къ царю и убѣждалъ его не безпокоиться насчетъ смерти Кнея и не принимать никакого строгаго рѣшенія противъ лаодикійцевъ, потому что онъ самъ поѣдетъ въ Римъ и объявитъ сенату, что поступилъ согласно съ волей боговъ. Итакъ, видя такую въ немъ готовность и рвеніе, царь отправилъ его безъ оковъ и безъ стражи». Я не могу удержаться отъ того, чтобы не привести продолженія этого любопытнаго отрывка. «Исократъ, когда на

него пало то же обвиненіе, совсѣмъ потерялъ голову; а когда на него надѣли оковы, то и ѣсть почти пересталъ, а заботы о своемъ тѣлѣ прекратилъ совершенно. Прибывъ въ такомъ видѣ въ Римъ, онъ представлялъ собою удивительное зрѣлище, взглянувъ на которое, всякій бы согласился, что и въ физическомъ и духовномъ отношеніи нѣтъ ничего страшнѣе человѣка, если онъ придетъ въ дикое состояніе. Видъ его былъ необычайно ужасенъ, какъ у дикаго звѣря, потому что больше года онъ не мылся и не стригъ ни ногтей ни волосъ; а что касается духовныхъ проявленій, то своимъ взглядомъ и вращеніемъ глазъ онъ производилъ такое впечатлѣніе, что всякій охотнѣе подошелъ бы къ любому звѣрю, чѣмъ къ нему. Лептинъ же, вѣрный своему первоначальному рѣшенію, былъ готовъ выступить передъ сенатомъ и со всѣми встрѣчными говорилъ о своемъ поступкѣ откровенно и, сверхъ того, еще увѣрялъ, что римляне не сдѣлаютъ ему никакого зла. И въ концѣ концовъ его надежда оправдалась: сенатъ, думая, какъ я полагаю, что народъ сочтетъ его получившимъ полное удовлетвореніе за убійство, если онъ накажетъ убійцъ, не принялъ ихъ и оставилъ дѣло нерѣшеннымъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ сослаться на понесенную обиду».

Покончивъ теперь съ тѣмъ послѣдствіемъ тиранніи и притѣсненій, которое сказалось въ широкомъ распространеніи самоубійства и въ уваженіи, какое оказывалось этому акту человѣческой воли, я возвращаюсь къ другой чертѣ, свидѣтельствующей о возраставшей дикости людей этой эпохи. Я уже не разъ указывалъ, что въ то время произведеніями искусства стали дорожить болѣе чѣмъ когда-либо,

и что у образованныхъ людей явилась способность къ болѣе сознательной оцѣнкѣ статуй и картинъ. Между тѣмъ сплошь да рядомъ приходится слышать объ огульномъ истребленіи ихъ во время вражескаго нашествія. Въ эту эпоху мы далеки отъ рыцарства перваго Димитрія (выше стр. 51); теперь уже не только дикари въ родѣ галатовъ и иллирійцевъ ограбляютъ древнія могилы и опустошаютъ храмы, но даже и цивилизованныя державы, въ особенности Филиппъ V Македонскій, оказываются виновными въ самыхъ ужасныхъ надругательствахъ этого рода. Эллинистическій обычай уставлять улицы цѣлымъ лѣсомъ бронзовыхъ и мраморныхъ статуй давалъ богатый матеріалъ для проявленія вандализма. Впрочемъ, чаще эти произведенія увозились, если это было возможно, изъ завоеваннаго города, чтобы служить украшеніемъ столицы побѣдителя. Въ этомъ послѣднемъ направленіи больше всѣхъ другихъ грѣшили римляне.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе поразительное, чѣмъ указанные выше рѣзкіе контрасты скептицизма и легковѣрія, дикаго варварства и утонченной цивилизованности, героизма и трусости, тиранніи и дипломатіи. Но я уже слишкомъ долго останавливался на темной сторонѣ жизни этой эпохи и теперь обращусь къ болѣе свѣтлымъ чертамъ ея.

Едва ли можно сомнѣваться, что нравы заурядного общества описываемой эпохи были гораздо болѣе утонченны, чѣмъ во времена древнихъ республикъ, и, несмотря на всѣ насилія и звѣрства, о которыхъ мнѣ приходилось упоминать, грекъ въ будничное мирное время долженъ былъ казаться гораздо

болѣе цивилизованнымъ человѣкомъ, чѣмъ прежде. Много причинъ способствовало этому. Прежде всего продолжало существовать уже сдѣлавшееся традиціоннымъ квіетистическое ученіе Новой Комедіи и Эпикура, искавшее счастья въ удаленіи отъ споровъ, отъ рѣзко поставленныхъ общественныхъ вопросовъ, отъ непріятно-серьезныхъ людей. Въ большой мѣрѣ поиски за счастіемъ состояли въ томъ, чтобы избѣгать этихъ умственныхъ безпокойствъ и возбужденій. Поэтому садъ Эпикура даже больше, чѣмъ академія Платона, долженъ былъ явиться школой добрыхъ нравовъ.

Можетъ-быть, еще болѣе широкое вліяніе въ этомъ смыслѣ оказало появленіе множества эллинистическихъ царей и ихъ дворовъ, въ которыхъ пышный церемоніалъ и изысканный этикетъ накладывали тѣсную узду на грубую свободу рѣчи и учили людей понимать значеніе утонченной вѣжливости. Даже находившіеся во враждебныхъ отношеніяхъ цари обращались другъ съ другомъ съ той вѣжливостью, которая составляетъ удѣлъ лишь привилегированнаго сословія; привычка сдерживать чувство гнѣва и любезной рѣчью скрывать горькую ненависть должна была оказывать вліяніе на общество и за предѣлами двора. Такъ, представители римской знати, посѣщавшіе эти дворы и этихъ царей, поражали всѣхъ своей неотесанностью и дурными манерами. «Кружокъ Попилія» оскорблялъ чувства Полибія и всего эллинистическаго міра; Корунканій заплатилъ жизнью за грубость къ царицѣ Тевтѣ. Филиппъ V простилъ Марку Эмилію, который по-мужицки прервалъ его рѣчь, только потому, что тотъ былъ молодъ и красивъ и былъ римляниномъ; послѣднее

означало, что отъ него нельзя было ждать никакихъ манеръ. Можно себѣ представить, какъ велъ себя Октавій, если его убійство открыто оправдывали на томъ основаніи, что римскіе послы держали себя крайне дерзко.

Нужно принять во вниманіе, что эта варварская неотесанность, отчасти, можетъ-быть, объясняемая несовершеннымъ знаніемъ греческаго языка, должна была особенно сильно поражать людей, привыкшихъ къ этикету тонкой дипломатіи и къ соблюденію международной вѣжливости даже при самомъ нарушеніи справедливости и права. Международныя права—τὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα, τὰ πρὸς τοὺς Ἕλληνας δίκαια, или какъ бы они тамъ ни назывались,—уже давно были признаны среди многихъ мелкихъ, но вполнѣ самостоятельныхъ государствъ Греціи, и къ числу этихъ правъ несомнѣнно относилось нѣсколько общеобязательныхъ положеній, какъ напримѣръ: не употреблять отравленныхъ стрѣлъ, возвращать плѣнныхъ за опредѣленный выкупъ и, что, быть можетъ, всего интереснѣе, предоставлять рѣшеніе международныхъ споровъ третейскому суду и формально объявлять войну, прежде чѣмъ браться за оружіе. Такъ, римляне требуютъ, чтобы Филиппъ согласился предоставить справедливому трибуналу рѣшеніе вопроса объ ущербѣ, нанесенномъ имъ Пергаму, и по этому поводу Полибій съ гордостью говоритъ, что давнымъ давно, въ критическій моментъ возстаній противъ пиѳагорейцевъ въ великой Греціи и во время споровъ между спартанцами и ѳиванцами,—первыми тогда государствами Эллады, послѣ битвы при Левктрахъ,—ахейцы были избраны въ третейскіе судьи для рѣшенія спора между этими

болѣе обширными государствами, подобно тому какъ въ настоящее время для подобной цѣли могла бы быть выбрана европейскими державами Швейцарія. Подобные случаи часто возникали, пока римлянамъ приходилось имѣть счеты съ Греціей. Когда Аратъ сдѣлалъ попытку въ мирное время неожиданно напасть на Аргосъ, то новый тираннъ Аристиппъ, только-что захватившій власть въ этомъ городѣ, обратился съ жалобой на ахейскій союзъ къ третейскому суду мантинейцевъ и по ихъ приговору взыскалъ съ Арата тридцать минъ штрафа. Подъ дипломатіей, что, можетъ-быть, неизвѣстно обыкновенному читателю, первоначально разумѣлось изученіе и знаніе diplomata или грамотъ, изъ которыхъ многія въ средніе вѣка были поддѣланы для того, чтобы обосновать захваты собственности и продолжительное пользованіе землею безъ дѣйствительнаго на то права. Постоянное поддѣлываніе этихъ старыхъ документовъ и подало поводъ іезуиту Huet утверждать, что всѣ наши греческіе и латинскіе классики—поддѣлки средневѣковыхъ монаховъ. Въ настоящее время мы употребляемъ слово «дипломатія» въ хорошемъ смыслѣ,—въ смыслѣ рѣшенія международныхъ вопросовъ путемъ обсужденія, а такъ какъ обсужденіе должно исходить изъ общихъ принциповъ, а эти принципы бываютъ или раціоналистическаго характера, какъ, напримѣръ, справедливость и цѣлесообразность, или историческаго - какъ наслѣдственныя права или договоры, то тутъ открывается очень широкое поле для остроумныхъ толкованій и тонкой аргументаціи. Всѣ цивилизованныя націи, и больше всего греки, старались показать, что они обращаются къ этимъ средствамъ прежде, чѣмъ

браться за оружіе; и только въ томъ случаѣ, когда истощены всѣ мирныя доказательства, — разрывъ считается справедливымъ.

Двумя качествами, необходимыми въ этой дипломатіи, были — *вѣжливость* и *тайна*. Такъ, когда Филиппъ, встрѣтившись съ Фламининомъ и этолійцами (XVIII. 1), выразилъ опасенія насчетъ своей безопасности въ виду коварства этолійцевъ, то «всѣ нашли, что онъ началъ разговоръ грубо (φορτικῶς)». Полибій не пропускаетъ случая, чтобы похвалить того же самаго царя Филиппа за то, что онъ уничтожилъ всѣ свои секретныя бумаги послѣ пораженія при Кинокефалахъ. «Онъ поступилъ какъ царь, оставшись вѣрнымъ своему долгу, даже находясь въ большой опасности»; и это была особая добродѣтель, которую Филиппъ проявлялъ на ряду со множествомъ пороковъ. Я думаю, Полибій слишкомъ хорошо помнилъ тѣ ужасныя послѣдствія, которыя имѣлъ для его отечества, да и для всего греческаго міра, захватъ бумагъ Персея послѣ битвы при Пиднѣ. Онъ также дѣлаетъ особое замѣчаніе о нѣкоемъ Астимедѣ, который какъ разъ въ это время былъ въ Римѣ въ качествѣ представителя отъ Родоса и употребилъ всѣ усилія, чтобы отвратить гнѣвъ республики. «Астимедъ думалъ, что говорилъ очень хорошо отъ имени своего отечества; но имъ были недовольны греки, проживавшіе въ то время или постоянно жившіе въ Римѣ. Мало того, онъ опубликовалъ свою рѣчь въ памфлетѣ, который показался всѣмъ читавшимъ его и несвоевременнымъ и совершенно не внушающимъ довѣрія. Дѣло въ томъ, что онъ, желая защитить свое отечество, не столько настаивалъ на правотѣ своего дѣла, сколько ста-

рался доказать виновность другихъ». Онъ достигъ этой цѣли путемъ преувеличенія всѣхъ заслугъ Родоса въ ущербъ другимъ государствамъ, которыя постарался унизить и очернить. «Всѣ сочли такой способъ защиты недостойнымъ политика, потому что мы не одобряемъ тѣхъ политиковъ, которые, располагая тайнами, выдаютъ своихъ корреспондентовъ изъ страха или ради выгоды, и скорѣе считаемъ людьми хорошими и смѣлыми тѣхъ, кто подвергается наказанію или пыткѣ, чтобы не впутывать другихъ. Такимъ образомъ тотъ, кто предъ лицомъ еще сомнительной опасности довелъ всѣ чужія ошибки до свѣдѣнія господствующей власти и возобновилъ въ памяти то, что время покрыло забвеніемъ, едва ли могъ бы избѣжать порицанія» *).

Это-то стремленіе къ тайнѣ и заставляло эллинистическихъ царей нерѣдко употреблять въ качествѣ пословъ просто разсудительныхъ людей, въ родѣ врачей или артистовъ, которые путешествовали какъ будто для своихъ собственныхъ цѣлей. Такъ поступилъ Эвменъ и даже одинъ римскій полководецъ; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, всѣ были удивлены, что «учитель гимнастики» былъ употребленъ для такихъ цѣлей римлянами, которые вообще были большіе формалисты въ этихъ дѣлахъ **).

Въ связи съ этимъ обычаемъ—рѣшать всѣ возникающія несогласія путемъ вѣжливаго обсужденія—существовалъ обычай посылать офиціальныя посольства съ поздравленіемъ къ соперничающимъ державамъ; и чѣмъ отношенія становились болѣе

*) Polyb. XXX, 2, 3 и выше 478.
**) XXVII, 7.

натянуты, тѣмъ съ большею точностью соблюдалась церемонія. Мы можемъ сказать навѣрное, что изъ всѣхъ державъ, приславшихъ своихъ представителей въ Римъ въ 189 г. до Р. Х., когда весь міръ собрался въ Римъ, чтобы поздравить великую республику съ побѣдой при Магнезіи и съ пораженіемъ Антіоха Великаго,—только очень немногія были дѣйствительно искренни въ своихъ заявленіяхъ; подъ хвалебными фразами таились чувства подозрѣнія и тревоги. Но все это было скрыто, а видны были только улыбки и приносимые въ даръ золотые вѣнцы. Лишь только въ Египтѣ провозглашали новаго царя, какъ весь міръ отправлялъ туда своихъ пословъ; можетъ-быть, это дѣлалось съ тайной цѣлью осмотрѣть страну, или чтобы тутъ же войти въ соглашеніе съ другими противъ царя, но во всякомъ случаѣ офиціальная вѣжливость была соблюдена въ точности. Мы видѣли выше, что царь Прусій счелъ за обиду, почти равняющуюся casus belli, когда византійцы отправили торжественное посольство на праздникъ основанія Пергама, не соблаговоливъ прежде сдѣлать того же, когда онъ праздновалъ основаніе Никомидіи. Вотъ разсказъ Полибія, въ которомъ выступаютъ обѣ черты, какъ вѣжливость такъ и дипломатія *).

Когда Антіохъ Эпифанъ совершилъ свой побѣдоносный походъ на Египетъ и фактически сдѣлался владыкой страны, то было рѣшено хлопотать о вмѣшательствѣ нейтральныхъ державъ. И вотъ прежде всего Тайный совѣтъ рѣшилъ отправить посольство изъ грековъ, случившихся въ то время въ Але-

*) XXVIII, 19.

ксандріи, чтобы они договорились объ условіяхъ прекращенія войны. Греки, оказавшіеся налицо, были: два самостоятельныхъ посольства отъ ахейскаго союза, одно присланное для переговоровъ о возобновленіи дружественныхъ отношеній (съ молодымъ царемъ, который недавно наслѣдовалъ престолъ), а другое присланное просить объ участіи въ празднествѣ и состязаніяхъ на антигоніяхъ въ Коринѳѣ. Изъ Аѳинъ было посольство, пріѣхавшее просить о пожертвованіи, и два священныхъ посольства (θεωρίαι): одно по поводу праздника панаѳиней, другое по поводу мистерій. Кромѣ того, еще нашлось два человѣка изъ Милета и два изъ Эфеса. Съ ними молодой царь послалъ Тлеполема и ритора Птоломея. Такимъ образомъ мы застаемъ въ Александріи сразу семь различныхъ посольствъ; большинство посольствъ, прибывшихъ изъ Греціи, хлопотали, повидимому, только о томъ, чтобы богатый Египетъ сдѣлалъ пожертвованіе въ пользу игръ и праздниковъ.

Антіохъ сдѣлалъ всѣмъ этимъ людямъ самый дружественный и радушный пріемъ и, предварительно угостивши ихъ, далъ имъ аудіенцію. Первымъ говорилъ ахеянинъ, потомъ аѳинянинъ и наконецъ милетецъ. Но такъ какъ всѣ они говорили исходя изъ однихъ и тѣхъ же основаній и имѣя въ виду одну и ту же цѣль, то ихъ доводы были въ сущности одни и тѣ же: всѣ они возлагали вину на Эвлея (царскаго опекуна, который положилъ начало войнѣ, заявивъ притязанія на Сирію), и всѣ они выставляли на видъ юность Птоломея и его родственную связь съ Антіохомъ, какъ доводъ въ пользу того, что послѣдній долженъ смягчить свой гнѣвъ.

Но Антіохъ, соглашаясь со всѣмъ этимъ и даже подкрѣпляя ихъ доводы, продолжалъ доказывать справедливость своихъ притязаній, приводя историческія основанія, и настаивая на томъ, что его отецъ Антіохъ (Великій) недавно закрѣпилъ оружіемъ эти его справедливыя притязанія, рѣшительно отрицалъ существованіе соглашенія, состоявшагося по увѣренію египтянъ между только-что умершимъ Птоломеемъ и Антіохомъ Великимъ и заключавшагося въ томъ, что первый, женившись на Клеопатрѣ, матери теперешняго царя, получалъ въ качествѣ приданаго Келесирію.

Исходя изъ этихъ посылокъ и убѣдивъ не только себя, но и всѣхъ слушателей въ правотѣ своего дѣла, онъ отбылъ въ Навкратисъ. Это былъ тотъ самый споръ и тотъ дипломатическій вопросъ, который дикій Попилій разрѣшилъ, начертивъ тростью кругъ на пескѣ.

Затѣмъ мы можемъ привести для примѣра переговоры Филиппа съ Фламининомъ, когда Филиппъ получилъ приказъ освободить всѣ подвластные ему города Греціи. Что вы разумѣете подъ Греціей? Какъ опредѣляете вы ея границы? Большинство этолянъ, съ которыми римляне были въ союзѣ, не считались за грековъ. Онъ спрашивалъ, имѣлъ ли онъ право ихъ завоевать и подчинить себѣ? Весь ходъ этихъ обставленныхъ самыми странными и подозрительными предосторожностями переговоровъ, которые происходили между Фламининомъ и его греческими союзниками, съ одной стороны, и Филиппомъ — съ другой, и доставили полное удовлетвореніе Фламинину, очень характеренъ для этого времени. Ничего Полибій не излагаетъ съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ, какъ подобные переговоры.

Когда ахейское собраніе засѣдало въ Мегалополѣ для выслушанія доклада пословъ, пріѣхавшихъ изъ Египта съ богатымъ даромъ (200 талантовъ мѣдной монеты и 6000 штукъ бронзоваго оружія), и съ вѣжливымъ предложеніемъ «возобновить прежній договоръ», Аристенъ всталъ и спросилъ: какой договоръ? Тутъ онъ сталъ читать разные договоры прежнихъ лѣтъ, противорѣчившіе одинъ другому, и разбилъ посольство на всѣхъ пунктахъ, такъ что собраніе одного его признало понимающимъ дѣло и постановило, чтобы онъ поднялъ прежній вопросъ.

Денежный даръ былъ однако принятъ; и это приводитъ на умъ другой любопытный споръ, происходившій на томъ же собраніи по тому поводу, что царь пергамскій предложилъ крупную сумму при почти тожественныхъ обстоятельствахъ.

Въ числѣ разныхъ посольствъ, явившихся къ союзу изъ Египта, Сиріи и другихъ странъ съ дарами и любезностями, были послы и отъ царя Эвмена, предлагавшіе союзу 120 талантовъ (250,000 рублей) съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы шли на покрытіе ежегодныхъ издержекъ членовъ Совѣта, присутствующихъ на собраніяхъ Союза. Предложеніе было сдѣлано послами въ самой вѣжливой формѣ. Тогда поднялся Аполлонидъ изъ Сикіона и сказалъ, что по размѣру даръ достоинъ Союза, но что намѣреніе жертвователя и цѣль, для которой онъ предназначаетъ деньги, въ высшей степени постыдны и противозаконны. Если законъ безусловно воспрещаетъ какъ должностнымъ, такъ и частнымъ лицамъ принимать какіе бы то ни было подарки отъ царя, то ничего не можетъ быть болѣе противоза-

коннаго, какъ брать взятки огуломъ и, что еще хуже, публично. Позорно и губительно было бы для всего Союза, если бы Совѣтъ всякій годъ угощался на счетъ Эвмена и послѣ этого обсуждалъ общественныя дѣла, такъ сказать, проглотивши приманку. Теперь предлагаетъ деньги Эвменъ, потомъ сдѣлаетъ то же Прусій, немного погодя—Селевкъ; но такъ какъ монархіи и республики имѣютъ другъ къ другу естественную антипатію, и такъ какъ этимъ въ большинствѣ случаевъ опредѣлялись и ихъ собственныя отношенія къ царямъ, то въ результатѣ принятія денегъ или интересы этихъ царей будутъ ставиться выше пользы отечества, или, идя противъ людей, платящихъ имъ деньги, они окажутся неблагодарными. Поэтому Аполлонидъ предлагалъ отвергнуть даръ, оскорбительный для Союза. Когда послѣ того одинъ присутствовавшій на засѣданіи эгинецъ напомнилъ собранію, что Эгина была куплена Эвменомъ за тридцать талантовъ у этолянъ, послѣ того какъ они вмѣстѣ съ римлянами взяли ее въ послѣднюю войну, то собраніе съ громкими криками отвергло богатый даръ.

Дѣйствительно, Эвменъ возбудилъ къ себѣ такую ненависть по всей Греціи дѣломъ съ Эгиной и своимъ оппортюнизмомъ, который нерѣдко заставлялъ его въ разныхъ спорныхъ вопросахъ брать сторону римлянъ, что всѣ статуи, воздвигнутыя въ честь его благодарными городами Пелопоннеса, были опрокинуты и хвалебныя надписи стерты. Это считалось въ тѣ времена такимъ важнымъ актомъ, что было снаряжено офиціальное посольство хлопотать о возстановленіи статуй и надписей, а братъ Эвмена Атталъ явился въ ахейское собраніе, гдѣ

произошли по этому поводу продолжительныя пренія (XXVIII, 7). Оказалось, что тѣ, кто приводилъ въ исполненіе прежній приказъ, превысили свои полномочія, на чемъ настаивалъ и самъ Полибій въ собраніи. Онъ доказывалъ, но, какъ я думаю, неискренно, изъ политическихъ соображеній, что какъ прежній декретъ противъ Эвмена имѣлъ въ виду только уничтожить чрезмѣрныя и неподобающія почести, такъ теперь собраніе должно какъ-нибудь искупить то чрезмѣрное поруганіе, которому онъ подвергся. Въ концѣ концовъ было рѣшено выразить Эвмену почтеніе, какъ того требовалъ его братъ, и возстановить не только статуи, но и—что считалось гораздо важнѣе—хвалебныя надписи.

Я приведу еще только одинъ образчикъ той вѣжливости, которая отличаетъ международныя отношенія этой эпохи,—я разумѣю поведеніе предшественника Эвмена II, Аттала I, во время его пребыванія въ Аѳинахъ. Онъ былъ офиціально приглашенъ въ Аѳины для переговоровъ съ римскими послами и съ аѳинянами по поводу возмутительныхъ поступковъ Филиппа. Переговоривъ съ римлянами частнымъ образомъ въ Пиреѣ тотчасъ по своемъ прибытіи, онъ совершилъ торжественный въѣздъ вмѣстѣ съ римскими послами на другой день. Городъ издалъ формальное постановленіе объ оказаніи царю радушнаго пріема. Не только всѣ должностныя лица въ сопровожденіи отряда всадниковъ, но и всѣ граждане поголовно съ женами и дѣтьми вышли къ нему на встрѣчу. Эта послѣдняя подробность—присутствіе женъ и дѣтей—представляетъ собою уже чисто-эллинистическую особенность торжества. Энтузіазму не было границъ. Когда царь входилъ

въ Дипилонъ, вдоль улицы стояли ряды жрецовъ и жрицъ. Послѣ этого они открыли всѣ храмы и, приведя жертвенныхъ животныхъ, просили его совершить жертвоприношеніе. Наконецъ, они учредили новую филу, которую назвали въ честь его, сдѣлавъ его такимъ образомъ однимъ изъ «героевъ эпонимовъ». Но когда они пригласили его сказать нѣсколько словъ передъ ихъ собраніемъ, то онъ извинился и сказалъ, что было бы неделикатно явиться лично и докладывать о своихъ благодѣяніяхъ передъ тѣми, кто ихъ получаетъ. Они не настаивали, но просили его сдѣлать письменное сообщеніе о своихъ намѣреніяхъ. Въ этомъ посланіи онъ открыто заявлялъ о своемъ къ нимъ благорасположеніи и настоятельнымъ образомъ совѣтовалъ объявить войну Филиппу.

Приступая къ извлеченію общихъ выводовъ изъ этого отрывочнаго описанія эллинистическаго міра, который въ скоромъ времени поглощенъ былъ Римомъ, я долженъ напомнить читателю, что всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія почти всецѣло касаются общественныхъ людей и общественныхъ дѣлъ, и что даже въ этой сферѣ пороки постоянно преобладаютъ надъ добродѣтелями. Впечатлѣніе, получившееся у меня въ результатѣ продолжительнаго изученія этой эпохи, -- хотя я и не могу подкрѣпить его прямыми цитатами и принужденъ довольствоваться косвенными указаніями и дѣлать заключенія изъ свидѣтельствъ, относящихся къ позднѣйшему времени, - впечатлѣніе это сводится къ тому, что частная жизнь и нравы были и чище и утонченнѣе, чѣмъ въ вели-

кіе дни Греціи. Рабство несомнѣнно смягчилось и случаи отпуска на волю стали болѣе часты. Національная исключительность получила смертельный ударъ, благодаря превращенію мѣстной городской политики греческихъ городовъ Балканскаго полуострова въ политику имперскую и заморскую. Религія въ собственномъ смыслѣ слова получила гораздо болѣе широкое распространеніе. Если люди стали весьма скептически относиться къ традиціоннымъ миѳамъ и вѣрованіямъ, то они усвоили гораздо болѣе серьезный взглядъ на обязанности человѣка. Философы стоической и кинической школы образовали собою странствующее духовенство, являвшееся своеобразнымъ контрастомъ съ жрецами государственныхъ религій, которыхъ должности превратились въ богатыя синекуры и замѣщались нерѣдко людьми завѣдомо невѣрующими. И если раздѣленіе общества на духовенство и мірянъ, на людей серьезныхъ и преданныхъ мірской суетѣ, имѣло свою дурную сторону, то зато самое предъявленіе къ жизни болѣе высокихъ требованій имѣло немалое значеніе. Даже люди, только заявлявшіе притязанія на эту нравственную высоту, способствовали ея пропагандѣ, вводя ее, такъ сказать, въ моду; этимъ путемъ многіе слабые и нерѣшительные характеры начинали стремиться къ добродѣтели, слѣдуя современному теченію.

То же самое можно сказать и о пріятностяхъ жизни. Если люди продолжали съ прежнимъ рвеніемъ украшать свои города статуями и общественными зданіями, то можно сказать съ увѣренностью, что они стали гораздо больше заботиться о внутреннемъ убранствѣ частныхъ домовъ, и что картины,

вазы и блюда не только стали изящнѣе, но и получили гораздо болѣе широкое распространеніе. Постоянные случаи истребленія врагами произведеній искусства во время нашествій, а съ другой стороны—громкія жалобы на это грубое нарушеніе законовъ честной войны, показываютъ, какую высокую цѣну имѣли въ глазахъ людей эти утонченности жизни.

Литературный вкусъ отнюдь не удержался на прежней высотѣ. Если исключить Гомера, который стоялъ одиноко и особнякомъ и игралъ роль своего рода Библіи, которую даже серьезные философы читали на ночь и по утрамъ для своего нравственнаго назиданія, то мы должны признать, что чутья къ литературнымъ красотамъ не было дано этому поколѣнію. У нихъ въ ходу были александрійскіе авторы, любовныя поэмы, новеллы, полемическіе трактаты, исторія стряпни, и еще болѣе того стряпня исторіи, изготовлявшейся разными компиляторами и людьми партій, и родосская и тарсійская риторика приходились имъ больше по вкусу, чѣмъ изящество Платона и сила Демосѳена.

Такимъ образомъ успѣхи цивилизаціи въ другихъ областяхъ не сопровождались сколько-нибудь замѣчательнымъ развитіемъ литературы. Аполлоній родосскій, послѣдній представитель великаго александрійскаго золотого вѣка, умеръ старикомъ въ 188 г. до Р. Х. Аристофанъ изъ Византіи, первый великій человѣкъ новой критической школы, еще только входилъ въ славу. Эратосѳенъ и Архимедъ, самые блестящіе представители александрійской науки, теперь состарѣлись или умерли, не оставивъ послѣ себя достойныхъ преемниковъ. Новыя

трагедіи и комедіи, исполнявшіяся обществами странствующихъ актеровъ, выходившія тогда въ свѣтъ эпиграммы, посредственные памфлеты позднѣйшихъ философовъ,—все это не представляетъ собою ничего замѣчательнаго и не заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора. Но мы можемъ отмѣтить распространившуюся привычку дѣлиться съ публикой своими мнѣніями и вести споры при помощи выпускаемыхъ въ свѣтъ писемъ, которыя замѣняли собою живое слово. *Мемуары* Арата были ни больше ни меньше какъ *apologia pro vita sua*. Какъ примѣръ полемическихъ сочиненій въ томъ же родѣ можно привести полемику между Аратомъ и Клеоменомъ. Аратъ помѣшалъ Клеомену встрѣтиться съ ахейцами въ Аргосѣ. Тогда Клеоменъ отвѣчалъ открытымъ посланіемъ, въ которомъ обвинялъ Арата въ трусости и предательствѣ; на это отвѣчалъ въ свою очередь Аратъ, и они, по словамъ Плутарха, наконецъ дошли до того, что стали нападать на частную жизнь одинъ другого, на отношенія съ женщинами и т. п. Быть-можетъ, съ этого времени и вошло въ моду собирать и списывать письма знаменитыхъ людей. Но тѣ изъ нихъ, которыя дошли до насъ, по большей части подложны и принадлежатъ риторамъ и софистамъ, которые сами сочиняли ихъ, сообразуясь съ тѣмъ, что по ихъ мнѣнію могло или должно было быть сказано. Большое количество этихъ поддѣлокъ доказываетъ, однако, что существовали и подлинные документы, и публика относилась къ нимъ съ большимъ интересомъ.

Но если люди этого вѣка были лишены неоцѣненнаго воспитательнаго вліянія великихъ мастеровъ,

то они зато усвоили себѣ то, что въ обществѣ имѣетъ обыкновенно гораздо больше значенія,— именно, они пріобрѣли привычки и умственное развитіе людей, видѣвшихъ свѣтъ. Въ каждомъ городѣ можно было найти сотни людей, которые видѣли Антіохію и Александрію, участвовали въ азіатскихъ походахъ или испытали на себѣ тягость рабства въ Карѳагенѣ и вернулись съ гораздо болѣе широкимъ опытомъ, чѣмъ какой могъ выпасть на долю аѳинянина вѣка Перикла. «Хвастливый воинъ», появившійся въ позднѣйшихъ комедіяхъ, былъ далеко не единственнымъ типомъ, который создали войны того времени: для многихъ служба должна была дѣйствительно имѣть образовательное значеніе. Итакъ цивилизованный грекъ этой позднѣйшей эпохи отличался отъ своихъ несравненно лучше воспитанныхъ и болѣе образованныхъ предковъ такъ же, какъ нашъ путешественникъ, офицеръ или морякъ отличается отъ образованнаго человѣка, обладающаго гораздо большими свѣдѣніями, но никогда не покидавшаго своего провинціальнаго города. Первый по своимъ знаніямъ и пониманію теоретическихъ вопросовъ стоитъ гораздо ниже послѣдняго, но онъ гораздо пріятнѣе въ обществѣ, имѣетъ манеры и тактъ, такъ какъ онъ свѣтскій человѣкъ, и его жизненный опытъ восполняетъ въ немъ отсутствіе строгой умственной школы.

Впрочемъ, успѣхи новаго общества не сводились къ одной внѣшности. Нельзя не уважать общества, которое бросило Новую Комедію и предпочло ей лекціи философовъ. При этомъ однако мы не можемъ не видѣть и такихъ признаковъ упадка, которые несомнѣнно мало-по-малу привели бы къ

какой-нибудь крупной перемѣнѣ, если бы даже и не случилось римскаго завоеванія. Постоянныя политическія возмущенія, которыя улаживались не иначе, какъ при помощи вооруженной силы, присланной извнѣ какою-нибудь болѣе сильной державой; неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, въ результатѣ котораго явился раздраженный и опасный пролетаріатъ, и—что хуже всего—быстрая убыль народонаселенія въ Греціи и Македоніи,—служатъ явными и прискорбными доказательствами этого упадка. Наоборотъ, Малая Азія, давно оставившая всякое помышленіе о какой-нибудь свободѣ, кромѣ свободы въ области внутренняго городского самоуправленія и городской полиціи, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, была богата и полна энергіи.

Впрочемъ, то что могло бы случиться, не имѣетъ для насъ значенія; на дѣлѣ случилось ужасное и разрушительное завоеваніе.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНѢЙШИХЪ ТЕРМИНОВЪ.

(Цыфры обозначаютъ страницы въ текстѣ).

1. Автократъ—самодержецъ (121).
Apologia pro vita sua – рѣчь въ собственную защиту (500).
Bene vixit qui bene latuit—хорошо прожилъ тотъ, кто сумѣлъ быть незамѣченнымъ (210).
Діадохи — непосредственные преемники Александра Македонскаго.
Гіератическій—употребляемый только для религіозныхъ цѣлей. (181).
5. Катабатъ—сшедшій съ колесницы (88).
Квадрирема—корабль съ четырьмя ярусами гребцовъ.
Mise en scène - обстановка піесы (71).
Μόθακες и τρόφιμοι – спартанцы, происходившіе не отъ чистыхъ спартіатовъ, но получившіе спартанское воспитаніе (418).
Некрополь—городъ мертвыхъ, кладбище (191).
10. Ne sutor supra crepidam—башмачникъ пусть судитъ не выше сапога.
Опистодомъ—задняя часть храма (89).
Peripatos—мѣсто для прогулокъ (148).
Политіи (Аристотеля)—сочиненія Аристотеля о политическомъ устройствѣ отдѣльныхъ греческихъ государствъ (137).
Портикъ—крытый ходъ съ колоннами.
15. Протагонистъ—главный актеръ, играющій первую роль въ греческой трагедіи или комедіи (425).
Рондъ—дозоръ, ночной осмотръ (314).
Трирема—корабль съ тремя ярусами гребцовъ.

Фаланга (македонская) — боевая колонна тяжеловооруженной пѣхоты (28).

Флибустьеры—морскіе разбойники.

20. Хиліархъ—начальникъ тысячи солдатъ.

Хлэна—зимній плащъ.

Элевзинскія таинства — мистическіе обряды въ честь богини Деметры.

Энигматистъ—сочинитель загадокъ (161).

Эпигоны—преемники діадоховъ.

25. Ѳеогонія—родословная боговъ (20).

Ѳирсъ—жезлъ Вакха — обвитый плющемъ и виноградными листьями, верхній конецъ котораго представляетъ собою сосновую шишку.

Θίασος—религіозное общество (147).

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
61	8 вн.	теткой	матерью
87	19	между Ламійской войной и битвой при Кранонѣ	,послѣ ламійской войны и битвы при Кранонѣ
88	10	Катебату	Катабату
90	3	священнымъ	благочестивымъ
122	9 вн.	отмѣчается	отличается
129	6	созданіе	созданія
—	7	имѣло	имѣли
183	11 вн.	Птоломея личности	личности Птоломея
192	въ заголовкѣ	Антіохѣ	Антіохія
268	1	милліарда—	десяти милліоновъ—
291	3	400	4000
335	10 вн.	повденіи	поведеніи
347	8	условіе	условія
428	8	описанный	упомянутый
434	въ заголовкѣ	a	and
442	12	Единственымъ	Единственнымъ

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, домъ Рихтеръ, кв. № 3.

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ

НА II-Й ГОДЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КУРСА,

Цѣна **40** к., съ перес.—**56** к., наложеннымъ платежомъ—**75** к.

ПРОГРАММА I ГОДА.—Ц. 25 к., съ перес.—35 к., наложеннымъ платежомъ—50 коп.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ Комиссіи: а) обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; b) представляя Комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные Комиссіей; с) представляя на просмотръ и оцѣнку Комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія (науки математическія, физико-химическія, біологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы)—по 3 рубля за годичный курсъ по каждому изъ этихъ семи отдѣловъ; при занятіяхъ по этнографіи и по каждой изъ отдѣльныхъ темъ—по 1 руб. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напр., химію, педагогику, русскую исторію и т. п.), платятъ какъ за руководство по отдѣльной темѣ (т. е. 1 р.). Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, при чемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записки въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Читатели имѣютъ право получать письменные отвѣты на свои обращенія къ Комиссіи, по возможности, не позднѣе двухъ недѣль. **На каждый отвѣтъ должна быть прилагаема почтовая марка;** въ противномъ случаѣ Комиссія не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса, съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, b) какое и гдѣ получили образованіе, с) общественное положеніе, d) главное занятіе, е) знаютъ ли иностранные языки и какіе.

5) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по пріобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

а) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку.* При покупкѣ

книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ—не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами.

b) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по миновапіи надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ *номинальной цѣны* за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ принимается обратно за 95 коп., по истеченіи 2 мѣс.—за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

c) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ—20—25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. Обратно принимаются только переплетенныя книги.

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1-го и 15-го чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. **Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.** Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

6) Лица, записавшіяся на руководство Комиссіи, но въ продолженіе года со времени вступленія въ число читателей не выписывавшія книгъ или не дававшія никакихъ свѣдѣній о ходѣ своихъ занятій, считаются выбывшими изъ числа читателей.

7) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненій, провѣрки письменныхъ отвѣтовъ и т. п. Прочія же сношенія (запись въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаются **круглый годъ.**

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по пріобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія въ настоящее время находитъ возможнымъ для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея „программахъ“ книгъ на слѣдующихъ, временно установленныхъ, условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи, или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемыя Комиссіей книги считаются купленными поименно извѣстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ возвратить задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, 24% годовыхъ на общую номинальную стоимость забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія воспользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользованія ими, произвести окончательный расчетъ съ Комиссіей, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

1967

Bayerische
Staatsbibliothek
München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Istorija Grecii so vremeni Peloponnesskoj vojny

Bd.: 2

1896

Var. 693 v-2,2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11824360-9